

МАЙКЛ

КОННЕЛЛИ

Длинная цепь
преступлений...
Смертельно опасное
расследование!

ЧЕРНЫЙ
ЛЕД

The International Bestseller

Десять престижнейших международных премий в области остросюжетной литературы...

Супербестселлеры, переведенные на 24 языка. Серия романов о Гарри Босхе, изданных тиражом 7 миллионов экземпляров.

Сенсационные триллеры «Луна без курса», «Поэт», «Теснина».

Это — Майкл Коннелли. Звезда детектива и триллера. Писатель, которого критики ставят в один ряд с Джоном Гришэмом и Джеймсом Паттерсоном!

В рождественскую ночь в номере дешевого мотеля обнаружен труп сержанта Мура, возглавлявшего отдел по борьбе с наркотиками полицейского управления Лос-Анджелеса.

Все улики, найденные на месте преступления, указывают на то, что произошло самоубийство.

Но опытный детектив Гарри Босх, которому поручено расследование обстоятельств гибели Мура, уверен — сержант умер насильственной смертью.

И его убийство — лишь звено в длинной цепи преступлений, тянущейся от Голливудского бульвара Лос-Анджелеса к бандам, контролирующим провоз наркотиков через мексиканскую границу...

Потрясающий воображение триллер, созданный РУКОЙ МАСТЕРА!

«Publishers Weekly»

Майкл Коннелли возносит жанр полицейского триллера на головокружительную высоту!

«Kirkus Review»

The International Bestseller

МАЙКЛ

КОННЕЛЛИ

ЧЕРНЫЙ ЛЕД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА
2006

**MICHAEL
CONNELLY**

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия «The International Bestseller» основана в 2005 году

Michael Connelly
THE BLACK ICE

Перевод с английского В.А. Гришечкина

Оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Philip G. Spitzer и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 15.05.2006. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 24. Тираж 6000 экз. Заказ № 3071

Коннелли, М.

К64 Черный лед : [роман] / Майкл Коннелли; пер. с англ. В.А. Гришечкина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 382, [2] с. — (The International Bestseller).

ISBN 5-17-037742-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2977-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9762-0254-3 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

В рождественскую ночь в номере дешевого мотеля обнаружен труп сержанта Мура, возглавлявшего отдел по борьбе с наркотиками полицейского управления Лос-Анджелеса.

Все улики, найденные на месте преступления, указывают на то, что произошло самоубийство.

Но опытный детектив Гарри Босх, которому поручено расследование обстоятельств гибели Мура, уверен — сержант умер насильственной смертью.

И его убийство — лишь звено в длинной цепи преступлений, тянувшейся от Голливудского бульвара Лос-Анджелеса к бандам, контролирующим провоз наркотиков через мексиканскую границу...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Hieronymus, Inc., 1999
© Перевод. В.А. Гришечкин, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Посвящается Линде Маккалеб Коннелли

Глава 1

ым, поднимавшийся над дорогой Кауэнга-пасс, рассеивался под натиском холодного ветра, который дул ему навстречу. С того места, откуда наблюдал за пожаром Гарри Босх, дым напоминал серую наковальню, возвышающуюся над ущельем. Клонящееся к закату солнце придавало серым клубам дыма розоватый оттенок, но только наверху; у основания они были густо-черными. Где-то там, внизу, проходила полоса огня, который, пожирая кустарник на восточном склоне, быстро устремлялся к вершине холма.

Переключив сканер на волну, выделенную специально для муниципальных служб округа Лос-Анджелес, Босх прислушивался к радиопереговорам батальона пожарных. Они сообщали своему командованию, что огонь полностью уничтожил девять домов на одной улице и подбирается к следующей. В голосах пожарных звучало отчаяние: пожар быстро распространялся и, расправившись с населенными районами, двигался к холмам Гриффитс-парка, где бушевал бы несколько часов, пока его не локализовали.

На горизонте появилось звено пожарных вертолетов, издали похожих на стрекоз. Лавируя между столбами дыма, они сбрасывали на пылающие деревья и дома тонны воды, смешанной с оранжевым противопожарным реактивом, и разворачивались для следующего захода. Увидев их маневры, Босх подумал о Вьетнаме, где боевые машины по нескольку раз обрабатывали одно и то же место в джунглях, не давая противнику ни малейшего шанса опомниться. Более всего походил на это надрывной, с присвистом, стрекот перегруженных двигателей «вертушек». Сквозь дым массы

воды опрокидывались на горящие крыши, и над ними тут же вздымался плотный белый пар.

Босх отвернулся и посмотрел вниз, в заросли сухих кустов, которые покрывали подножие холма и доходили до самых опор, поддерживавших его дом на западном краю обрыва. Среди веток чаппареля белели редкие маргаритки и скромные полевые цветы, но, сколько ни вглядывался Босх, ему никак не удавалось разглядеть сероватую спину койота; он впервые заметил его внизу несколько недель назад, когда зверь охотился, затаившись в буреломе. С тех пор Босх время от времени сбрасывал вниз кусочки цыпленка, но осторожный койот так ни разу и не приблизился к угощению. Только после того как Гарри уходил с веранды, койот выползал из кустов, чтобы принять подношение, и Босх окрестил его Тимидо*. Впрочем, иногда по ночам он слышал вой Тимидо; эхо разносило его голос над дорогой, ведущей к перевалу.

Когда он снова повернулся к пожару, оттуда донесся громкий взрыв, и Босх увидел плотное черное облако, которое, словно воздушный шар, рванулось снизу к плоской вершине дымной наковальни. Вслед за этим из динамиков сканера донесся взволнованный гул сразу нескольких голосов, и Босх с трудом разобрал доклад командира пожарного батальона. Тот извещал начальство, что в чьем-то сарае взорвался приготовленный для барбекю баллон с пропаном.

Проследив за тем, как черный дым постепенно тает на сером фоне, Гарри снова переключил сканер на оперативную частоту ПУЛА — полицейского управления Лос-Анджелеса. В свое рождественское дежурство Босх обязан был постоянно быть на приеме. Впрочем, не услышав через полминуты ничего, кроме рутинных радиопереговоров патрульных, он решил, что нынешнее Рождество в Голливуде выдалось на редкость спокойным.

Посмотрев на часы, Босх вернулся в дом, прихватив с собой радиосканер. Открыв духовку, он переложил свой рождественский ужин — жареную цыплячью грудку — с противня на тарелку, потом снял крышку с горшочка, в котором томился распаренный рис с бобами. Положив рядом с цыпленком из-

* От исп. *timido* — робкий, пугливый. — *Здесь и далее примеч. пер.*

рядную порцию риса, Босх перенес тарелку в гостиную, где на столе его ждали бокал красного вина и три рождественские открытки, пришедшие по почте в начале недели. Босх, однако, не торопился вскрывать их. Проигрыватель компакт-дисков он заранее зарядил колтрановским «Блюзом подземки» и теперь предвкушал удовольствие долгого рождественского вечера.

За едой Босх все-таки вскрыл конверты и теперь размышлял об их отправителях. Для него, встретившего в одиночестве не одно Рождество, этот ритуал стал уже привычным, но он об этом почти не думал. Босх любил быть один.

Первое письмо пришло от бывшего партнера. Тот, получив свою долю гонорара за книгу и за фильм, снятый об их приключении, вышел в отставку и переехал в Энсенаду. В письме не было ничего нового. Как обычно, Андерсон писал об одном: «Гарри, когда ты приедешь?»

Вторая открытка также была из Мексики — от следопыта, с которым Босх провел прошлым летом шесть недель, отдыхая, совершенствуя испанский и рыбача в заливе Сан-Фелипе. Тогда ему необходимо было отдохнуть и набраться сил после ранения в плечо. Благодаря солнцу и морскому воздуху он выздоровел довольно быстро. Впрочем, и Джордж Баррера не проявил изобретательности: в своем коротеньком послании, написанном по-испански, он тоже звал Босха вернуться.

Последнюю открытку Босх вскрывал медленно и аккуратно, поскольку понял, от кого она, еще до того, как увидел подпись. Судя по почтовому штемпелю, конверт с открыткой был послан из Техачапи, и отгадать, кто автор сего послания, не составляло для Босха труда. Сама открытка со слегка смазанным рождественским сюжетом была отпечатана вручную на отбеленной бумаге, вышедшей из тюремного измельчителя отходов и пущенной в дело по второму разу. Ее написала женщина, с которой Босх провел только одну ночь, хотя думал о ней в последнее время гораздо чаще, чем следовало. Она тоже просила Гарри приехать к ней на свидание, однако оба отлично знали, что вряд ли это когда-нибудь случится.

Босх отпил небольшой глоток вина и с удовольствием закурил. Колтран как раз дошел до «Спиричуэл», записанной с живого концерта в нью-йоркском «Виллидж-Вэнгурде» еще во

времена детства Гарри. И тут его внимание привлек радиосканер, негромко бормотавший что-то на столике рядом с телевизором. Большая часть жизни Босха прошла под болтовню этих устройств, и он научился не замечать назойливого фона, полностью сосредоточившись на сочном звуке саксофона. Вместе с тем он не пропускал ни вызовов, ни переговоров по кодовой таблице, внезапно выбивавшихся за рамки обычной скучной рутины. Вот и сейчас Босх разобрал, как чей-то голос произнес: «1K12, ответьте Штабу-2».

Босх поднялся и подошел к сканеру, словно надеясь, что от этого прибор заработает более четко. Он ждал ответа на вызов, но не услышал ничего ни через десять, ни через двадцать секунд.

«Здесь 1K12; нахожусь в мотеле «Убежище», район Уэстерн к юго-западу от Франклина, комната семь. Не забудьте противогаз, Штаб-2».

Босх ждал чего-то еще, но это было все. Уэстерн и бульвар Франклина находились в зоне ответственности голливудского полицейского участка. Позывной «1K12» принадлежал детективу из городского отдела по раскрытию грабежей и убийств, расположенного в Паркер-центре — полицейской штаб-квартире в деловом центре. Позывной «Штаб-2» принадлежал заместителю начальника полиции, но их было трое, поэтому Босх не знал, к кому из них относится такой порядковый номер. Впрочем, это не имело значения. Босха гораздо больше интересовало дело, ради которого одному из самых высокопоставленных офицеров городского управления пришлось выехать на место происшествия.

И еще один вопрос не давал ему покоя. Если ОРГУ уже работает над этим преступлением — что бы там ни произошло, — то почему о нем не известили в первую очередь его, дежурного детектива голливудского районного участка?

Босх прошел на кухню и, поставив в раковину грязную тарелку, набрал номер отделения в Уилкоксе и попросил оперативного дежурного. Ему ответил лейтенант Клейнман, которого Босх почти не знал — он недавно перевелся в Голливуд из Футхиллского участка.

— В чем дело? — спросил Гарри вместо приветствия. — По сканеру всю болтают о теле в Уэстерне, и никто не удосу-

жился позвонить мне. Это тем более любопытно, что именно сегодня я дежурю по вызовам.

— Не волнуйся, — отозвался Клейнман. — «Шляпы» подгребли все дело под себя.

Клейнман воспользовался выражением, которого Гарри не слышал уже несколько лет, а потому догадался, что лейтенант, должно быть, из старослужащих. Соломенные котелки детективы из городского отдела по расследованию грабежей и убийств носили в конце сороковых годов; в пятидесятых их сменили шляпы из мягкого серого фетра, после чего шляпы надолго вышли из моды. С тех пор сотрудники полиции, носившие на службе форму, прозвали детективов из ОРГУ «костюмами», а не «шляпами», что, впрочем, не относилось к следователям подотдела, занимавшимся только убийствами. Последние до сих пор считали себя высшим сословием и отчаянно задирали нос. Босху это претило даже тогда, когда он сам был одним из них. Теперь, работая в голливудском участке, Гарри находил на новом месте лишь одно преимущество: тот, кто копался в городском дерьме, никогда не выпендривался. Именно в участке была настоящая полицейская работа, простая и вполне обычная.

— А что стряслось? — осведомился Босх.

— В номере мотеля на бульваре Франклина обнаружили тело, — ответил Клейнман. — Похоже на самоубийство, но ОРГУ собирается заниматься им по своей линии. То есть фактически они уже взяли дело на себя и мы к нему никакого отношения не имеем. Это приказ с самого верха, Босх.

Гарри задумался. С чего бы городскому отделу по расследованию грабежей и убийств заниматься простым суицидом, да еще в рождественскую ночь? Он никак не мог взять этого в толк, и вдруг его осенило.

Калексико Мур!

— Сколько дней пролежал труп? — спросил он. — Я слышал, Штабу-2 посоветовали взять с собой маску.

— Довольно много. Даже голова сгнила как картошка. Впрочем, судя по тому, что я слышал на их частоте, никакой головы там вообще не осталось; похоже, покойник выпалил в себя дуплетом из дробовика.

Сканер Босха не брал частоту ОРГУ; именно поэтому он не слышал никаких переговоров по поводу обнаружения трупа. «Костюмы» перешли на доступную ему частоту только затем, чтобы сообщить адрес шоферу заместителя начальника полиции. Если бы не эта маленькая оплошность, Босх не узнал бы о случившемся по меньшей мере до завтрашнего утра, когда ему надлежало зайти в участок. Это рассердило его, однако Гарри не подал вида и старался, чтобы его голос звучал спокойно и ровно. Ему необходимо было вытянуть из Клейнмана все, что он знал.

— Это Мур, не так ли?

— Похоже, — отозвался словоохотливый лейтенант. — Они нашли на тумбочке его значок и бумажник с удостоверением личности. Но, как я уже заметил, труп опознать невозможно, так что ничего определенного сказать пока нельзя.

— И как все это произошло?

— Послушай, Босх, я вообще-то занят. К тому же тебя это не касается; делом занимается отдел по расследованию...

— Ошибаетесь, лейтенант, меня это как раз касается. Вам следовало позвонить мне в первую очередь, и меня весьма интересует, что там такого случилось, если вы решили действовать через мою голову.

— Ну хорошо, Босх, расскажу... Нам позвонил хозяин этой помойки и сообщил, что у него в мотеле, в ванной седьмого номера, лежит труп. Мы сразу послали туда патруль, который подтвердил сообщение, но патрульные звонили по телефону — не по радио, — поскольку нашли полицейский значок и удостоверение, указывающие, что это тело Мура. Или предположительно тело Мура. В общем, с этим разберутся потом. Короче, я сразу перезвонил домой капитану Група, он информировал заместителя начальника полиции, и все дальнейшие решения принимались уже на самом верху. Полагаю, именно замнач распорядился известить «шляп» и не подключать к этому делу тебя. Вот как все было, так что если у тебя есть претензии, то ты обратился не по адресу. Разбирайся с Група или с заместителем шефа. Я чист. — Босх молчал. Он по опыту знал, что стоит ему иногда промолчать, и человек, располагающий интересной информацией, в конце концов сам заполнит паузу. — Следствие больше не в на-

ших руках, — добавил Клейнман. — Черт побери, телевидение и «Таймс» уже на месте. И «Дейли ньюс» тоже. Они-то уверены, что это тело Мура, поэтому там черт знает что творится! Мне казалось, что пожар на холмах отвлечет внимание прессы, а нет! Их туда столько сбежалось, что мне теперь придется послать в мотель еще одну машину — сдерживать журналистов. Словом, Босх, радуйся, что тебя это не коснулось. Сегодня же Рождество!..

И все же разъяснения лейтенанта не успокоили Босха. Ему должны были позвонить в любом случае, и только он мог принять решение об участии ОРГУ в расследовании того или иного преступления. Теперь дело выглядело так, будто кто-то намеренно принял все меры, чтобы оставить его за бортом, и это не давало Гарри покоя.

Попрощавшись с лейтенантом, он закурил новую сигарету и, достав из ящичка над раковиной служебный револьвер, прицепил его к ремню своих голубых джинсов. Затем накинул на зеленый армейский свитер легкую светло-коричневую куртку спортивного покроя.

Уже стемнело, и сквозь полупрозрачное стекло двери Босх ясно видел полосу огня, пересекающую темное ущелье. Эта изогнутая линия напомнила ему дьявольскую ухмылку, медленно ползущую вверх, к гребню. Из темноты внизу донесся вой койота. Тимидо выл не то на луну, не то на огонь, не то жаловался кому-то, что остается в темноте один.

Глава 2

Спустившись с холмов, Босх оказался в Голливуде и, выбирая безлюдные улицы, добрался до Бульвара. На Бульваре не было ничего необычного. По тротуарам фланировали маленькие компании: постояльцы отелей, приезжие и беженцы, согнанные пожаром с насиженных мест. Там же важно прогуливались проститутки, и Гарри невольно фыркнул, завидев девицу в красном колпаке Санта-Клауса. Бизнес оставался бизнесом, и даже в рождественскую ночь на скамейках авто-

бусных остановок сидели изящно загримированные дамы, которые вовсе не ждали автобуса, во-первых, и не были женщинами — во-вторых. Гирлянды флажков и рождественских огней, натянутые поперек Бульвара над каждым перекрестком, соперничали с мигающими огнями неоновых реклам, придавая знакомым окрестностям вид неестественный и чуждый. Босх подумал, что перед праздником город стал похож на старую шлюху, которая нанесла на фасад слишком много косметики. Если, конечно, такое возможно в принципе...

Босх, однако, чувствовал себя подавленным вовсе не из-за того, что улицы по случаю праздника оделись в рождественский наряд. Он думал о Калексико Муре. Известия о его смерти Босх ждал уже целую неделю, с тех самых пор как Кэл не явился на общее построение. Как и большинство копов в голливудском участке, Гарри не сомневался, что Мур мертв. Вопрос заключался лишь в том, когда обнаружат его тело.

Сержант Калексико Мур возглавлял подразделение голливудского участка по борьбе с уличной торговлей наркотиками. На этой ночной работе группа Мура занималась только Бульваром. В участке было известно, что Кэл расстался с женой, с успехом заменив ее виски, — Босх узнал об этом одним из первых, когда однажды ему пришлось работать с Муром. Босх также понял: сержанта грызет что-то еще, кроме супружеских проблем и ранней профессиональной усталости. Однажды Мур вскользь упомянул о том, что отдел внутренних расследований копается в его личном деле, а это было достаточно неприятно само по себе.

Все, вместе взятое, несомненно, наложилось на обычную предрождественскую депрессию, поэтому, услышав о том, что полиция объявила розыск Мура, Босх сразу догадался — Кэл мертв.

Того же мнения придерживались в управлении все, хотя никто не говорил об этом во всеуслышание. Даже пресса не слишком неистовствовала, что особенно удивляло. Правда, поначалу полицейские власти рассчитывали повернуть это дело втихую и старались не поднимать шума. Началось все с негласного опроса обитателей Лос-Фелиса, где жил Мур; за сим последовало несколько вертолетных рейдов над близлежащими холмами Гриффитс-парка, но стоило только кому-то из теле-

репортеров пронюхать о случившемся, как газеты и телестанции мигом оседлали эту тему и начали с завидной регулярностью публиковать отчеты о розысках пропавшего копа. Фотографию Мура поместили на стенд объявлений в зале для пресс-конференций Паркер-центра, и представитель полицейского управления обратился к общественности со стандартной просьбой о помощи.

Из всего этого получился неплохой драматический спектакль или, на худой конец, сюжет для добротного видеорепортажа: конные рейды, поиски с вертолетов, представительный полицейский чин, держащий в руках фотографию смуглолицего сержанта с серьезными и умными глазами. Но никто так и не сказал ни слова о том, что полиция ищет не Калексико Мура, а его труп.

Босх притормозил у светофора и лениво следил за тем, как переходит улицу человек-бутерброд, втиснутый между двумя рекламными плакатами. Его семенящий шаг был неровным и быстрым, а колени каждый раз наподдавали по картонному щиту, так что он подлетал в воздух. На щит была наклеена фотография Марса, сделанная со спутника. Небольшой участок поверхности планеты, испещренный расплывчатыми пятнами и похожий на человеческое лицо, был обведен кружком, а огромная надпись чуть ниже гласила: «КАЙТЕСЬ! ЛИК ГОСПОДА ГЛЯДИТ НА НАС!» Ту же самую фотографию Босх видел на обложке малоформатной газеты, которую просматривал, стоя в очереди в универмаге «Лаки». В газете, впрочем, утверждалось, что лицо, сформированное на поверхности Марса какими-то линиями и тенями, принадлежит Элвису Пресли.

Зажегся зеленый свет, и Босх поехал дальше, продолжая думать о Муре. Кроме одного вечера, когда они выпивали в джаз-баре в районе Бульвара, Босх почти не общался с покойным сержантом. Год назад Босха перевели из ОРГУ, и большинство полицейских в голливудском участке отнюдь не спешили близко с ним познакомиться, хотя обменивались с Гарри нерешительными рукопожатиями и вежливо улыбались. Босха это ничуть не удивляло, поскольку его выкинули из отдела по расследованию грабежей и убийств с подачи отдела внутренних расследований, поэтому он не обижался на такое поведение новых

коллег. Мур, один из немногих, не совершал над собой никакого насилия и приветствовал Босха лишь коротким кивком, если им случалось столкнуться в коридорах или оказаться рядом на инструктаже. Возможно, причина была совсем в другом; отделение по расследованию убийств в детективном бюро, где трудился Босх, находилось на первом этаже, а БАНГ — именно такое название получила в связи с обстоятельствами группа Мура, что, впрочем, звучало гораздо лучше, чем нелепая «антинаркотическая группа с Бульвара», — на втором, благодаря чему Мур чувствовал себя вправе поглядывать на детектива чуть свысока. Однако один раз им все-таки пришлось сойтись коротко: Гарри встретился с сержантом, чтобы получить кое-какую информацию о деле, над которым работал, а Мур, воспользовавшись этим, выпил много пива и виски.

Звучное название БАНГ (и даже — иногда — БАНГ!), присвоенное группе Мура, очень нравившееся сотрудникам управления и не оставлявшее равнодушным ни одного журналиста, обозначало подразделение из пяти человек. Все они работали в тесной комнатенке, переделанной из кладовой. Эти копы обшаривали Голливудский бульвар по ночам и волокли в участок каждого, у кого в кармане находили сигарету с марихуаной. Подразделение БАНГ было статистическим, то есть создавалось с единственной целью — производить как можно больше арестов, чтобы обосновывать ими запросы об улучшении технического оснащения, об оптимизации штатной численности личного состава и — особенно — об увеличении ассигнований на оплату сверхурочных. То, что большинство из задержанных районный прокурор, как правило, выпускал на поруки, а остальных освобождал на месте, не имело никакого значения. Основной задачей группы оставалось наращивать количество арестов. Дело порой доходило до того, что если журналисты из «Таймс» или телевизионщики второго или четвертого каналов выказывали желание провести ночь в рейде вместе с подразделением БАНГ, им это охотно разрешали. Впрочем, подобные «статистические» подразделения имелись в каждом участке.

Возле Уэстерна Босх повернул на север и сразу увидел впереди желто-голубые мигалки патрульных машин и ослепительные, как молнии, вспышки фотокамер. В Голливуде подобной

иллюминацией сопровождался либо случай насильственной смерти, либо премьеры — «первая ночь» — нового фильма, но Босх знал, что в этой части города первая ночь бывает только у тринадцатилетних проституток.

Он подрулил к тротуару за полквартала до мотеля «Убежище» и закурил сигарету. Кое-что в Голливуде оставалось неизменным всегда, только называлось всякий раз по-другому. Мотель «Убежище» был грязным клоповником уже три десятка лет назад, когда еще носил название «Эль-Рио», и с тех пор не стал ничуть лучше. Босх никогда не ночевал именно в нем, но этого и не требовалось — достаточно было родиться и вырасти в Голливуде, чтобы знать все здешние значные места. В детстве Босх слишком часто останавливался с матерью, пока она еще была жива, в таких грязных мотелях.

Как и другие заведения этого пошиба, мотель представлял собой постройку сороковых годов со внутренним двориком, который днем затеняли ветви великолепного баньяна, росшего в самом его центре. Ночью все четырнадцать номеров погружались в непроглядную темноту; ее лишь слегка разгоняла красная неоновая вывеска. Гарри заметил, что в строке «ЦЕНА В СУТКИ» не горели буквы «В» и «Т».

Когда Гарри был мальчишкой, а «Убежище» называлось «Эль-Рио», этот район города уже медленно гнил, утопая в грязи; просто тогда здесь еще не было такого количества неоновых огней, а дома выглядели чуть свежее, что не относилось к людям. Босх помнил даже офис компании «Стримлайн модерн»; он походил на океанский лайнер со строгими линиями, бросивший якорь рядом с мотелем. С тех пор прошло много лет, корабль поднял паруса и ушел в неизвестном направлении, а на его месте образовался крошечный грязноватый скверик.

Глядя на мотель сквозь ветровое стекло своей машины, Босх подумал, какое это жалкое место. Оно не стоит даже того, чтобы оставаться здесь на ночлег, а уж тем более — умирать.

С этими мыслями он выбрался из машины и пошел пешком.

Желтую заградительную ленту, натянутую поперек входа во внутренний двор, охраняли несколько полицейских в форме.

Юпитеры освещали группу людей в костюмах, и один из них, чья чисто выбритая голова сверкала как бильярдный шар, отвечал на вопросы корреспондентов. Только подойдя ближе, Босх сообразил, что прожектора телевизионщиков ослепляют полицейских, поэтому они не видят, что происходит за спинами интервьюеров. Воспользовавшись этим, Босх быстро взмахнул своим значком перед носом одного из копов, расписался в ведомости присутствовавших на месте происшествия, которую тот держал в руках, и пролез под лентой в огороженное пространство.

Дверь в седьмой номер была распахнута настежь, и из комнаты лились потоки яркого света. Оттуда же доносился звук электрооргана, и Босх понял: обследование места преступления занимается Арт Донован, техник-криминалист, известный тем, что постоянно таскал с собой портативный радиоприемник. Приемник был всегда настроен на «Волну» — музыкальный канал, передававший современные мелодии. Донован утверждал, что музыка успокаивает его и помогает сосредоточиться на осмотре мест, где люди убивали или были убиты.

Босх вошел в дверь, прижимая ко рту и к носу сложенный вдвое носовой платок, но эта предосторожность ничего не дала. Едва он переступил порог, как на него хлынуло такое зловоние, какого Босх, пожалуй, еще никогда не ощущал. Донован стоял на коленях возле кондиционера и аккуратно напылял специальную пудру для взятия отпечатков пальцев на его рукоятки. Кондиционер был вмонтирован в стену чуть ниже единственного в комнате окна.

— Привет, — пробормотал Донован. Малярная маска предохраняла его от запаха и от случайного вдыхания спецпорошка. — Тело в ванной...

Босх, однако, не спешил и внимательно огляделся по сторонам; он не сомневался, что «костюмы», заметив его, сразу же попытаются выдворить из мотеля. Широкая кровать была застелена выцветшим розовым покрывалом, на сиденье единственного стула лежала сложенная газета. Подойдя ближе, Босх увидел, что это «Лос-Анджелес таймс» шестидневной давности. С другой стороны, в изголовье кровати, высился странный гибрид бюро и трельяжа, на столешнице которого стояла пепельница с одним окурком, докуренным до половины и раз-

давленным. Рядом с пепельницей лежали «смит-вессон» тридцать восьмого калибра в нейлоновой наплечной кобуре, кожаный бумажник и футляр для полицейского значка. Все три предмета уже посыпали черной пудрой для снятия отпечатков пальцев. Прощальной записки на бюро Босх не увидел, хотя, на его взгляд, это было самое подходящее для нее место.

— Где же записка? — негромко спросил Босх, обращаясь скорее к самому себе, нежели к Donovanу. Криминалист тем не менее откликнулся.

— Нету, — сказал он. — Ни здесь, ни в ванной. Можешь, кстати, туда заглянуть, если, конечно, не опасаясь продемонстрировать свой рождественский ужин.

Босх бросил взгляд вдоль короткого коридора, который начинался слева от кровати и вел в глубь здания. Дверь в ванную располагалась справа, и Гарри направился туда — впрочем, без особой охоты. Он слишком хорошо знал: нет ни одного копа, хотя бы раз в жизни не помышлявшего наложить на себя руки.

На пороге ванной комнаты Босх остановился. Покойник сидел на полу, на грязно-белой каменной плитке, и опирался спиной о ванну. В глаза Гарри сразу бросилась обувь — серые ковбойские сапожки с короткими и толстыми, скошенными вперед каблуками «бульдог» и приподнятыми носками. Он помнил их еще по тому вечеру, когда они с Муром напивались в джаз-баре. Один сапог был все еще на ноге трупа, и Босх рассмотрел эмблему фирмы-производителя на стоптанном каучуковом каблуке — змейку, изогнутую в форме буквы «S». Второй сапог стоял рядом. На разутую ногу в носке уже надели прозрачный пластиковый пакет для хранения вещественных доказательств. Носок когда-то был белым, во всяком случае, Босху так показалось. Сейчас он выглядел серым, а нога мертвого — слегка раздувшейся.

Рядом с дверным косяком валялась на полу двустволка двадцатого калибра с горизонтально расположенными стволами. Нижняя часть приклада была выщерблена, а на плитке пола лежала деревянная щепка дюйма четыре длиной, которую Donovan или кто-то из детективов обвел голубым мелком.

Босх, однако, не долго размышлял над этими фактами. Он пытался запомнить всю картину, впитать в себя, чтобы потом

без труда вызвать ее в памяти. Бегло оглядев ванную, Гарри повернулся к телу.

На Муре были джинсы и байковая клетчатая рубашка. Восковая кожа на руках мертвеца, вытянутых по швам, посерела. Разложение зашло так далеко, что пальцы раздулись как сосиски, а предплечья стали огромными и мощными, словно у Папая, мультипликационного пожирателя шпина-та. На правой руке Босх заметил деформированную татуировку — ухмыляющуюся дьявольскую рожу с нимбом святого над головой.

Верхняя часть тела Мура грузно навалилась на бортик ванны, а голова запрокинулась назад так далеко, будто Кэл собирался мыть волосы перед смертью. Впрочем, Босх довольно быстро сообразил, что это ему только померещилось, ибо головы у трупа не было. Заряд из двух стволов двадцатого калибра разнес ее на куски. Бледно-голубая плитка у основания ванны была сплошь залита черной свернувшейся кровью; некоторые плитки треснули в тех местах, куда попали вылетевшие из ствола картечины.

Почувствовав, что кто-то стоит у него за спиной, Босх обернулся и встретился с суровым взглядом заместителя начальника полиции Ирвина Ирвинга. К удивлению Босха, Ирвинг не надел респиратор и не пытался защититься от запаха даже платком.

— Добрый вечер, шеф.

Ирвинг кивнул и спросил:

— А вы здесь зачем, детектив?

Босх увидел достаточно, чтобы в уме его сложилась картина происшедшего. Он отступил в сторону и, обогнув Ирвинга, пошел к выходу из номера. Ирвинг молча следовал за ним. Навстречу им попались два техника медэкспертизы в одинаковых голубых комбинезонах.

Выйдя из номера, Босх бросил носовой платок в урну, принесенную откуда-то полицейскими. Закуривая сигарету, он заметил в руках у Ирвинга картонную папку досье.

— Я услышал сообщение по сканеру, — ответил Босх, — и решил, что мне следует приехать, раз уж я сегодня дежурный детектив. Это мой район, и вызвать в общем-то следовало меня...

— Да, я в курсе. Но когда стало ясно, кому принадлежит труп, я передал дело ребятам из ОРГУ. Капитан Група связался со мной, и я принял такое решение.

— Значит, тело точно принадлежит Калексико Муру?

— Не совсем. — Ирвинг взмахнул картонной папкой. — Я прошелся по личному делу Мура и нашел его отпечатки. Уверен, это будет решающим фактором. Кроме того, личность можно установить и по зубам; в данном случае, однако, все зависит от того, насколько пригодно для идентификации то, что нам осталось. Все прочие обстоятельства указывают на то, что это именно Мур. Во-первых, номер был снят на имя Родриго Мойи, а этим псевдонимом Мур пользовался для оперативной работы. Во-вторых, позади мотеля стоит «мустанг», арендованный на то же имя. На мой взгляд, в настоящий момент нет почти никаких оснований сомневаться, что сержанта Мура мы нашли.

Босх кивнул. Ему приходилось иметь дело с Ирвингом и раньше, когда тот служил заместителем начальника отдела внутренних расследований. Теперь он стал заместителем начальника городского управления, одним из высших чинов полиции, и в его компетенцию входили не только внутренняя безопасность, но и оперативно-розыскная деятельность по делам, связанным с наркотиками, и детективные службы. Прикинув все это в уме, Босх на мгновение задумался, не благоразумнее ли промолчать, чем добиваться от Ирвинга ответа на вопрос, почему все-таки ему не позвонили.

— Мне обязаны были позвонить, — сказал Босх наконец. — Это дело должно было стать моим. У меня отняли дело прежде, чем я его получил.

— Ну вот что, детектив, — желчно заметил Ирвинг, — пока работа управления организована таким образом, что вести дела следователей назначаю я. Или вы не согласны? В любом случае вам не из-за чего так расстраиваться. Давайте считать, что я существенно упростил стандартную процедуру, поскольку случаями смерти полицейских должно заниматься ОРГУ. В конце концов, вам все равно пришлось бы передать дело им, так что я сэкономил и ваше и свое время. Кроме простой целесообразности, в моем решении нет никаких скрытых смыслов и мотивов, как бы вы ни искали их.

Мы нашли тело офицера полиции, и наш долг перед ним и перед его семьей состоит в том, чтобы закончить расследование обстоятельств его смерти — какими бы они ни были — быстро и профессионально.

Босх еще раз кивнул и огляделся. У самого входа в мотель, под вывеской «ЦЕНА... СУ...КИ», он заметил Шиэна, детектива ОРГУ. Тот допрашивал мужчину лет шестидесяти. Несмотря на прохладу, мужчина был в светлой майке. Во рту он держал раскисший окуроч сигары, и Босх догадался, что это управляющий мотелем.

— Вы что, были знакомы? — спросил Ирвинг, переходя на доверительный тон.

— С Муром? Нет, не очень... То есть отчасти да. Мы служили в одном участке, поэтому, разумеется, знали друг друга. Мур часто работал в ночную смену, к тому же нес службу главным образом на улице. Мы довольно редко встречались...

Босх так и не понял, с чего это ему вдруг взбрело в голову приукрасить действительность. Так или иначе, Гарри не хотелось, чтобы по его голосу Ирвинг понял, что детектив Босх лжет, и он поспешил сменить тему:

— Значит, это самоубийство? А репортерам вы сказали об этом?

— Я еще ничего никому не говорил, особенно репортерам, — с неожиданной жесткостью отрезал Ирвинг. — Я беседовал с ними, верно, однако о предполагаемой личности убитого не сообщил ничего и не сообщу до тех пор, пока наши догадки не подтвердятся официально. Мы с вами — в своем профессиональном кругу — можем говорить, что это действительно сержант Мур, с определенной степенью уверенности, но репортеры — дело другое. Они не дождутся от меня ни полслова, пока мы не проведем все положенные экспертизы и не расставим все точки над *i* в свидетельстве о смерти! — Словно желая придать вес своим словам, Ирвинг шлепнул себя по бедру картонной папкой. — Вот зачем я взял с собой его личное дело. Отпечатки пальцев попадут к экспертам вместе с телом, что намного ускорит дело. — Он обернулся к дверям злополучного седьмого номера. — Вы уже побывали внутри, детектив Босх? Расскажите, что вы там видели.

Гарри ненадолго задумался. Его интересовало, действительно ли случившееся небезразлично Ирвингу или заместитель начальника полиции давал подчиненному детективу почувствовать длину поводка, ограничивающего его свободу. Босх впервые столкнулся с Ирвингом вне рамок предпринятого отделом внутренних расследований дознания, в котором тот играл роль его противника.

Гарри решил попытать счастья.

— Все выглядит так, словно пострадавший сел на пол возле ванны, снял ботинок и нажал на спусковые крючки большим пальцем ноги... — Босх слегка пожал плечами. — Судя по тому, как сильно пострадала голова, это был выстрел в упор из обоих стволов. Под действием отдачи двустволка отлетела к порогу ванной комнаты и врезалась в косяк с такой силой, что от приклада откололся кусок. Мозги, естественно, полетели в противоположную сторону — в стену комнаты и в бортик ванны. Вывод напрашивается сам собой — типичный суицид.

— Вот как? — хмыкнул Ирвинг. — Стало быть, я могу сказать детективу Шиэну, что его мнение совпадает с вашим. Иными словами, достигнут такой же результат, как и в том случае, если бы вам позвонили первому. Никто не должен чувствовать себя в обиде.

— Не в этом дело, шеф.

— А в чем, Босх? В том, что вам не дают довести это дело до конца? Что в полицейском управлении не вы принимаете руководящие решения? Я начинаю терять терпение, детектив, а мне очень хотелось бы, чтобы ничего подобного со мной больше не случилось. Не вынуждайте меня...

Ирвинг стоял так близко, что Босх ощущал на лице его дыхание, отдававшее грушевой жевательной резинкой. Гарри казалось, будто он пригвожден к полу, и у него промелькнула мысль, что это, вероятно, сделано нарочно. Овладев собой, он отступил назад и спокойно сказал:

— Но Мур не оставил предсмертной записки.

— Да, пока мы не нашли ее. Как вы справедливо заметили, детектив, кое-что еще нужно проверить.

Босх задумался о том, что именно имел в виду Ирвинг. Кабинет Мура и его квартиру внимательно осмотрели сразу после

исчезновения сержанта. Обследовали и дом его бывшей жены. Что же еще он упустил? Может, Мур отправил свою прощальную записку по почте? Но в таком случае ее уже давно доставили бы.

— Когда это случилось? — спросил Босх.

— Если нам повезет, результаты вскрытия станут известны завтра утром, однако мне представляется, что Мур покончил с собой вскоре после того, как зарегистрировался в этом мотеле, то есть шесть дней назад. При первом допросе управляющий упомянул, что с тех пор ни разу не видел Мура выходящим из номера. Эти показания подтверждаются состоянием тела, комнаты и датой на газете.

Услышав, что результаты вскрытия станут известны завтра утром, Босх наострил уши. Обычно аутопсия занимала не менее трех дней, а для рождественских праздников даже этот срок казался невероятно коротким. Определенно Ирвинг нажал немало пружин и использовал все свое влияние, чтобы добиться такой завидной оперативности.

Ирвинг, похоже, угадал его мысли.

— Временно исполняющая обязанности руководителя лаборатории согласилась провести вскрытие завтра утром, — важно пояснил он. — Я объяснил ей, что любая задержка послужит для прессы сигналом к нездоровым измышлениям, поэтому, затягивая дело, мы поступим в высшей степени непорядочно по отношению к вдове и к полицейскому управлению. Медэкспертиза пошла нам навстречу. В конце концов, любой временно исполняющий обязанности стремится стать постоянным и знает цену сотрудничеству. — Босх промолчал. — Итак, завтра утром все будет ясно. Пока же повторю, что никто, включая управляющего, не видел сержанта Мура с тех пор, как он прописался в мотеле шесть дней назад. Если быть точным, Мур специально просил, чтобы его не беспокоили. Вот почему я думаю, что он застрелился вскоре после своего исчезновения.

— Тогда почему его не нашли раньше?

— Заплатив за месяц вперед, он потребовал, чтобы его ни в коем случае не тревожили. В таком месте, как это, не стоит рассчитывать на ежедневные визиты горничной, к тому же управляющий решил, что перед ним горький пьяница, который

либо пытается выйти из запоя, либо, напротив, вошел в штопор. Да только ему не приходится проявлять особую привередливость к клиентам. Плата за месяц вперед составила шестьсот долларов, поэтому он без разговоров взял деньги и сделал все так, как ему велели. Одному Богу известно, сколько бы времени это продолжалось, если бы жена управляющего не заметила, что «мустанг» — «машина мистера Мойи» — взломан. Это случилось прошлой ночью, и они решились поставить владельца в известность. Кроме того, их одолевало любопытство. Сначала управляющий и его жена постучали в дверь, но никто не откликнулся. Тогда они воспользовались универсальным ключом, а запах поведал им, что произошло, как только они открыли дверь...

Ирвинг упомянул также, что Мойя — Мур включил кондиционер на полную мощность, поставив его на максимальное охлаждение, чтобы замедлить разложение и удержать запах в пределах комнаты. С этой же целью под входную дверь он подткнул мокрые полотенца.

— И никто не слышал выстрела? — уточнил Босх.

— Мы, во всяком случае, никого не нашли. Жена управляющего почти глуха, а сам он утверждает, что ничего подозрительного не слышал. Впрочем, они действительно живут в самой дальней комнате, в другом крыле. Ближайшие к мотелю здания — склад и офис какой-то компании; и то и другое на ночь закрывается. Сразу за мотелем переулок, почти необитаемый. Можно, правда, поработать со списком жильцов и вычислить всех, кто снимал здесь комнаты в течение первых дней пребывания Мура, но управляющий божится, что номера по соседству он никому не сдавал. Наверное, боялся, что Мур начнет шуметь, если у него вдруг кончится пойло.

Кроме того, детектив Босх, в дневные часы это довольно оживленная улица, а автобусная остановка расположена прямо напротив мотеля. Весьма вероятно, что выстрела никто не слышал, а если и слышал, то не понял, что к чему.

— Чего я не понимаю, так это зачем он снял номер на месяц, — заметил Босх. — Почему? Если Мур собирался прикончить себя, то для чего ему понадобилось принимать особые меры, чтобы скрывать свою смерть как можно дольше? Почему

бы не застрелиться так, чтобы дать другим спокойно найти твое тело и поставить на этом точку?

— Это действительно непростой вопрос, — согласился Ирвинг. — Мне кажется, он заботился о своей жене. — Босх слегка приподнял брови. Он не постиг смысла этого изящного рассуждения. — Хотя они и расстались, — пояснил Ирвинг, — Мур, возможно, не хотел, чтобы все это свалилось на нее в праздники. Вот он и постарался задержать дурные новости хоть на пару недель или даже больше, если повезет.

Босх счел объяснение слишком искусственным, притянутым за уши, но в данный момент ничего лучшего предложить не мог. Между тем Ирвинг переменял тему, давая понять, что дальнейшее присутствие Босха на месте происшествия нежелательно.

— Как ваше плечо, детектив?

— Отлично.

— Я слышал, вы ездили выздоравливать в Мексику, а заодно совершенствовались свой испанский?

Босх не ответил. Пустой разговор не интересовал его. Больше всего ему хотелось сказать Ирвингу, что, несмотря на обилие вещественных доказательств и правдоподобных объяснений, собранных следствием, место происшествия ни в чем не убедило его. Однако почему ощущение неуверенности не покидало Босха, он и сам не понимал, а потому предпочел помалкивать.

Ирвинг между тем продолжал развивать свою мысль:

— Мне всегда казалось, что наши офицеры — я говорю, разумеется, не о тех, кто родился в испаноязычных семьях, — не прилагают должных усилий, чтобы овладеть вторым языком, самым распространенным в городе после английского. Мне хотелось бы, чтобы все управление...

— Нашли записку! — крикнул из номера Донован.

Ирвинг тут же отвернулся от Босха и, не проронив больше ни слова, вошел в номер. Шиэн в сопровождении еще одного «костюма», в котором Босх признал детектива ОВР Джона Частина, поспешил за шефом. Помедлив мгновение, Босх тоже вернулся в номер семь.

Один из техников медэкспертизы стоял в коридорчике возле двери ванной комнаты, остальные сгрудились вокруг него, и

Босх пожалел, что выбросил носовой платок. Не выпуская изо рта сигареты, он глубоко затянулся.

— Она была в правом заднем кармане, — пояснил медэксперт. — Бумага залита сукровицей, но разобрать, что там написано, можно. К счастью, записка сложена пополам, поэтому ее внутренняя поверхность почти не пострадала.

Ирвинг попятился из коридора, держа перед глазами пластиковый пакет с клочком бумаги внутри. Теперь уже вокруг него столпились детективы и техники, и только Босх благоразумно держался в стороне.

Бумага казалась такой же серой, как и кожа Мура. Босх различил на ней только одну строку, написанную синими чернилами, но тут Ирвинг повернулся к нему.

— Детектив Босх, что вы тут делаете?

Свои слова он сопровождал таким взглядом, словно увидел Гарри впервые в жизни, и Босх сразу прикусил язык, хотя мгновение назад чуть не спросил, что же сказано в записке. По лицу детектива Частина скользнула довольная ухмылка.

У желтой заградительной ленты Босх остановился, чтобы закурить еще одну сигарету. Услышав цокот высоких каблучков по асфальту, он повернулся и увидел стройную блондинку, в которой сразу узнал телеведущую «Канала-2». Журналистка спешила к нему с радиомикрофоном в руке и фальшивой улыбкой фотомодели. Отработанным движением она сунула свой микрофон Гарри под нос и уже открыла кукольный ротик, чтобы задать вопрос, но не успела. Перебив ее, Босх быстро произнес:

— Без комментариев. Я не занимаюсь этим делом.

— Не скажете ли хотя бы несколько слов о...

— Нет.

Улыбка мгновенно сползла с лица журналистки. Она сердито отвернулась, однако уже в следующий момент ее каблучки снова застучали по мостовой: сопровождаемая оператором с камерой на плече, ведущая бодро выдвигалась на передовую позицию, чтобы сделать крупный план для начала своего репортажа. Из дверей мотеля показались носилки с телом, и лампы-вспышки сверкали почти без перерыва. Шесть телеоператоров образовали живой коридор; сквозь него двигались два медэксперта, толкая перед собой тележку с накрытым просты-

ней трупом. Они устремились к голубому фургону труповозки, ожидавшему неподалеку. Позади Гарри заметил Ирвинга. Мужественно выпрямившись, тот шел в арьергарде процессии, впрочем — не так далеко, чтобы не попасть в поле зрения телекамер. Ведь любое появление в вечерних «Новостях» лучше, чем ничего, для человека, метящего на должность начальника полиции.

После торжественного выхода окрестности начали быстро пустеть. Репортеры, копы, операторы — все разъезжались по своим делам. Снова поднырнув под желтую ленту, Босх стал разыскивать Донована или Шиэна, но почти сразу наткнулся на Ирвинга.

— Вот что, детектив, — сказал шеф Босху. — Поразмыслив, я пришел к выводу, что вы тоже можете кое-что сделать. Детектив Шиэн должен пока остаться здесь, опечатать место происшествия и принять другие меры, чтобы не допускать посторонних. Мне же хотелось бы опередить прессу в том, что касается жены Мура. Не возьмете ли на себя труд уведомить ее о случившемся? Разумеется, ничего еще нельзя сказать определенно, но она должна быть более или менее в курсе дела.

Босх, весьма убедительно разыгрывавший негодование несколько минут назад, не посмел отказаться. Он так хотел участвовать в расследовании, что Ирвинг сжалился и бросил ему кость.

— Давайте адрес, — вздохнул Босх.

Через несколько минут, когда Ирвинг уехал, а патрульные начали сматывать желтую ленту, Босх увидел Донована. Тот медленно шел к своему фургону с дробовиком в руках. Ружье было завернуто в несколько пластиковых пакетов.

Поставив ногу на бампер труповозки, Босх сделал вид, будто завязывает шнурок, пока Арт засовывал ружье в картонную коробку из-под вина «Напа-Вэлли».

— Что тебе надо, Гарри? — спросил Арт. — Я ведь только сейчас сообразил, что тебе здесь быть не полагается, поскольку ты вроде не занимаешься этим делом...

— То было раньше, — возразил Босх. — Но теперь все изменилось. Меня только что включили в бригаду и поручили известить ближайших родственников.

— То еще порученьице...

— Приходится брать то, что дают. Кстати, что там говорилось?

— Где?

— В записке Мура.

— Послушай, Гарри, ты же понимаешь...

— Послушай, Донни, — в тон ему отозвался Босх, — Ирвинг только что поручил мне известить жену Мура. Неужели это не доказывает, что я не посторонний? Я хочу одного: узнать его последние слова. Я был знаком с ним, понимаешь? Дальше меня это не пойдет, даю слово.

Донован тяжело вздохнул и, сунув руку в коробку, начал ворошить пластиковые пакеты с вещественными доказательствами.

— Там написано совсем немного, — пробормотал он, — и ничего важного...

Он включил фонарик и направил его луч на пакет с запиской. Там действительно была только одна строчка:

«Теперь я знаю, кто я такой...»

Глава 3

Судя по адресу, который дал ему Ирвинг, дом жены Мура располагался в Каньон-кантри, примерно в часе езды к северу от Голливуда. Сначала Босх ехал на север по Голливудскому шоссе, потом свернул на магистраль «Золотой штат» и по ней добрался до темного ущелья, пересекающего горы Санта-Сузанна. Дорога в этот час не была перегружена; большинство потенциальных водителей сидели по домам, наслаждаясь жареной индейкой и напиваясь. Босх подумал о Калексико Муре, о том, что он сделал и что оставил после себя.

«Теперь я знаю, кто я такой...»

Босх не догадывался о том, что имел в виду умерший полицейский, когда нацарапал эту строчку на листке бумаги и засунул ее в задний карман. Казалось, только их встреча в том дымном кабаке могла бы привести Гарри на мысль, кто

такой Мур. Однако извлечь что-либо вразумительное из двух часов, проведенных вместе с этим циничным и мрачным типом, стремившимся поскорее напиться, не удавалось. Да и о том, что случилось с Кэлом потом, Босх не имел никакого представления. Между тем знать, как вышло, что защищавшая Мура броня дала трещину, наверняка было бы и важно, и поучительно.

Расслабившись за рулем, Гарри начал вспоминать свою встречу с Муром. С тех пор прошло несколько недель, да и настаивая на этом свидании, Босх преследовал чисто служебные цели. Каким-то образом, однако, получилось так, что все два часа они говорили в основном о делах и проблемах Кэла.

Встретились они во вторник вечером в баре «Каталина». Для Мура уже наступили служебные часы, но бар — по совместительству джаз-клуб — находился всего в полуквартале к югу от Бульвара. Босх ждал сержанта в дальнем конце стойки: для копов здесь всегда находилось укромное местечко. Мур, сев на табурет рядом, сразу заказал себе порцию виски и пиво — то же, что стояло перед Босхом.

Сержант был в джинсах и свободном спортивном свитере навыпуск, свисавшем много ниже пояса. Эту стандартную одежду полицейского-оперативника, работающего «в поле», Мур носил с привычной непринужденностью. Джинсы на бедрах вытерлись и из голубых стали серыми, засаленные рукава были закатаны, а из-под правого выглядывала татуировка на руке — дьявольская маска.

Одежда оборванца шла ему, не делая его отталкивающим, однако сегодня лицо Мура покрывала неряшливая трехдневная щетина, походка была неуверенной, а во всем его облике сквозила растерянность заложника, отпущенного террористами после долгого и мучительного плена. На фоне остальных завсегдаев «Каталины» Мур выглядел как мусорщик на свадьбе.

Когда он сел, Гарри заметил, что Мур зацепился каблуками своих ковбойских сапог за перекладыны табурета. Такие серые сапоги из змеиной кожи, со скошенными вперед каблуками

«бульдог» носят ковбои, выступающие на родео с лассо. Подобная форма каблучков помогает им крепче упираться в землю, чтобы смирить заарканенного бычка. Гарри знал также, что уличные копы называли эти каблучки кастетами, поскольку они выполняли те же функции, если полицейским приходилось приводить в чувство одуревшего от «пыльцы ангелов»* подозреваемого.

Сначала Гарри и Мур курили и перебрасывались незначительными фразами, пытаясь познакомиться поближе и установить, в каких границах должна протекать их дальнейшая беседа. Босх, помнится, даже заметил, что имя Калексико выдает смешанное происхождение его собеседника. Действительно, смуглая кожа, черные как смоль волосы, узкие бедра и широкие плечи резко контрастировали с цветом его глаз. Глаза Мура были словно у калифорнийского серфингиста, то есть зеленые, как антифриз. Вместе с тем в том, как Мур выговаривал слова, не было ни намека на мексиканский акцент.

— Насколько я помню, прямо напротив Мехикали есть такой приграничный город — Калексико, — сказал Босх. — Тебе не приходилось бывать там?

— Я там родился, — ответил Мур. — В честь этого городка меня и назвали.

— Жаль, что я там ни разу не был.

— Ты ничего не потерял. Это обычный пограничный городок, как две капли воды похожий на все остальные. Я до сих пор иногда езжу туда.

— У тебя там остался кто-то из родных?

— Нет. Больше нет. — Мур махнул рукой бармену, давая знак повторить, потом прикурил сигарету от своего окурка, который докурив до самого фильтра. — Ты, кажется, хотел о чем-то расспросить меня, — сказал он.

— Да, конечно. Я веду одно дело...

Подали новую порцию виски. Мур опрокинул свой бокал одним быстрым движением и заказал следующий еще до того, как бармен успел сделать отметку мелом на доске.

* «Пыльца ангелов» — жаргонное название наркотического вещества фенциклидина.

Босх стал выкладывать обстоятельства дела, расследование которого начал несколько недель назад. Несмотря на этот внушительный срок, ему так и не удалось добиться никакого прогресса. Тело тридцатилетнего Джеймса Каппалани из Оаху, Гавайи, чью личность установили по отпечаткам пальцев, было обнаружено под эстакадой в том месте, где Голливудское шоссе пересекало Гувер-стрит. Погибшего задушили куском стальной проволоки длиной восемнадцать дюймов. Деревянные рукоятки на ее концах предназначались, видимо, для того, кто собирался затянуть удавку на горле жертвы. Грязную работу проделали весьма умело, и лицо мертвеца приобрело синевато-серый оттенок свежей устрицы, что дало повод патологоанатомам прозвать Каппалани Голубым Гавайцем.

Поработав с компьютерами департамента юстиции и Национальной картотеки преступности, Босх скоро выяснил, что в миру погибший был больше известен под именем Джимми Каппса, а список его задержаний за торговлю наркотиками такой же длинный, как и проволока, оборвавшая его жизнь.

— Поэтому меня ничуть не удивило, что патологоанатом обнаружила в животе этого парня сорок два презерватива, — закончил Босх.

— Что в них было?

— Обычное гавайское дерьмо, называемое здесь «стеклом». Как мне сказали, это вариант знаменитого «льда», популярного несколько лет назад. Джимми Каппс оказался курьером — подрабатывал перевозкой «стекла» в желудке. Вполне возможно, он только что прилетел из Гонолулу и сразу же попал в руки какому-то сноровистому парню с проволокой. Что касается «стекла», то я слышал, будто это довольно дорогая штука, да и конкуренция среди продавцов весьма высока. Вот почему мне хотелось получше узнать всю кухню; может, тогда я набреду на какую-нибудь стоящую идею — кто убил этого парня и за что. Пока же у меня ничего нет, ни одной мало-мальски пригодной версии.

— Кто рассказывал тебе о «стекле»?

— Копы — специалисты по наркотикам из Центрального района. Признаться, их сведения мне почти ничем не помогли.

— Это потому, что на самом деле никто ничего не знает. Тебе рассказывали, что такое «черный лед»?

— Совсем мало. По их словам, это конкурирующий товар, который поступает из Мексики. Вот, собственно, и все.

Мур повернулся к бармену, который отошел к дальнему концу стойки, как будто демонстративно избегая их.

— Это относительно новая штука, — доверительно начал Мур. — Хотя фактически «черный лед» и «стекло» — одно и то же. Действуют они, во всяком случае, одинаково. «Стекло» попадает к нам с Гавайев, а «черный лед» — из Мексики. На официальном языке я назвал бы его наркотиком двадцать первого века, а случись мне рекламировать его, я объяснял бы, что это снадобье способно заменить все. Изготавливается «лед» из смеси героина, кокаина и «звездной пыли», в результате чего получается настоящий термомояд; он проберет кого угодно и удовлетворит любые желания. Кайф от него сильнее, чем от крэка, долгий, как от героина, причем счет идет не на минуты, а на часы. Напоследок в дело включается «пыль» — она дает наркоману истинное блаженство, и потом «лед» не променяешь ни на что на свете. Откровенно говоря, я человек не трусливый, но мне страшно даже подумать, что эта дрянь может появиться на улицах. Стоит торговцам дорваться до главного рынка, и «лед» уже ничем не остановишь. Когда по улицам будет бродить кучка зомби с дырками вместо мозгов, наступит новый ледниковый период.

Босх промолчал. То, что сказал Мур, он в основном знал, но перебивать вопросами разговарившегося сержанта не решился. Закурив сигарету, Гарри ждал продолжения.

— Все началось на Гавайях, в Оаху. Они там готовили «лед», просто «лед», как он тогда назывался. Эта смесь «пыли» и кокаина приносила отличный доход. Постепенно, однако, технология развивалась, и в букет стали добавлять героин, отличный белый героин азиатского производства. Конечный продукт назывался «стеклом». «Чистый как стекло» — вот как о нем говорили. Только в этом бизнесе нет никаких ограничений: им правят цена и доход... — Мур поднял вверх обе руки, чтобы подчеркнуть значение этих двух факторов. — Гавайцы производили отличную качественную штуку, но перед ними встала одна проблема: им было трудно доставлять свою продукцию на материк. С островов в Штаты можно попасть либо самолетом, либо на лодках, причем и то и другое не очень надежно. Конеч-

но, кое-что можно сделать, однако должной — или по крайней мере значительной — степени рентабельности перевозок добиться весьма трудно. В конце концов гавайцам пришлось остановиться на живых курьерах; те глотают эту дрянь и летят самолетом. Однако и этот способ не так прост, как кажется. Во-первых, каждый курьер может перевезти крайне ограниченное количество «стекла». Сколько резинок вы нашли в этом парне? Сорок две? Это примерно сто граммов, не так уж и много. Кроме того, Администрация по контролю за применением законов о наркотиках хватает курьеров в самолетах и аэропортах. Они специально ищут таких, как Каппс, которых называют гондоноглотателями, причем делают это довольно хорошо. Их аналитики даже составили список примет, заслуживающих особого внимания. Например, если человек обильно потеет, но губы у него остаются сухими — а таково главное побочное действие антидиаретиков, — значит, это клиент АКН, а гондоноглотатели пьют капектат, будто кока-колу. Это выдает их со всеми потрохами...

Все это я рассказываю к тому, что мексиканцам в этом отношении не в пример легче: им способствует география. У тамошних контрабандистов тоже, конечно, есть катера и самолеты, но у них есть еще и двухтысячемильная граница, которой, считай, просто не существует, если рассматривать ее с точки зрения труднопреодолимости. Говорят, федеральные пограничные власти задерживают едва ли один фунт кокаина из десяти, которые проносят мимо них. Что же касается «черного льда», то на границе не удастся задержать вообще ни унции. Я, например, еще ни разу не слышал, чтобы кто-то засыпался на мексиканской границе со «льдом»... — Мур ненадолго замолчал, закуривая. Пока он держал спичку, Босх заметил, как сильно дрожат его пальцы. — Мексиканцы украли рецепт изготовления этой смеси, — продолжил Кэл, глубоко затянувшись и выпустив изо рта клуб дыма. — После этого они начали воспроизводить «стекло» у себя, однако в своей кухне использовали доморощенный, бурый героин, вовсе не стараясь очистить конечный продукт от смол. Ну, знаешь, от всякой дряни, скапливающейся на дне перегонного куба. Из-за большого количества посторонних примесей мексиканское «стекло» получилось очень тем-

ным — вот почему его прозвали «черным льдом». Самое главное, однако, заключается в том, что себестоимость «черного льда» гораздо ниже, транспортировка его тоже стоит ничтожно мало, да и масштабы ее значительно шире. Мексиканцы и продают свою стряпню куда дешевле, а это в торговле, сам понимаешь, не последнее дело. Иными словами, они почти вышибли гавайцев с рынка, а ведь это было их, гавайское изобретение.

Судя по интонации, Мур собирался на этом закончить, и Босх быстро задал ему свой первый за вечер вопрос:

— Может, это мексиканцы организовали охоту за гавайскими курьерами, чтобы побыстрее расчистить рынок? Ты не слышал об этом?

— Нет, пока не слышал. Не забывай, что хотя мексиканцы и производят «дурь», но они не обязаны сами продавать ее на улицах. Прежде чем товар попадает непосредственно к продавцам, он несколько раз переходит из рук в руки.

— Но мексиканцы тем не менее должны всем этим руководить?

— Верно. Вот это — верно.

— Так кто же прихлопнул Джимми Каппса?

— Помилуй, Босх, я впервые услышал о нем от тебя.

— Твоя группа еще не арестовывала распространителей «черного льда»? Не брала их за шиворот и не трясла как следует?

— Ну, несколько человек через нас прошло, но все это мелкая рыбешка, все стоят на самых нижних ступенях этой длинной-длинной лестницы. Разумеется, все они — белые, как и большинство торговцев кокаином на Бульваре. Белым легче заниматься этим бизнесом, однако из этого совсем не следует, что товар им поставляют не мексиканцы. Это также не означает, что «дурь» поступает к ним не от банд из Саут-Сентрал, поэтому произведенные нами аресты вряд ли будут тебе чем-нибудь полезны.

Отвлечшись от своего рассказа, Мур стукнул пустой пивной кружкой по стойке, пытаясь привлечь внимание бармена. Когда тот подошел, Мур велел повторить заказ. Пьянеющий сержант понемногу погружался в состояние мрачной отчужденности, а Босх еще не получил от него никакой помощи.

— Мне нужно продвинуться в этом деле, — проговорил он. — Не сможешь ли хоть чем-нибудь? Мое дело тянется уже три недели, а я никак не сдвинулся с мертвой точки. Я должен либо раскрыть его, либо признать свою несостоятельность.

Мур смотрел на бутылки, выстроившиеся на полках в глубине бара.

— Я подумаю, может, что и выйдет, — пообещал он наконец. — Только не забывай, что мы не тратим время на «черный лед». Наша специальность — марафет, «звездная пыль», изредка — марихуана. Именно этим мы и занимаемся ночи напролет. Никакой экзотики, Босх; нас держат для улучшения отчетности, не более того. На твоё счастье, у меня есть знакомый в АКН. С ним я и потолкую...

Босх взглянул на часы. Было около полуночи, и ему хотелось встать и уйти. Он посмотрел на Мура: тот закуривал очередную сигарету, хотя предыдущая дымилась рядом с ним в переполненной пепельнице. На стойке перед Босхом стояла порция виски и почти нетронутое пиво, однако он поднялся и пошарил в карманах в поисках мелких денег.

— Спасибо, — сказал он Муру. — Дай знать, если появится что-нибудь интересное.

— Конечно, — машинально откликнулся Мур и неожиданно воскликнул: — Эй, Босх!.. Я кое-что слышал о тебе... ну, из того, что болтали у нас в участке. Ты как будто работал раньше в Паркер-центре, в этом заповеднике «костюмов»... Скажи, тебе не приходилось сталкиваться с одним деятелем из ОВР по фамилии Частин?

Босх задумался, припоминая. Джон Частин считался одним из лучших детективов в отделе внутренних расследований, где все рассмотренные жалобы неофициально классифицировались как «поддержанные», «недоказанные» и «необоснованные». Те, что попадали к Частину, непременно оказывались «поддержанными».

— Я слышал о нем, — осторожно ответил Босх. — У него третий класс, и он вроде бы возглавляет одну из секций.

— Да знаю я, что у него третий класс! — раздраженно отозвался Мур. — Об этом каждая собака знает. Я не то хотел спро-

сечь... Скажи, он не один из тех, кто охотился за твоей шкурой, чтобы сделать из нее коврик для ботинок?

— Нет. Каждый раз это оказывался кто-нибудь другой.

Мур кивнул и, протянув руку, взял со стойки бокал с виски, стоявший перед Босхом, и осушил его.

— Судя по тому, что ты слышал о нем... Можно ли сказать, что Частин хорошо справляется со своим делом? Или это просто еще один «костюм», у которого от сидения на стуле лоснится задница?

— Это зависит от того, что понимать под словом «хорошо». Впрочем, не думаю, что кто-то из них действительно хороший детектив — на такой работе хороших детективов не держат, — но стоит дать ОВР шанс, и любой из тех ребят сожрет тебя с потрохами и не подавится.

Босха так и подмывало спросить Кэла, в чем, собственно, дело, но ему совсем не хотелось снова ввязываться во что-то, связанное с ОВР. Мур молчал, давая ему возможность поразмыслить, и Гарри в конце концов решил держаться от всего этого подальше.

— Если они возьмут тебя в серьезный оборот, — предупредил он, — ты ничего не сможешь сделать. Лучше сразу позвонить в профсоюз, выбрать адвоката и полностью положиться на него. Пусть «костюмы» сами докапываются до всего, что им нужно; не говори им того, чего не должен говорить.

Мур кивнул. Гарри положил на стойку двадцатидолларовую банкноту, надеясь, что ее хватит и на оплату счета, и на чаевые для бармена. И вышел.

С тех пор он больше никогда не видел Мура.

Свернув на магистраль Антилопа-Вэлли, Босх поехал на северо-восток. На эстакаде Санд-Каньон он бросил взгляд на пробегавшее внизу шоссе и увидел мчащийся на юг белый фургон телевизионщиков с цифрой 9 на борту. Это означало, что к тому времени, когда Босх доберется до места, жену Мура скорее всего уже обо всем известят. Подумав об этом, Гарри испытал легкое чувство вины, смешанное с облегчением. Слава Богу, не ему первому придется сообщить вдове страшные новости.

Внезапно он сообразил, что не знает, как зовут жену Мура. Ирвинг дал ему только адрес, полагая, что все прочее Босху известно, но Гарри никак не удавалось вспомнить имя женщины. Сворачивая с магистрали на шоссе Сьерра, он все еще перебирал в памяти газетные статьи о поисках пропавшего копа, прочитанные на прошлой неделе. В них имя вдовы — тогда еще жены — упоминалось не раз.

Тщетно! Босх припомнил только, что супруга сержанта Мура преподавала английский как будто в одном из колледжей Долины. Детей у них не было — это Босх знал из газет, как и то, что вот уже несколько месяцев Мур с женой не жил, хотя до официального развода дело еще не дошло. И только имя, ее имя по-прежнему ускользало от него.

Свернув на Дель-Прадо, Босх поехал медленнее, на ходу всматриваясь в номера домов, написанные краской на бордюрном камне тротуаров. Наконец он нашел то, что искал, и затормозил напротив дома, когда-то принадлежавшего Калексико Муру.

Здание выглядело довольно заурядным. Такие стандартные коттеджи в стиле ранчо штампуют десятками и сотнями для застройки прилегающих к шоссе районов. Судя по размерам коттеджа, Босх предположил, что в нем не менее четырех спален. При этом он подумал, что для бездетной пары такой выбор дома довольно странен. Возможно, впрочем, в молодости чета Мур планировала обзавестись детишками.

Фонарь над парадной дверью не горел. Никого здесь не ждали и никому не были рады. В неверном свете луны Босх заметил запущенную лужайку перед домом — косилка не проходила по ней уже давно. Особенно высокая трава окружала белый столб с табличкой: «Недвижимость Ритенбоу. Продается». Он стоял рядом с дорожкой.

На подъездном пути Гарри не увидел машины, дверь гаража была заперта, а темные окна казались пустыми и вызывали настороженность. Тусклый электрический свет едва пробивался лишь из окошка возле входной двери.

Босх задумался, как выглядит жена Мура и что она чувствует сейчас — горе, вину или и то и другое? Наконец он бросил окуроч на асфальт и, обойдя печальный столб с надписью «Продается», зашагал к дому.

Глава 4

На половичке перед дверями было выткано «Добро пожаловать!», однако выглядел он довольно потертым, к тому же его давно не вытряхивали. Все это Босх успел рассмотреть, ибо, постучав, стоял с опущенной головой, поскольку знал, что лучше будет смотреть куда угодно, только не в лицо вдове.

Постучав еще раз, он услышал ее голос:

— Уходите! Никаких комментариев не будет.

Босх вымученно улыбнулся, вспоминая, как сам произнес эту фразу несколько часов назад.

— Это вы, миссис Мур? Я не репортер. Я из полиции Лос-Анджелеса.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и Босх увидел очертания головы женщины. Свет горел где-то в глубине коридора, и ее лицо скрывалось в тени. Дверную цепочку она не сняла, и Гарри показал ей футляр с полицейским значком.

— Что вам угодно?

— Миссис Мур?

— Да, это я.

— Меня зовут Гарри Босх. Я... детектив Лос-Анджелесского полицейского управления. Меня послали к вам... не позволите ли войти? Я должен задать вам несколько вопросов и сообщить о... о том, какой оборот неожиданно приняли события.

— Вы опоздали, детектив Босх, здесь уже побывали телевизионщики «Каналов-4, 5 и 9». Когда вы постучали, я решила, что это опять журналисты, например, «Каналов-2 и 7». Кого мне еще ожидать?

— Так позволите мне войти, миссис Мур?

Гарри убрал значок. Женщина закрыла дверь, и он услышал, как она высвобождает цепочку из гнезда. В следующую минуту дверь снова отворилась и вдова махнула ему рукой. Гарри перешагнул порог и очутился в прихожей, выложенной мексиканской глиняной плиткой красновато-оранжевого оттенка. На стене висело большое круглое зеркало, и он увидел в нем отражение миссис Мур; закрыв за ним дверь, она заперла ее на цепочку. В руке миссис держала тканую салфетку.

— Вы надолго? — спросила она.

Гарри покачал головой, и вдова, проведя его в гостиную, уселась в мягкое кресло, обитое светло-коричневой кожей. Кресло стояло возле камина и казалось очень уютным. Босху она указала на кушетку, стоявшую напротив камина с другой стороны — очевидно, это место предназначалось в ее доме специально для гостей. В очаге краснели остывающие угли. На журнальном столике возле кресла Босх увидел упаковку салфеток и стопку бумаг, напоминавших не то сочинения, не то контрольные работы. Отдельные листы были вложены в пластиковые папки.

— Сочинения о прочитанных книгах, — пояснила миссис Мур, перехватив его взгляд. — Я велела своим ученикам прочесть некоторые книги и изложить свои мысли о прочитанном. Они должны были сдать работу перед началом рождественских каникул. Это первое Рождество, которое я проводила в одиночестве, и мне хотелось чем-то себя занять.

Босх кивнул, незаметно оглядывая комнату. Профессия научила его обращать внимание на любые детали и, осматривая чей-нибудь дом, узнавать о его обитателях больше, чем они рассказывали ему. Со временем Босх преуспел в этом и часто полагался на свое умение, считая его одним из самых надежных путей к успеху.

Сейчас он сидел в довольно просторной и пустой комнате. Мебели было мало, и это навело Босха на мысль, что в этой гостиной редко собирались друзья или родственники. В одном углу стоял высокий книжный шкаф, набитый книгами в твердых переплетах — в основном художественной литературой и большими альбомами по искусству. Ни телевизора, ни игрушек, ни фотографий Босх не заметил. Ничто не указывало и на то, что у миссис Мур когда-либо были дети. Гостиная явно предназначалась для неспешных бесед у огня или для спокойной, сосредоточенной работы.

Но не более того.

В углу напротив очага стояла пятифутровая рождественская елка, украшенная гирляндой белых электрических лампочек, несколькими красными шарами и сделанными из разноцветной бумаги бусами и флажками, которые, судя по их виду, переходили по наследству из поколения в поколе-

ние. То, что миссис Мур нарядила елку для себя одной, понравилось Босху. Это означало, что жизнь вовсе не закончилась вместе с замужеством; оставшись одна, миссис Мур не поставила на себе крест и не опустила рук. То, что она нарядила рождественскую елку, свидетельствовало о ее внутренней силе. Разумеется, сейчас миссис Мур замкнулась в своем горе и одиночестве, но в ней осталась и сила. Рождественское дерево яснее всяких слов указывало на то, что эта женщина переживет беду, справится с ней сама. Босх снова пожалел, что не помнит ее имени.

— Прежде чем вы начнете, — проговорила миссис Мур, — могу ли я кое о чем спросить вас?

Настольная лампа на журнальном столике возле ее колен давала мало света, но Босх все же увидел, как пристально смотрят на него ее карие глаза.

— Конечно.

— Вы сделали это специально? То есть пропустили вперед журналистов, чтобы они сделали за вас всю грязную работу? Так называл это мой муж. Извещать родственников... он называл грязной работой и говорил, что детективы всегда стараются избежать этого.

Босх покраснел. На каминной полке стояли старинные часы, и ему показалось, что в наступившей тишине они тикают особенно громко. Наконец он с трудом выдавил:

— Я... Меня, видите ли, послали в самый последний момент... Совсем недавно... К тому же я не сразу нашел ваш дом. Очень сожалею, но... — Гарри замолчал. Она все поняла. — Простите, наверное, вы правы. Я нарочно тянул время.

— Ничего страшного, мистер Босх. Не смущайтесь. Должно быть, это действительно очень нелегко.

Босх пожалел, что у него нет фетровой шляпы, которую носили детективы во всех фильмах. Будь она у него, он держал бы ее перед собой и перебирал пальцами поля, чтобы делать хоть что-то, лишь бы не смотреть на нее. Теперь же ему оставалось только разглядывать миссис Мур в упор. Босх понял, что когда-то она была очень хороша собой — ее лицо еще хранило следы былой красоты. На вид он дал бы миссис Мур лет тридцать пять. У нее были каштановые волосы с осветленными прядями, четко очерченный решительный подбородок и мускули-

стая шея спортсменки. Босх подметил также, что миссис Мур не прятала под косметикой легкую сетку морщин под глазами. Голубые джинсы и мешковатый бумажный белый свитер, вероятно, принадлежавший мужу, служили домашней одеждой. Разглядывая свитер, Босх задумался о том, какое место Калексико Мур занимает в ее душе.

Слова миссис Мур насчет «грязной работы» понравились Гарри; он счел упрек заслуженным. Они познакомились пять минут назад, однако Босху казалось, что миссис Мур кого-то напоминает ему, но он не мог понять, кого именно. Возможно, какую-нибудь женщину из его прошлого, сочетавшую в себе силу с нежностью и мягкостью. Несмотря на смущение, Босх то и дело посматривал на миссис Мур. Ее сияющие карие глаза притягивали его как магнит.

— Я детектив Гарри Босх. — Он надеялся, что вдова тоже представится.

— Да, я слышала о вас. Читала статьи в газетах, к тому же муж тоже говорил о вас. Кажется, это было два года назад, когда вас перевели в голливудский участок. Он рассказывал, что одна из кинокомпаний заплатила вам много денег за то, что вы позволили ей использовать ваше имя в телефильме о деле, которое расследовали. Вы, кажется, купили один из домов на опорах, там, в холмах?

Босх неохотно кивнул и поспешил переменить тему:

— Не знаю, что наговорили вам репортеры, миссис Мур; меня послали сообщить вам, что мы, похоже, нашли вашего мужа, и он — мертв. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам такое. Просто я...

— Я знала это, точно так же как и вы, и как каждый коп в городе, — перебила она. — Чем это кончится, всем было ясно давным-давно. Я не стала говорить с журналистами и велела им убираться. Зачем мне с ними разговаривать? Когда в рождественскую ночь к тебе заваливается такая орава, это значит, что у них плохие новости.

Босх кивнул и посмотрел на свои руки, сжимавшие воображаемую шляпу.

— Вы все расскажете мне? — спросила она. — Это было самоубийство? Он застрелился?

Босх снова кивнул:

— Да, это очень похоже на самоубийство, но ничего определенного сказать нельзя, пока...

— Пока не будет результатов вскрытия, — закончила миссис Мур. — Знаю, ведь я жена полицейского. Бывшая жена, — уточнила она. — Мне известно, что вы можете сказать, а что — нет. Вы даже не имеете права быть со мной откровенным — вечно у вас какие-то секреты...

Босх увидел, как потемнели ее глаза.

— Не совсем так, миссис Мур. Я просто стараюсь смягчить неиз...

— Если хотите что-то сказать мне, детектив Босх, скажите. Не нужно тянуть кота за хвост.

— Хорошо, миссис Мур. — Босх решительно потрянул головой. — Ваш муж действительно застрелился. Если вас интересуют детали, расскажу подробнее. Ваш муж — если это был ваш муж — выстрелил себе в лицо из дробовика и разнес череп. Узнать его невозможно, поэтому мы хотим убедиться, что, во-первых, это тот, кого мы ищем, и, во-вторых, сам ли он выстрелил в себя. Только после этого мы получим основания утверждать что-то наверняка. Никто не пытается играть в тайны, просто у нас пока нет ответов на все вопросы.

Миссис Мур откинулась на спинку кресла, отдаляя лицо от света, но даже в полутьме Босх заметил, как оно изменилось. Гнев в глазах погас, сурово сжатые губы приоткрылись, а напряженные плечи слегка опустились. Ей было стыдно.

— Простите, — пробормотала она. — Сама не знаю, почему я это сказала. Мне не следовало бы...

— Ничего страшного, миссис Мур, поделом мне... И вы тоже меня извините.

Она посмотрела на него уже без гнева, и Босх почувствовал, что сумел пробиться к ней сквозь почти непроницаемую оболочку. Он видел: эта одинокая женщина отчаянно нуждается в ком-нибудь, ибо ее дом слишком мрачен и велик, чтобы оставаться в нем одной в рождественскую ночь, и ни празднично украшенная елка, ни сочинения не могли этого изменить. Но Босха побудило остаться еще кое-что. Его инстинктивно влекло к этой женщине, вопреки распространенному мнению о том, что сходятся только противоположности. С ним дело совсем иначе — в женщине, которая ему нравилась, Босх

довольно часто обнаруживал черты, свойственные и ему самому. Почему — этого он не знал, да и не старался узнать, принимая все как есть. И вот теперь перед ним сидела незнакомая женщина; он даже не знал ее имени, но таинственная сила уже притягивала его к ней. Может, он увидел в ней свое отражение — отражение своих желаний и своего одиночества, — но от этого миссис Мур не стала для Босха менее привлекательной. Ему хотелось узнать, отчего залегли темные круги под этими карими глазами и откуда под ними тонкая сеть морщин. Как и Босх, миссис Мур старательно прятала свои шрамы от посторонних глаз, и каждый из них, похороненный глубоко в душе и скрытый за внешним спокойствием, представлял собой загадку. Отгадать ее будет непросто, а излечить — и того труднее. Она такая же, как и он, Гарри чувствовал это. Нет, не чувствовал — знал наверняка.

— Простите, но я не знаю вашего имени. Заместитель начальника полиции дал мне только адрес.

Миссис Мур улыбнулась.

— Сильвия.

Босх кивнул.

— Гм-м, Сильвия, это, случайно, не кофе так вкусно пахнет?

— Да. Хотите чашечку?

— С удовольствием, если это не очень вас затруднит.

— Ничуть.

Она поднялась и прошла перед ним, направляясь в кухню. Босха охватили сомнения.

— Послушайте, может, мне все-таки лучше уйти? У вас есть о чем подумать, а я вторгся к вам и попросил кофе. Не отложить ли до следующего раза?

— Нет, что вы, ваше общество очень полезно — отвлекает от всяких...

Босх не ответил. В камине громко шелкнул сучок. Гарри посмотрел ей вслед и, убедившись, что из кухни его не видно, еще раз огляделся по сторонам. Потом, поднявшись с кушетки, направился к освещенным дверям кухни.

— Черный, пожалуйста, — сказал он. — И без сахара.

— Конечно. Вы ведь тоже коп.

— Вы, похоже, не очень их жалуете?

— Пожалуй, недолголюбивая, — ответила Сильвия, стоя к нему спиной. Босх видел, как она разливает кофе по чашкам из стеклянного кофейника. Он прислонился к дверному косяку возле холодильника. Не зная, что еще сказать, Гарри колебался, стоит ли приводить в исполнение план, который обдумывал по пути.

— У вас неплохой дом, — проговорил он наконец.

— Это не дом, а жилище, — уточнила Сильвия. — Мы продаем его. То есть, наверное, теперь следует говорить: «Я продаю его».

Она отвечала, не поворачиваясь к нему, но Босх рискнул продолжить:

— Вы не должны винить себя за то, что он сделал. — Гарри знал, что это слабое утешение.

— Легко сказать, труднее исполнить.

— Да.

Последовало продолжительное молчание. Босх первым нарушил его:

— Он оставил записку.

Сильвия замерла, но так и не повернулась.

— «Теперь я знаю, кто я такой» — вот что он написал.

Она промолчала. Одна из чашек стояла на столике наполовину пустая.

— Вам это о чем-нибудь говорит?

Наконец-то Сильвия повернулась к нему. В ярком свете ламп, горевших под потолком кухни, он увидел на ее щеках следы слез. Босх почувствовал себя посторонним и никчемным, неспособным сделать ничего такого, что облегчило бы ее боль.

— Не знаю. Мой муж... он был заиклен на прошлом.

— Что это значит?

— Просто он всегда... всегда возвращался назад. Прошлое нравилось ему гораздо больше, чем настоящее, будущее и все связанные с ним надежды. Он любил возвращаться в то время, когда был ребенком. Ему хотелось... в общем, он никак не мог принять то, что есть, прошлое не давало ему покоя.

Босх увидел, как две слезинки выскользнули из уголков ее глаз и разбежались по сеткам морщин. Сильвия сердито отвернулась к столу и закончила разливать кофе.

— Что с ним случилось? — спросил Босх.

— Что случается со всеми нами? Не знаю. Он очень хотел вернуться. В прошлом было что-то такое, в чем он отчаянно нуждался и что никогда его не отпускало.

«Каждому дорого его прошлое, — подумал Босх. — Порой оно привязывает нас к себе гораздо сильнее, чем настоящее, и кажется куда привлекательнее будущего».

Сильвия, вытерев глаза салфеткой, повернулась и подала ему кружку. Босх отпил крошечный глоток.

— Однажды он сказал мне, что жил в замке, — вдруг промолвила Сильвия. — Во всяком случае, он так это назвал.

— В Калексико? — уточнил Босх.

— Да, в Калексико, но это продолжалось совсем недолго. Не знаю, что у них там случилось; Кэл почти никогда не рассказывал мне об этом периоде своей жизни. Замок принадлежал его отцу. В какой-то момент его присутствие... стало нежелательным, и Кэлу с матерью пришлось уехать из Калексико и перебраться через границу. Кэл любил говорить, что он родом из Калексико, но на самом деле он вырос в Мехикали. Были ли вы там когда-нибудь?..

— Пару раз проезжал, но никогда не останавливался надолго.

— Вот-вот, это самое главное — не останавливаться. Но он там вырос...

Сильвия замолчала, глядя в свою чашку. Молчал и Босх, внимательно рассматривая привлекательную женщину, уставшую от жизни, которую на протяжении стольких лет ей приходилось вести. Она еще не осознавала, что все случившееся начинается не только конец, но и начало.

— Ему так и не удалось переступить через свое прошлое, оставить его позади, — снова заговорила Сильвия. — Его бросили, оттолкнули, но он все равно возвращался в Калексико. Один... Я ни разу не ездила с ним, но знаю, что он много раз побывал на родине. Возможно, Кэл следил за отцом и воображал, как все обернулось бы, если бы не случилось то, что случилось. Не знаю... — Она пожала плечами. — Кэл хранил фотографии этого места, сделанные еще в то время, когда он там жил. Иногда по ночам, когда Кэл думал, что я сплю, он доставал их и рассматривал.

— Его отец жив?

Сильвия слегка взмахнула чашкой.

— Понятия не имею. Кэл редко говорил о своем отце, но однажды упомянул, что он умер. Только не знаю, как это понимать: в метафорическом смысле, или старик действительно скончался. Так или иначе, для Кэла он все равно что умер, и это самое главное. Все эти годы он чувствовал обиду и унижение. Этот вопрос стал для него самым основным в жизни и самым сокровенным. Мне ни разу не удалось вызвать его на откровенность; Кэл если и отвечал, то просто-напросто лгал и утверждал, что отец ему безразличен и теперь ему на все наплевать. Через несколько лет я прекратила свои попытки и перестала разговаривать с Кэлом на эти темы. Я сдалась, а он никогда не возвращался к этому вопросу по своей инициативе. Кэл просто ездил туда — порой на один день, порой на все выходные — и никогда ничего не рассказывал после возвращения.

— А где эти фотографии?

— Кэл всегда брал их с собой, если уезжал. Он ни разу не оставлял их дома.

Босх отпил несколько глотков кофе, чтобы выиграть время и немного подумать.

— А как вам кажется, — неуверенно начал он, — не имеет ли это какого-то отношения к...

— Ничего не могу сказать. Наверняка знаю одно: все это очень повлияло на наши отношения. Поездки в прошлое превратились для Кэла в навязчивую идею и в конце концов стали важнее, чем я. И нашей семейной жизни пришел конец.

Босх кивнул и поспешно спрятал глаза. Что еще он мог сделать? Профессия подчас вынуждала его забираться слишком глубоко в чужую душу, когда любое движение или слово могли причинить другому человеку боль. Оставалось только глупо кивать. Даже задавая вопросы, Босх чувствовал себя виноватым, потому что не имел права знать ответ на них. В данном случае его роль и вовсе сводилась к обязанностям мальчика-посыльного. Ведь Босха никто не просил выяснять, почему покойный засунул в рот ствол ружья и нажал на спусковой крючок.

И все же тайна Калексико Мура и боль, которую он видел на лице вдовы, не отпускали Босха. Сильвия притягивала его

чем-то еще — кроме физической соблазнительности. Да, она была красива, но обида, запечатленная на ее лице, и глаза, на ресницах которых дрожали слезы, а в глубине таились мужество и сила, делали Сильвию еще привлекательнее. Босху казалось, что она ничем не заслужила несчастий, обрушившихся на нее. Что случилось с Калексико Муром? Почему он кончил так — на полу в ванной комнате дешевого мотеля?

Босх посмотрел на Сильвию.

— Однажды в разговоре со мной Мур обмолвился еще об одной проблеме. Я, видите ли, когда-то имел дело с ОВР. Это отдел внутренних...

— Я знаю, что такое ОВР.

— Кэл просил у меня что-то вроде совета. Он интересовался, известно ли мне, что кто-то наводит о нем справки, и упоминал имя Частина. Кэл не говорил об этом с вами? В чем там дело?

— Нет, не говорил.

Ее поведение неожиданно изменилось, а взгляд стал пронзительным и острым. Босх понял, что в душе Сильвии снова вскипают горечь и гнев. Очевидно, он задел больной нерв.

— Но вы знали об этом, верно?

— Частин как-то раз приходил сюда. Он полагал, будто я соглашусь помогать ему в том, что он задумал. В частности, он говорил, что я якобы жаловалась на мужа, но это неправда. Потом Частин пожелал осмотреть дом, но я велела ему уйти... Мне не хочется вспоминать об этом.

— Когда приходил Частин?

— Не помню. Пару месяцев назад.

— Вы сказали Кэлу?

Сильвия кивнула.

«А после этого Калексико Мур пришел в бар «Каталина», чтобы попросить у меня совета», — сообразил Гарри.

— Вы уверены, что не знаете, чего он добивался?

— К этому времени мы уже жили порознь и почти не разговаривали друг с другом. Между нами все было кончено. Я только сообщила Кэлу, что приходил какой-то коп и врал, будто я жаловалась на него. Кэл ответил, что все они только этим и занимаются — лгут. Он велел мне не беспокоиться и выбросить все из головы.

Босх допил кофе, но держал чашку в руках. Сильвия знала, что ее муж где-то оступился и предал их будущее ради своего прошлого, но осталась ему верна и сказала о визите Частина. Босх не винил ее за это, напротив, проникся к Сильвии еще большей симпатией.

— Что вы здесь, собственно, делаете? — вдруг осведомилась Сильвия.

— Что? — удивился Босх.

— Если вы расследуете смерть моего мужа, вам следует знать, зачем приходил детектив из ОВР. Либо вы тоже мне лжете, либо действительно не знаете. Если верно последнее, то что вы здесь делаете и зачем сюда пришли?

Босх осторожно опустил чашку на столик.

— Меня послал заместитель начальника полиции — сообщить вам, что случилось с...

— Грязная работа!

— Совершенно верно, но мне всегда достается что-то в этом роде. Но я уже упомянул, что знал вашего мужа, и...

— Едва ли эта загадка вам по зубам, детектив Босх. — Гарри кивнул — этот жест у него был давно отработан и вошел в привычку. — Я преподаю английский язык и литературу в Грант-хай, в Вэлли, — сказала Сильвия. — Своим ученикам я даю читать книги о Лос-Анджелесе, чтобы они лучше узнали историю и поняли характер города, в котором живут. Среди них мало коренных лосанджелесцев, и я... В общем, одна из книг, рекомендованных им мной для чтения, называется «Долгое прощание». Она о полицейском детективе...

— Я читал эту книгу.

— Там есть одна строчка, я знаю ее наизусть. «Нет ловушки опаснее той, которую сам себе расставляешь». Прочитав эти слова, я сразу подумала о моем муже... и о себе.

Сильвия снова беззвучно заплакала, не отводя взгляда от Босха. На этот раз он не рискнул кивнуть, видя в ее глазах одиночество и беспомощность. Гарри шагнул к ней и положил руку на плечо. В первое мгновение оба испытали неловкость, но потом Сильвия вдруг прильнула к нему всем телом и спрятала голову у него на груди. Дав ей выплакаться, Босх слегка отстранился.

* * *

Через час Босх вернулся домой. Взяв полупустую бутылку и недопитый стакан, оставшиеся на столе после ужина, он вышел на заднее крыльцо и сел на ступеньки, попивая вино и размышляя обо всем, что случилось.

Рассвет застал его на дворе. Зарево пожара на другой стороне дороги давно погасло, но что-то пылало ярким пламенем в самом Гарри.

Судя по всему, Калексико Мур нашел ответ на вопрос, который люди обычно носят в себе. Все они — и он, Гарри Босх, тоже — стремятся ответить на него. «Теперь я знаю, кто я такой».

Мур узнал ответ, что его и убило. Эта мысль поразила Босха в самое сердце, словно удар кулака.

Глава 5

В четверг — на следующий день после Рождества — утро было таким, о каком только мечтают фотографы, зарабатывающие на жизнь съемкой для открыток и буклетов. Над городом не осталось и следа обычного смога; пожар в холмах догорел и погас; дым растаял, унесенный налетевшим океанским бризом, и долина Лос-Анджелеса купалась в лучах солнца и смотрела в голубое небо, по которому величественно плыли редкие кучевые облака.

Чтобы попасть на работу, Босх выбрал самый длинный путь и поехал по Вудро-Вильсон-драйв до самого перекрестка с Малхолланд, а оттуда свернул на серпантин, ведущий через Николс-каньон. Ему всегда нравилось смотреть на холмы, поросшие голубоватой глицинией и лиловой хрустальной травой, над которыми возвышались дряхлеющие дома по миллиону долларов каждый, напоминавшие о былом величии города и все еще подпитывавшие память о его минувшей славе.

Сидя за рулем, Босх размышлял о прошедшей ночи, как он утешал Сильвию Мур и что при этом чувствовал. Босху

казалось, что он выглядел точь-в-точь как коп с картины Рокуэлла Кента; если между ними и была разница, то очень небольшая.

Спустившись с холмов, Босх поехал по Джenezи до бульвара Сансет, а там срезал угол, повернув напрямик к Уилкокс-авеню. Оставив машину позади здания полицейского участка, он прошел вдоль отгороженного решеткой загончика для задержанных в состоянии алкогольного опьянения и толкнул двери детективного бюро.

Мрачное настроение, царившее в рабочей комнате, показалось ему таким же плотным и осязаемым, как сигаретный дым в кинотеатре во время порносеанса. Детективы сидели за столами, низко опустив головы; одни негромко говорили по телефонам, другие зарылись в отчетные документы, беспрерывно обрушивавшиеся на их больные головы во все возрастающих количествах.

Гарри разместился за столом, отведенным для детективов его профиля, и бросил взгляд на Джерри Эдгара, сидевшего напротив. Время от времени Босх работал с ним в паре — постоянных партнеров в детективном бюро, задыхавшемся от нехватки рук, больше не было, а полицейское управление запретило продвижения по службе и наем новых сотрудников из-за резкого сокращения бюджетных ассигнований. В частности, в секции, расследовавшей грабежи и убийства, осталось всего пять детективов, и начальник бюро, лейтенант Харви Паундс по прозвищу Девяносто Восемь Фунтов, едва справляясь с текучкой, заставлял сотрудников работать поодиночке или объединял в пары только для расследования особо важных дел, выполнения опасных заданий или производства арестов. Босх не возражал против подобной практики, поскольку ему нравилось работать одному, но другие детективы часто ворчали.

— В чем дело? — спросил Босх у Эдгара. — Мур?

Джерри кивнул. За большим столом, составленным из нескольких маленьких, они были вдвоем: Шелби Данн и Карен Мошито появлялись обычно после девяти, а Люциус Портер добирался до участка только в начале одиннадцатого, если успевал к этому времени протрезветь.

— Девяносто Восемь Фунтов только что выползал из своей стеклянной конуры, — ответил Джерри. — Сказал, что они по-

лучили подтверждение по отпечаткам. Это действительно Мур. Сам вышиб из себя все дерьмо.

Они несколько минут молчали. Гарри автоматически перебирал сложенные на столе бумаги, но мысли его то и дело возвращались к Муру. Он ясно представлял себе, как Ирвинг, Шиэн или даже Частин звонят Сильвии домой, чтобы сообщить о результатах дактилоскопической экспертизы. Тоненькая ниточка, связывающая его с этим делом, таяла на глазах.

Даже не оборачиваясь, Босх почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Обернувшись, он увидел лейтенанта Паундса, который глядел на него сверху вниз.

— Пойдем-ка со мной, Гарри.

Лейтенант приглашал его в свою стеклянную будку, и Босх бросил быстрый взгляд на Эдгара. Тот возвел очи горе, давая понять, что ничего не знает о том, зачем детектив Босх вдруг понадобился начальнику. Гарри поднялся и с тяжелым сердцем последовал за лейтенантом в его кабинет, смежный с рабочей комнатой.

Кабинет лейтенанта представлял собой небольшое, застекленное с трех сторон помещение. Прозрачные окна позволяли Паундсу наблюдать за сотрудниками, но ограничивали реальный контакт с ними, поэтому лейтенант не слышал, не обонял и не общался с подчиненными, если не хотел. Жалюзи на окнах, которые большую часть времени были опущены и не позволяли детективам видеть, чем занимается начальник, сегодня оказались подняты.

— Присаживайся, Гарри. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что здесь курить воспрещается?... Как Рождество?

Босх не ответил, бросив на лейтенанта быстрый взгляд исподлобья. Ему было не по себе от того, что этот малознакомый человек называет его по имени и спрашивает, как он провел праздник. Наконец Босх нерешительно опустил на стул.

— В чем, собственно, дело? — спросил он.

— Только не раздражайся, Гарри. Вообще-то у меня гораздо больше причин для недовольства. Я недавно узнал, что значительную часть рождественской ночи ты провел в этом грязном мотеле — «Убежище», кажется, — где не захотел бы

встречать Рождество ни один нормальный человек и где по чистой случайности работал отдел по расследованию грабежей и убийств.

— Я дежурил, — возразил Босх. — Меня должны были вызвать на место происшествия, и я отправился выяснить, что, собственно, произошло. В конце концов, я все равно понадобился Ирвингу, так что не зря...

— Все это очень хорошо, Гарри, но на этом твое участие должно закончиться. Мне сказали, чтобы ты не забивал себе голову и держался подальше от дела Мура.

— И что все это означает?

— Только то, что ты слышал.

— Но, лейтенант!..

— Тише, тише! — Паундс поднял ладони, словно успокаивая Босха, а потом свирепо потер переносицу, что свидетельствовало о сильнейшем приступе мигрени. И верно: выдвинув средний ящик стола, лейтенант достал оттуда флакончик аспирина.

Вытряхнув на ладонь пару таблеток, он проглотил их, даже не запив водой.

— Я сказал, и хватит об этом, — бросил лейтенант. — Я не обязан, да и не собираюсь, давать тебе полный... — Паундс поперхнулся и, выскочив из-за стола, ринулся мимо Босха к питьевому фонтанчику возле дверей бюро. Гарри даже не повернул головы. Через минуту Паундс вернулся. — Прошу прощения, — сказал он. — Что я говорил? Ах да... В общем, я не собираюсь спорить с тобой каждый раз, когда ты появляешься в моем кабинете. Если у тебя есть возражения, обратись к руководству полицейского управления. Там тебе все объяснят. — Босх заметил белые крошки аспирина, прилипшие к уголкам рта лейтенанта. Паундс слегка откашлялся. — Мое дело — довести до твоего сведения...

— Почему бы Ирвингу не довести это до моего сведения самому?

— Я ничего не говорил об... Послушай, Босх, забудь об этом деле. Просто забудь, ладно? Я тебя предупредил, и закончим на этом. Если у тебя есть какие-то намерения или идеи относительно дела Мура — оставь их при себе. И не волнуйся — они там справятся без тебя.

— Не сомневаюсь.

Получив распоряжение, Босх поднялся. Больше всего на свете ему хотелось выкинуть лейтенанта в окно, однако, поразмыслив, он решил, что на этот раз обойдется сигаретой, выкуренной возле загона для пьянчуг.

— Сядь, — велел Паундс. — Я тебя не для этого позвал.

Босх снова опустился на стул и молча ждал, пока лейтенант соберется с мыслями. Паундс вновь выдвинул ящик стола, достал деревянную линейку и начал рассеянно вертеть ее в руках. Наконец он заговорил:

— Тебе известно, сколько убийств зарегистрировано в участке за прошедший год?

Этот неожиданный вопрос заставил Босха задуматься, что на этот раз замышляет лейтенант. Он помнил, что ему самому пришлось расследовать одиннадцать случаев, да еще некоторое время он оставался не у дел после огнестрельного ранения. Тогда Босх провел шесть недель в Мексике, но это было еще летом. Впрочем, по опыту прошлых лет он мог предположить, что количество зарегистрированных убийств к концу года составило около семи десятков.

— Понятия не имею. — Босх пожал плечами.

— Так я тебе скажу, — заявил Паундс. — Сейчас на нас висят шестьдесят шесть случаев насильственной смерти. И впереди еще пять дней, за которые может произойти все, что угодно. Не исключено, что убийств станет больше. Я, во всяком случае, уверен, что как минимум один случай к названному количеству прибавится — канун Нового года никогда не проходил у нас спокойно. Мы должны...

— Ну так что же? — нетерпеливо перебил Босх. — Помнится, в прошлом году у нас было пятьдесят девять смертельных случаев. Количество убийств растет по всей стране, что же тут нового?

— Новое то, что сокращается количество раскрытых убийств. Из шестидесяти шести случаев мы раскрутили только тридцать два. Разумеется, я помню, что больше трети на твоем счету, Гарри. Одиннадцать дел, если мне не изменяет память. Семь завершились арестом; по двум делам получены ордера, а из тех, что формально еще не закрыты, одно ожидает решения прокурора, а второе — дело Джеймса Каппалани — находится в активной разработке. Я правильно излагаю?

Босх кивнул. Ему не нравилось, как все повернулось, но он не понимал почему.

— Все дело — в годовом отчетном докладе, — лицемерно вздохнул Паундс. — Если рассматривать наши результаты в целом, то ни о каком успехе говорить не приходится.

Паундс шлепнул себя линейкой по раскрытой ладони и покачал головой. Босх понемногу начал кое о чем догадываться, однако одной детали ему все еще не хватало. Он пока не знал точно, что на уме у лейтенанта.

— Подумай об этом, — продолжал Паундс. — Подумай о жертвах и об их семьях, на чью долю не хватило правосудия! А потом прикинь, каким будет общественное мнение о нас — о нашем участке — если «Лос-Анджелес таймс» раструбит на своих заглавных страницах, что больше половины убийц в Голливуде уходят от наказания!

— По-моему, о том, что отношение к нам изменится в худшую сторону, незачем беспокоиться, — заметил Босх. — Хуже просто некуда.

Озабоченно почесав переносицу, Паундс положил линейку на стол и негромко сказал:

— Ты выбрал не самое подходящее время и место, чтобы выставлять напоказ свое циничное отношение к работе, Босх. Не лезь в бутылку и не притворяйся, будто тебе наплевать. В конце концов, в любой момент, — когда мне захочется сделать кадровые перестановки, — я могу снять тебя с детективной работы и отправить регулировать движение или заниматься малолетними преступниками. Ты понял? Тогда жалуйся в профсоюз сколько влезет — я отвечу за свое решение.

— И каков, по-вашему, тогда будет процент раскрываемости? Что напишет «Лос-Анджелес таймс»? Что в Голливуде уходит от возмездия две трети от общего числа убийц?

Паундс раздраженно дернул на себя ящик стола, смел в него линейку и снова задвинул. Как показалось Босху, на губах лейтенанта промелькнула хитрая улыбка, и он заподозрил, что длинный язык завел его в расставленную ловушку. Паундс между тем выдвинул другой ящик и достал из него толстую голубую папку, в каких обычно хранились материалы о расследовании убийств. В этой, однако, было лишь несколько страниц.

— Очко в твою пользу, — хмыкнул Паундс. — А теперь, с твоего позволения, перейдем к главной цели нашей встречи. В данном случае, Гарри, мы говорим прежде всего о статистике. Если мы расследуем еще только одно убийство, раскрываемость составит ровно пятьдесят процентов. Тогда в годовом отчете мы запишем, что в Голливуде задерживают половину убийц. Если нам удастся раскрыть два дела, мы укажем в отчете, что в Голливуде раскрывается больше половины убийств. Ощущаешь разницу? — Босх ничего не ответил, и лейтенант кивнул сам себе. Аккуратно пристроив голубую папку на столе, он поднял глаза на Босха. — Люциус Портер не вернется, — сказал лейтенант. — Я разговаривал с ним сегодня утром. Он собирается подать в отставку в связи с непроходящим стрессовым состоянием. По словам Портера, у него есть врач, готовый подтвердить это.

Лейтенант запустил руку в ящик стола и достал еще одну голубую папку, за ней — еще одну. Теперь до Босха дошло.

— Надеюсь, у него хороший врач, — бормотал Паундс, доставая из ящика стола пятую и шестую папки. — Потому что, насколько я знаю, управление не склонно считать цирроз печени профессиональным заболеванием, вызываемым постоянными стрессами на работе. Портер — горький пьяница, вот в чем дело. Будет крайне несправедливо, если ему удастся досрочно выйти в отставку, ссылаясь на нервное заболевание, якобы развившееся в связи с его профессиональными обязанностями — и все потому, что он не в силах совладать со своей тягой к выпивке. Мы назначим административное расследование и разжалуем Портера, хотя бы его адвокатом была сама мать Тереза. Он будет наказан. — Паундс постучал согнутым пальцем по стопке голубых папок. — Я просмотрел эти дела, Гарри, — на Портере висит восемь дел — и нахожу, что это просто потрясающе! На всякий случай я выписал их хронологию и намерен все очень тщательно проверить, но уже сейчас нет никаких сомнений, что там полным-полно лажи. Наверняка Портер дрых где-нибудь в баре за стойкой, а не опрашивал свидетелей и не бегал по улицам в поисках улик, как он тут заявляет. — Паундс печально покачал головой. — Ты сам понимаешь, Гарри, что теперь, когда наши детективы перестали работать парами, контролировать их почти невозможно. За

Портером никто не присматривал, и вот теперь я остался с семьей нераскрытыми делами — каждое из них фактически так и осталось просто зарегистрированным. Вся работа, которая по ним якобы велась, — чушь собачья! А ведь насколько я могу судить, каждое из этих дел можно было раскрыть довольно быстро.

«А кто придумал, чтобы детективы работали по одному?» — хотел спросить Босх, но воздержался. Вместо этого он поинтересовался:

— Вы никогда не слышали одну историю, случившуюся с Портером лет десять назад, когда он работал простым патрульным? Портер и его напарник однажды остановились и сделали замечание какому-то мешку с дерьмом, сидевшему на тротуаре и хлеставшему виски из горла на виду у общественности. Портер в тот день был за рулем. Штраф за мелкое правонарушение — обычное дело, и он ждал в машине, пока его напарник выписывал квитанцию. И вдруг этот мешок с дерьмом встал и ударил второго копа бутылкой по голове. Прямо между глаз, пока у него руки были заняты квитанционной книжкой. Он убил его наповал на глазах у Портера...

Паундс огорченно поморщился.

— Я знаю эту историю, Босх. Ее рассказывают всем новобранцам, которые проходят через академию, как наглядный пример того, чего не следует делать, чтобы не облажаться. Но эта история уже обросла вот такой бородищей, и если Портер хочет уйти по статье о нервном расстройстве, ему следовало бы поднять вопрос об этом тогда, а не сейчас.

— Об этом я и толкую. Он не увольнялся, пока мог. Портер пытался справиться с этим — возможно, все десять лет пытался, — а под конец просто захлебнулся в потоке дерьма, происходящего в мире. Что вы хотите от него? Чтобы он поступил как Кэл Мур? Или вам поставят в послужном списке лишнюю галочку, если вы сэкономите для города одну полицейскую пенсию?

— Очень остроумно, Босх, но по большому счету что будет с Портером — не твоего ума дело. Я не стал бы упоминать об этом, если бы не надеялся, что тогда ты лучше поймешь то, что я сейчас тебе скажу.

Он снова огладил руками стопку папок, проверяя, ровно ли они лежат, а потом придвинул их к Босху.

— Принимай. Теперь эти дела — твои. Дело Каппалани можешь отложить на несколько дней. Насколько я понимаю, в ближайшее время ты не планируешь никакого решительного прорыва. До первого января не занимайся им, а пока просмотри все это.

Мне хотелось бы, чтобы ты внимательно и как можно скорее изучил восемь дел, числящихся за Портером. Найди среди них такое, с которым справишься быстро. После этого брось все и работай только над ним. Срок тебе — до Нового года. Трудись даже в выходные — насчет оплаты сверхурочных я договарюсь! Разрешаю привлечь к расследованию любого из твоей секции, так что никаких проблем у тебя не возникнет. Но только ради Бога, Гарри, посади кого-нибудь в каталажку. Мне нужен арест. Я... нам необходимо закрыть еще одно дело, чтобы достичь уровня раскрываемости в пятьдесят процентов, и сделать это следует до полуночи тридцать первого декабря. Понял?

Босх молча посмотрел на лейтенанта поверх стопки голубых папок. Он только теперь вполне осознал, что за человек его начальник. Харви Паундс уже не коп, а законченный бюрократ. Канцелярская крыса. Никто... Кровь, преступления, страдания людей для него лишь десятые и сотые доли процента в статистической отчетности, сообщавшей в конце года лейтенанту, насколько хорошо он справился со своей работой. Оценивали его не люди и не голос совести — обезличка уже отравила многих и многих в полицейском департаменте, отделив полицию от города и его жителей. Неудивительно, что Портер захотел вырваться отсюда. Неудивительно, что Кэл Мур своими руками открыл кингстоны и пошел ко дну.

Босх встал и, взяв под мышку папки, посмотрел на лейтенанта. Его взгляд яснее ясного говорил: теперь я знаю, кто ты такой. Паундс не выдержал и отвернулся.

У дверей Босх задержался.

— Кстати, лейтенант, если разжаловать Портера, то он все равно вернется в нашу секцию. Чего вы этим добьетесь? Сколько дел повиснет на нем в следующем году? — Брови Паундса медленно поползли вверх. Он обдумывал сказан-

ное. — Если отпустить его по-хорошему, — продолжал Босх, — вам придется подыскивать ему замену. В других секциях немало толковых детективов. Особенно хорош Михан, который занимается малолетками. Переведите его к нам, и — готов поклясться — ваша статистика поползет вверх. Но если вы решите идти до конца, лейтенант, если захотите понизить или как-то еще наказать Портера, то ровно через год наш с вами разговор повторится.

Паундс помолчал, выжидая, не прибавит ли Босх что-нибудь еще. Убедившись, что детектив сказал все, лейтенант заговорил:

— Что с тобой, Босх? В том, что касается расследований, Портер тебе и в подметки не годится, а ты пытаешься спасти его задницу. В чём дело, Гарри? Зачем?

— Ни за чем, лейтенант. В этом все дело. Надеюсь, вы меня понимаете?

Он перенес папки к своему месту за столом и сбросил ношу на пол возле стула. Эдгар, а также Мошито и Данн, появившиеся на рабочих местах совсем недавно, с интересом посмотрели на него.

— Лучше не спрашивайте, — буркнул Босх.

Сев на стул, он взглянул на груды папок у своих ног, не испытывая ни малейшего желания что-либо с этим делать. Больше всего Босху хотелось курить, но в рабочей комнате курение строго воспрещалось — по крайней мере пока Паундс находился поблизости. Босх вздохнул, нашел в своем «Ролодексе» нужный ему номер и набрал его. Трубку взяли только на седьмом гудке.

— Что еще? — раздался сердитый голос.

— Лу?

— Кто это?

— Босх.

— Ах, это ты, Гарри. Извини, я не знал, кто звонит. Что ты хотел? Я, знаешь ли, ухожу в отставку по статье о стрессе, и мне...

— Да, я слышал об этом. Собственно, из-за этого я и звоню. Девяносто Восемь Фунтов взвалил на меня все твои дела, и мне, гм-м... мне хотелось бы раскрыть одно из них как можно скорее — скажем, к концу недели. Что посоветуешь? Не под-

скажешь ли мне, за что лучше взяться? Не хотелось бы начинать на пустом месте...

На линии воцарилось молчание.

— Гарри, ч-черт... — наконец выговорил Портер, и Босху впервые пришло в голову, что коп, возможно, уже пьян. — Черт побери... Я не думал, что наш лейтенант заставит тебя разгребать это дерьмо. Мне очень жаль, Гарри, поверь... Я не слишком хорошо поступил, но ты сам понимаешь...

— Эй, Лу! — поспешно перебил его Босх. — Ничего страшного здесь нет, честное слово. Просто я закончил свои дела и попал лейтенанту под горячую руку. Я только не знаю, с чего лучше начать. Если укажешь мне на что-нибудь конкретное — отлично. Нет — возьму первое, что попадется. Признаться, я еще не смотрел.

Ожидая ответа, Босх вдруг заметил, что три детектива прислушиваются к его разговору и даже не стараются это скрыть.

— Пошло оно все к такой-то матери! — не то всхлипнул, не то поперхнулся Портер. — Пошло оно все!.. Честно, Гарри, я почти не занимался этими делами, понимаешь? И вообще мне в последнее время стало не до того... Слышал про Мура? Я вчера вечером слушал эти дерьмовые новости и узнал...

— Да, это действительно скверные новости, — снова перебил его Босх. — Лу, не переживай ты так, о'кей? Я просмотрю твои материалы; у меня здесь все отчетные книги, и я еще в них не заглядывал. — Молчание. — Лу?

— О'кей, Гарри. Как-нибудь позвони мне еще разок, если будет охота. Может, немного погодя я что-нибудь придумаю. Сейчас мне что-то не по себе.

Босх размышлял, что бы еще сказать. Воображение рисовало ему Портера стоящим у другого телефонного аппарата в полной беспросветной тьме. И в полном беспросветном одиночестве.

— Послушай, — негромко сказал он. — Лучше бы тебе сейчас не... В общем, следи за тем, чтобы Паундс не выбросил твое заявление на помойку и не натравил на тебя парочку «костюмов». Не переусердствуй с лекарствами и держись подальше от баров. Он может попытаться осложнить твой уход по болезни. Врубился?

Лишь через несколько секунд Портер подтвердил, что все понял. Босх повесил трубку и посмотрел на других детективов. В рабочей комнате всегда бывало шумно, но в те моменты, когда Босху хотелось, чтобы его телефонных разговоров никто не слышал, как нарочно, воцарялась мертвая тишина. Так было и сейчас.

Гарри достал сигарету.

— Старина Девяносто Восемь взвалил на тебя все дела Портера? — спросил Джерри Эдгар.

— Совершенно верно. У нас в бюро я единственный уборщик мусора.

— А мы тогда кто? Рубленный ливер?

Босх улыбнулся. Он был уверен: Эдгар не знает, радоваться ему, что сия чаша миновала его, или негодовать, что его обошли.

— Если хочешь, Джек, я вернусь в конуру к лейтенанту и скажу, что тебе не терпится разделить эти дела со мной. Не сомневаюсь, эта бюрократическая задница с удовольствием поручит их тебе...

Босх замолчал, потому что Эдгар толкнул его под столом ногой. Повернувшись вместе со стулом, Гарри увидел приближающегося к нему Паундса. Лицо лейтенанта побагровело: очевидно, он слышал последнюю фразу Босха.

— Вы ведь не собираетесь здесь курить, детектив? — спросил Паундс.

— Никак нет, лейтенант. Я как раз хотел выйти...

Отодвинув стол, он вышел курить на заднюю стоянку. Дверь в загон для пьяниц оказалась отперта, а всех его обитателей, не рассчитавших в рождественскую ночь свои силы, уже погрузили в тюремный автобус и отправили в суд для предъявления обвинений. Унылый нарушитель порядка из предыдущего улова, одетый в серый рабочий комбинезон, поливал пол загона из пожарной кишки. Гарри знал, что бетонный пол здесь специально сделан наклонным, чтобы облегчить ежедневную уборку, и наблюдал за потоками мутной воды, смешанной с рвотными массами и кровью, которые вырывались из-за решеток на стоянку и с ревом обрушивались в водосток. Несмотря ни на какие меры, вонь в загоне стояла невыносимая, но Гарри не уходил. Это было его законное место.

Докурив, он бросил окуроч в воду и смотрел, как грязный поток несет его к люку канализации.

Глава 6

Когда Босх вернулся, ему показалось, что детективное бюро превратилось в подобие аквариума, где он был единственной рыбой. Стараясь не замечать устремленных на него любопытных взглядов, Гарри схватил в охапку стопку голубых папок и вышел через заднюю дверь на автостоянку. Оттуда он быстро вернулся через дежурку в помещение участка, почти пробежал коротким коридорчиком мимо раздевалки, потом поднялся по лестнице на второй этаж, в крошечную кладовую. Из-за составленных в углу вешалок копы прозвали кладовку «комнатой жениха» и неофициально использовали ее для отдыха в ночные часы. Кроме вешалок и раскладушек, здесь были старый стол из кафетерия и телефонный аппарат. И тишина. О лучшем месте для работы Босх и не помышлял.

Сегодня кладовка была пуста. Гарри положил папки с делами и снял со стола помятый автомобильный бампер. На нем белела этикетка, означавшая, что этот металлический лом — вещественное доказательство к делу такому-то от такого-то числа. Бампер Босх прислонил к штабелю пыльных картонок с давно забытыми делами, рядом со сломанной доской для серфинга, на которой обнаружил аналогичный ярлык. Потом нехотя взялся за работу.

Некоторое время он тупо смотрел на стопку папок высотой в целый фут. Паундс сказал, что за этот год в участке было зарегистрировано шестьдесят шесть убийств. Учитывая неизбежный процесс ротации и двухмесячное отсутствие самого Босха в связи с ранением, Портеру досталось по меньшей мере четырнадцать дел. Поскольку восемь из них остались незакрытыми, Гарри предположил, что остальные шесть тот каким-то образом довел до конца. Убийства в Голливуде совершались в основном заезжими гастролерами, так что это не слишком плохой результат.

Босх знал, что если взять преступность по стране в целом, то абсолютное большинство жертв насилия были знакомы со своими убийцами — с ними ели, пили, спали, жили и так далее. Голливуд в этом отношении сильно отличался от прочих городов. Здесь не было норм, а только отклонения

от них и исключения из общих правил. Приезжие убивали приезжих, причем порой — без всякой причины. Тела жертв вдруг отыскивались то в переулках, то на обочинах шоссе, то на склонах заросших кустарниками холмов Гриффитс-парка, то — упакованные в полиэтиленовые мешки — в мусорных контейнерах на задворках ресторанов. В одном из дел Босха фигурировал даже труп, расчлененный на несколько частей, причем каждую аккуратнейшим образом уложили на площадке пожарной лестницы шестиэтажного отеля на Гуввер-стрит. Однако даже это преступление не вызвало в детективном бюро особого удивления. Кое-кто даже шутил: Босху, дескать, еще повезло, что жертва не остановилась в пятнадцатизэтажном отеле «Холидей».

Иными словами, Голливуд был как раз таким местом, где среди множества людей всегда можно встретить чудовище или чудовищ. Они мало чем отличались от добропорядочных граждан, и отыскать их в толпе было не легче, чем найти какой-то конкретный автомобиль в многокилометровой пробке на шоссе. Одни из них попадались, другие исчезали, не оставив полиции никакого следа, кроме пролитой ими крови.

Прежде чем сломаться, Портер довел до конца шесть дел из четырнадцати. Это, конечно, далеко не тот результат, за который благодарные горожане воздвигли бы ему памятник, и все же шестерых монстров он вывел из игры. Если бы Босху удалось раскрыть еще одно из дел Портера, этим он добыл бы для него дополнительное очко, и несчастный коп ушел бы в отставку при ничейном счете.

Босху было в высшей степени плевать на Паундса и на его стремление во что бы то ни стало раскрыть еще одно дело до того, как часы пробьют полночь тридцать первого декабря. Теплых чувств к лейтенанту он не питал и ничуть не сомневался, что ежегодный, по-бухгалтерски скрупулезный подсчет погибших и анализ кривой преступности никакой пользы не приносят. Про себя Босх уже решил, что если сделает эту работу, то только ради Портера, а Паундс пусть провалится ко всем чертям.

Размышляя, он отодвинул папки на дальний край стола, чтобы освободить себе пространство для работы. Босх ре-

шил быстро просмотреть отчеты и разделить их на две группы. В первую он отнесет те случаи, расследование которых обещает быстрый успех, а во вторую — убийства, ибо раскрыть их в столь короткий срок не представляется возможным.

Разложив папки в хронологическом порядке, Босх начал с убийства, совершенного в День святого Валентина. Жертвой его пал священник, задушенный в одной из кабинок общественной купальни в Санта-Монике.

Босх закончил через два часа, и в стопке дел, обещавших быстрый успех, остались всего две голубые папки. Одно из дел было месячной давности: женщину, стоявшую на автобусной остановке в Лас-Пальмасе, затащили в темный подъезд закрытого по случаю позднего часа магазина голливудских достопримечательностей, изнасиловали и зарезали. Второе дело оказалось совсем свежим. Труп мужчины обнаружили всего восемь дней назад позади ресторана на бульваре Сансет, неподалеку от здания «Гильдии директоров». Причиной смерти значились жестокие побои.

Босх сосредоточился на этих двух случаях как на относительно недавних. Опыт подсказывал ему, что с каждым днем раскрыть преступление становится все труднее. Добраться до того, кто задушил священника, не легче, чем дойти пешком до луны. Босх не сомневался, что преступник давным-давно покинул город; на это же указывала и статистика.

Что касалось двух самых свежих дел, Босх не сомневался: и то и другое он раскрыл бы довольно быстро, если бы ему улыбнулась удача. Установив личность человека, чей труп обнаружили позади ресторана, он вышел бы на его семью, друзей и приятелей, без труда узнал бы мотив преступления и, возможно, определил круг подозреваемых. С убийством женщины дело обстояло ничуть не сложнее. Сумей Босх выяснить, где она была до того, и проследить ее путь до автобусной остановки, он понял бы, где и при каких обстоятельствах встретил ее убийца.

И все же, прежде чем бросить монету и сделать выбор, Босх решил еще раз внимательно перечитать оба дела. Теория подсказывала, что лучше всего идти по еще не остывшему следу, и Босх взялся за папку с делом убитого мужчины.

Босх сразу отметил, что в папке нет многих обязательных документов. Так, Портер не получил окончательную, отпечатанную на машинке и заверенную печатью, копию протокола вскрытия. Гарри пришлось довольствоваться рапортом о первичном осмотре трупа и собственными заметками Портера, сводившимися к тому, что причиной смерти жертвы стали многочисленные удары «тупым твердым предметом». В переводе с полицейского языка на обычный это могло означать все, что угодно.

На вид мужчине было лет пятьдесят пять. Портер воспользовался выражением из полицейского сленга, назвав жертву «Хуан-67». Это указывало на то, что убитый скорее всего был латиноамериканцем — шестьдесят седьмым мертвым латиносом, найденным в округе Лос-Анджелес в текущем году. В карманах жертвы не было ни денег, ни бумажника — вообще ничего. Одежда мексиканского производства. Только одноцветная татуировка на левой половине груди, отдаленно напоминавшая привидение, была особой приметой, которая, возможно, позволила бы установить его личность. Босх несколько минут рассматривал фотоснимок, приложенный к делу, и наконец решил, что синеватая татуировка, напоминавшая Каспера, маленькое привидение из одноименного мультфильма, была сделана довольно давно, поскольку чернила повыцвели, а линии расплылись. Шестьдесят седьмой «Хуан» явно обзавелся этой картинкой еще в молодости.

В отчете об осмотре места преступления, заполненном рукой Портера, говорилось, что тело найдено 18 декабря в 01.44 свободным от службы полицейским офицером, чью личность удостоверял лишь номер значка. Видимо, полицейский шел в ресторан, когда увидел труп возле мусорного бака на заднем дворе.

С его слов Портер записал, что полицейский, жетон R/O № 1101, только что прибыл в участок и припарковал машину на заднем дворе ресторана «Яйцо», желая зайти туда поесть. Труп жертвы он заметил к востоку от мусорного контейнера. Тело лежало навзничь, ногами на юг и головой на север. Заметив на голове следы ударов, полицейский немедленно известил оперативного дежурного о том, что произошло убийство, и попро-

сил выехать бригаду следователей. До обнаружения трупа и после этого никого из посторонних полицейский во дворе не заметил.

Босх пролистал папку, надеясь найти рапорт, написанный копом 1101, но его не было. Тогда он взялся за фотографии. В стандартном конверте из плотной бумаги лежало несколько фотоснимков, сделанных на месте происшествия, прежде чем тело забрали в морг.

На фотографиях Гарри увидел, что голова жертвы была раскроена одним мощным ударом. На лице тоже виднелись раны, а на шее и когда-то белой майке запеклась кровь. Руки убитого были вытянуты по швам, ладони — раскрыты. Глядя на снимок, сделанный с близкого расстояния, Босх отметил, что два пальца на правой руке загнуты в обратную сторону. Такой сложный перелом типичен для обороняющегося. Помимо многочисленных ранений, Босх отметил также грубую кожу на ладонях, покрытую зажившими шрамами, и крепкие, напоминающие канаты, мускулы предплечий. Скорее всего убитый был сельскохозяйственным рабочим. Что же он делал на заднем дворе ресторана в час ночи?

В папке находились и свидетельские показания, взятые у служащих «Яйца». Все они были мужчинами, и Босха это удивило. Он сам не раз завтракал в «Яйце» и прекрасно помнил, что столики всегда обслуживали официантки. Портер явно не придавал значения их показаниям и сосредоточился на кухонной прислуге. Впрочем, каждый из опрошенных им заявил, что не видел жертву ни до, ни после смерти.

Над показаниями повара, орудовавшего у фритюрницы, Портер нацарапал звездочку. Этот человек заступил на смену ровно в час ночи. Чтобы проникнуть в кухню через черный ход, ему непременно пришлось бы пройти мимо мусорного контейнера, причем именно с восточной стороны. Повар, однако, утверждал, что не видел никакого тела. Он утверждал, что, конечно, заметил бы его, «ежели бы оно там было». На основании этих показаний Портер установил, что убийство произошло между часом и часом сорока четырьмя, то есть между приходом на работу повара и появлением полицейского офицера.

Далее в папке лежали распечатки из компьютерной картотеки полицейского управления Лос-Анджелеса, Национальной картотеки преступности, департамента юстиции Калифорнии и службы иммиграции и натурализации. Из них следовало, что отпечатки пальцев жертвы нигде не зарегистрированы. Компьютерный поиск не выявил ни одного совпадения, и личность шестьдесят седьмого «Хуана» так и осталась неустановленной.

В конце папки лежали заметки, сделанные Портером по ходу вскрытия, проведенного из-за загруженности коронерской службы только во вторник, в самый канун Рождества. Босх внезапно подумал, что свой последний официальный рабочий день Портер провел в прозекторской, наблюдая за тем, как эксперты вскрывают очередное тело. После праздника на службу он не вышел.

Вероятно, Портер уже знал о том, что работает последний день, поскольку его заметки — один лист бумаги с несколькими небрежно нацарапанными предложениями — носили весьма поверхностный характер. Некоторые фразы Босху не удалось прочесть, другие он с грехом пополам разобрал, но они казались совершенно лишены смысла. Только в самом конце страницы Гарри наткнулся на обведенную кружком отметку: «ВНС — с 12 до 18 час.».

Босх знал, что это означает: основываясь на температуре внутренних органов и других характерных признаках, экспертиза установила приблизительное время наступления смерти. Итак, «Хуан-67» погиб в промежуток между полуднем и шестью часами вечера предыдущего дня, не позднее.

Поначалу Босх решил, что и в этом нет никакого смысла. Выходило, что мексиканский пеон погиб как минимум за семь с половиной часов до того, как обнаружили его тело. Это не совпадало с показаниями повара, который не видел трупа на помойке в час ночи.

Очевидно, именно из-за этих противоречий Портер выделил заключение экспертизы. Вывод был очевиден: «Хуан-67» не был убит на задворках ресторана. Его прикончили гораздо раньше, в другом месте, а потом бросили труп возле помойки.

Босх достал из кармана записную книжку и начал составлять список тех, с кем ему следовало поговорить. Первым

значился врач-патологоанатом; у него Гарри рассчитывал получить полный протокол вскрытия. Следующим он записал самого Портера — с ним в любом случае следовало побеседовать подробнее. Третьим в список Босха попал повар, поскольку в заметках Портера упоминалась только та часть его показаний, где он утверждал, что не видел тела, но не говорил ничего о том, не заметил ли чего-нибудь необычного — посторонних людей, машину и так далее. Кроме того, Босх решил потолковать и с официантками, работавшими в то утро.

Прежде чем закончить работу над списком, Босх снял трубку телефона и набрал номер дежурной части.

— Мне нужно поговорить с полицейским, жетон номер одиннадцать-ноль-один. Пожалуйста, посмотрите по расписанию и назовите мне его фамилию.

На его звонок снова ответил Клейнман.

— Это не смешно, парень, — сурово откликнулся он.

— Что? — переспросил Босх, но в следующий момент все понял. — Этот номер принадлежит Калексико Муру?

— Принадлежал Муру. При-над-ле-жал.

Гарри поспешно положил трубку и попытался собраться с мыслями. Шестьдесят седьмой «Хуан» был найден за день до того, как Кэл Мур зарегистрировался в «Убежище». Интересно, что означает подобное совпадение? Сначала Мур натывается на труп, а на следующий день снимает номер в мотеле, включает на полную мощность кондишн и стреляет себе в рот крупной картечью сразу из двух стволов. Его предсмертная записка проста и загадочна:

«Теперь я знаю, кто я такой».

Босх закурил сигарету и вычеркнул из своего списка жетон 1101, однако мысли его все еще были сосредоточены на этой последней новости. Нетерпение и тревога снедали Босха. Он поднялся и несколько раз обошел вокруг стола, пытаясь представить себе различные варианты развития событий и роль, которую сыграл в них Портер, но каждый раз у него выходило одно и то же. Итак, Портер получил вызов и выехал на место происшествия расследовать смерть неизвестного латиноса. Не-

сомненно, на месте преступления он встретился и поговорил с Муром. На следующий день Мур исчез. Спустя неделю его нашли мертвым, а буквально через день после этого Портер объявил о своем решении уйти из полиции по медицинским показаниям, для чего обзавелся врачом. Слишком много совпадений.

Гарри позвонил в детективное бюро. Трубку взял Эдгар, и Босх попросил его порыться в картотеке и найти домашний телефон Портера. Эдгар, исполнив его просьбу, спросил:

— Эй, а ты где?

— А что, Девяносто Восемь Фунтов уже разыскивает меня?

— Нет. Просто несколько минут назад звонил один парень из группы Мура. Сказал, что ты зачем-то ему нужен.

— Зачем?

— Я просто передаю тебе то, что он сказал. Твою работу я делать не собираюсь.

— Хорошо, хорошо. Как его звали?

— Рикард. Он просил передать, что у них кое-что для тебя есть, и я дал номер твоего пейджера, поскольку ты не сказал, где будешь и когда вернешься. Так где ты находишься?

— Нигде, — ответил Босх и, быстро нажав на рычаги, набрал домашний телефон Портера. После десяти гудков он положил трубку и закурил очередную сигарету. Ему никак не удавалось понять, что скрывается за всем этим. Может, Мур, как и говорится в отчете, действительно наткнулся на тело совершенно случайно? Или он сам бросил его там? Ключа к этой загадке у Босха не было.

— Нигде! — громко повторил он в комнате, заполненной пыльными картонными ящиками.

Потом Босх позвонил в отдел судебно-медицинской экспертизы. Назвав себя, он попросил соединить его с временно исполняющей обязанности начальника лаборатории доктором Коразон. Гарри отказался объяснить телефонистке на коммутаторе, по какому делу звонит, поэтому ему пришлось ждать две минуты, прежде чем доктор Коразон взяла трубку.

— Я очень занята, — сказала она.

— И тебе тоже счастливого Рождества.

— Ох, это ты? Извини.

— Мура уже разрезали?

— Да, но я не имею права говорить об этом. Что ты хотел, Гарри?

— Мне только что перешло по наследству одно дело, но в нем нет протокола вскрытия. Вот я и пытаюсь выяснить, кто им занимался, чтобы получить копию.

— Не хочешь же ты сказать, что этим должен заниматься начальник лаборатории, пусть даже временный? Мог бы попросить об этом любого из экспертов, которым лень даже задницу оторвать от табуретки.

— Я обратился бы к ним, но они не так любезны моему сердцу, как ты, золотко.

— Ну ладно, выкладывай поскорее. Кто тебе нужен?

— Мужчина, латинос, зарегистрирован под номером шестьдесят семь. Дата смерти — восемнадцатое декабря. Вскрытие проводилось двадцать четвертого.

Доктор Коразон молчала, и Гарри решил, что она просматривает расписание.

— Вот, — сказала она наконец. — Двадцать четвертое. Двадцать четвертого у нас дежурил Салазар, но сейчас его нет. Это было его последнее вскрытие перед отпуском, после чего он укатил в Австралию. Ровно на месяц. Говорят, в Австралии сейчас лето.

— Черт!

— Не падай духом, дружок. Вот он, пакет, у меня в руках. Салли приготовил его для Портера — как раз сегодня он собирался за ним зайти, но почему-то так и не появился. Как к тебе попало его дело?

— Лу решил рвать когти.

— Господи, что это он? Как его угораздило? Погоди-ка...

Не дожидаясь его ответа, Тереза Коразон исчезла на минуту. Когда она вернулась, ее голос звучал на пол-октавы выше.

— Извини, Гарри, но мне нужно срочно завершить одно дело. Может, встретимся после работы? Я прочитаю заключение и расскажу тебе подробнее, что именно мы нашли. Помнится, именно в этом латинесе Салазар откопал что-то интересное. Во всяком случае, он приходил ко мне за санкцией на консультацию.

— С кем?

— Ему понадобился энтомолог, ученый, занимающийся бабочками и работающий в Лос-Анджелесском университете.

Босх знал, что в теле, пролежавшем не более двенадцати часов, вряд ли успели завестись трупные черви. К тому же, чтобы опознать их, Салазару едва ли нужен был энтомолог.

— Бабочками? — переспросил он.

— Да, — подтвердила Коразон. — Мушками. Они попались ему при анализе содержимого желудка и в соскобах из носоглотки. Ладно, Гарри, мне сейчас действительно некогда. Меня с нетерпением ждут четверо мужчин, и только один из них — труп.

— Значит, остальные трое — Ирвинг, Частин и Шиэн, наши три мушкетера, — заключил Босх.

Коразон рассмеялась.

— В самую точку, Гарри!

— Так где мы встретимся и когда? — спросил он, взглянув на часы. Было без малого три.

— Может, около шести? — предложила Тереза. — Я успею закончить вскрытие и просмотреть заключение по твоему «Хуну». Идет?

— Зайти за тобой?

Пейджер Босха разразился скрипучим чириканьем, и он заглушил его хорошо отработанным движением руки.

— Нет, не стоит. Подожди меня в «Красном ветре». Заодно переждем часы пик.

— Заметано.

Босх дал отбой и проверил высветившееся на пейджере сообщение. Увидев номер разменной кассы у платных таксофонов, он сразу набрал его.

— Босх? — спросил голос.

— Босх.

— Это Рикард. Я работал с Кэлом Муром. В БАНГе.

— Да?

— У меня есть для тебя кое-что интересное.

Босх молчал, чувствуя как зашевелились у него волосы. Он пытался представить себе лицо человека, назвавшегося Рикардом, но это ему никак не удавалось. Сотрудники группы по борьбе с наркотиками редко появлялись на работе в дневные

часы, да и держались всегда особняком, предпочитая вести замкнутый образ жизни. Рикарда Босх не знал.

— Можно сказать и так, что Кэл кое-что для тебя оставил, — уточнил Рикард. — Не хочешь встретиться? Пожалуйста, нам не стоит разговаривать в участке.

— Почему?

— У меня на это свои причины. Объясню, когда увидимся.

— Где встретимся?

— Знаешь ресторан «Яйцо» на бульваре Сансет? Там подают вполне приличную еду, да и ширял там не увидишь.

— Да, я знаю это место.

— Вот и отлично. Мы будем ждать тебя в самой дальней кабинке, почти рядом с дверью в кухню. Как увидишь стол, за которым сидит единственный во всем заведении чернокожий парень, сразу шагай туда. Это я и есть. Парковка сзади, в переулке.

— Знаю. Кто это «мы»?

— Вся команда Кэла.

— Так вот где вы всегда собираетесь!

— Да, перед тем как идти на улицу. До встречи.

Глава 7

С тех пор как Босх в последний раз побывал в «Яйце», вывеска ресторана изменилась. Теперь к его названию прибавилось слово «Всеамериканское», и это, вероятно, означало, что ресторан перешел в руки иностранного владельца.

Гарри выбрался из своего «каприса» и прошел немного по переулку, высматривая место у задней двери, куда подбросили труп «Хуана-67». Довольно странно, что тело нашли именно возле того ресторана, где собиралась перед рейдами группа по борьбе с уличной торговлей наркотиками.

В этот момент плавное течение мыслей Босха было прервано появлением компании уличных попрошайек, которые начали трясти перед ним своими жестяными кружками. Гарри демонстративно не обращал на них внимания, но нищие

заставили его подумать еще об одном упущении, совершенном Портером в его пародии на расследование. Насколько помнил Босх, в отчете не упоминалось о том, что Портер опросил уличных бродяг и попрошаек, хотя среди них вполне мог оказаться свидетель. Теперь исправлять эту ошибку скорее всего поздно.

В кабинке, в глубине ресторана, Босх увидел четырех молодых людей; один из них был чернокожим. Все они сидели молча, сосредоточенно разглядывая стоявшие перед ними пустые кофейные чашки. Взяв от ближайшего столика свободный стул и подсев к ним, Гарри заметил на столе казенного вида картонную папку.

— Я — Босх, — назвал себя Гарри.

— Том Рикард. — Темнокожий протянул руку и назвал Гарри трех своих товарищей — Финкса, Монтисеса и Федаредо. — Надоело торчать в конторе, — пояснил Рикард. — А Кэлу очень нравилось это место.

Босх кивнул и бросил взгляд на закрытую папку. На картонном переплете написано крупными буквами: «Умберто Зорилло». Босху это ничего не говорило, но Рикард подвинул папку к нему.

— Что это? — спросил Босх, не касаясь документов.

— Видимо, последнее дело, над которым он работал. — Рикард пожал плечами. — Сначала мы хотели передать это досье в ОРГУ, но потом подумали — какого рожна? В конце концов, Кэл собирал эти материалы для тебя, а этим ребятам из Паркер-центра только одного и надо — окунуть его поглубже в дерьмо. С этими бумажками они возиться не станут.

— Что ты имеешь в виду?

— Мало им того, что Мур наложил на себя руки! Теперь они хотят разобрать его жизнь по косточкам, чтобы знать наверняка, почему он поступил так, а не этак. Парень застрелился — что еще к этому добавишь?

— А вам не интересно знать — почему?

— Я и без них знаю. Все работа, проклятая работа... Когда-нибудь она нас всех достанет. Так что вопрос «почему?» ни перед кем из нас не стоит.

Босх кивнул. До сих пор говорил только Рикард. Ни один из его товарищей не проронил ни слова.

— Извини, — сказал Рикард. — Я просто выпускаю пар. У меня был нелегкий день, самый длинный чертов день в моей жизни.

— А где лежала эта штука? — спросил Гарри, показывая на папку. — Разве ОРГУ не порылся как следует в его рабочем столе?

— Порыться-то они порылись, да только досье там не было. Кэл оставил его в одной из банговских машин — в нашей развалюхе без опознавательных знаков, которую мы используем для работы. Там оно и лежало — в кармане за передним сиденьем. Всю неделю, пока Кэла искали, никто из нас не ездил на заднем сиденье, поэтому мы не нашли его раньше. На операцию ведь выезжаешь в двух машинах — по двое на переднем сиденье. — Но сегодня, когда до нас дошли последние новости, мы все прыгнули в одну тачку, чтобы прошвырнуться по Бульвару. Только тогда я увидел, что папка торчит из кармана. Внутри, кстати, лежит записка с просьбой отдать дело тебе, но нас это не удивляет. Мы знали, что, после того как Кэл отвалил с дежурства пораньше и встретился с тобой в «Каталине», он начал собирать для тебя какие-то материалы.

Босх не спешил открыть досье. Ему стало немного не по себе от одного взгляда на эту ничем не примечательную картонную папку.

— В тот вечер в «Каталине» он говорил, что на него налетели дерьмоеды из ОВР. Может, вы знаете — почему?

— Нет, дружище, этого мы не знаем. Нам известно только, что они тоже участвуют в этом расследовании. Вот уж действительно: слетелись как мухи на дерьмо! ОВР покопался в столе Кэла еще прежде «костюмов» из ОРГУ. Они забрали все дела, взяли его телефонную книжку и даже уволокли пишущую машинку. Кстати, это наша единственная машинка. А зачем все это — черт его разберет... Главное ведь в том, что Кэл прослужил в полиции чертову уйму лет, а теперь это сучье отродье устроило на него настоящую облаву. Именно это я и имел в виду, когда говорил, что прикончила его работа. Она всех нас достанет.

— А что помимо работы? Что вы знаете о его прошлом? Жена Мура говорила...

— Не хочу даже слышать об этом, приятель. Эта бабенка и заложила Мура «костюмам». Он уехал в командировку, а она состряпала какую-то историю и капнула. Если тебе интересно мое мнение, то она просто хотела его утопить.

— Откуда ты знаешь, что это была она?

— Кэл сам рассказал нам, откуда ветер дует. Когда предупреждал, что дерьмоеды могут задавать нам всякие вопросы.

Босх задумался, прикидывая, кто из них солгал — Мур ли своим партнерам, или Сильвия — ему. Вспоминая лицо Сильвии, Гарри, однако, понял, что это нереально. Он не мог представить себе, чтобы Сильвия так поступила. Впрочем, выяснять это с партнерами Мура не имело никакого смысла, и Босх решил не настаивать. Еще немного подумав, он протянул руку, взял досье и направился к выходу.

Одолеваемый любопытством, Босх не стал тянуть время. Гарри знал, что досье вообще не должно было попасть к нему в руки, поэтому он обязан снять телефонную трубку и позвонить в ОРГУ Фрэнки Шиэну. Однако, воровато оглядевшись, он юркнул в машину. Не заметив поблизости никого, Босх раскрыл папку. На первой же странице он наткнулся на желтую бумажку из самоклеящегося блокнота с надписью: «Передать Гарри Босху». На записке не было ни подписи, ни даты. Кто-то — видимо, сам Мур — приклеил ее к первому листу бумаги, к которому обычной канцелярской скрепкой было подколото пять бледно-зеленых протоколов задержания. Аккуратно отцепив их, Гарри быстро просмотрел бланки. Все они были заполнены на пять разных мужчин, остановленных сотрудниками группы БАНГ в октябре или ноябре. Всех пятерых отпустили после допроса. Почти никакой дополнительной информации, кроме примет, домашнего адреса, номера водительской лицензии, даты и места задержания, в протоколах не содержалось. Имена Босху ничего не говорили.

Отложив протоколы в сторону, Гарри взглянул на лист, к которому они были прикреплены. На нем стояло заглавие: «Внутренняя справка» — и подзаголовок: «Оперативный доклад группы БАНГ, 144». Справка была датирована первым ноября, а на обратной стороне листа Босх обнаружил резиновый

штамп «Подшито...». Судя по всему, справку официально зарегистрировали двумя днями позже.

«В процессе сбора оперативно-розыскной информации, относящейся к незаконному обороту наркотиков в зоне ответственности номер 12, сотрудники полиции Мур, Рикард, Финкс, Федаредо и Монтирес произвели несколько допросов лиц, подозреваемых в продаже наркотических веществ в районе бульвара Голливуд. В последнее время внимание вышеперечисленных сотрудников полиции привлек тот факт, что некоторые из установленных торговцев наркотиками начали предлагать клиентам так называемый черный лед — наркотик, состоящий из героина, кокаина и кристаллического фенциклидина. Спрос на этот вид «дури» пока невысок, однако резкий рост его популярности среди уличных наркоманов более чем вероятен.

Офицеры спецподразделения БАНГ считают, что уличной торговлей «черным льдом» занимаются несколько «челноков». В результате оперативно-следственных мероприятий было установлено пятеро подозреваемых, однако арестов еще не производилось. Судя по всему, сетью уличных торговцев руководит глубоко законспирированный координатор, чью личность установить пока не удалось.

Добровольные информаторы и наркоманы, использующие «черный лед», утверждают, что этот наркотик, продающийся в зоне ответственности, поступает главным образом из Мексики, а не с Гавайских островов, где «лед» был изобретен (см. информационный бюллетень Администрации по контролю за применением законов о наркотиках 502), хотя доставка «льда» с Гавайев на континент по-прежнему имеет место.

Группа БАНГ планирует запросить у АKN дополнительную агентурную информацию относительно происхождения «черного льда» и продолжить наблюдение за незаконным оборотом наркотиков в 3/О 12.

Сержант К.В. Мур, жетон 1101».

Босх перечитал рапорт. Эта типичная отписка, созданная с единственной целью прикрыть свою задницу, не содержала никаких конкретных сведений и не значила ровным

счетом ничего. Бумажка не имела ни малейшей ценности, однако в случае каких-либо осложнений ею можно было козырнуть перед начальством, дабы доказать, что ты не спал на посту и даже предпринимал кое-какие шаги по предотвращению, недопущению и проч. Скорее всего Мур понял, что «черный лед» уже не редкость на улицах города, и поспешил направить упреждающий рапорт, чтобы обезопасить себя от упреков в недобросовестности и возможных репрессий.

Следующим в папке лежал датированный девятым ноября рапорт об аресте некоего Мервина Дэнса, обвиненного в хранении запрещенных наркотических веществ с целью сбыта. В рапорте утверждалось, что Дэнс был задержан сотрудниками подразделения БАНГ после того, как передал партию «черного льда» уличному торговцу. Рикард и Финкс засекли его на Айвер-стрит, севернее Бульвара, когда подозреваемый сидел в припаркованной по всем правилам машине и словно кого-то ждал. На глазах у обоих офицеров к машине подошел другой человек и сел рядом с ним на переднее сиденье. Если верить рапорту, Дэнс достал что-то изо рта и передал предмет незнакомцу. Тот сразу же выбрался из машины и поспешил прочь. Офицеры разделились; Финкс стал преследовать покупателя. Когда они удалились на такое расстояние, что Дэнс уже не видел их, Финкс задержал незнакомца и обнаружил у него в кармане «восьмерик» — презерватив; в нем лежало восемь порций «черного льда», расфасованных по одному грамму.

Рикард тем временем продолжал наблюдение за Дэнсом, который, оставаясь в машине, поджидал очередного дилера. Получив радиосообщение Финкса о произведенном задержании, Рикард тоже начал действовать.

К сожалению, Дэнс успел проглотить то, что держал во рту, если, конечно, у него там что-то было. Надев на подозреваемого наручники и усадив его на тротуар, Рикард обыскал машину, но никаких наркотиков не нашел. Зато в смятом стаканчике с эмблемой «Макдоналдса», валявшемся в водосточном желобе рядом с дверцей машины, оказалось еще шесть презервативов с «черным льдом» — в каждом по восемь граммов.

В результате Дэнса арестовали за продажу и хранение наркотиков с целью сбыта. В рапорте говорилось, что задержанный отказался говорить с полицейскими офицерами о наркотиках, однако утверждал, что стакан из ресторана «Макдоналдс» ему не принадлежит. Дэнс даже не требовал свидания с адвокатом, но примерно через час тот появился в участке сам и заявил офицерам, что в соответствии с конституцией они не имеют права везти задержанного в госпиталь для промывания желудка, равно как и копаться в его испражнениях, когда ему захочется в туалет. Сержант Мур, участвовавший в документальном оформлении задержания в участке, проконсультировался с дежурным заместителем окружного прокурора, и тот подтвердил, что законник абсолютно прав.

В конце концов — всего через два часа после ареста — Дэнса отпустили на свободу под залог в сто двадцать пять тысяч долларов. Это показалось Босху весьма примечательным, поскольку арест был произведен в 23.42. Выходило, что среди ночи Дэнс в течение двух часов обеспечил себя адвокатом, поручителем и необходимыми для внесения залога наличными деньгами в размере десяти процентов от назначенной судьей суммы, что составило ни много ни мало двенадцать с половиной тысяч баксов.

В итоге против Дэнса не было выдвинуто ни одного серьезного обвинения. Босх убедился в этом, просмотрев еще одну страницу в папке, содержащую поступивший из прокурорской службы официальный отказ в возбуждении уголовного дела. Принимая такое решение, помощник окружного прокурора основывался на недостаточном количестве улик. Те, что имелись, не позволяли связать Дэнса со смятым стаканчиком на мостовой, валявшимся в трех футах от машины.

Итак, обвинение в хранении отпадало. Что касается продажи, то об этом и вовсе не упоминалось, поскольку даже полицейские из подразделения БАНГ не видели, чтобы Дэнс получал от покупателя какие-либо деньги после того, как передал ему презерватив с расфасованным «черным льдом».

Семнадцатилетний покупатель наркотиков по имени Гленн Дрюзон категорически отказался свидетельствовать, что получил наркотик от Дэнса. В постановлении об отказе в возбужде-

нии уголовного дела фактически говорилось: Гленн скорее всего будет настаивать на том, что уже имел наркотик, когда сел в машину Дэнса. В таких обстоятельствах вызов в суд наверняка закончился бы заявлением Гленна о том, будто он сам пытался продать «черный лед» Дэнсу, но тот не заинтересовался предложением.

Тем дело и кончилось. Дэнс вышел на свободу, а Дрюзон, обвиненный в хранении наркотиков с целью сбыта, был освобожден под надзор полиции как несовершеннолетний.

Босх на мгновение отвлекся от документов и окинул взглядом улицу. Вдали виднелось округлое многоэтажное здание «Гильдии директоров», вздымавшее к небу свои стены, отделанные блестящей латунью и стеклом. Из-за него чуть выступала верхушка огромного рекламного щита с портретом «Человека-Мальборо», украшавшего бульвар Сансет столько времени, сколько Гарри себя помнил.

Закурив сигарету, он снова вернулся к прокурорскому постановлению. К бумаге была подколота фотография Дэнса: светловолосый парень самодовольно ухмылялся в объектив полицейской камеры. Босх вздохнул. Он отлично знал, что именно этим, как правило, и заканчивается большая часть уличных арестов. Полиции попадаете лишь мелкая рыбешка, питающаяся крохами со дна, тогда как рыба покрупнее обходит или рвет расставленные сети. Копы прекрасно сознавали, что в их силах только затруднить жизнь преступникам; избавить от них город они не могли. Что с того, если один из мелких торговцев отправится в тюрьму? Другой тут же займет его место, а порой наемный адвокат так расстается, что окружной прокурор, обремененный множеством других важных дел, побряхтит-побряхтит, но выпустит арестованного. И все начнется сначала. Отчасти по этой причине Босх так держался за свое детективное бюро и расследование убийств. Иногда ему казалось, что насильственная смерть — единственный вид преступлений, которые все еще считаются общественно опасными. Но в последнее время даже это стало понемногу меняться.

Спрятав фотографию Дэнса в карман, Гарри на время отложил папку. Арест этого торговца не выходил у него из головы. Какую связь увидел Калексико Мур между Дэнсом и Джим-

ми Каппсом? Почему он так хотел, чтобы это дело попало к Босху?

Гарри достал из внутреннего кармана куртки маленькую записную книжку и попытался выстроить события в хронологическом порядке. Получилось у него вот что:

«9 ноября — арестован Дэнс.

13 ноября — найден труп Джимми Каппса.

4 декабря — встреча Мура и Босха».

Гарри захлопнул книжку. Ему необходимо было вернуться в ресторан и задать Рикарду один важный вопрос, но он не спешил. Босх снова раскрыл на коленях папку. Непрочитанной оставалась только одна страница, содержащая переложение оперативно-следственной информации, собранной совсем другой службой. Очевидно, Мур решил вкратце изложить основные тезисы своей консультации с агентом АКН, отвечавшим за Лос-Анджелес. Документ, датированный одиннадцатым декабря, был написан ровно через неделю после встречи в баре «Каталина».

Гарри размышлял о том, как это стыкуется со всем остальным и что может означать, если вообще в семи днях содержался какой-то особый смысл. Он помнил, что во время разговора в баре Мур не слишком охотно делился с ним информацией, так почему же вдруг обратился за консультацией в Администрацию по контролю за применением законов о наркотиках, то есть попытался подыграть сразу обеим сторонам? Или же наоборот: Мур хотел спалить дело Босха и записать его на свой счет?

Ответа на эти вопросы он так и не нашел и начал медленно читать рапорт, машинально теребя пальцами углы картонной папки.

«Согласно информации о состоянии дел на текущий момент, полученной от специального уполномоченного агента АКН Рене Корво, оперативно-следственные мероприятия, проведенные лос-анджелесским отделением АКН, позволяют сделать вывод о том, что основной источник наркотика под названием «черный лед» — район Калифорнийского залива. В

этом районе действует некто Умберто Зорилло (Дело оперативной разработки 44К-3, род. 11.11.1954). Судя по имеющимся сведениям, он владеет расположенной в мексиканской зоне подпольной лабораторией, производящей «черный лед» с целью последующей его продажи на территории США. Объект проживает на скотоводческом ранчо площадью около шести тысяч акров к юго-западу от Мехикали, но по политическим мотивам местные полицейские власти Мексики не склонны возбуждать против него уголовное преследование. Тип транспорта, которым пользуются люди Зорилло для переброски наркотика на территорию США, пока не выяснен. Воздушная разведка не выявила на территории ранчо никаких летательных аппаратов, равно как и оборудованных посадочных площадок для них. Опираясь на свой опыт, АKN считает, что наркотик, вероятно, переправляется автомобильным транспортом через Калексико или Сан-Исидро, однако в указанных пограничных пунктах он ни разу не был перехвачен. Не исключено, что объект пользуется поддержкой должностных лиц мексиканской судебной полиции или службы пограничного контроля.

На своей территории (в рабочих поселках — баррио — к юго-западу от Мехикали) Умберто Зорилло пользуется огромным уважением и репутацией народного героя, главным образом благодаря поддержке, которую он оказывает местным жителям. Она выражается в создании многочисленных рабочих мест, в организации медицинской помощи населению самых бедных кварталов, где рос когда-то Зорилло, в возведении новых жилищ для малообеспеченных работников и в создании бесплатных столовых. Некоторые из местных жителей величают его не иначе как Римским Папой Мехикали (Эль-Папа де Мехикали).

Ранчо Зорилло круглосуточно находится под надежной охраной, и Эль-Папа редко появляется за его пределами. Единственное исключение составляют еженедельные поездки на бой быков, в котором участвуют выращенные на его ранчо животные. В настоящее время местные полицейские власти категорически не расположены к совместным с АKN акциям, если те будут направлены против Зорилло.

Сержант Мур, жетон 1101».

Закрыв папку, Босх смотрел на нее и пытался разобраться в своих мыслях. Он никогда не верил в совпадения и теперь недоумевал, каким образом Калексико Муру удалось надкусить все его яблоки. Потом взгляд его упал на часы, и Гарри сообразил: ему пора трогаться, чтобы не опоздать на встречу с Терезой Коразон. И все же беспорядочный рой мыслей не мог отвлечь Босха от самого главного соображения: Фрэнки Шиэн должен располагать всей этой информацией о Зорилло. Когда-то Босх работал с ним в ОРГУ и с тех пор все еще считал Фрэнки неплохим человеком и хорошим следователем. Если Шиэн ведет расследование на законных основаниях, у него есть эти материалы. Если их нет, стало быть, они не имеют никакого значения.

Гарри вышел из машины и вернулся в ресторан через кухонную дверь. Осиротевшая группа БАНГ все еще была здесь. Все четверо сидели за столом так печально и неподвижно, словно находились в задней комнате морга. Пятый стул по-прежнему стоял там, куда Босх его поставил, и Гарри снова уселся.

— В чем дело? — спросил Рикард.

— Ты ведь тоже читал это дело, верно? Расскажи мне подробнее об аресте Дэнса.

— Что тут рассказывать? — Рикард пожал плечами. — У нас задницы трескаются от натуги, а помощник прокурора отпускает наших клиентов. Ничего нового в этом нет. Наркотик другой, а песня та же самая.

— Кто навел вас на Дэнса? Как вы узнали, что он доставляет наркотик на Бульвар?

— Да так, услышали в одном месте.

— Рикард, это важно. И касается Мура.

— Как?

— Этого я не знаю, во всяком случае — сейчас. Вам придется довериться мне и подождать, пока я сложу кое-какую головоломку. Просто скажите мне, кто присоветовал вам посмотреть за Дэнсом. Ведь так было дело?

Рикард, казалось, мысленно взвешивал все шансы.

— Да, — признался он. — Мы действовали по наводке. На Дэнса указал мой осведомитель.

— Кто?

— Послушай, дружище, я не могу...

— Джимми Каппс? Это был Джимми Каппс, верно?

Рикард снова замялся, но для Босха иного подтверждения и не требовалось. Гарри не на шутку рассердился, что ему удалось узнать такую важную деталь лишь по чистой случайности, да и то только после смерти Мура. Несмотря на это, картина понемногу прояснялась. Каппс сдал Дэнса, чтобы избавиться от конкурента, после чего срочно вылетел на Гавайи, набил себе брюхо презервативами с зельем и вернулся в Лос-Анджелес. Но Дэнс уже вышел из-под замка, и Каппса убрали, прежде чем он успел продать хотя бы грамм своего товара.

— Почему вы не пришли поговорить со мной, узнав, что вашего Каппса прикончили? А я-то старался, искал мотив убийства...

— О чем ты, Босх? Ведь Мур встречался с тобой в «Каталине» из-за Каппса. Неужели он...

Все вдруг поняли: Калексико Мур не сказал Босху всего, что знал о Каппсе и его смерти. Рикард замолчал на полуслове, и над столом повисла гнетущая тишина. Если банговцы не осознавали всего раньше, то теперь им стало очевидно: у Мура было что-то на уме.

Босх первым нарушил молчание:

— Кэл знал, что Каппс был твоим информатором?

Рикард кивнул. Босх решительно встал и положил папку перед ним на стол.

— Мне это не нужно. Позвони Шиэну в ОРГУ и сообщи, что ты ее только что нашел. На твоём месте я бы не стал упоминать, что ты показывал эти документы мне, а там — как знаешь. Я, во всяком случае, ему не скажу. — Гарри собрался уйти, но вдруг остановился. — И еще одно... Кто-нибудь из вас видел потом этого Дэнса на Бульваре?

— Со времени ареста — ни разу, — отозвался Федаредо, а трое других покачали головами.

— Дайте мне знать, если вдруг он попадется вам. Мой номер у вас есть.

Выйдя из ресторана, Босх еще раз посмотрел на то место, где Калексико Мур нашел тело шестьдесят седьмого «Хуана». Якобы нашел... Босх уже и сам не знал, чему верить, а чему —

нет. Ему оставалось только гадать, что связывало Джимми Каппса, неопознанного «Хуана» и Дэнса, если такая связь вообще существовала. Удастся ли ему разгадать эту загадку, зависело от того, сумеет ли он установить личность человека с крепкими руками крестьянина, привыкшего к непосильному труду. Тогда он найдет и убийцу.

Глава 8

Оказавшись у Паркер-центра, Гарри поспешно миновал мемориальную скульптуру перед входом и вошел в вестибюль. Чтобы следовать дальше, он предъявил дежурному копу за барьером значок: полицейское управление было слишком большим, и дежурящие на вахте копы узнавали в лицо только самое высокое начальство.

В вестибюле толпилось довольно много народа; кто-то приходил, кто-то уходил, одни были в форме, другие — в гражданском, а у иных висел на лацкане значок с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ». Последние отличались от завсегдатаев Паркер-центра вытаращенными глазами и растерянными лицами, ибо этим людям предстояло впервые испытать себя в лабиринте Минотавра. Впрочем, так оно, в сущности, и было; во всяком случае, Босх давно пришел к заключению, что ПУЛА со всем его бюрократизмом скорее запутывало, чем облегчало службу рядовых копов. Каждый коридор восьмиэтажного здания представлял собой удельное феодальное княжество со своими собственными границами, ревностно оберегаемыми армией заместителей, помощников и ответственных секретарей. Каждое маленькое сообщество существовало внутри большого сообщества совершенно автономно и относилось к соседям с неизменным подозрением.

За восемь лет службы в ОРГУ Босх стал настоящим знатоком лабиринта; во всяком случае, таковым он считал себя, пока не погорел на расследовании, которое затеял против него ОВР. Поводом к расследованию послужил его выстрел в безоружного подозреваемого: Гарри должен был задержать его в связи с

причастностью последнего к нескольким убийствам. Босх нажал на спусковой крючок, когда лежавший на кровати мужчина сунул руку под подушку. Впоследствии выяснилось, что под подушкой не было никакого оружия, там лежал лишь парик. Ситуация выглядела смешной до идиотизма, но поначалу казалось, что она кончилась плохо лишь для подозреваемого, ибо Босх уложил его наповал и тот отправился в морг в картонной коробке. Однако не все было так просто. И хотя несколько позднее другие следователи ОРГУ доказали, что он действительно совершил все одиннадцать убийств, Босха перевели с понижением в голливудский участок.

В лифте было тесно, душно и пахло потом. Гарри вышел на четвертом этаже и направился в отдел научной экспертизы. Секретарша уже ушла, и ему пришлось перегнуться через барьер, чтобы нажать на кнопку замка. Дверь перед ним со щелчком отворилась, и Гарри прошел через баллистическую лабораторию в общую комнату. Арт Донован все еще сидел за рабочим столом.

— Как ты сюда попал? — спросил он вместо приветствия.

— Открыл дверь и вошел.

— Больше так не делай, Гарри. Ты же нагло попираешь секретность, режим и прочее.

Босх покаянно кивнул.

— Больше не повторится, сэр.

— Так чего тебе надо? — уточнил Донован. — Насколько я помню, твоих дел у меня нет.

— Есть.

— Это какое же?

— Дело Кэла Мура.

— Чушь.

— Арт, дело, которое я сейчас веду, — составная часть этого дела. У меня всего несколько вопросов. Ответь на них, если сможешь, а не сможешь — тоже ничего страшного.

— Что это за дело?

— Я пытаюсь выяснить кое-какие обстоятельства, относящиеся сразу к двум случаям, которые нынче у меня в производстве. Они-то и вывели меня на след Мура. Вот я и подумал... Словом, мне необходимо быть уверенным... насчет его. Ты меня понимаешь?

— Нет.

Босх выдвинул из-за ближайшего стола стул и уселся на него верхом. В общей комнате никого больше не было, но Босх нарочно заговорил негромко, надеясь, что эксперт-криминалист наклонится к нему.

— Я хочу убедиться для себя лично. Скажи, точно ли вы все установили?

— Установили — что?

— Ну, Арт, не прикидывайся. Мне нужно знать, точно ли установлено, что это Мур, и один ли он был в комнате.

Донован долго молчал, откашливался, прочищая горло, наконец с сомнением пробормотал:

— Так ты, говоришь, расследуешь дела, имеющие отношение к Муру? То есть Мур имеет к ним отношение?

Босх подумал, что этот вопрос вполне по существу. Тем не менее он оставлял ему небольшую свободу маневра.

— Видишь ли, у меня в работе был убитый торговец наркотиками, и я просил Мура кое-что проверить по своей линии. Потом на меня свалилось еще одно мертвое тело — неопознанный латинос: его подобрали на улице неподалеку от бульвара Сансет. Второй труп нашел именно Мур. И буквально на следующий день он вселился в этот вонючий мотель и выкинул свой фортель с дробовиком. Во всяком случае, так это выглядит на первый взгляд. Мне только хотелось еще раз убедиться в том, что все произошло именно так, как кажется. Насколько я слышал, в морге сняли отпечатки с тела и они совпали с дактилокартой из личного дела.

— А почему ты предполагаешь, что твои два случая имеют отношение к Муру?

— Сейчас я вообще ничего не предполагаю. Просто стараюсь отсеять лишние возможности. Может, это просто совпадения. Не знаю... — Босх пожал плечами.

— Ну-у-у... — протянул Донован. — Мне не известны результаты медэкспертизы, но отпечатки, что я снял в комнате, действительно принадлежат ему. Это Мур. Да я, собственно говоря, только что с ними закончил. Мне понадобился почти целый день.

— Отчего так долго?

— Компьютер Департамента юстиции барахлил все утро, и я не смог получить отпечатки из картотеки. Пришлось идти в отдел кадров, но там мне сообщили, что Ирвинг уже забрал личную карточку Мура для представления коронеру. Вообще-то так делать не полагается, но тот, кто первым скажет об этом Ирвингу, попадет в черный список. В общем, мне пришлось ждать, пока починят этот чертов компьютер в Департаменте юстиции, так что я начал только после обеда, а закончил сейчас. Но не сомневайся: в комнате был Мур, это точно.

— В каких местах ты снял отпечатки?

— Погоди-ка...

Донован оттолкнулся ногами и, отъехав вместе с креслом к шкафчикам картотеки, отпер один из ящиков. Босх, воспользовавшись случаем, закурил.

Наконец Донован нашел то, что искал, и с толстой папкой в руках тем же манером подкатил к столу.

— Брось-ка эту штуку, Гарри. Терпеть не могу этот дерьмовый дым.

Босх бросил сигарету на линолеум, наступил на нее носком ботинка и так поддал расплющенный окурок, что он залетел под стол Донована. Арт между тем просматривал извлеченные из папки листы. Босх заметил, что на каждом из них вычерчен план номера, в котором нашли тело Мура.

— Вот... — сказал Донован. — Все отпечатки в комнате принадлежат Муру. Я проверял на компь...

— Ты это уже говорил.

— Погоди, погоди, сейчас. Давай посмотрим, что мы имеем... ага, отпечаток большого пальца на ложе ружья. Четырнадцать совпадений. Это, наверное, самый четкий след.

Босх знал, что, сравнивая отпечатки пальцев, суд признавал их идентичность при наличии не менее пяти совпадений. Получить четырнадцать совпадений на двустволке — все равно что располагать фотографией человека с оружием в руках.

— Что еще... — продолжал бормотать Донован. — Четыре отпечатка на стволе, по три совпадения на каждый. Наверное, смазались, когда отдачей рвануло ружье у него из рук. Так что здесь ничего интересного.

— А на спусковом крючке?

— Ничего. Абсолютно ничего. Он же нажимал на крючки большим пальцем ноги, а нога была в носке. Помнишь?

— Помню. И еще я помню, как ты опылял рукоятки кондиционера.

— Там я ничего не нашел. Мы считали — он включил кондишн, чтобы замедлить разложение, но на рукоятках ничего нет. Впрочем, они сделаны из пластика с очень грубой поверхностью, поэтому там в любом случае вряд ли что-нибудь осталось бы.

— Что еще?

Донован заглянул в свои записи.

— Я снял два отпечатка со значка — указательный и большой пальцы, пять и семь попаданий соответственно. Значок лежал на столике вместе с бумажником, но на бумажнике все смазано. На служебном револьвере тоже полно смазанных отпечатков, зато на патроне — четкий след большого пальца.

Кроме того, имеется почти целая ладонь — большой и еще три пальца — на левой дверце шкафчика, что под раковиной в ванной комнате. Наверное, он оперся о него, когда садился... Какой поганный конец, Гарри!

— Да. И это все?

— Все. То есть нет, не совсем. На газете — там на стуле лежала газета — снова абсолютное совпадение. Большой палец и три других.

— Что на патронах от дробовика?

— Все смазано. Там я ничего не смог взять.

— А на записке?

— На записке — ничего.

— Кто-нибудь сравнивал почерк?

— Ну, записка была напечатана, но Шиэн все равно заставил графологов поработать над ней. По его словам выходит, будто шрифт совпадает. Дело в том, что несколько месяцев назад Мур переехал от жены и снял квартиру в Лос-Фелисе, в «Тепперо», поэтому ему пришлось заполнять форму о перемещении места жительства. Бланк хранился в его личном деле, которое заграбастал Ирвинг, но проблема не в этом. Мур заполнил его на машинке, и эксперты нашли много совпадений с запиской — в частности, в словах «Теперь» и «Тепперо».

— Ружье проверили? Кто-нибудь проследил его по номеру?

— Номер на ружье сточен и протравлен кислотой. Никаких следов... Кстати, Гарри, — вдруг заволновался Донован, — мне не следовало бы так много болтать. Давай лучше...

Он не закончил и, вернувшись со стулом к шкафу, начал убирать туда свои папки.

— Я почти закончил, Донни. Что показала баллистическая экспертиза?

Донован запер шкаф и повернулся к Босху.

— Баллистикой только начали заниматься, поэтому результатов пока нет. Впрочем, мы же говорим о двустволке с горизонтальным расположением стволов, из которой стреляли крупной картечью. В таких патронах, как правило, находится усиленный пороховой заряд, так что начальная скорость довольно велика. Мур мог бы выстрелить в себя с расстояния шесть дюймов и получить точно такие же повреждения. Поэтому ничего таинственного здесь тоже нет.

Босх кивнул, посмотрел на часы и встал.

— Еще один вопрос, последний.

— Да хоть десять. Я столько уже наболтал, что в случае чего не сносить мне головы. Ты обещаешь быть предельно осторожным с тем, что узнал от меня?

— А как же! Собственно, я с самого начала хотел спросить тебя о чужих отпечатках. Сколько там было следов, не принадлежавших Муру?

— Ни одного. И, что также весьма интересно, всем на это наплевать.

Босх снова сел на стул. То, что сказал Донован, было совершенно невероятно. Гарри знал, что номер в мотеле переходит от одного человека к другому как гулящая девка, на которой каждый клиент оставляет свою, пусть даже маленькую, метку. То, что комнату, возможно, вымыли и вычистили, не играло решающей роли. Как бы ни старалась горничная, какие-то знаки и следы непременно должны были сохраниться, поэтому Босх казалось весьма подозрительным, что все поверхности, проверенные Донованом, совершенно чисты, если не считать отпечатков Мура.

— Что значит — всем наплевать? — уточнил он.

— Значит, что по этому поводу никто ничего путного не сказал. Я доложил о своих наблюдениях Шиэну и этому отмороженному из ОВР, который повсюду таскается за ним, но они оба повели себя так, словно это ничего не значит. Понимаешь? Экое, дескать, большое дело, что там нет никаких других впечатлений! Хотя, может быть, они никогда еще не имели дела с мертвяками из мотелей. Я-то с самого начала думал, что мне и за сутки не управиться, однако там оказались только пальчики Мура, о чем я тебе рассказывал. Иными словами, это был самый чистый номер в мотеле, какой я когда-либо дактилоскопировал. Если же хочешь послушать мое мнение, то этот мотель совсем не из тех, где управляющий особо печется о чистоте.

— Значит, ты рассказал об этом Шиэну?

— Да, как только закончил работу. Сначала я даже боялся, что они подумают, будто мне не терпится в рождественскую ночь побыстрее отделаться от всей этой бузы и рвануть домой, к семье, но я все равно сказал обоим. И знаешь, что они мне ответили? Пожелали спокойной ночи и счастливого Рождества! С тем я и уехал. Вот так-то!

Босх думал о Шиэне, Частане и Ирвинге. Шиэн — опытный и компетентный следователь, но даже он мог ошибиться, если ему через плечо постоянно заглядывают другие. Они явились в мотель, на сто процентов убежденные, что имеют дело с самоубийством, да и сам Босх на их месте думал бы точно так же. После того как техники обнаружили записку, переубедить Частина и Ирвинга мог бы, наверное, только нож, торчащий в спине Мура, хотя отсутствие чужих впечатлений и вытравленный номер на ружье должны были настояжить их. Однако эти «второстепенные» улики так и не заставили горе-следователей усомниться в своих первоначальных выводах, и Гарри задумался о том, подтвердит ли версией о самоубийстве вскрытие.

Наконец он снова встал, поблагодарил Донована и вышел.

Спустившись по лестнице на третий этаж, Босх оказался в отделе по расследованию грабежей и убийств. Столы в рабочей комнате стояли в три ряда, и большая часть их пустовала, поскольку пять часов уже пробило. Стол Шиэна в загончике, где помещался подотдел убийств, тоже был пуст. Несколько де-

тективов, задержавшихся на рабочих местах, подняли головы, посмотрели на Гарри, но тут же отвернулись. Он не внушал им интереса; более того, Гарри Босх был символом, неприятным напоминанием о том, как легко каждый из них может быть сброшен с вершины на самое дно.

— Шиэн еще не ушел? — спросил Босх у девицы за столом дежурного детектива, которая отвечала на звонки, принимала рапорты и исполняла прочую дурацкую работу.

— Ушел на весь день, — отозвалась женщина-детектив, не отрывая взгляда от заполняемого ею расписания отпусков. — Несколько минут назад он звонил из анатомички и предупредил, что до завтра работает по коду семь.

— Есть тут свободный стол, которым я мог бы воспользоваться? Мне нужно сделать несколько звонков.

Босху очень не хотелось спрашивать разрешения, особенно после того, как он проработал в этой комнате восемь лет.

— Да выбирайте любой, — ответила дежурная, по-прежнему не поднимая головы.

Босх присел за стол, на котором было меньше всего бумажек. Придвинув к себе телефон, он вызвал детективное бюро в голливудском участке, надеясь застать на месте хоть кого-нибудь. Ему повезло. Трубку снял Карен Мошито, и Гарри спросил, нет ли каких-нибудь сообщений на его имя.

— Только одно, — отозвался Карен. — От женщины по имени Сильвия. Фамилию она не назвала.

Босх записал номер и почувствовал, как участился у него пульс.

— Ты слышал про Мура? — в свою очередь, осведомился Мошито.

— Об опознании? Да, слышал.

— Нет, не об опознании. О вскрытии. В новостях по радио передали, что результаты аутопсии нельзя считать окончательными. Признаться, впервые слышу, чтобы после выстрела в лицо из дробовика результат не считался окончательным.

— Когда это стало известно?

— Я услышал это в программе КФВБ в пять часов.

Босх дал отбой и снова попытался дозвониться Портеру, но, как и в прошлые разы, никто не взял трубку. Не сработал

даже автоответчик, и Гарри представил себе, как Портер сидит в углу темной комнаты, держит бутылку между колен и боится открывать дверь и отвечать на телефонные звонки.

Потом он посмотрел на номер телефона, оставленный для него Сильвией Мур. Интересно, подумал Босх, слышала ли она новости о результатах вскрытия? Возможно, именно поэтому Сильвия и звонила. Гарри набрал номер, и Сильвия ответила после третьего гудка.

— Миссис Мур?

— Зовите меня Сильвия.

— Это Гарри Босх.

— Я знаю. — Она ничего больше не сказала, и Гарри продолжил: — Как вы поживаете?

— Пожалуй, у меня все в порядке. Я... позвонила поблагодарить вас. За то, что вы сделали для меня прошлой ночью. За то, что побыли со мной.

— Ну что вы, Сильвия, право же, это... Это было просто...

— Вы помните, как называлась та книга, о которой я вам рассказывала?

— «Долгое прощание»?

— Да. Там есть еще одна строчка, о которой я много думала. «Рыцаря на белом коне встретить так же трудно, как и толстого почтальона». В наши дни толстых почтальонов, наверное, не так уж мало... — Она смеялась очень негромко, почти так же тихо, как и плакала. — Но рыцари и белые кони по-прежнему редки. Вчера вечером вы были именно таким рыцарем.

Босх не знал, что на это ответить, и молчал, пытаясь представить себе Сильвию, ждущую его слов. Наконец он не выдержал.

— Мне очень приятно это слышать, но, право, не знаю, заслужил ли я подобный комплимент. Мне слишком часто приходится делать то, что не очень соответствует почетному рыцарскому званию.

Еще несколько минут поболтав о пустяках, они попрощались. Босх положил трубку и некоторое время сидел неподвижно, глядя на телефонный аппарат и размышляя обо всем, что было сказано, и о том, что осталось невысказанным. В их разговоре явно что-то промелькнуло, какая-то связь, пока не подающаяся объяснению. Смерть мужа Сильвии к этому почти

не относилась, хотя для Гарри это дело перестало быть рядовым расследованием. Связь, установившаяся между ними двумя, словно возобладали над внешними обстоятельствами.

Размышляя над всем этим, Босх раскрыл записную книжку на составленной им хронологической таблице.

«9 ноября — арестован Дэнс.

13 ноября — найден труп Джимми Каппса.

4 декабря — встреча Мура и Босха».

Теперь он мог дополнить таблицу новыми датами и фактами, даже такими, которые на первый взгляд вовсе не сопрягались с его делом. На это Босха подвигло подспудное ощущение, что все эти события каким-то образом связаны между собой, а главное связующее звено — Калексико Мур. Босх не отрывался от своего занятия до тех пор, пока не закончил. Лишь дописав последнюю строчку, он посмотрел, что у него получилось. Гарри искренне надеялся, что теперь его бессвязные мысли хоть как-то упорядочатся.

«1 ноября — БАНГ направляет меморандум по «черному льду».

9 ноября — Рикард получает наводку от Джимми Каппса.

9 ноября — Дэнс арестован и тут же отпущен.

13 ноября — Джимми Каппс убит.

4 декабря — встреча Мура и Босха, Мур утаивает часть информации.

11 декабря — Мур получает оперативную разработку АКН.

18 декабря — Мур находит тело «Хуана-67».

18 декабря — Портер получает в производство дело «Хуана».

19 декабря — Мур снимает номер в «Убежище» (самоубийство?).

24 декабря — вскрытие «Хуана» (насекомые?).

25 декабря — обнаружено тело Мура.

26 декабря — Портер подает заявление об отставке.

26 декабря — вскрытие Мура (результаты не окончательные?).».

Босх пытался сосредоточиться на этом списке, но думал о Сильвии Мур.

Глава 9

Босх доехал до Второй улицы по Лос-Анджелес-стрит, а потом поднялся до «Красного ветра». Перед приходом Святой Вивианы он заметил толпу бездомных оборванцев, покидающих церковь — весь день они отсыпались на хорах, а теперь всем скопом направлялись на Юнион-стрит, в бесплатную столовую. Проезжая здание редакции «Лос-Анджелес таймс», Босх бросил взгляд на часы на фасаде и увидел, что до шести осталось несколько минут. Он включил радио и настроился на волну КФВБ, надеясь услышать последние новости. Сообщение о результатах вскрытия было вторым после репортажа о том, как мэр города стал очередной жертвой волны стихийных протестов против СПИДа. Какой-то активист-камикадзе бросил в мэра, стоявшего на ступенях Сити-холла, презерватив, наполненный свиной кровью. Ответственность взяла на себя группа «Остудите СПИД!».

«Среди других новостей дня — сообщение нашего корреспондента о результатах судебно-медицинского освидетельствования тела полицейского сержанта Калексико Мура. Согласно заявлению представителя коронерской службы округа Лос-Анджелес, вскрытие не стало решающим аргументом в поддержку версии гибели офицера, уже известной слушателям, поскольку не дало результатов, однозначно указывающих на то, что сотрудник отдела по борьбе с наркотиками действительно покончил с собой. Вместе с тем полиция официально уведомила средства массовой информации, что смерть сержанта Мура классифицирована следствием как самоубийство. Напоминаем нашим слушателям, что тело тридцативосьмилетнего сотрудника полиции было обнаружено в рождественскую ночь в номере одного из голливудских мотелей. Причиной смерти послужил выстрел в голову, произведенный в упор из гладкоствольного охотничьего ружья. Согласно заявлению представителя следствия, офицер Мур погиб примерно неделю назад. На месте происшествия была найдена предсмертная записка, но ее содержание не разглашается. Похороны сержанта Мура состоятся в понедельник».

Босх выключил радио. Выпуск новостей, несомненно, готовился на основе пресс-релиза ПУЛА. Единственной крупной действительно стоящей информации была фраза о том, что вскрытие не опровергло, но и не подтвердило версии о самоубийстве.

Оставив машину у тротуара перед дверями бара «Красный ветер», Босх прошел внутрь, но Терезу там не нашел. Воспользовавшись этой небольшой отсрочкой, Гарри направился в туалет и, наклонившись над раковиной, несколько раз плеснул себе в лицо холодной водой. Промокнув лицо бумажным полотенцем, он посмотрел на себя в зеркало.

«Не мешало бы побриться», — подумал он и попытался привести в порядок усы и пригладить пятерней непослушные выющиеся волосы. Слегка расслабив узел галстука, он несколько секунд внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. Гарри увидел мрачного опухшего субъекта, обращаться к которому без крайней нужды не стал бы и сам.

Купив в автомате у входа пачку сигарет, Босх огляделся. Терезы все еще не было. Подойдя к стойке и купив бутылочку пива «Якорь», он сел за свободный столик у самых дверей.

«Ветер» понемногу наполнялся служащими, закончившими свой рабочий день, но все еще одетыми в строгие деловые костюмы. Среди посетителей Босх заметил немало пожилых мужчин с молоденькими спутницами, а также нескольких репортеров «Таймс». При этом он подумал, что Тереза — если, конечно, она вообще намеревалась здесь появиться — выбрала для встречи не самое удачное место. После сегодняшнего сообщения о результатах вскрытия ее особа могла весьма заинтересовать журналистов.

Допив пиво, Гарри поспешно покинул бар.

Стоя на тротуаре и вдыхая прохладный вечерний воздух, он поглядывал в сторону тоннеля на Второй улице, когда за спиной его вдруг раздался резкий гудок и рядом остановился автомобиль. Стекло боковой дверцы опустилось с чуть слышным электрическим жужжанием. Это была Тереза.

— Гарри, подожди меня внутри, а я пока найду место для парковки. Прости, что опоздала.

Босх наклонился к окну.

— Внутри полно репортеров. Ты не боишься, что после сегодняшнего сообщения по радио они попытаются вызнать у тебя дополнительные подробности?

Сам Босх рассуждал так: если Терезу увидят в баре и ее имя появится в газетах, то это будет еще одним шагом на пути превращения Терезы Коразон из временно исполняющей обязанности начальника судебно-медицинской экспертизы в ее действующего шефа. С другой стороны, неправильно понятая журналистом фраза или перевернутая цитата могли превратить временного начальника в бывшего.

— Куда же нам пойти? — спросила Тереза.

Гарри открыл дверцу и забрался в салон.

— Ты голодна? Тогда поедem к «Горькому» или в «Кастрюльку».

— Пожалуй. А что, «У Горького» еще открыто? Я бы поела тамошнего супа.

Чтобы проложить себе путь через восемь кварталов деловой части города, где в этот час улицы были забиты битком, и припарковаться, им потребовалось пятнадцать минут. Попад в ресторан, они заказали по большой кружке русского пива, сваренного в домашних условиях, а Тереза попросила еще суп из цыпленка с рисом.

— Трудный выдался денек? — осведомился Босх.

— Ох, не спрашивай. Я, во всяком случае, осталась без обеда — проторчала на рабочем месте ровно пять часов.

Босху не терпелось услышать рассказ о вскрытии, но он не мог сразу спросить обо всем, что его интересовало. Следовало изловчиться и сделать так, чтобы Терезе самой захотелось все рассказать.

— Как прошло Рождество? Не помирилась с мужем?

— Нет, конечно. Ничего из этой затеи не вышло и, наверное, уже не выйдет. Он и раньше не выносил мою работу, а теперь, когда муж узнал, что я могу стать начальником лаборатории, патологоанатомия стала ему вдвойне отвратительна. Мой благоверный укатил накануне Рождества, и я встречала праздник одна. Кстати, как раз сегодня я собиралась позвонить моей адвокатессе и попросить, чтобы возобновила сбор материалов к бракоразводному процессу, но закрутилась и позабыла.

— Надо было позвонить мне. Я встречал Рождество с кой-том.

— А-а, так Тимидо еще держится поблизости?

— Он редко подходит совсем уж близко, но в Рождество подошел. Думаю, его вспугнул пожар, начавшийся прямо напротив моей хижины, по другую сторону дороги.

— Да, я читала об этом. Тебе очень повезло, Гарри.

Босх кивнул. Их с Терезой отношения длились уже несколько месяцев и носили характер крайне нерегулярный, но зато каждая встреча непременно озарялась искрой душевной близости, которая вспыхивает лишь при общении двух старых друзей. Несмотря на это, оба отдавали себе отчет, что фундамент их связи — чисто физическое, а не эмоциональное влечение. Это вполне устраивало и Босха, и Терезу. Несколько месяцев назад она рассталась с мужем, профессором медицинского колледжа при Лос-Анджелесском университете, — это, очевидно, и побудило ее подыскать новый объект и направить на него избыток нежных чувств. Вместе с тем Босх отлично понимал, что этот эпизод не будет ни главным в жизни Терезы, ни слишком продолжительным. Их редкие вечера вдвоем, между которыми проходили и дни, и недели, начинались спонтанно, как говорится, на пустом месте, и всегда по инициативе Терезы, чему Гарри лишь молча радовался.

Он внимательно следил за тем, как Тереза наклоняется, чтобы подуть на ложку горячего супа, прежде чем отправить в рот. В тарелке плавали оранжевые кружки моркови. Выющиеся каштановые волосы Терезы кольцами ложились ей на плечи, и, склоняясь над очередной ложкой супа, она придерживала самые длинные пряди рукой. Кожа Терезы от природы была очень смуглой, а лицо имело необычную эллиптическую форму, которую выгодно подчеркивали высокие скулы. Полные губы она покрасила ярко-алой помадой, а на щеки положила тончайший слой нежно-персиковых румян. На вид Терезе было около тридцати пяти, но Босх ни разу не спрашивал, так ли это. Он также заметил, что ее ногти без маникюра и коротко острижены. Неудивительно, поскольку Тереза работала в тонких резиновых перчатках.

Потягивая из тяжелой кружки тягучее крепкое пиво, Гарри думал, намерена ли Тереза возобновить их странный роман или

действительно встретила с ним, желая рассказать что-то значительное и важное о смерти шестидесяти седьмого «Хуана».

— Сейчас мне нужна компания для встречи Нового года, — продолжила свою мысль Тереза, ненадолго отрываясь от супа. — На что ты так уставился, Гарри?

— Просто люблюсь. Если тебе не с кем встретить Новый год, я с удовольствием составлю тебе компанию. Кстати, в газете я прочел, что в «Каталине» будет выступать Фрэнк Морган.

— Кто это такой и что он исполняет?

— Увидишь. Впрочем, уверен: тебе понравится.

— Прости, я задала дурацкий вопрос. Если этот Фрэнк Морган нравится тебе, то голову даю на отсечение, что он играет на саксофоне.

Босх улыбнулся, но больше себе, чем ей. Ему сразу стало легче от того, что и он нашел с кем встретить праздник. Одиночество в канун Нового года страшило Гарри больше, чем одинокое Рождество, одинокий День благодарения и тому подобное. Новогодняя ночь как будто специально создана для джаза, вот только в такую ночь звук саксофона разрывает одинокую душу.

Тереза улыбнулась ему в ответ.

— Ты бываешь совершенно неотразим, Гарри, когда дело касается одиноких женщин.

Босх вспомнил Сильвию Мур и то, как печальная улыбка трогала ее губы.

— Итак, — заторопилась Тереза, заметив, что Босх отвлекся. — Уверена, тебе не терпится узнать о бабочках, очутившихся внутри этого бедняги латиноса.

— Может, лучше сначала доесть суп?

— Ничего страшного, меня это не смущает. Скорее наоборот: когда целый день режешь и пилишь трупы, под конец начинаешь чувствовать волчий аппетит.

В глазах Терезы запрыгали озорные искры. Она частенько так высказывалась, словно дразня его. Этим Тереза как бы говорила: «Попробуй только не любить то, чем я зарабатываю себе на жизнь!» Кроме того, она еще не совсем остыла к своему мужу; как бы Тереза ни горячилась, утверждая обратное, Босх не сомневался в этом.

— Ну что ж, надеюсь ты не будешь очень скучать по скальпелям и пиле, когда тебя сделают постоянным боссом. Впрочем, тогда ты сможешь кромсать бюджет лаборатории.

— Нет, я буду практикующим руководителем. Стану заниматься случаями особой важности. Правда, после сегодняшнего я вовсе не уверена, что назначение состоится.

Гарри вдруг почувствовал, что подавленное настроение, которое только что покинуло его, передалось Терезе. Ему показалось, что настал подходящий момент для осуществления его планов.

— Может, расскажешь, что там у тебя случилось?

— Нет. То есть мне, конечно, хочется поплакаться тебе в жилетку, но я не могу. Не подумай, будто я не доверяю тебе, Гарри. Просто некоторое время мне придется держать язык за зубами.

Босх кивнул и не настаивал, рассчитывая вернуться к этой теме чуть позже и разузнать исподволь, что же такого случилось на вскрытии Мура. Достав из кармана записную книжку, он раскрыл ее на чистой странице и положил перед собой на стол.

— Тогда расскажи мне про моего «Хуана».

Тереза отодвинула суповую тарелку на край столика и положила себе на колени кожаный дипломат. Вынув оттуда тонкую картонную папку, она тут же раскрыла ее.

— Вот протокол вскрытия. Это копия, которую ты сможешь забрать, когда я закончу. Я просмотрела все заметки Салазара. Ты, наверное, знаешь, что причиной смерти стали множественные травмы головы, нанесенные тупым тяжелым предметом. Дробящие удары пришлись на лобную, теменную, клиновидную и супраорбитальную части черепа...

Перечисляя ранения, Тереза поочередно прикасалась пальцами ко лбу, темени, левому виску и надбровной дуге левого глаза. При этом она ни на секунду не оторвалась от отчета.

— Любой из этих ударов мог оказаться смертельным. Остальные повреждения получены при обороне, и с ними можно ознакомиться позднее. Кстати, Салазар извлек из двух ран на голове деревянные щепки — судя по всему, удары нанесли каким-то предметом типа бейсбольной биты, разве

что не таким толстым. Сила, с какой наносились удары, указывает на значительную длину предмета, обеспечивавшую нападавшему должный размах. Это не просто палка, а что-то гораздо большее по размерам, например, рукоятка кирки, черенок лопаты или что-то в этом роде. Может быть, даже кий для пула, хотя в этом я сомневаюсь. Поверхность этого предмета вряд ли была хорошо отполирована, потому что, как я уже говорила, Салли вытащил из ран щепки. Между тем я еще ни разу не видела плохо отполированного и не покрытого лаком бильярдного кия. — Некоторое время Тереза молча просматривала записи. — Еще одно... Не знаю, говорил ли тебе об этом Портер, но тело, где его нашли, скорее всего подбросили. Время наступления смерти отстоит от момента обнаружения тела как минимум на шесть часов. А ведь по этой улочке часто ходят люди, поэтому тело вряд ли могло оставаться незамеченным столько времени. Твоего «Хуана» наверняка подбросили к ресторану уже мертвым.

— Да, это было в заметках Портера.

— Вот и славно...

Тереза снова погрузилась в изучение протокола, медленно переворачивая страницу за страницей. Просмотрев фотографии, сделанные при вскрытии, она отложила их в сторону.

— Ага, вот оно... Результатов анализа на наличие токсических веществ и наркотиков до сих пор нет, но, судя по цвету крови и состоянию внутренних органов, ответ будет отрицательным. Я почти уверена... то есть, конечно, Салли почти уверен, так что не станем на этом задерживаться.

Гарри пока не сделал в своем блокноте ни одной записи. Кивнув в ответ на ее слова, он вытащил из пачки сигарету и закурил, следя краем глаза за реакцией Терезы. Тереза не возражала; впрочем, она никогда не возражала, но однажды, когда Босх по долгу службы присутствовал на каком-то очередном вскрытии, Тереза неожиданно вышла из соседней комнаты и молча показала ему легкое сорокалетнего мужчины, выкуривавшего по три пачки в день. Легкое походило на бездомного старика негра, которого переехал грузовик.

— Как тебе известно, — сказала она, — от нас требуют, чтобы мы брали соскобы из носоглотки и проводили анализ содержимого желудка. Так вот... В составе ушной серы обнару-

жен какой-то бурый порошок. Точно такой же порошок мы вычесали из волос и достали из-под ногтей.

Босх подумал о неочищенном героине, входившем в состав «черного льда».

— Что это было? Героин?

— Недурно, но ты ошибся.

— Тогда просто коричневая пыль, — пошутил Босх, собираясь сделать в блокноте первую запись.

— Почти так. Мы исследовали эту пыль под микроскопом и при большом увеличении выяснилось, что это пшеница. Точнее — пшеничная пыль, которая образуется при дроблении зерен.

— Вроде манной каши? Ты хочешь сказать, что у него в ушах и в голове была манная каша?

Между тем к их столику приблизился официант с подстриженными щеточкой усами, в белой рубашке и черном галстуке, с хорошо отрепетированным выражением суровой непреклонности на лице, характерным для официантов «русских» ресторанов. Очевидно, он хотел узнать, не желают ли клиенты чего-нибудь еще, но тут взгляд его упал на стопку фотографий, лежавших перед Терезой. На самой верхней был запечатлен обнаженный труп шестьдесят седьмого «Хуана», распластанный на хирургическом столе из нержавеющей стали. Официант громко икнул. Перехватив его взгляд, Тереза быстро накрыла снимки картонной папкой, а Гарри поспешно заказал еще два пива, и официант неверными шагами удалился.

— То есть это была какая-то пшеничная мука? — снова спросил Босх. — Похожая на пыль, которая скапливается на дне пакетов с крупой?

— Не совсем так, Гарри, не совсем, но ты подожди. Дай мне рассказать, и увидишь, как ловко все факты свяжутся в одно целое. — Босх махнул рукой, давая Терезе понять, что согласен. — При анализе мазков из носоглотки и содержимого желудка выяснились две очень любопытные вещи. Кстати, возможно, именно из-за этого — из-за таких вот маленьких открытий — я и люблю свою работу, хотя она не всем по душе. — Тереза подняла голову от досье и ослепительно улыбнулась. — В желудке убитого Салазар обнаружил

кофе, пережеванные рис и мясо цыпленка, острый красный перец, различные специи и куски свиной кишки. Для краткости скажу сразу, что это была чорисо — испанская колбаса. Использование кишок в качестве оболочки указывает на то, что эта колбаса была приготовлена в домашних условиях, а не на фабрике. И «Хуан» съел ее незадолго до смерти, поскольку процесс переваривания пищи практически не успел начаться. Возможно, нападение произошло как раз во время еды. Горло и ротовая полость, правда, оказались довольно чистыми, но между зубами сохранились мясные волокна. Кстати, все зубы у твоего «Хуана» — свои. Ни пломб, ни протезов, ни следов какого-либо вмешательства дантиста. Ты понимаешь, к чему я клоню? К тому, что этот человек явно был неместным. — Босх вспомнил заметки Портера, в которых тот указывал, что вся одежда на трупе была мексиканского производства. Кивнув, он сделал пометку в блокноте. — А вот это тоже обнаружено у него в желудке. — Тереза протянула Босху цветную фотографию с изображением какого-то розоватого насекомого с одним уцелевшим крылом, которое показалось Босху безжалостно измятым. Бабочка выглядела мокрой, но поскольку ее нашли в желудке, это не удивляло. Рядом с ней в чашке Петри лежал дайм*. Он превышал размер насекомого раз в десять.

Подняв голову от фотографии, Гарри заметил официанта — тот нерешительно переминался с ноги на ногу в нескольких футах от их столика. В руках он держал две кружки с пивом. Официант вопросительно приподнял брови, и Босх знаком подозвал его. Тот поставил кружки на стол, бросил беглый взгляд на фотографию насекомого и быстро ушел. Босх вернул снимок Терезе.

— И что это такое?

— Трипетид, — ответила она и улыбнулась.

— Я так и думал! — Босх сделал самую серьезную мину и сокрушенно покачал головой.

Тереза рассмеялась, хотя шутка явно была не из лучших.

— Это фруктовая мушка, Гарри, средиземноморский подвид. Трудно поверить, что это крошечное насекомое на-

* Дайм — мелкая американская монета достоинством 10 центов.

носит колоссальный ущерб калифорнийским цитрусовым плантациям. Никто из нас понятия не имел, что это такое, и Салазар предложил обратиться за консультацией к специалистам. В конце концов этого клопика доставили в университет, к профессору-энтомологу, рекомендованному Гэри. Он-то и определил, что это за зверь. — Босх знал, что Гэри — отставной муж Терезы, который в ближайшее время вполне может стать бывшим. На всякий случай он кивнул, хотя значение сделанной Салазаром находки еще не дошло до него. — Потом мы перешли к анализу слизи из носоглотки, — продолжила Тереза. — Там снова оказалась пшеничная мука, а еще — вот это...

Она протянула Гарри другое фото. На нем Босх опять увидел чашку Петри, десятицентовик, а рядом с ним — крошечную, едва различимую, розовато-коричневую черточку. Она была гораздо меньше крылатой мушки, изображенной на первой фотографии, но что-то подсказало ему, что это тоже какое-то насекомое.

— А это что такое? — спросил Босх.

— Энтомолог сказал, что это та же самая фруктовая мушка, но более молодая, еще не прошедшая стадии личинки.

Тереза сплела пальцы и, упершись в стол локтями, с улыбкой положила подбородок на руки.

— Ты, как я понимаю, в восторге. — Босх сделал добрый глоток из своей кружки. — Ну хорошо, твоя взяла. Что все это значит?

— Надеюсь, ты имеешь хотя бы приблизительное представление об этих фруктовых мушках? — спросила Тереза. — Они способны сожрать на корню весь урожай цитрусовых и поставить на колени целую отрасль. Производители несут миллионные убытки и разоряются, простые граждане больше не пьют по утрам апельсиновый сок и так далее и так далее... Словом, ужас, мрак, паника на бирже и крушение современной цивилизации. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Пока да, — подтвердил Гарри, и Тереза не торопясь продолжила:

— В наших краях вылет этих насекомых случается чуть ли не ежегодно; ты, наверное, видел карантинные знаки на шоссе

или слышал, как по ночам с вертолетов разбрызгивают малатион*.

— Да, — вставил Гарри. — Из-за них мне снится Вьетнам.

— Кроме того, ты, наверное, слышал или читал об общественном движении против применения малатиона. Некоторые убеждены, что он отравляет не только насекомых, но и людей, и считают необходимым запретить обработку плантаций с воздуха. Что же остается делать министерству сельского хозяйства? Естественно, придумать для истребления этих вредных насекомых какой-то другой способ.

В настоящее время министерство сельского хозяйства США и специальный Институт по борьбе с фруктовой мушкой выпускают над южной частью Калифорнии миллиарды стерилизованных мушек — по несколько миллионов каждую неделю. Идея состоит в том, что, когда мушкам, находящимся на свободе, придет пора спариваться, они будут делать это с бесплодными партнерами. Таким образом эпидемия пойдет на убыль, поскольку способных к оплодотворению мух рождаться будет все меньше и меньше. В данном случае законы биологии почти ни при чем, это чистая математическая статистика. Если институту удастся наводнить район бесплодными мушками, проблема решится сама собой.

Тереза замолчала, но Босх все еще не уловил сути.

— Послушай, Тери, все, о чем ты рассказываешь, безусловно интересно и даже фантастично. Я только хотел спросить, доберемся мы наконец до сути или будем и дальше...

— Я как раз подошла к самому главному, Гарри. Ты только слушай и не перебивай. Ты же детектив, а детективы должны слушать. Помнишь, ты однажды рассказывал, что для расследования убийства достаточно просто разговорить человека, а самому внимательно слушать? Так вот, я и говорю...

Босх, сдаваясь, поднял вверх ладони, и Тереза продолжила, милостиво кивнув:

— Мушки, выпущенные министерством сельского хозяйства, подвергаются окраске, еще находясь в стадии личинок.

* Малатион — фосфорное соединение на основе яблочной кислоты; используется в качестве инсектицида и считается безвредным для крупных млекопитающих.

Их красят в розовый цвет, чтобы легче было следить за передвижением мушек или отличать стерилизованных особей от нестерилизованных при проверке ловушек, повешенных на апельсиновых деревьях. Именно после окраски личинки подвергают воздействию радиоактивного излучения, чтобы сделать их стерильными. — Воспользовавшись паузой, Гарри кивнул. Рассказ Терезы заинтересовал его. — Мой энтомолог исследовал оба экземпляра, найденные нами внутри твоего «Хуана». — Тереза заглянула в папку. — Взрослая особь, извлеченная из желудка жертвы, — самка, окрашенная и стерилизованная. Поэтому наш клиент мог случайно проглотить одно такое насекомое вместе с пищей, если он оказался, к примеру, где-нибудь в Южной Калифорнии...

— Все равно это здорово сужает нам район поисков, — перебил ее Босх. — А что со второй особью?

— Личинка гораздо интереснее. — Тереза широко, победоносно улыбнулась. — Доктор Брэкстон — тот самый специалист по насекомым — установил, что экземпляр, находящийся в стадии личинки, был окрашен в розовый цвет в полном соответствии со стандартами министерства сельского хозяйства США, однако он еще не подвергся воздействию радиации с целью стерилизации, когда попал в нос к «Хуану».

С этими словами Тереза расплела пальцы и опустила руки вниз. С фактами она покончила; теперь можно было строить предположения и догадки, и Тереза предоставила Босху право сделать первый, пристрелочный выстрел.

— Значит, в теле этого бедняги вы нашли двух крашенных мушек — одну стерилизованную, а другую — нет, — вслух рассуждал Гарри. — Таким образом можно заключить, что незадолго до своей смерти этот парень побывал там, где насекомых подвергают стерилизации. Наверняка в тех местах миллионы этих мушек, так что одна или две запросто могли попасть в его еду. Одну он мог случайно вдохнуть. Или что-то в этом роде. Так? — Тереза серьезно кивнула. — А что насчет пшеничной муки, которую вы нашли в ушах и волосах?

— Пшеничная мука — это их пища, Гарри. Брэкстон говорит, что ею кормят личинок в процессе выращивания.

— Итак, мне остается только найти то место, где они выращивают своих стерильных мух, — заявил Гарри. — Возможно,

мне посчастливится напасть на след этого «Хуана», поскольку, полагаю, он занимался разведением этих тварей.

— Почему бы тебе не спросить, где их выращивают, у меня? — улыбнулась Тереза.

— Где их выращивают, Тереза? — послушно повторил Босх.

— Легче и безопаснее всего проделывать это в тех районах, где фруктовые мушки и так являются естественной составляющей частью окружающей среды и мира насекомых и где, таким образом, не возникнет никаких проблем, если несколько мух вырвутся на свободу до того, как получат свою дозу радиации. По этой причине американское министерство сельского хозяйства заключило контракты с заводчиками-производителями только в двух районах — на Гавайях и в Мексике. На Гавайях, в окрестностях Оаху, действуют три подрядчика, а в Мексике — два. Один из них расположился где-то под Сиуатенахо, а другой — самый крупный из пяти — под...

— Под Мехикали.

— Гарри, откуда?! Ты что, знал все это, и позволил мне?..

— Это просто предположение. Оно вытекает из того, над чем я работаю.

Тереза странно посмотрела на него, и Гарри тут же пожалел, что испортил ей триумф. Избегая ее взгляда, он быстро допил пиво и огляделся в поисках чувствительного официанта.

Глава 10

Тереза отвезла Босха к «Красному ветру», чтобы он забрал машину, а потом последовала за ним из центра к его дому на холмах. Сама Тереза имела квартиру в доме-совладении в районе Хэнкок-парка, то есть гораздо ближе, однако, по ее словам, в последний месяц проводила там слишком много времени и к тому же жаждала услышать или увидеть Босхова койота. Гарри понимал: истинная причина состоит в том, что Терезе гораздо проще покинуть его дом, чем выпроваживать гостя из своего.

Впрочем, он нисколько не возражал. К тому же Босх часенько чувствовал себя неуютно в квартире у Терезы, поскольку она постоянно напоминала ему, куда катится весь Лос-Анджелес.

Квартира, из окон которой открывался вид на центральный район города, располагалась в мансарде старинного пятиэтажного особняка, носившего название «Уорфилд». Снаружи это историческое здание оставалось таким же красивым и привлекательным, как и в 1911 году, когда Джордж Алан Хэнкок завершил его строительство, отделав фасад изящного особняка серо-голубой терракотовой плиткой. Джордж не постоял за расходами и не пожалел нефтяных денег, и это было хорошо заметно, поскольку выходящие на улицу геральдические лилии, эркеры и игривые декоративные завитки «Уорфилда» бросались в глаза каждому. Однако внутреннее устройство особняка, его теперешняя архитектура казались Босху унылыми и отвратительными. Несколько лет назад особняк приобрела японская фирма. Сначала она выпотрошила его, а потом заново набила пустую оболочку, перекроив и модернизировав все, что только возможно. Внутренние стены и перегородки во всех помещениях были безжалостно снесены, в результате чего каждый этаж теперь представлял собой огромную стерильную комнату с фальшивыми деревянными полами, блестящими стальными барьерами и подвижными светильниками на потолке. От дома осталась только прекрасная скорлупа; так думал Босх, подозревая, что Джордж Алан Хэнкок решил бы так же.

Пока Гарри разжигал на веранде хибачи* и клал на решетку гриля рыбное филе, они с Терезой неторопливо беседовали. Рыбу Босх купил еще накануне Рождества, но ее оставалось довольно много, так что хватило бы на двоих. Тереза поделилась с ним последними новостями и упомянула о том, что вопрос о назначении постоянного руководителя судебно-медицинской лаборатории будет решен — пусть и неофициально — полномочной комиссией округа еще до Нового года. Из вежливости Босх пожелал ей удачи, хотя в глубине души сомневался в своих чувствах. Должность, на кото-

* Хибачи — японская жаровня с грилем для приготовления рыбы.

рую Тереза так стремилась попасть, была скорее политической, чем административной, и после назначения ей пришлось бы внимательнее прежнего следить за тем, откуда дуют политические ветры. Сам Босх не понимал, зачем добровольно лезть головой в петлю, и поспешил уйти от скользкой темы.

— Послушай, Тери, если этот тип — «Хуан-67» — действительно был убит в Мехикали, там, где разводят этих фруктовых мушек, как его тело попало к нам?

— Это уже не по моей части, — откликнулась Тереза.

Она стояла возле перил веранды и смотрела на Долину, любясь тем, как перемигиваются в прохладном чистом воздухе миллионы крошечных огней. Жакет Тереза накинула на плечи. Гарри побрызгал рыбу ананасовым соусом для жаркого и перевернул филе на другую сторону.

— Здесь у огня теплее, — заметил он, колдуя над рыбой. — А знаешь, о чем я подумал? Может, тот подрядчик, о котором мы говорили, просто не желает, чтобы кто-то проверял его работу? Понимаешь, о чем я? Им очень не хотелось, чтобы кто-то связал труп с тем местом, где они выращивают своих мушек-таракашек, — вот его и увезли куда подальше.

— Да, — согласилась Тереза, — но почему все-таки в Лос-Анджелес?

— Может быть... нет, не знаю. Лос-Анджелес расположен довольно далеко от границы. — После этого оба ненадолго замолчали, и каждый думал о своем. Наконец Босх почувствовал запах ананаса, услышал шипение капель соуса, падавших на раскаленные угли, и встрепенулся. — И как они переправили труп через границу? — спросил он.

Тереза пожала плечами:

— А что тут сложного? По-моему, через ту границу можно переправить вещи и покрупнее, нужно только знать, с какой стороны взяться. А ты как думаешь? — Босх кивнул. — Ты когда-нибудь был в Мехикали? — поинтересовалась Тереза.

— Проездом, по пути в Сан-Фелипе. Прошлым летом я рыбачил в тех краях с одним приятелем. А ты?

— Никогда.

— Знаешь, как называется городок по нашу сторону границы, который стоит прямо напротив Мехикали?

— Гм-м...

— Калексико.

— Шутишь? Так это оттуда...

— Угу.

Рыба была готова. Босх вилкой переложил ее на тарелки, прикрыл гриль крышкой и пригласил Терезу в дом. Гарнир состоял из риса со специями. Босх открыл бутылку красного вина. Всякий раз, когда он наливал его в бокалы, оно напоминало ему кровь, но белого Босх не держал. Подавая все это на стол, он заметил улыбку Терезы.

— Небось подумала, что я похож на официанта из телевизионного шоу, да?

— Да, у меня мелькнула такая мысль. Но ты не переживай — мне очень нравится.

Они чокнулись и неторопливо поели, почти не отвлекаясь на беседу. Тереза похвалила его стряпню, хотя Гарри чувствовал, что рыба получилась суховатой. Они снова заговорили о пустяках, но Босх все время ждал подходящего момента, чтобы расспросить о вскрытии Мура. Такая возможность представилась ему только в самом конце трапезы.

— Что ты собираешься делать теперь? — Тереза бросила на стол салфетку.

— Сначала уберу со стола, а потом...

— Ты прекрасно понял, о чем я. О деле твоего «Хуана».

— Пока не знаю. Наверное, придется еще раз поговорить с Портером и попытаться прошупать министерство сельского хозяйства. Мне хочется побольше узнать о том, как эти мушки попадают к нам из Мексики.

— Скажи, если тебе понадобится консультация энтомолога, — предложила Тереза. — Я могу это устроить.

Босх, наблюдая за ней, заметил, как на лице Терезы появилось отсутствующее выражение. Оно появлялось не раз в течение этого вечера.

— А ты? — участливо спросил он. — Что ты будешь делать теперь?

— С чем?

— С вопросами, возникшими после сегодняшнего вскрытия.

— Это так бросается в глаза?

Босх молча встал из-за стола и собрал тарелки. Тереза не двинулась с места, и Гарри вернулся в свое кресло и разлил по бокалам все, что оставалось в бутылке. Ему казалось, что он должен сделать для Терезы что-то такое, чтобы она почувствовала себя спокойнее и захотела чем-то ему отплатить.

— Послушай, Тери, — начал он. — Думаю, мы с тобой можем поговорить откровенно. На мой взгляд, здесь переплелись два... нет, целых три расследования. Возможно, это часть одного большого дела, как спицы одного колеса.

Тереза в недоумении посмотрела на него.

— Какие расследования, Гарри? О чем ты говоришь?

— Я понимаю, то, о чем я сейчас скажу, выходит за пределы твоей профессиональной компетенции, однако ты должна знать все, что поможет тебе принять верное решение. Я наблюдаю за тобой весь вечер и вижу: у тебя какие-то серьезные проблемы и ты не знаешь, на что решиться...

Босх сделал паузу, полагая, что Тереза остановит его. Но она молчала, и он рассказал ей об аресте Мервина Дэнса и предполагаемой связи Дэнса с убийством Джимми Каппса.

— Узнав, что Каппс был курьером, доставлявшим наркотики с Гавайев, я пошел к Муру, чтобы расспросить о «черном льде». Мексиканские и гавайские торговцы конкурируют между собой, и мне важно было выяснить подробнее, как и откуда поступают наркотики, кто их продает и так далее. Любая информация помогла бы мне полнее представить всю картину и сообразить, кому понадобилось убрать Каппса. Поначалу мне казалось, что Мур просто отшил меня, поскольку, когда мы встретились, он прикинулся, будто ему ничего не известно. Лишь сегодня я узнал, что он собирал для меня материалы по «черному льду». Фактически Мур разматывал дело, которым я занимался, а я об этом понятия не имел. Только теперь мне открылось: перед тем как исчезнуть, Мур работал почти в том же направлении, что и я. Сегодня я получил собранное им досье. В папку была вложена записка с просьбой передать дело мне.

— А что было в этой папке?

— Много чего. Среди прочего оперативный рапорт, в котором Мур утверждал, что основной центр производства «черного льда», возможно, некое ранчо неподалеку от Ме-

хикали. — Тереза пристально смотрела на него, но молчала. — Как же это связано с шестьдесят седьмым «Хуаном»? А вот как: Портер ушел, и дело, которое он вел, передали мне. Я прочел его и узнал один любопытнейший факт. Слабо догадаться с первого раза, кто нашел тело, а на следующий день исчез сам?

— Черт! — вырвалось у Терезы.

— Вот именно. Не кто иной, как Кэл Мур. Что сие значит, мне до сих пор не ясно, однако именно Мур подписал рапорт о том, что нашел труп «Хуана». На следующий день он взял отгул, а еще через неделю самого Мура случайно отыскали в номере мотеля, где он якобы совершил самоубийство. Затем, утром, информация об обнаружении тела попадает в газеты и выпуски теленовостей, а в полицейский участок звонит некто Портер и заявляет: знаете что, ребята? Я завязываю. Стресс, мол, у меня. Ухожу из полиции к чертям собачьим. Скажи, может, ты что-нибудь понимаешь?

Тереза вдруг встала, подошла к двери, ведущей на террасу, и стала глядеть сквозь стекло на холмы по ту сторону ущелья.

— Сволочи, — прошептала она. — Они хотят спустить все дело на тормозах, и только потому, что это может кому-то повредить.

Босх тоже поднялся и подошел к ней сзади.

— Тебе нужно поделиться с кем-то своей тревогой. Поделись со мной.

— Нет, не могу. Лучше ты объясни мне, в чем дело.

— Я уже рассказывал. Собственно, мне почти нечего добавить к тому, что ты уже знаешь, да и вряд ли ситуация прояснится от этого. В досье, собранном для меня Муром, нет почти ничего существенного, кроме ссылки на информационный бюллетень АКН, где прямо указано на то, что «черный лед» поступает в Лос-Анджелес из Мехикали. Вот как я догадался, где находится самый крупный поставщик фруктовой мушки. Кроме того, Мур рос в Калексико и в Мехикали. Понимаешь? В деле слишком много совпадений, поэтому мне кажется, что это вовсе не совпадения. — Тереза все еще стояла, отвернувшись к двери, и Босх говорил ей в спину, однако в стекле он хорошо видел отражение ее встревоженного и растерянного лица. Ноздри Гарри щекотал аро-

мат ее духов. — Самое интересное то, что Мур хранил эти материалы не в кабинете и не на квартире. Он специально положил папку в такое место, где ее не могли найти следователи ОРГУ или ОВР. На нее наткнулись ребята из его группы. Они увидели в папке записку с просьбой передать документы мне. До тебя дошло? — Ответом Босху был озадаченный взгляд Терезы, отразившийся в стекле. Она повернулась, шагнула в глубь гостиной, опустилась в глубокое мягкое кресло и запустила в волосы пальцы обеих рук. Гарри не сел, а несколько раз прошелся перед ней. Деревянные половицы уютно поскрипывали под его шагами. — Почему Мур написал эту записку? Почему просил передать папку с материалами именно мне? Вряд ли это была просто заметка на память, сделанная для себя самого. Он действительно собирал эти сведения для меня, следовательно, записка была написана на случай, если папка попадет в руки кому-то другому. О чем это говорит? О том, что, когда Мур писал ее, он либо знал, что скоро покончит с собой, либо...

— Либо боялся, что его убьют, — тихо закончила Тереза.

Босх удовлетворенно крикнул.

— Как минимум Мур понял, что слишком глубоко копнул. Что попал в беду и ему грозит опасность.

— Господи!.. — прошептала Тереза.

Босх приблизился к ней и, низко наклонившись, подал бокал с вином.

— Расскажи мне о вскрытии. Ты должна, Тери. Ведь ты сама видишь — что-то здесь неладно. Я читал дерьмовый пресс-релиз, опубликованный управлением. «Вскрытие не дало решающих аргументов в поддержку официальной версии случившегося...» Что за чушь собачья? С каких пор ты не в силах определить, сам ли человек убил себя выстрелом в упор или нет? Расскажи мне все, Тереза. Может, тогда мы вместе что-нибудь придумаем, пойдем, как нам быть.

Тереза передернула плечами и покачала головой, но Босх понял, что она готова поделиться с ним своими сомнениями.

— Они объяснили мне, потому что я не была на сто процентов уверена... Гарри, ты не должен никому говорить, откуда у тебя эти сведения! Не должен!..

— Не беспокойся, на тебе это никак не отразится. Если мне и придется использовать эту информацию, то лишь для того, чтобы помочь нам. Тебя это не коснется, обещаю.

— Мне велели ни с кем не обсуждать того, что я узнала, поскольку я, видишь ли, и сама была не совсем уверена. Этот заместитель начальника управления, этот Ирвинг, этот наглый хрен с изюмом, прекрасно знал, что делает. Он постоянно напоминал: окружная комиссия очень скоро будет решать вопрос о моем назначении и о том, что на должность руководителя лаборатории может быть назначен только человек, имеющий понятие о служебной тайне. Ирвинг даже перечислил своих друзей, которые заседают в этой драной комиссии. Боже, как мне хотелось схватить скальпель и...

— Не думай об этом. Скажи лучше, в чем ты не была уверена на сто процентов?

Тереза одним глотком осушила свой бокал, и Босх наконец узнал всю историю. Вскрытие началось как обычно, но кроме Шиэна и Частина — двух следователей, которым было поручено расследование, — анатомичку почтил своим присутствием заместитель начальника полиции. Он попросил немедленно вызвать технического сотрудника лаборатории, чтобы тот скорее снял отпечатки пальцев.

— Разложение зашло так далеко, — рассказывала Тереза, — что мне пришлось sprysнуть кончики пальцев спецотвердителем. Только после этого Коллинз, мой лаборант, снял отпечатки. Сличение он провел тут же, потому что Ирвинг приволок с собой личное дело. Отпечатки совпали на сто процентов. Это был Мур.

— А как насчет зубов?

— С зубами было трудно. Целых осталось совсем мало. Мы сравнивали обломок резца, найденный в ванной, с записями о стоматологическом лечении, которые тоже принес Ирвинг. У Мура был запломбированный канал. В этом зубе тоже. Еще одно совпадение.

Потом Тереза сказала, что вскрытие она начала сразу после того, как установили личность по отпечаткам. Очевидное тут же подтвердилось: выстрел в упор из двуствольного дробовика был смертельным. Смерть наступила мгновенно. И только в

процессе исследования отделенных от тела органов она начала сомневаться, действительно ли это было самоубийство.

— Сила выстрела была такова, что привела к полному краиниальному смещению, — объясняла Тереза. — Согласно установленному порядку мы обязаны провести подробное исследование всех жизненно важных органов, в том числе мозга, однако проблема заключалась в том, что из-за значительной площади поражения мозг почти полностью разрушился. Мне сказали, что картечины вылетели сразу из двух горизонтально расположенных стволов, и это было видно, поскольку район наибольших повреждений имел эллиптическую форму, вытянутую в горизонтальной плоскости. Вместе с тем значительная часть лобных долей и соответствующая им часть черепа не пострадали, хотя и сместились.

Понимаешь, что я имею в виду? Согласно схемам места происшествия, все произошло в ванной. Это... не слишком странно? Ты ведь, кажется, знал его...

— Не очень близко. Продолжай.

— В общем, я исследовала то, что осталось от мозга, не ожидая найти ничего нового или противоречащего уже известному мне. Но я ошиблась. На лобных долях я увидела следы кровоизлияния, расположенные в точке прилегания мозга ко внутренней поверхности черепного свода. — Тереза отпила глоток вина из бокала Босха и тяжело выдохнула, словно отгоняя демонов сомнения. — Именно в этом, Гарри, и заключалась самая главная проблема.

— Почему? Объясни, почему?

— Ты говоришь точь-в-точь как Ирвинг. Объясни да объясни... Это же очевидно! Ну ладно, слушай. Все это выглядит довольно странно по двум причинам. Значительное мозговое кровоизлияние в случае мгновенной смерти, когда мозг отделяется от тела за доли секунды, необычно само по себе. Впрочем, об этом можно спорить, и эту честь я оставляю Ирвингу. Но вот другая причина... Тут уж не поспоришь. Короче, подобное кровотечение однозначно указывает на травму, полученную в результате контрудара. Лично я в этом ничуть не сомневаюсь.

Гарри постарался припомнить все сведения из области анатомии и физиологии, полученные им за десять лет полицей-

ской службы, поскольку он частенько присутствовал при вскрытиях. Травмой в результате контрудара называлось повреждение мозга в точке, противоположной месту удара. При ударе по голове мозг, представляющий собой студнеобразную коллоидную структуру, заполняющую череп, по инерции врезался в противоположную стенку черепа, поэтому сильный удар, например, слева, больше всего вредил правой половине мозга. В случае с Муром повреждение, описанное Терезой, означало только одно: перед смертью Кэл получил сильный удар по затылку. Выстрел в лицо не мог привести к реверсивному повреждению лобных долей.

— А не может быть так, что... — Гарри умолк на полуслове. Он вдруг забыл, о чем собирался спросить. Ему страстно хотелось курить, и он достал новую пачку. — Что же случилось? — спросил он, открывая сигареты.

— Когда я стала объяснять, что именно обнаружила, Ирвинг напрягся и начал спрашивать, уверена ли я, можно ли считать это доказанным на сто процентов, не слишком ли мы торопимся и так далее и так далее... И все мне сразу стало ясно. Ну не хотел он, чтобы этот случай вдруг оказался чем-то другим! Не самоубийством. Как только я высказала свои сомнения, Ирвинг пробормотал, что не надо, дескать, забегать вперед и спешить с выводами. Необходимо двигаться медленно — семь раз отмерить, а потом... еще семь раз. По его словам выходило, что управление слишком возбуждает наши открытия, поэтому следствие должно продвигаться медленно, корректно, скрупулезно. Это его подлинные слова. Вот ведь жопа!..

— Не буди лихо, пока спит тихо, — вставил Босх.

— Вот именно. Поэтому я спокойненько заявила им, что не могу подтвердить версию о самоубийстве. А потом... потом они убедили меня, что считать убийство Мура доказанным тоже нет достаточных оснований. Вот почему объявили, что результаты вскрытия не вполне определенные. Этакий компромисс. Пока... Из-за этого я и чувствую себя так, словно в чем-то виновата. Точнее, из-за этих подонков.

— Они намерены спустить дело на тормозах, — сказал Босх.

На самом деле он понимал далеко не все. Нежелание замечать новый поворот дела объяснялось, возможно, расследова-

нием, проводимым ОВР. Ирвинг наверняка смекнул: во что бы ни ввязался Мур, это — так ли, эдак ли — убило его, и, естественно, не спешил открывать коробочку, не зная, что внутри. Может, ему никогда и не хотелось этого знать. Зато теперь Босху стало ясно, что отныне он вправе действовать на свой страх и риск. Любые найденные им улики, любые сведения, попади они к Ирвингу или к ОВР, исчезнут, будто их никогда не было, и потому если Босху охота разбираться в этом деле, то на поддержку рассчитывать нечего.

— Они знают, что Мур работал над чем-то для тебя? — спросила Тереза.

— Теперь уже, наверное, знают, но когда были с тобой на вскрытии — еще не знали. Впрочем, никакой разницы, наверное, нет.

— А дело твоего «Хуана»? Ведь это Мур нашел тело.

— Не знаю, известно ли им что-нибудь об этом.

Тереза долго молчала, потом встала и подошла к Босху. Прильнув к нему, она поцеловала его в губы и прошептала:

— Давай на время забудем обо всем этом...

После этого они занимались любовью, и Босх полностью подчинился Терезе, позволив ей руководить им, использовать его тело так, как ей больше нравилось. Они бывали вместе довольно часто, знали пристрастия и привычки друг друга, поэтому и чувствовали себя так хорошо вдвоем. Ни любопытства, ни смущения для них давно уже не существовало. В конце концов Тереза утвердилась на нем, тогда как Гарри полулежал, облокотившись спиной на подушки. Голова ее откинулась назад, а короткие ногти безболезненно впивались в его грудь. За весь этот час Тереза не издала ни звука.

Босх поднял взгляд и увидел в полутьме серебряный отблеск ее серег. Протянув руки, он коснулся этих изящных колечек, потом его ладони скользнули вниз по шее, плечам и груди Терезы. Под его пальцами кожа Терезы становилась теплой и влажной, а ее медленные методичные движения уводили Гарри все дальше и дальше в блаженную пустоту, куда не могли последовать за ними никакие тревоги.

Когда они отдыхали, Босха внезапно охватило острое чувство вины. Голова Терезы все еще лежала у него на груди, а он думал о Сильвии Мур — о женщине, с которой впервые встре-

тился только вчера вечером. Каким образом ей удалось вторгнуться в его мысли, особенно сейчас? И все же Босх вспоминал о ней, недоумевая, откуда взялось это ощущение неловкости и стыда. Может, оно пришло к нему из будущего?

Вдруг Босху показалось, что он услышал высокий короткий лай койота, донесшийся очень издалека, откуда-то с задней стороны дома. Тереза тоже приподняла голову и прислушалась. Теперь они уже оба слышали одинокий и тоскливый вой зверя.

— Тимида, — одними губами произнесла Тереза.

Гарри ощутил еще один острый укол совести, но на этот раз он думал о Терезе. Неужели он обманул ее и вынудил рассказать обо всем? Он сомневался в этом. Скорее всего Гарри ощущал вину за то, что ему только предстояло сделать. Ведь как ни крути, он уже сейчас знал, как поступит с полученными от Терезы сведениями.

Тереза как будто догадалась, что его мысли блуждают далеко от нее. Должно быть, Босха выдал едва заметный сбой сердечного ритма или чуть ощутимое напряжение мышц.

— Ничего, — сказала она.

— Что?

— Ты спрашивал, что я буду делать. Ничего. Не хочу больше участвовать в этих грязных делишках. Если они намерены похоронить это дело — пускай хоронят.

Тут Босх понял, что из Терезы выйдет прекрасный босс лаборатории судебно-медицинской экспертизы округа Лос-Анджелес, и совершенно неожиданно для себя отстранился от нее. Тереза скатилась с него и села на краю кровати, глядя на показавшуюся в окне убывающую луну. Снова коротко провыл койот, и Босху почудилось, что где-то вдали на зов Тимида откликнулась собака.

— Ты такой же, как он? — спросила Тереза.

— Как кто?

— Как Тимида. Одинокий койот в темном ночном мире.

— Иногда. Каждому иногда бывает одиноко и грустно.

— Но тебе это нравится, да?

— Не всегда.

— Не всегда...

Прежде чем что-нибудь сказать, Босх обдумывал свою следующую реплику. Одно неверно выбранное слово, и Тереза уйдет.

— Прости, если что-то не так, — нерешительно начал он. — Слишком много всего произошло...

Гарри не закончил. Никаких оправданий у него не было.

— Тебе действительно нравится жить здесь, на холме, в маленьком уединенном домишке, и дружить с койотом?

Босх не ответил. Лицо Сильвии Мур неожиданно и необъяснимо всплыло у него перед глазами, но на этот раз он не почувствовал никакой вины. Ему нравилось смотреть на нее.

— Мне пора, — сказала Тереза. — Завтра у меня трудный день.

Босх смотрел, как она, не одеваясь, прошла в ванную комнату, захватив свою сумочку с ночного столика. Потом зашумел душ, и он представил себе, как Тереза тщательно намыливается, смывая со своего тела все его следы, а потом обрызгивает себя универсальным дезодорантом, который всегда держала под рукой, чтобы бороться с запахами — неизменными спутниками ее профессии.

Он подкатился к краю кровати, где на полу грудой валялась его одежда, и достал из кармана телефонную книжку. Пока в душе шумела вода, Гарри успел набрать номер.

Голос, ответивший ему, был невнятным, сонным, да и немудрено — только что перевалило за полночь.

— Ты меня не знаешь, — сказал Босх. — Мы никогда с тобой не разговаривали.

Некоторое время в трубке царило молчание — абонент пытался проснуться и узнать голос Гарри.

— О'кей, о'кей, я понял.

— Со вскрытием Мура не все чисто.

— Черт тебя возьми, приятель, это мне известно. Решающих доказательств версии о самоубийстве нет. И незачем было будить меня посреди ночи...

— Ничего ты не понял. Ты путаешь вскрытие с пресс-релизом по поводу вскрытия. Это совсем разные вещи. Теперь тебе ясно?

— Да... По крайней мере мне кажется, что да. Так в чем там дело?

— Разногласия между заместителем начальника полиции и ведущим патологоанатомом. Один считает это самоубийством, другой — убийством. Кто-то из них ошибается — отсюда и строчка в пресс-релизе о том, что результаты вскрытия не окончательны.

В трубке негромко присвистнули.

— Отменная информация. Но с чего это копам вздумалось замять убийство, особенно убийство полицейского? Самоубийство же бросает тень на все управление. Зачем им понадобилось на этом настаивать? Нет ли каких-то особых обстоятельств?

— Ты абсолютно прав, — бросил Босх и повесил трубку.

Через минуту вода в душе перестала литься, и Тереза вышла из ванной комнаты с полотенцем в руках. То, что она предстала перед Босхом совершенно нагой, видимо, ничуть не смущало ее, а Гарри вдруг поймал себя на том, что скучает по ее прежним целомудрию и стыдливости. Впрочем, эти качества со временем покидали всех женщин, с которыми Босх когда-либо встречался, исчезая еще раньше, чем сами женщины уходили от него.

Пока Тереза одевалась, он быстро натянул джинсы и майку. Никто из них не проронил ни слова, но Босх заметил, что Тереза посмотрела на него и проницательно улыбнулась.

Он пошел проводить ее до машины.

— Так мы договорились насчет Нового года? — спросила Тереза, когда Босх открыл перед ней дверцу.

— Конечно, — подтвердил Гарри, хотя знал: она позвонит, как только придумает какой-нибудь предлог, чтобы отменить встречу.

Тереза потянулась и, поцеловав его в губы, скользнула на водительское место.

— До свидания, Тери, — сказал Босх, но она уже закрыла дверцу.

Он вернулся в дом далеко за полночь. В гостиной остался аромат духов Терезы, и он почувствовал себя виноватым. Босх поставил на проигрыватель диск Фрэнка Моргана «Индиговое настроение» и долго стоял посреди комнаты, при-

слушиваясь к вступительному соло. Эта вещь называлась «Лаллаби», и Гарри подумал, что в мире нет ничего правдивее, чем звук саксофона.

Глава 11

Поняв, что уже не заснет, Босх вышел на веранду и закурил. Опершись на перила, он смотрел вниз на ковер, сотканный из множества огней. Прохладный ночной ветер остужал его кожу и укреплял решимость. Впервые за много месяцев Босх чувствовал такой прилив сил. Он снова на охоте, снова идет по следу.

Глубоко затянувшись, Гарри обдумал все известные ему факты и мысленно составил список всех причастных к расследованию, с кем ему предстояло встретиться, и неотложных дел.

Первым в списке стоял Люциус Портер, горе-детектив, чей уход из полиции был слишком своевременным и хорошо рассчитанным, чтобы счесть его случайным. Гарри вдруг осознал, что одна только мысль о Портере рассердила его. Рассердила и озадачила настолько, что он рискнул подставить себя под удар в разговоре с лейтенантом Паундсом.

Босх вернулся к своей записной книжке и снова набрал номер экс-детектива. Вообще-то он совсем не рассчитывал, что кто-то ответит на его звонок, и предчувствие его не обмануло. Хотя бы в этом отношении Портер оставался верен себе. Гарри проверил адрес, записанный еще утром, и вышел из дома.

По дороге к городу, до самой Кауэнга-пасс, он не встретил ни одной машины. Гарри поехал на север, потом вырулил на Голливудское шоссе. Здесь оказалось довольно много машин, однако ему не пришлось ехать с черепашьей скоростью. Автомобили двигались почти непрерывным потоком, напоминая длинную лоснящуюся змею с красными и белыми вкраплениями на коже.

Над Студио-сити Босх заметил полицейский вертолет. Он кружил на одном месте, направив луч укрепленного под брю-

хом прожектора на находящееся где-то внизу место преступления. С того места, откуда смотрел Босх, этот длинный белый луч походил на поводок, не позволяющий стальной стрекозе взвиться высоко в небо и умчаться прочь.

Ночной город нравился Гарри куда больше. Темнота скрывала или смягчала его самые отвратительные черты, заставляла затихнуть шумный мегаполис и вместе с тем вызывала на поверхность глубинные течения городской жизни. Именно в этих темных водах Босх чувствовал себя наиболее непринужденно. Тени скрывали его, и, словно пассажир дорогого лимузина, он, никому не видимый, замечал все.

Ночной мрак дарил Гарри ощущение случайности, как будто сама переменчивая фортуна подмигивала ему голубыми огнями неоновых реклам. Он видел множество способов жить и умереть, и пассажир на заднем сиденье лимузина мог вдруг оказаться трупом, путешествующим в голубом фургоне коронера. Гром аплодисментов мог в любую минуту смениться свистом пуль, проносящихся в ночной тьме над головой. Случайность — в этом был весь Лос-Анджелес.

Этот город видел стремительно вспыхивающие пожары и неистовые наводнения, знал землетрясения и грязевые сели. В нем обитали психи, вооруженные снайперскими винтовками, и одуревшие от героина молодчики; пьяные водители вечно выскакивали на самые коварные перекрестки, а по извилистым мрачным улицам ходили копы-убийцы и убийцы копов. Где-то здесь жил муж женщины, с которой Босх спал, и сама эта женщина. Каждую ночь в городе кого-то насиловали, резали ножами, калечили, кого-то убивали и кого-то любили. Каждую ночь дети припадали к материнской груди, а порой кто-то находил младенца в мусорном баке.

Где-то когда-то...

Гарри выехал на Вановен в северном Голливуде и поехал на восток, к Бербанку, а когда по сторонам дороги замелькали самые ветхие городские кварталы — почти трущобы, — снова повернул на север. Судя по бандитским граффити на стенах, в этом квартале обитали в основном латиноамериканцы, но Портер прожил здесь уже несколько лет — он тратил столько денег на алименты и на спиртное, что ничего лучшего не мог себе позволить.

Босх свернул на стоянку трейлеров «Счастливая долина» и довольно быстро отыскал прицеп Портера в самом конце Гринбраер-лейн. Трейлер был совершенно темным, не горел даже фонарь над дверью, а под алюминиевым навесом сбоку не стояла машина.

Босх остановил автомобиль и, не выходя наружу, выкурил сигарету. Откуда-то — должно быть, из какого-то мексиканского клуба на Ланкершме — доносился напев марьячос, но вскоре его заглушил рев реактивного лайнера, пронесшегося прямо над головой к аэропорту Бербанк. Босх протянул руку, открыл бардачок и, достав оттуда кожаный футляр с фонариком и набором отмычек, выбрался из машины.

После того как он постучал в третий раз и никто ему не открыл, Гарри взялся за отмычки. Приняв решение давно, Босх ни секунды не колебался. В конце концов, Портер не был невинным ягненком — каким-то образом он ввязался в большую игру, а Босх только пытался в ней разобраться. В свое оправдание он подумал, что Портер утратил право на неприкосновенность своей частной жизни в тот самый момент, когда не пожелал поговорить с ним откровенно, когда скрыл, что тело шестьдесят седьмого «Хуана» обнаружил на задворках ресторана «Яйцо» не кто иной, как Калексико Мур. Теперь Босх собирался найти Портера и подробнее расспросить его об этом.

Достав миниатюрный фонарик, Босх включил его и зажал в зубах. Присев перед дверью, он всадил в замочную скважину щуп и отмычку. На то, чтобы отжать цувальды и открыть дверь, ему понадобилось несколько минут.

Еще с порога Босх почувствовал сильный неприятный запах. Так обычно пахнет пот сильно пьющего человека. На всякий случай он еще раз окликнул Портера, но не получил ответа.

Обходя крошечные комнатки, Гарри включил свет. Почти на каждой горизонтальной поверхности стояли пустые стаканы, постель была разобрана и покрыта серыми от грязи простынями. Среди стаканов на ночном столике Гарри разглядел пепельницу, до краев набитую окурками, и статуэтку неизвестного ему святого. Ванна в туалетной комнате по соседству со спальней была основательно загажена, зубная щетка валялась

на полу, а в корзине для белья Босх обнаружил пустую бутылку из-под виски такого дорогого — или дешевого — сорта, о каком никогда не слышал. Впрочем, Босх не без оснований подозревал, что справедливо последнее.

На кухне, в мусорном ведре, Босх нашел еще одну порожнюю бутылку. Раковина и разделочный столик были забиты грязной посудой, а в холодильнике не было ничего, кроме баночки горчицы и упаковки яиц. Словом, жилище Портера весьма походило на своего хозяина и свидетельствовало о какой-то совсем другой, маргинальной жизни, если, конечно, подобное существование вообще можно назвать жизнью.

Вернувшись в гостиную, Босх заметил на столике рядом с желтенькой кушеткой вставленную в рамку фотографию женщины и взял ее в руки. Женщина показалась Гарри не слишком привлекательной, хотя для Портера она, возможно, была совершенно особенной. Бывшая жена, которую он никак не мог забыть? Возможно...

Босх ставил фото на место, когда зазвонил телефон.

Он пошел на звук и оказался в спальне. Телефонный аппарат стоял на полу рядом с кроватью. Босх взял трубку на седьмом звонке и, подражая голосу человека, разбуженного в неурочный час, хрипло спросил:

— Алло?..

— Портер?

— Да. Кто говорит?..

На линии воцарилась такая мертвая тишина, будто кто-то перерезал провод, но Босху показалось, что он узнал этот голос. Паундс? Нет, не Паундс. Звонивший произнес только одно слово, но Гарри уловил легкий акцент, скорее всего испанский.

Эту загадку он пока отодвинул в дальний уголок мозга и встал с кровати, на которую незаметно для себя опустился. Еще один реактивный самолет пронесся над паркингом, и трейлер мелко задребезжал. Босх пожал плечами и, вернувшись в гостиную, предпринял формальный обыск единственного в доме однотумбового стола, заранее зная, что не найдет ничего, а потому не решит самый важный на данный момент вопрос: где Портер?

Уходя, он погасил свет и тщательно запер входную дверь. Свои поиски Босх наметил начать в барах северного Голливуда, понемногу продвигаясь оттуда на юг, к центру города. Вблизи каждого полицейского участка имелось несколько баров, куда любили заходить местные копы. Когда после двух часов они закрывались, полицейские перебирались в ночные клубы-«бутылочки», полутемные забегаловки, куда мужчины приходили пить крепкое и так помногу, словно от этого зависела их жизнь. По сравнению с улицей это были тихие гавани, позволявшие забыться или остаться наедине с самим собой. Босх не сомневался, что найдет Портера в одном из таких заведений.

Начал он с «Попугая» на Киттридж-стрит, но бармен за стойкой — сам бывший коп — сказал, что не видел Портера с самого Рождества. Потом Босх поехал в «502» на Ланкершим и в «Сейнтс» на Кауэнга-пасс. Здесь тоже хорошо знали Портера, но сегодня ночью он не заходил ни в один из них.

Безуспешные поиски продолжались до двух часов ночи. К этому времени Босх прочесал уже пол-Голливуда и устало сидел в машине у дверей «Пули», вспоминая, где находится ближайший ночной клуб, когда его пейджер вдруг разразился пронзительным писком. Проверив высветившийся на дисплее номер, он не узнал его.

Пришлось идти в «Пулю» и звонить из платного таксофона. Как только Гарри набрал номер, огни в баре пригасили, как последнее напоминание засидевшимся допоздна гулякам.

— Босх?

— Да.

— Это Рикард. Я не вовремя?

— Нет, все нормально. Я в «Пуле».

— Так ты совсем близко!

— Близко для чего? Вы задержали Дэнса?

— Нет, не совсем. Я сейчас в рэйве за Кауэнга-пасс, немного южнее Бульвара. Что-то не спалось, и я решил отправиться на охоту. Дэнса, конечно, нет, но мне на глаза попался один из его старых агентов — некто Кервин Тидж. Его имя значилось на карточке задержания в папке Мура.

Босх задумался. Да, он помнил это имя. Тидж был одним из подростков, задержанных группой БАНГ, тщетно пытавшейся

отпугнуть их от улицы. Его данные тоже попали в составленное Муром досье по «черному льду». Случайность?..

— Что такое рэйв?

— Подвал. Здесь в переулке есть склад, и молодежь сняла его, чтобы устроить вечеринку и поплясать под цифровую музыку. Все веселье продолжится часов до шести, и в другой раз они соберутся на следующей неделе в каком-нибудь еще подвале.

— Как вы нашли это место?

— Это совсем не трудно. Магазин грампластинок на бульваре Мелроуз повсюду вывешивает свои телефоны. Нужно позвонить и записаться. Платишь двадцатку за вход, а потом ширяйся и балдей хоть до утра.

— Тидж продает «черный лед»?

— Нет, он торгует у входа «карамельками».

«Карамельками» назывались сигареты, вымоченные в растворе фенциклидина. Каждая стоила двадцать долларов, зато благодаря ей курильщик торчал на кайфе всю ночь. Очевидно, Тидж больше не работал на Дэнса.

— На мой взгляд, мы имеем все основания задержать парня, — заметил Рикард. — Сведения о Дэнсе мы выжмем из него через дырочку в заднице. Мервин Дэнс, судя по всему, смылся из наших краев, но парнишка может знать — куда. В общем, тебе решать, Босх. Не знаю, насколько для тебя важно найти его.

— Где встретимся? — спросил Босх.

— Езжай на запад по Бульвару. Как только проедешь Кауэнга-пасс, сворачивай на юг на первом же повороте. Нужен тебе тот переулок, который проходит за порномагазинами. Там довольно темно, так что ориентируйся по голубой неоновой стрелке. Это и есть то самое место. Я буду ждать в полуквартале к северу, в нашей красной развалюхе. Марка — «камаро», номера невадские. Подъезжай, а я пока придумаю, как нам сцапать его с поличным.

— Ты знаешь, где он хранит свое добро?

— Знаю. В пивной бутылке, спрятанной в водосточном желобе. Сам Тидж все время снует туда-сюда — ищет клиентов и выводит наружу. В общем, пока ты приедешь, я что-нибудь скумекаю.

Босх положил трубку и вернулся к машине. Из-за запрудивших Бульвар стильных и дорогих автомобилей, на которых раскатывали праздные бездельники, ему понадобилось почти четверть часа, чтобы добраться до указанного места. В переулке он, в нарушение всех правил, припарковался позади побитого красного «камаро». Рикард сидел на водительском сиденье, но так, что над спинкой кресла виднелась только его макушка.

— Доброго утречка, — приветствовал он Босха, когда тот проскользнул на пассажирское сиденье «камаро».

— Привет, — отозвался Босх. — Наш мальчик все еще здесь?

— Куда ему деться? Похоже, у него сегодня тоже удачный день, вернее — ночь. «Карамельки» расходятся так, словно, кроме них, на всей земле больше нечего купить. Жаль, но придется испортить ему удовольствие.

Босх окинул взглядом темный переулок. При вспышках голубой неоновой стрелы он увидел перед дверью кирпичной пристройки склада несколько фигур в темном. Время от времени дверь открывалась, и тогда кто-нибудь входил внутрь или, наоборот, выходил. В эти моменты Босх слышал и музыку: ритмичный, громкий техно-рок, сотрясавший, казалось, всю улицу басовым драйвом. Когда глаза Босха привыкли к полумраку, он разглядел, что собравшиеся у дверей люди курят или пьют пиво, остывая после неистовых плясок. У некоторых в руках были надутые воздушные шарики; облокотившись на капоты машин, они подносили их ко рту, а потом передавали дальше, словно сигарету с марихуаной.

— В воздушных шариках — закись азота, — пояснил Рикард.

— Веселящий газ?

— Точно. На таких вечеринках его продают по пять баксов за шарик. А знаешь, сколько таких шаров можно наполнить из одного баллона, украденного в больнице или у зубного врача? Чертову кучу!

Босх промолчал, наблюдая, как одна девица вдруг свалилась с капота машины и ее воздушный шарик, вырвавшись из рук, быстро исчез в темноте. Товарищи помогли закосевшей

подружке подняться, и Гарри услышал взрывы визгливого хохота.

— Это законно?

— Почти. Во всяком случае, обладать этим газом можно вполне легально — он довольно широко используется в медицине и в быту. Не разрешается только употреблять его внутрь для разрядки или отдыха, но мы даже не обращаем внимания на такие мелкие нарушения. Если кому-то охота дышать этой дрянью и балдеть — ради Бога! Может, кто-нибудь из них грохнется и расшибет себе башку; я скажу только одно — поделом вору. Почему кто-то должен... Ага, вот и он!

Босх увидел худую, как у подростка, фигурку: она появилась из дверей склада и двинулась вдоль переулка.

— Смотри, сейчас он направится к своей бутылке.

И действительно, подросток юркнул в промежуток между двумя припаркованными машинами и присел.

— Вот он макает сигарету в раствор. Теперь ему нужно подождать несколько минут, пока наркотик просохнет, а клиент выйдет. Тогда совершится сделка.

— Хочешь взять его сейчас?

— Нет. Если мы возьмем его только с одной «карамелькой», это ничего нам не даст. Владение для собственного употребления — за это его даже на ночь не посадят к алкашам в «аквариум». Чтобы выжать как следует, надо взять его вместе с раствором.

— А как это сделать?

— Возвращайся к себе в машину. Я хочу, чтобы ты выехал на Кауэнга-пасс и вернулся в переулок с другой стороны. Можешь даже подъехать поближе к дискотеке. Как припаркуешься, постарайся подобраться к самым дверям. Будешь страховать меня. Я зайду с этой стороны. У меня в багажнике есть кое-какая старая одежда: камуфляж, мать его... В общем, твоя задача быть на подхвате, а я буду действовать по плану.

Босх сел в свой «каприс», развернулся и выехал из переулка. Объехав квартал, он вернулся на ту же улочку с южной стороны. Подходящее место для парковки нашлось у мусорных контейнеров; Босх встал туда и сразу же увидел, как Рикард, сутулясь, бредет по аллее ему навстречу. Гарри поспешно вы-

брался из машины и пошел вперед. Они приближались к дверям склада с двух сторон, но Босх скрывался в тени, а Рикард, в засаленном грязном свитере и с какой-то немыслимой сумкой в руке, шагал прямо по проезжей части и громко пел. Из-за шума дискотеки Гарри не разбирал слов, но ему показалось, что переодетый коп исполнял невнятной, пьяной скороговоркой известную песню Перси Следжа «Когда мужчина любит женщину».

Как бы там ни было, Рикард привлек к себе внимание собравшейся у дверей группы. Балдеющие девицы даже пытались подпевать ему, но потом бросили и просто захлопали в ладоши. Благодаря этому Босху удалось приблизиться к складу почти вплотную. Теперь он находился за четыре машины от дверей и за три — от того места, где Тидж прятал свою бутылку с фенциклидином.

Проходя мимо вереницы припаркованных у тротуара машин и весьма правдоподобно покачиваясь, Рикард внезапно оборвал на полуслове песню и повел себя так, словно вдруг увидел сокровище. Он остановился, повернулся и, вытянув перед собой руки, ринулся в промежуток между двумя авто. В следующее мгновение Рикард уже вынырнул обратно, с пивной бутылкой в руках. Он собрался было убрать ее в свою сумку, когда молодой парень, ловко проскользнув между автомобилями, приблизился к нему и тоже схватился за драгоценный сосуд. Но Рикард и не думал выпускать добычу. Он потянул бутылку на себя, разворачивая Тиджа таким образом, что парень оказался спиной к Босху.

Гарри, уже не таясь, двинулся вперед.

— Это моя бутылка. Я ее нашел! — плаксивым голосом звал Рикард.

— Но это я поставил ее туда, дружище, — возразил Тидж. — Отпусти-ка, пока она не разлилась.

— Пойди и найди себе такую же. А эта будет моя!

— Отдай!

— Ты уверен, что она твоя?

— Моя!

Босх так сильно толкнул подростка в спину, что Тидж выпустил бутылку и, переломившись пополам, уткнулся лбом в багажник ближайшего автомобиля. Гарри прижал его шею лок-

тем и повернулся к Рикарду. Тот рассматривал бутылку. Все было сделано так неожиданно, что ни капли содержимого не пролилось.

— Раз ты говоришь, что она твоя, значит, так и запишем, — сказал полицейский. — Кстати, ты арестован.

Босх снял с пояса наручники и, приподняв голову задержанного, стащил его с багажника. Вокруг них понемногу начала собираться небольшая толпа.

— Отваливай, ребята! — громко сказал Рикард. — Возвращайтесь внутрь и продолжайте нюхать свой веселящий газ. Уродуйте свои барабанные перепонки и дальше. Все это вас не касается, если только вам не хочется окунуться в дерьмо вместе с этим парнем.

Он наклонился к самому уху Тиджа и спросил:

— Правильно, дружище?

Никто из зрителей не сдвинулся с места, но Рикард сделал в сторону угрожающий шаг, и зеваки торопливо разошлись. Девуцы вернулись на склад, и музыка, вырвавшаяся из открытой двери, заглушила победоносный смех Рикарда. Потом он повернулся и схватил Тиджа за руку выше локтя.

— Идем. Воспользуемся твоими колесами, Гарри.

Они поехали в полицейский участок на Уилкокс-стрит. Сначала все молчали. Босх и Рикард ни о чем не договаривались заранее, но Гарри был склонен уступить инициативу копу из БАНГ. Тот сидел на заднем сиденье вместе с задержанным. В зеркале заднего вида Босх видел неухоженные грязные волосы Тиджа, падавшие на плечи. Лет пять назад ему следовало бы поставить скобки на передние зубы, но по одному его виду Гарри понял, что парень вырос в доме, где подобные мелочи никого не волновали. В ухе Тиджа болталась золотая сережка, взгляд был отсутствующим, равнодушным, но больше всего Босху запал в душу вид его зубов — кривые, выступающие вперед, они яснее ясного говорили о той нелегкой, беспросветной и безрадостной жизни, какую приходилось вести этому парню.

— Сколько тебе лет, Кервин? — спросил Рикард. — Только не пытайся обмануть меня. У нас в участке есть твое досье, я всегда могу проверить.

— Восемнадцать. И можешь потереться своим досье, мне плевать.

— Ву-уу! — выдохнул Рикард. — Скажите пожалуйста — восемнадцать! Похоже, Гарри, мы с тобой поймали совершеннолетнего сопляка. Значит, нам не придется везде водить его за ручку, прежде чем сдать в детскую комнату. Этот мальчик пойдет у нас в «Семь тысяч», и мы посмотрим, как скоро его превратят в девочку.

«Семью тысячами», по ассоциации со справочным телефонным номером 555-7000, большинство копов и преступников называли тюрьму предварительного заключения округа, которая находилась в центральной части города и представляла собой четыре этажа шума, ненависти и насилия, расположенных прямо над штаб-квартирой шерифа. Каждый день там кого-то пыряли ножом, каждый час кого-то насиловали, и всем было на это плевать, ну, кроме тех, кого насиловали и резали самодельными ножами. Помощники шерифа, обязанные поддерживать на этажах закон и порядок, называли их отделом БУЧ — Без Участия Человека, и Босх прекрасно понимал, что Рикард выбрал самый эффективный путь, чтобы выжать из этого парня информацию.

— Пойдешь туда упакованным и с номерочком на ноге, — продолжал наращивать давление Рикард. — Здесь, в бутылочке, по меньшей мере две унции наркотика, пижон, и тебе светит статья «хранение с целью продажи». Ты спекся, парень.

— Чтоб ты сдох!

Каждое слово Тидж произносил с явной насмешкой. Он шел ко дну, но сдаваться не собирался. Босх заметил, что Рикард выставил руку с зажатой в ней зеленой пивной бутылкой в окно. Он не желал, чтобы испарения наркотика оставались в салоне, вызывая у полицейских головную боль.

— Как нехорошо, Кервин! Особенно если учесть, что человек, который сидит за баранкой, хотел бы заключить с тобой сделку... Что до меня, то я с удовольствием предоставил бы тебе возможность заключать сделки с братишками в «Семи тысячах». Через пару дней ты начнешь брить ноги и примерять розовое белье, выкрашенное гавайским пуншем.

— Отвали, свинья. Мне нужно позвонить.

Они ехали по бульвару Сансет, направляясь к Уилкоксу. До полицейского участка оставалось совсем немного, а Рикард еще не приступил к тому, ради чего все это затевалось. Похо-

же, парень не склонен был ни к каким компромиссам, раз его даже не интересовало, чего от него хотят.

— Позвонишь, когда мы решим, что тебя можно пропустить к телефону, пижон. Ты белый и чувствуешь себя крутым, но это не надолго, уверяю тебя. Я знаю таких, как ты: в тюрьме все ломаются очень быстро. Впрочем, сам увидишь. Если, конечно, не захочешь нам помочь. Нам, видишь ли, очень нужно поговорить по душам с твоим дружкой Дэнсом.

Босх свернул на Уилкокс-стрит. До полицейского участка оставалось всего два квартала. Задержанный упрямо молчал, и Рикард дал ему несколько минут, чтобы обдумать свое положение, после чего сделал еще одну попытку:

— Ну, что скажешь, парень? Дай нам адрес Дэнса, и я выброшу эту дрянь прямо у тебя на глазах. Не будь дураком и не думай, что «Семь тысяч» сделают из тебя настоящего мужчину. Это тебе не крещение, совсем нет. Это конец пути. Неужели ты этого хочешь?

— Я хочу, чтобы ты сдох.

Босх свернул на дорожку, ведущую на заднюю стоянку. Здесь им предстояло оформить арест, зарегистрировать вещественные доказательства и отвезти парня в центр. Гарри знал, что теперь им придется идти до конца. Арестованный молчал, и они должны были показать ему, что полицейские не блефуют.

Глава 12

К поискам Портера Босх вернулся не раньше четырех часов утра. Он уже выпил в участке две чашки крепкого кофе и теперь держал в руках третью. В «каприсе» Гарри был один; Рикард любезно согласился доставить Тиджа в тюрьму.

К сожалению, парень так и не заговорил, а его броня, сценированная агрессивным нежеланием идти на контакт, ненавистью к копам и ложной гордостью, так и не дала ни единой трещинки. Рикард воспринял его упорное молчание как личный вызов и возобновил свои угрозы с таким рвением, ко-

торое не на шутку встревожило Босха. В конце концов он предложил Рикарду закончить и попросил зарегистрировать задержанного. Выйдя из комнаты для допросов, они уговорились встретиться в «Семи тысячах» в два часа после обеда. К этому времени Тидж уже должен был провести в тюрьме часов десять и, так сказать, ощутить ее на вкус. Чтобы принять окончательное решение, этого вполне хватило бы.

И вот теперь Босх снова объезжал ночные забегаловки — своеобразные «клубы», члены которых приходили сюда после официального закрытия баров со своими бутылками и платили только за место у стойки и, так сказать, за обстановку. Разумеется, это была настоящая обдираловка, тем более что некоторые «клубы» даже взимали с клиентов нечто вроде членских взносов, но иные люди физически не способны напиваться дома, в одиночестве. Другие же просто не имели такого места, которое могли бы назвать своим домом.

У светофора, на перекрестке бульваров Сансет и Вестерн, справа от машины Босха, возникло какое-то неясное движение. Гарри увидел темную фигуру, склонившуюся над капотом с пассажирской стороны, и инстинктивно потянулся левой рукой к поясу, едва не выронив при этом свой кофе. Он сообразил, в чем дело, только потом, когда незнакомец начал тереть ветровое стекло грязной газетой. Бездомный бродяжка мыл ему машину в половине пятого утра, причем мыл плохо, размазывая грязь по стеклу. Гарри выудил из кармана доллар, протянул его нищему через окно, когда тот перешел на левую сторону, и махнул рукой.

— Не стоит так стараться, приятель, — сказал он, и нищий молча отошел.

Босх поехал дальше, один за другим проверяя ночные клубы, расположенные в районе Эко-парка, неподалеку от полицейской академии и Чайнатауна. Никаких следов Портера. Тогда он направился к шоссе Голливуд и, минуя центр города, вспомнил о парнишке, попавшем в окружную тюрьму. Скорее всего его поместят в седьмой блок к наркоманам, где заключенные не так зверствуют. Если повезет, то с Тиджем все обойдется.

Потом Босх увидел мощные голубые фургоны, выезжавшие из гаража «Таймс» с той стороны, где здание редакции примы-

кало к Спринг-стрит. Эти машины развозили по торговым точкам груз утренних новостей. Гарри быстро проверил две рюмочных около Паркер-центра, потом еще одну в районе притонов и ночлежек. Теперь он обшаривал заведения самого низкого пошиба, неуклонно приближаясь к концу списка. Где же ему искать Портера?

Наконец он остановился у заведения «По», расположенного почти в самой середине Третьей авеню в окружении зданий «Лос-Анджелес таймс», прихода Святой Вивианы и стеклянных небоскребов банка, обозначавших границы финансового центра города. Пьянчуг здесь встречалось больше, чем где бы то ни было. В самые ранние утренние часы — прежде чем деловой центр оживляли алчность и толкотня — «По», очевидно, делал неплохой бизнес.

Бар располагался на первом этаже довоенной кирпичной постройки, уже давно предназначенной под снос Лос-Анджелесским градостроительным управлением. Здание не было сейсмобезопасным, и его реконструкция наверняка обошлась бы гораздо дороже, чем строительство нового, современного дома. Управление намеревалось снести его и возвести на его месте несколько совместных владений, которые привлекли бы в центр города новых жильцов, но пока весь проект оставался в подвешенном состоянии. Другое муниципальное ведомство, а именно Управление охраны памятников, пожелало стать владельцем «Дома По», как в просторечии именовалось это здание, намереваясь придать ему статус исторического памятника, и оспаривало решение о сносе в судебном порядке. Таким образом, в ближайшие несколько лет дому ничто не грозило и «По» процветал. Остальные четыре этажа были заброшены.

Изнутри бар напоминал темную пещеру, вдоль которой протянулась длинная изогнутая стойка. Здесь не было ни столиков, ни кабинок, чтобы посидеть с друзьями. «По» предназначался только для того, чтобы пить в одиночестве. Идеальное место для нерешительных самоубийц, набирающихся мужества перед ответственным шагом; для одиноких надломленных коп, утративших способность выносить одиночество, некогда предпочитаемое ими; для писателей, потерявших свой дар, и для священников, разучившихся прощать грехи даже самим

себе. Идеальное место для того, чтобы пить до тех пор, пока в карманах еще остается хоть один доллар. Место на табурете у стойки стоило пять «зеленых», и еще за доллар вы получали ведерко льда, чтобы выпить принесенную с собой бутылку виски. Порция содовой стоила три доллара, но большинство здешних клиентов не разбавляли свое горькое лекарство. Так было дешевле, да и облегчение наступало скорее. Поговаривали, что «По» был назван вовсе не в честь писателя, а по первым буквам слов основополагающего философского принципа, которого придерживались его завсегдатаи: «Пей, и все обойдется!»

Хотя снаружи было довольно темно, в кабаке оказалось темнее. Переступив порог этой мрачной пещеры, Босх замер — уж больно сильно она напомнила ему первые после выброски минуты во вьетконговских тоннелях во Вьетнаме. Гарри стоял у входа, пока его глаза не привыкли к тусклому освещению бара настолько, что ему удалось разглядеть красную кожу, которой была обита стойка. Пахло здесь еще похлеще, чем в трейлере у Портера. Бармен в мятой белой рубашке и расстегнутом черном жилете охранял стеллажи с бутылками. На каждую из них была приклеена скотчем бирка с именем владельца. На стене за стеллажами горели красные неоновые лампы подсветки, отчего бутылки блестели неестественно и мрачно.

Из темноты слева до Босха неожиданно донеслось:

— Ч-черт, Гарри, откуда ты взялся? Меня, что ли, ищешь?

Босх повернулся на голос и увидел в дальнем конце бара Портера. Он забрался туда, очевидно, затем, чтобы заметить всякого, кто войдет в зал, прежде, чем тот заметит его. Босх шагнул к нему. На стойке перед Портером стояли бокал для виски, полупустой стакан с водой и треть бутылки бурбона. Здесь же валялись разложенные веером банкноты на сумму двадцать три доллара и пачка «Кэмела». Подойдя вплотную, Босх увидел, что Портер снова повернулся к нему спиной, и почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Да, я ишу тебя.

— З-зашем?..

Гарри знал: то, что он задумал, нужно сделать быстро — до того, как жалость погасит его гнев. Схватив Портера за ворот-

ник свободной спортивной куртки, он сорвал ее с бывшего копа и дернул вниз так, чтобы Портер запутался в ней руками. Сигарета выпала из пальцев копа на пол, а Босх уже протянул руку и, выдернув пистолет из его наплечной кобуры, положил оружие на стойку.

— Зачем ты таскаешь с собой эту штуку, Лу? Или ты уже не помнишь, что ушел из полиции? Может, чего-нибудь боишься?

— Что случилось, Гарри? Зачем ты это делаешь?

Бармен двинулся к ним вдоль стойки с явным намерением прийти на помощь одному из членов клуба, но Босх пригвоздил его к месту холодным взглядом и, подняв руку, словно регулировщик на перекрестке, небрежно бросил:

— Частное дело. Разберемся сами.

— Совершенно верно, приятель. Это частный клуб, а вы не его член.

— Все в порядке, Томми, — проговорил Портер. — Я его знаю. Все будет в порядке.

Двое посетителей, занимавшие место через несколько табуретов от Портера, встали и перешли подальше, забрав с собой выпивку и бокалы. Еще два пьянчуги, с любопытством наблюдавшие за развитием событий, тоже пересели, но никто не спешил уйти — во всяком случае, до тех пор, пока в заветных бутылочках еще оставалось пойло. Да в такую рань (без чего-то шесть) им просто некуда было податься — приличные бары начинали работу в семь или около того, а для некоторых ждать целый час до открытия — все равно что ждать целую жизнь. Нет, никто никуда не пойдет. Эти ребята останутся здесь и, если доведется, станут смотреть, как двое мужчин убивают друг друга.

— Ладно тебе, Гарри, — пробормотал Портер. — Остынь. Мы же можем спокойно поговорить.

— Можем? В самом деле? Почему же ты не захотел разговаривать, когда я звонил тебе?! Как насчет Мура, Портер? Ты разговаривал с Калексико Муром?

— Послушай, Гарри...

Босх столкнул его с табурета, и Портер полетел головой в облицованную деревянными панелями стену. Сделать это неожиданно оказалось много легче, чем рассчитывал Гарри,

поэтому Портер весьма чувствительно ударился лицом о деревянную облицовку стены, и его нос произвел звук, очень похожий на тот, который издает вафельный конус от мороженого, когда падает острым концом на тротуар. Босх уперся плечом в спину Портера и прижал его к стене, не давая сползти вниз.

— Никакой я тебе не Гарри, Портер! — прошипел он. — Я защищал тебя перед лейтенантом, думая, что ты... что ты того стоишь! Теперь я вижу, что ошибся. Ты бросил заниматься делом шестьдесят седьмого «Хуана», и я хочу знать почему. Я хочу знать, что вообще здесь творится!

Голос Портера прозвучал глухо — ему мешала стена и кровь, обильно вытекавшая из разбитого носа.

— Ты чего, Гарри?! Зачем ты сломал мне нос? Похоже, ты сломал мне нос — смотри, кровь так и хлещет!..

— Не отвлекайся. Так что там насчет Мура? Я знаю, что это он нашел тело «Хуана».

Портер издал какой-то подозрительный хлюпающий звук, но Босх только сильнее прижал его плечом. От бывшего копа пахло кислым потом, перегаром и табаком, и Гарри мельком подумал, сколько же времени он просидел в «По», со страхом и тревогой глядя на дверь.

— Я сейчас вызову полицию! — заорал бармен, держа перед собой телефон так, чтобы Гарри видел — это не пустая угроза. На самом деле Босх знал, что все обстоит совсем наоборот. Стоит только хозяину набрать номер, и все табуреты в зале тотчас опустеют, все пьянчуги ринутся к двери, и ему некого будет обжужливать на сдаче и не с кого получать четвертаки на чай.

Продолжая прижимать Портера к стене всей своей массой, Босх вытащил футляр со значком и предъявил бармену.

— Полиция уже здесь, так что занимайся своим делом, сынок, а сюда не лезь.

Бармен сокрушенно покачал головой, как бы негодуя на то, что полиция не дает честному предпринимателю спокойно заниматься своим бизнесом, и поставил телефон рядом с кассовым аппаратом. Заявление Босха о том, что он коп, возымело действие: примерно половина посетителей быстренько прикончили выпивку и подались восвояси. У Гарри мелькнула

мысль, что большая часть клиентуры «По», должно быть, давно числится в розыске.

Прижатый к стене Портер вдруг бессвязно забормотал, и Гарри испугался, что он вот-вот заплачет, совсем как во время их телефонного разговора в четверг утром.

— Гарри... Я не знал, что делаю, Гарри... Мне пришлось...

Босх толкнул его плечом и услышал глухой удар — это Портер снова врезался в стену, на этот раз лбом.

— Со мной этот номер не пройдет, Портер. Ты спасал свою шкуру — вот что ты делал. И теперь...

— Меня тошнит! Меня сейчас стошнит...

— ...И теперь, вонючка, хочешь верь — хочешь нет, единственный человек, которому не насрать на тебя, это я. Только расскажи мне, что ты делал, и мы квиты. Дальше меня это не пойдет; уволишься по своей медицинской статье, и я никогда больше не увижу твоей рожи.

Он услышал отраженный стеной хлюпающий звук — это было дыхание Портера, но Босху показалось, что он слышит и мысли экс-детектива.

— Честное слово, Гарри?

— У тебя нет выбора. Если не выложишь все сейчас, останешься без работы и без пенсии.

— Он... ох! Я только... Послушай, у меня вся рубашка в крови. Ты...

Босх толкнул его сильнее.

— О'кей, о'кей, о'кей, я скажу... все скажу. Я сделал ему одно одолжение, только и всего, а потом его вдруг нашли мертвым. Услышав об этом, я понял, что... не смогу вернуться. Понимаешь?.. Как это случилось, я не знаю, но чувствую, что они... Я подумал, что кто-то, может быть, ищет меня. И испугался. Я очень испугался, Гарри. С тех пор как мы поговорили вчера, я только и делаю, что отсиживаюсь по барам. И так от меня разит как от свиньи, а теперь еще эта кровь, мне нужна хотя бы салфетка. Они наверняка меня ищут.

Босх перестал налегать на Портера плечом, однако руку не убрал, чтобы коп никуда не делся. Дотянувшись до стойки свободной рукой, он взял из вазочки пачку салфеток для коктейлей и протянул их Портеру через плечо. Тот вытащил руку из рукава куртки и, отвернувшись от стены, прижал салфетки к

начинающему распухать носу. На его щеках Гарри увидел слезы и смущенно отвел взгляд.

Дверь в бар отворилась, и внутрь проник серый рассвет. На пороге появилась фигура мужчины, который, как и Босх, ненадолго остановился у входа, чтобы позволить глазам привыкнуть к темноте. Гарри заметил, что это смуглый человек с иссиня-черными волосами, а из уголка его левого глаза стекают вниз три вытатуированные на щеке слезы. Как понял Гарри, этот тип явно не банкир и не адвокат, заскочивший в бар пропустить двойной скотч перед началом рабочего дня. Гораздо больше незнакомец напоминал профессионального игрока, собиравшего ночную жатву с итальянцев или мексиканцев и нуждающегося теперь в чем-то таком, что помогло бы ему снять напряжение. Взгляд незнакомца упал на пистолет Портера, все еще лежавший на стойке. Мгновенно оценив ситуацию, мужчина спокойно повернулся и молча вышел.

— Черт вас возьми! — в отчаянии возопил бармен. — Может, вы все-таки уберетесь отсюда? Из-за вас я теряю клиентов. Эй вы, катитесь отсюда, оба!

Слева от Босха на стене висела табличка «Туалет» со стрелкой, указывавшей в небольшой темный коридор. Гарри подтолкнул Портера в том направлении. Завернув за угол, они вошли в мужской туалет, где пахло еще хуже, чем от бывшего детектива. В углу, правда, стояли швабра и ведро с водой, однако вода показалась Босху гораздо грязнее пола, выложенного битой плиткой.

Босх повернул Портера к раковине.

— Умойся, — сказал он. — Кстати, что это было за одолжение? Ты вроде бы говорил о том, что Мур тебя о чем-то просил.

Портер с тоской поглядел на свое размытое отражение на листе нержавеющей стали, которую повесили над раковиной, когда управляющему надоело менять разбитые зеркала.

— Кровь никак не останавливается, Гарри. Видно, ты сломал мне нос.

— Забудь про свой нос! Лучше расскажи мне, что ты для него делал.

— Я... Ну, в общем, он только сказал мне, что какие-то его знакомые будут очень довольны, если мертвяк из-за рес-

торана некоторое время останется неопознанным. Мур просил потянуть с этим делом недельку-другую. Но, Господи, ведь на трупе-то действительно не было никаких документов! Мур даже разрешил мне провести компьютерный поиск, поскольку заранее знал, что он ничего не даст. Еще он обещал, что если я потяну с опозданием, то его знакомые не забудут об этом одолжении. Мур сказал, что я получу отличный рождественский подарок. В общем, на прошлой неделе я проделал все положенные формальности; ну, это-то ты, наверное, знаешь — ты же видел досье. Никаких указаний на личность убитого, никаких свидетелей, никаких путеводных нитей. Парень был мертв уже шесть часов, когда его подбросили к ресторану.

— Что же так тебя испугало? Что случилось в Рождество?

Портер громко высморкался в скомканное бумажное полотенце, и на глазах у него снова показались слезы.

— Черт, точно сломал... воздух не проходит. Мне срочно нужно в клинику, Гарри, чтобы его там выправили. Я... Нет, на Рождество ничего не случилось. В том-то и дело... К этому времени Мур уже почти неделю как пропал, и меня очень нервировало сложившееся положение. На Рождество Мур не пришел, и вообще никто не пришел, а когда я возвращался домой из «Счастливец», мой приятель из соседнего трейлера сказал, что очень жалеет мертвого копа, которого только что нашли. Помню, я поблагодарил его и, как только вернулся домой, сразу включил радио. Там передали, что это Мур, и мне стало очень страшно. Да что там страшно — просто жуть меня взяла, Гарри. Честное слово...

Портер намочил несколько бумажных полотенец и стал тереть ими рубашку. Делал он это так неловко, что Босх невольно подумал, уж не старается ли он вызвать к себе жалость. Тут ему в глаза бросилась пустая кобура экс-детектива, и Гарри мгновенно вспомнил, что позабыл пистолет Портера на стойке.

— Понимаешь, я сразу догадался, что никакой Мур не самоубийца. То, что там вешают наши умники из Паркер-центра, — чушь собачья. Я знаю, Кэл никогда бы так не поступил, просто он влез во что-то опасное. Вот я и решил, что с меня хватит, позвонил в профсоюз и взял себе адвоката. Все, Гарри,

выбираюсь отсюда к чертям собачьим! Я собираюсь сорвать куш и двинуть в Лас-Вегас — может, даже поступлю в службу безопасности какого-нибудь казино. Милли с сыном уже в Лас-Вегасе, и мне хотелось быть поближе к ним.

«Да, — подумал Босх, — уехать, чтобы вечно оглядываться через плечо». Вслух же он сказал:

— У тебя снова кровь пошла. Умойся, а я пока принесу кофе. Я заберу тебя отсюда.

Он направился к выходу из туалета, но Портер остановил его:

— Ты pomoжешь мне, Гарри?

Прежде чем ответить, Босх долго смотрел на его разбитое лицо.

— Да, я сделаю все, что в моих силах, — сказал он наконец.

Гарри вернулся в бар и махнул рукой бармену, который курил в дальнем конце стойки. Бармен выглядел лет на пятьдесят, а предплечья его были сплошь покрыты старыми выцветшими татуировками, похожими на вены. Он отнюдь не торопился подойти, поэтому Гарри положил на стойку десятидолларовую банкноту.

— Мы уходим. Сделай мне два черных кофе на дорожку, Томми. В одну чашку положи побольше сахара.

— Давно пора, — проворчал бармен, кивая на десятку. — И еще я вычту за салфетки — они предназначены вовсе не для копов, разбивающих людям носы. Десяти долларов хватит, оставьте деньги здесь...

Он налил в пластиковые чашки кофе такого вида, словно его заварили еще накануне Рождества. Босх тем временем сходил туда, где сидел Портер, взял со стойки его пистолет и двадцать три доллара. Потом вернулся к своей десятидолларовой банкноте и закурил.

Между тем бармен, не подозревавший, что Босх видит его, положил огромное количество сахара в обе чашки, но Гарри решил оставить это без последствий. Надев на чашки пластиковые крышечки, бармен подал кофе Босху и постучал ногтем по одной из них, улыбнувшись при этом так, что, будь Гарри женщиной, он остался бы фригидным до конца жизни.

— Вот этот кофе без... Эй, а это что такое?!

Пока бармен ходил за кофе, десятка на стойке превратилась в купюру достоинством в один доллар. Босх выдохнул сигаретный дым прямо ему в лицо и, взяв чашки, сказал:

— Это за кофе. Салфетки за счет заведения.

— Только бы ты убрался отсюда, — прошипел бармен и, круто развернувшись, зашагал в противоположный конец бара, где несколько посетителей нетерпеливо поднимали пустые стаканы — им требовалась новая порция льда, чтобы охладить тлеющую плазму души.

Босх открыл дверь в туалет пинком ноги, но Портера здесь не было. Не было его и в единственной кабинке. Гарри выбежал в коридор и заглянул в женский туалет. И здесь никакого Портера. Тогда он поспешил по коридору дальше и увидел за углом еще одну дверь с надписью «Выход». Перед ней на полу Босх разглядел несколько капель крови. Сразу пожалев об игре, которую затеял с барменом, Гарри прикинул, сумеет ли он выследить Портера, обзванивая больницы и клиники, и попробовал открыть дверь бедром. Дверь поддалась, но открылась всего на дюйм или около того. Что-то с другой стороны мешало ей.

Босх поставил кофе на пол и налег на дверь всем своим весом. Дверь подавалась медленно, неохотно, но Гарри все-таки удалось протиснуться на улицу, где он увидел подпиравший дверь тяжелый мусорный контейнер.

Он стоял на аллее, на задворках «Дома По». С востока лился вдоль улицы ослепительный утренний свет. На обочине приткнулась брошенная «тойота» без колес, крышки багажника и одной дверцы; многочисленные мусорные контейнеры стояли возле домов и тротуаров, а прохладный ветер, закручиваясь в крошечные смерчи, разносил по мостовой мусор. И никаких следов Портера.

Глава 13

Босх сидел за стойкой в нормальной закусочной под названием «Кастрюлька», пил кофе и ел яичницу с беконом, ожидая, пока у него откроется второе дыхание. Он даже не пытался искать Портера — ни одного шанса выйти на след бывшего детектива у него не было, и он понимал это. Зная, что

Босх разыскивает его, даже такой горе-полицейский, как Портер, сообразил бы, куда он отправится в первую очередь, и постарался бы избегать этих мест, держась, так сказать, с наветренной стороны.

Достав свою записную книжку, Босх открыл ее на той странице, где записал в хронологическом порядке самые важные события последнего времени, но, как ни старался, не смог сосредоточиться. Слишком подавленный тем, что Портер сбежал от него, он не доверял словам своего бывшего коллеги. Угнетало Босха и то, что стало теперь почти очевидным: смерть Мура связана с тьмой, всегда ощущаемой каждый копом на самой границе видимости, но обычно замечаемой только краешком глаза, да и то если не всматриваться специально. Мур перешагнул черту, и тьма его убила.

«Теперь я знаю, кто я такой».

И записка тоже тревожила Гарри. Если Мур не самоубийца, откуда она взялась? Может, все дело в том, что Сильвия Мур рассказывала ему о прошлом своего мужа? В том, что Мур запутался в силках, расставленных им самим? Босху захотелось позвонить Сильвии и поведать ей обо всем, что удалось узнать, но он отложил это на потом. Ответов на вопросы, которые она наверняка задаст, у Босха пока не было. Кто убил Калексико Мура? И почему?

Когда пробило восемь часов, Гарри расплатился и вышел. На улице к нему подскочили двое бездомных и затрясли прямо перед его носом кружками для милостыни, но он сделал вид, будто их не существует. Сев в машину, Босх поехал к Паркер-центру и прибыл туда довольно рано, поэтому успел занять место на стоянке.

Первым делом он поднялся в отдел по расследованию грабежей и убийств, но Шиэна все еще не было. Потом Гарри заглянул в отдел поиска скрывающихся от правосудия — туда, куда непременно отправился бы Портер, не заключи он свою сделку с Муром. Отдел занимался также розысками пропавших без вести, и Босх всегда считал это правильным; в конце концов, большинство пропавших без вести скрывались от суда собственной совести и от своей неудавшейся жизни.

Детектив подотдела ППБ по фамилии Капетильо вежливо приветствовал Босха и сразу же осведомился, чем ему по-

мочь. Гарри запросил сведения обо всех мужчинах-латиноамериканцах, исчезнувших за минувшие десять дней. Капетильо предложил ему сесть и подождать, пока он сходит за делами. Босх опустился на стул и огляделся. Взгляд его упал на семейную фотографию, запечатлевшую самого Капетильо, дородного, осанистого мужчину средних лет, а также хрупкую молодую женщину и двух маленьких девочек. К стене над столом была приклеена скотчем красочная афиша двухлетней давности, приглашавшая посетить бой быков на Тихуанской арене на морском побережье. В правом нижнем углу были перечислены фамилии шести матадоров, а всю левую сторону афиши занимала репродукция картины, на которой тореро отводил в сторону рога атакующего быка изящным взмахом алого плаща. Под картиной Босх разглядел надпись «El Arte de la Muleta».

— Классическая вероника.

Босх повернулся. Это был Капетильо, в руке он держал тонкую папку.

— Простите?

— Вероника. Вы что-нибудь слышали о *corrida de toros*? О бое быков?

— Слышал, но бывать не приходилось.

— О, это удивительное, незабываемое зрелище! Я езжу на корриду не реже четырех раз в год. С ней ничто не сравнится — ни футбол, ни баскетбол, ни хоккей. Движение, изображенное на картине, называется «вероника» — тореро очень хитро проводит быка совсем рядом с собой. Впрочем, вам, должно быть, известно, что в Мексике бой быков называют фестивалем отважных?

Босх кивнул и выразительно посмотрел на папку в руках детектива. Капетильо тут же раскрыл ее и протянул Босху тонкую стопку бумаг.

— Здесь все запросы, поступившие к нам за последние десять дней, — пояснил он. — Здешние мексиканцы — чиканос — часто не сообщают в полицию, если кто-нибудь пропадает. Наверное, им мешает своеобразный культурный барьер. Большинство из них просто-напросто не доверяют копам. Если кто-то вдруг исчезнет, они предпочитают думать, что их знакомый или родственник снова подался на юг. К

тому же очень многие находятся в Штатах нелегально. Они меньше всего склонны обращаться в полицию.

За пять минут Босх пролистал заявления, но не нашел никого, чьи приметы хотя бы отдаленно напоминали шестьдесят седьмого «Хуана».

— А как насчет телексов, запросов от мексиканской полиции?

— Это совсем иное дело! Они хранятся в другом месте, но я могу взглянуть. Кстати, что именно вы вынюхиваете?

— Я и сам не знаю что. У меня на руках неопознанный труп, и я подозреваю, что он попал сюда из Мехикали. Впрочем, это только предположение.

— Подождите-ка еще, пожалуйста. — Капетильо снова исчез.

Босх опять начал рассматривать афишу, отметив про себя, что, несмотря на близость несущих смерть рогов, лицо матадора не выражает ни страха, ни нерешительности, а только сосредоточенность. Глаза тореро были спокойными и невыразительными, как у акулы.

Капетильо вернулся довольно быстро.

— Ну и нюх у вас, детектив. За последние две недели мы получили из Мехикали три сообщения. Все они касаются людей, похожих на вашего «Хуана», но одно из них, на мой взгляд, подходит больше других. Вам повезло, детектив.

Он протянул Босху лист бумаги и добавил:

— Это поступило вчера из консульства на Ольвера-стрит.

Бумага, которую Гарри держал в руках, оказалась фотокопией телекса, направленного в консульство офицером судебной полиции Мексики Карлосом Агильо. Телекс был написан на английском, и Босх прочел:

«Просьба оказать содействие в поиске информации, касающейся местонахождения гражданина Мексики, поденного рабочего пятидесяти пяти лет по имени Ферналь Гутьерес-Лоса, исчезнувшего в Мехикали 17 декабря сего года.

Приметы: рост 5 футов 8 дюймов, вес — 145 фунтов. Глаза темно-карие, волосы темно-каштановые, с проседью. На

правой стороне груди синяя татуировка с изображением призрака — эмблемы рабочего поселка, баррио, известного как Город Погибших Душ.

Все сведения просьба сообщить в Мехикали по телефону 57-20-13 Карлосу Агильо».

Дойдя до конца страницы, Босх перечитал телекс еще раз. Информации в нем было негусто, но этого вполне хватало. Ферналь Гутьерес-Лоса исчез в Мехикали 17 декабря, а на следующий день, ранним-ранним утром, тело неопознанного «Хуана», получившего порядковый номер шестьдесят семь, нашли в Лос-Анджелесе. Для страховки Босх просмотрел и другие два рапорта, принесенные Капетильо, но оба они касались мужчин слишком молодых. Поскольку они не соответствовали по возрасту его «Хуану», Босх отложил эти рапорта и сразу вернулся к первому документу. Особенно заинтересовала его татуировка.

— Думаю, это то, что надо, — сказал он. — Могу я получить копию?

— Конечно. Если хотите, я позвоню в Мехикали. Может, они пришлют отпечатки.

— Нет, пока не надо. Я должен проверить еще несколько деталей, — ответил Босх, желая, чтобы участие Капетильо ограничилось уже оказанной им помощью. — Вот что еще меня интересует, — продолжил Гарри. — Не знаете ли, что такое Город Погибших Душ? О нем упоминается в связи с татуировкой — якобы это его эмблема.

— Я мог бы, пожалуй, объяснить... В данном случае татуировка — эмблема баррио, рабочего поселка, откуда родом Гутьерес-Лоса. Судя по этой татуировке, он жил в Городе Погибших Душ. Очень многие обитатели подобных поселков делают себе татуировки — как бы помечают сами себя. У нас эту функцию выполняют настенные рисунки — граффити. Мексиканская полиция прекрасно разбирается в том, у какого баррио какая эмблема. В Мехикали такие штуки в порядке вещей. Если вы свяжетесь с этим Агильо, он расскажет вам подробнее. Думаю, перешлет вам и фотографии, если понадобится.

Босх молчал, притворяясь, будто перечитывает консульское уведомление. «Город Погибших Душ, — думал он. — Призрак, привидение...» Несколько раз Босх мысленно поворачивал эти слова так и эдак, словно мальчишка, который нашел бейсбольный мяч и вертит его в руках, проверяя, насколько он изношен. Вдруг ему вспомнилась татуировка на руке Мура — ухмыляющийся дьявол с нимбом святого. Может, она тоже относится к какому-нибудь баррио в окрестностях Мехикали?

— Вы говорите, что копы в тех краях изучают местные татуировки?

— Верно. Это один из немногих вопросов, в котором они разбираются более или менее прилично.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду... Вам никогда не приходилось бывать в тех местах по служебной надобности? Это же страна «третьего мира»! Тамашний полицейский... гм-м... аппарат, если его можно так назвать, весьма примитивен, особенно по нашим понятиям. Меня ничуть не удивит, если у них не окажется даже отпечатков пальцев этого человека. Любопытно, как они вообще сподобились прислать запрос в свое консульство. Должно быть, у этого Агильо такой же фантастический нюх, как и у вас.

Босх в последний раз бросил взгляд на плакат на стене, поблагодарил Капетильо за помощь, быстро скопировал телекс и ушел.

Входя в лифт, чтобы спуститься вниз, Гарри увидел в кабине Шиэна. Лифт был переполнен, а детектив стоял в самой глубине, поэтому им не удалось перемолвиться ни словом, пока оба не вышли на третьем этаже.

— Привет, Фрэнки! — сказал Босх. — Не привелось нам поболтать в рождественскую ночь...

— Что ты здесь делаешь, Гарри?

— Тебя жду, что же еще. Опаздываешь, или теперь ты отмечаешь приход на пятый этаж?

Это была явная шпилька в адрес Шиэна, поскольку именно на пятом этаже располагался отдел внутренних расследований. Вместе с тем Гарри давал понять детективу, что имеет

представление о плясках вокруг дела Мура. Когда он вошел в лифт на четвертом, Шиэн ехал сверху, то есть либо с пятого этажа, либо с шестого, где помещался кабинет Ирвинга. Возможно, впрочем, детектив побывал в обоих местах.

— Не задирайся, Босх. Я задержался потому, что был занят, за это тебе — отдельное спасибо.

— Что ты имеешь в виду?

— Да, собственно, ничего. Кстати, мне совсем не хочется, чтобы меня видели здесь с тобой. Ирвинг дал мне особые указания на твой счет. Ты не участвуешь в этом расследовании. В ту ночь ты действительно немного помог, но на этом все должно закончиться.

Тон Шиэна решительно не понравился Босху. Насколько он знал, раньше для Фрэнки не существовало авторитетов.

Они все еще стояли в коридоре, ведущем в помещения ОРГУ, и Босх предпринял еще одну попытку выяснить, в чем дело.

— Ладно тебе, — сказал он. — Пошли выпьем по чашечке кофе, и ты расскажешь мне, какая муха тебя укусила.

— Никакая муха меня не кусала. Ты что, забыл, как мы вместе работали? Я знаю тебя как облупленного, Босх: стоит тебе на чем-то заикнуться, и тебя уже не свернуть. Я просто объясняю тебе положение вещей. Ты побывал на месте, когда мы его нашли, и на этом — все. Точка. Возвращайся к себе в Голливуд.

Босх шагнул к Шиэну и, слегка понизив голос, проговорил:

— Но мы оба знаем, что на этом ничего не закончилось. И не закончится, как бы вы ни старались. Если угодно, передай мои слова Ирвингу.

Шиэн пристально смотрел на него, и Босх видел, как тает его решимость.

— Ну хорошо, Гарри, идем, хотя я уже предчувствую, как буду клясть себя за это потом.

Они прошли в отдел к рабочему месту Шиэна, и Босх тут же уселся на похищенный у соседнего стола стул. Шиэн снял куртку и повесил ее на распорку на стоячей вешалке у входа. Опустившись на свое законное место, он поправил наплечную кобуру, сложил руки перед собой и заговорил:

— Так ты хочешь знать, где я провел все утро? Изволь... Я уламывал твою Терезу, чтобы она сохранила в тайне кое-какие

подробности по крайней мере еще несколько часов. Похоже, вчера вечером у нас произошла утечка информации, а уже сегодня утром Ирвингу начали звонить из газет и требовать комментариев по делу об убийстве полицейского. Ты, разумеется, ничего об этом не знаешь и, уж конечно же, не имеешь к этому никакого отношения, верно?

— Скажу только одно, — ответил Босх. — Побывав в мотеле, я очень долго размышлял о месте происшествия и о том, почему результаты вскрытия не дали «решающих доказательств официальной версии», как говорилось по радио. Иными словами, я больше не считаю этот случай самоубийством.

— Ты вообще не должен ничего считать. Твое дело — сторона, запомнил? А теперь скажи, что ты думаешь вот по этому поводу...

Шиэн выдвинул ящик стола и достал оттуда дело. Это была та самая папка с материалами о Зорилло, которую Босх держал в руках днем раньше.

— И не говори мне, будто не видел этих документов, потому что тогда я позвоню в спецотдел и попрошу проверить отпечатки. Готов поспорить, что твои пальчики здесь тоже найдутся.

— И проиграешь.

— Нет, не проиграю.

Босх выждал секунду, давая Шиэну успокоиться.

— То, что ты шипишь на меня и плюешься как рассерженный кот, выдает тебя с головой, Фрэнки. Ты ведь тоже знаешь, что это не суицид. Так что перестань полоскать мне мозги.

— Ты совершенно прав, Гарри, но только у меня на шее сидит заместитель начальника полиции, которого осенила блестящая идея расследовать это происшествие одновременно силами ОРГУ и ОВР. «Костюмы» из внутренних расследований постоянно «курируют» меня, поэтому я обеими ногами вляпался в чан с дерьмом еще до того, как начал работать по-настоящему.

— Так ты утверждаешь, будто это они хотят, чтобы все было шито-крыто?

— Нет, я не утверждаю этого.

— А что они скажут репортерам из «Таймс»?

— Пресс-конференция назначена на вторую половину дня. Ирвинг сделает сообщение и оповестит об этом всех, кто пожелает его слушать. Он скажет, что мы рассматриваем вероятность того, что сержант Мур был убит. С «Таймс» никто и разговаривать не станет, пошли они в задницу. Кстати, кто тебе сказал, что именно «Таймс» поднимает шум?

— Сам догадался.

— Будь осторожен, Босх. Если ты брякнешь это в беседе с Ирвингом, он очень быстро найдет способ поджарить тебе задницу. Он знает твой послужной список и все дела, в которых ты, по слухам, замешан, так что это доставит ему особое удовольствие. Не сомневайся, одного досье больше чем достаточно. Ирвингу ты наврал, что почти не знал Мура, а оказывается, он что-то для тебя раскапывал.

Тут Гарри сообразил, что забыл убрать из папки наклейку Мура с надписью «Передать Босху».

— Ирвингу можешь говорить что угодно. Мне все равно. — Босх зевнул и посмотрел на коричневую картонную папку. — А что ты сам думаешь?

— Об этих материалах? Если и думаю, то не спешу высказывать мысли вслух.

— Ну же, Фрэнки, решайся. Я действительно просил Мура добыть кое-какие сведения об убийстве одного наркомана. Кто же знал, что он так кончит — будет убит в номере мотеля, и мозги его разлетятся по всей ванной? Это была очень аккуратная работа — настолько аккуратная и чистая, что в комнатах не осталось ни одного постороннего отпечатка пальцев.

— Ну и что с того? Подумаешь, нет других отпечатков! Лично я считаю: чего некоторые из нас заслуживают, то в конце концов и получают. По-моему, справедливо; или я не прав?

Босх насторожился, ощутив слабое место в обороне Шиэна. Намеренно или нет, но детектив дал ему понять, что Калексико Мур переступил черту, отделяющую честного копа от оборотня, перевертыша.

— Мне хотелось бы знать чуть больше, — тихо сказал он. — Понимаю, на тебя давят, но в данном случае я человек независимый. Мне очень нужно сложить эту головоломку, и я это сделаю. Может, Мур действительно где-то оступился, но

это никому не дает права поступить с ним так... как ты видел. И мы оба это понимаем. Более того, кроме Мура, есть и другие трупы. — Его слова привлекли внимание Шиэна; Гарри видел, как он насторожился. — Можем обменяться, — еще тише предложил он.

Шиэн встал и протянул руку к куртке.

— Ладно, — сказал он. — Идем пить кофе.

Пять минут спустя они уже сидели в кафетерии на втором этаже, и Босх рассказывал про Джимми Каппса и про «Хуана-67». Он начал с того, что схематично обрисовал связи, существующие между Муром и «Хуаном», «Хуаном» и Мехикали, Мехикали и Умберто Зорилло, Зорилло и «черным льдом», «черным льдом» и Джимми Каппсом и так далее. Шиэн не задавал вопросов и не делал никаких пометок, пока Гарри не закончил.

— Ну и что ты думаешь? — спросил он после этого.

— То же, что и ты. Что Мур продан. Может быть, он представлял здесь интересы Зорилло — главного поставщика «льда», — служил ему «крышей» и увяз так глубоко, что ему уже не удалось выбраться. Пока не знаю, как увязать это со всем прочим, но у меня есть несколько соображений и идей, с которыми можно «поиграть». Не исключаются самые разные варианты; возможно, Мур захотел освободиться и Зорилло с ним расправился. Или Мур собирал эти материалы, чтобы дать мне в руки надежную нить, но они, узнав об этом, убили его.

— Какие еще варианты?

— Есть еще такой: просочились слухи о расследовании, которое затеял твой партнер по ОВР Частин. Преступники узнали об этом и, опасаясь, что он раскрутит Мура, убрали его в профилактических целях.

Шиэн колебался. Для него наступил момент истины, и он растерялся. Обсуждая с Босхом расследование ОВР, Шиэн неминуемо нарушил бы слишком много писанных и неписанных законов управления, что закончилось бы для него плачевно. Он запросто вылетит из ОРГУ. Как в свое время Босх.

— За такие разговоры меня могут выкинуть, — сказал он. — И кончу я в выгребной яме, как и ты.

— Вся полиция — одна большая выгребная яма, — возразил Босх, — поэтому не имеет значения, наверху ты или у самого дна. Все равно плавать приходится в дерьме.

Шиэн отпил кофе.

— Месяца два назад ОВР получил сигнал, что Мур каким-то образом участвует в обороте наркотиков на Бульваре — то ли оказывает кому-то протекцию, то ли еще что, похуже. Источник не указал точно.

— Два месяца назад? — удивился Гарри. — И что, они не получили от своего источника никаких конкретных наводок? Видать, нет, раз Мур все это время продолжал работать на улице — у ОВР не хватило материалов даже на то, чтобы засадить его за канцелярскую работу.

— Гарри, не забывай: Ирвинг лично настоял на том, чтобы дело Мура расследовал Частин. Это я работаю с ним, а не он со мной, а Частин почти ничего мне не сообщает. Он поделился только известием о том, что, когда Мур исчез, их расследование еще не пережило свое младенчество — они так и топтались на месте. Частин не добыл никаких доказательств, которые подтвердили бы сигнал или опровергли его.

— А тебе известно, очень ли он старался добыть эти доказательства?

— Думаю, Частин из кожи вон лез. Он же наш лучший овэррик, который так и рыщет — все вынюхивает, с кого бы сорвать полицейский значок. Если подобный сигнал подтвердится, то тут пахнет не просто ведомственным скандалом. Такими вещами обычно занимается штат прокурора, поэтому я и полагаю, что у Частина на это дело уже давно стоит. Просто у него ни хрена не вышло. Мур вел себя безупречно.

«Не так уж и безупречно, — подумал Босх. — К сожалению».

— Кто был этим источником? — спросил он.

— Это тебе знать не положено.

— Ты же прекрасно понимаешь, как мне это нужно. Если я стану распутывать весь клубок сам, то мне необходимо знать, кто есть кто.

Шиэн снова заколебался.

— Сигнал был анонимным — просто пришло письмо, и все. Но Частин сказал, что это была жена. Он так считает. Они разругались, и она сдала Мура.

— С чего он взял?

— Его навели на это подробности, якобы приведенные в письме. Частин говорит, что такие вещи мог знать только очень близкий человек. Кстати, по его же словам, в этом нет ничего необычного: между супругами такое случается сплошь и рядом. Правда, он несколько раз упоминал о том, что не исключает фальшивку. Жена или муж вполне способны сообщить что-то не соответствующее действительности, лишь бы досадить партнеру и устроить ему неприятности на работе, особенно если светит развод. Частин долго проверял, не тот ли это случай, поскольку было известно, что Мур с супругой живут по отдельности. Миссис Мур вроде бы так и не признала, что письмо — ее рук дело, но Частин был уверен, что это она послала его. Впрочем, он ни разу подробно не объяснил, что же такого важного было в этом письме.

Босх снова подумал о Сильвии. Он был уверен, что Частин ошибся.

— Ты не разговаривал с женой? Кто сообщил ей, что все предположения насчет личности погибшего подтвердились?

— Не я. Ирвинг звонил ей вчера вечером.

— А он рассказал ей о вскрытии? О том, что это не самоубийство?

— Этого я не знаю. Мы с Ирвингом, видишь ли, пьем кофе не так часто, как с тобой, поэтому у меня нет возможности спрашивать у него все, что взбредет мне в голову.

— Еще пара вопросов, Фрэнки. Частин занимался «черным льдом»?

— Нет. Когда мы вчера получили это твое досье, он чуть не обделался, честно! Мне показалось, что он ни о чем таком и слыхом не слыхивал. Я почти обрадовался, Гарри, если, конечно, здесь уместно говорить о таких чувствах, как радость.

— По крайней мере теперь ты можешь передать ему все, что услышал от меня.

— Ничего не выйдет. Мы с тобой вообще не разговаривали. Для начала я сам попробую связать концы с концами, а уж потом, возможно, чем-то поделюсь и с ним.

Босх напряженно размышлял. Что еще он должен спросить?

— Как насчет предсмертной записки? Ведь теперь эту деталь никуда не приткнешь. Если самоубийства не было, откуда взялась записка?

— Да, это действительно проблема. Собственно, именно поэтому мы так навалились на медэкспертизу. Покуда у нас только два предположения: либо она лежала у него в кармане уже давно, либо Мура заставил написать записку тот, кто его прикончил. Я пока не берусь ничего утверждать.

— Хорошо... — Босх еще немного подумал. — А ты написал бы такую записку, уверенный в том, что тебя все равно убьют?

— Не знаю, дружище, не знаю. Под дулом пистолета люди порой делают самые неожиданные вещи, до последнего надеясь, что все еще кончится хорошо. — Босх кивнул. — Мне пора, — заметил Шиэн. — Дай знать, если наткнешься на что-то любопытное.

— Хорошо.

Шиэн ушел, оставив Гарри за столом наедине с двумя недопитыми чашками кофе. Через несколько мгновений Шиэн вернулся.

— Гарри, я никогда тебе этого не говорил, но с тобой обошлись несправедливо. Ты нужнее нам здесь. Я всегда так считал.

Босх поднял голову.

— Да, Фрэнки. Спасибо.

Глава 14

Институт по борьбе с фруктовой мушкой находился на восточной окраине Лос-Анджелеса, на Сан-Фернандо-роуд, неподалеку от окружного медицинского центра при Южно-Калифорнийском университете, где помещался и морг. Босху хотелось свернуть, чтобы повидаться с Терезой, но он отверг эту мысль. Пожалуй, чтобы она успела остыть, ей следовало дать больше времени. Гарри признавал, что он

на самом деле просто трусит, но менять решение не стал, а поехал дальше.

В здании, занимаемом институтом, когда-то помещалась окружная лечебница для душевнобольных, однако уже несколько лет минуло с тех пор, как в эти стены поступил последний больной. Виной тому были постановления Верховного суда, из-за которых властям — и полиции как одному из инструментов исполнительной власти — стало невероятно сложно подбирать психов на улице и задерживать для обследования даже ради поддержания общественной безопасности. Вскоре округ соединил все центры психической коррекции в одно учреждение, и лечебницу на Сан-Фернандо-роуд закрыли.

С тех пор пустующее здание использовалось в самых разных целях — в частности для съемок малобюджетного фильма о доме с привидениями и даже как временный морг, когда очередное землетрясение разрушило специальное здание в медцентре. Трупы хранили в двух прицепах-рефрижераторах на стоянке, причем из-за спешки, неизбежной в чрезвычайных обстоятельствах, властям округа пришлось воспользоваться первыми попавшимися машинами, поэтому поначалу никто не обращал внимания на то, что на борту одного из холодильников аршинными буквами было написано: «Живые омары из Мэна!» Сам Босх этот рефрижератор не видел, но читал о нем в «Таймс», в разделе «Лос-анджелесские курьезы».

На контрольно-пропускном пункте при въезде на территорию института дежурил служащий полиции штата. Босх опустил стекло, предъявил полицейский значок и осведомился, кто здесь главный борец с фруктовыми мушками. Отчаянно скупавший коп этого не знал, зато указал Гарри, где находятся стоянка и вход в административную часть.

На двери, ведущей к кабинетам администрации, все еще сохранилась надпись: «Вход пациентам без сопровождения запрещается!» Босх вошел внутрь и двинулся по длинному коридору, на ходу кивнув еще одному полицейскому. Наконец он достиг столика секретаря, где еще раз назвал себя и предъявил документы. У сидевшей за столиком женщины Босх спросил, как ему увидеть главного энтомолога. Секретарша быстро пе-

реговорила с кем-то по телефону, а потом проводила Гарри в ближайший кабинет и представила его человеку по имени Роланд Эдсон. Сама она, явно находясь в затруднении, замешкалась в дверях, так что Эдсон в конце концов отправил ее на рабочее место.

Когда они остались вдвоем, хозяин кабинета сказал Босху:

— Вы уверены, что вам нужно ко мне, детектив? Ведь я, чтобы заработать себе на жизнь, убиваю мух, а не людей.

Он громко рассмеялся, и Босх изобразил вежливую улыбку. Эдсон был невысоким мужчиной в белой рубашке с короткими рукавами, с бледно-зеленым галстуком. Его чисто выбритая голова от частого пребывания на солнце покрылась крупными веснушками. Он носил сильные очки без оправы. Увеличивая его глаза, они делали мистера Эдсона чем-то похожим на существа, с которыми он боролся. Босх почти не сомневался, что подчиненные между собой называют шефа Мухой.

Когда смех Эдсона умолк, Гарри объяснил, что работает над раскрытием убийства и не может посвятить его во все детали, поскольку расследование носит конфиденциальный характер. Он предупредил также, что вслед за ним, детективом Босхом, институт могут посетить и другие сотрудники полиции, чтобы задать еще кое-какие вопросы. Потом Гарри попросил в общих чертах ознакомить его с проблемами разведения и транспортировки стерильных фруктовых мушек, искренне надеясь, что его скромная просьба о квалифицированной помощи заставит разговаривать этого бюрократа.

Многое из того, что рассказал Эдсон, Босх уже знал от Терезы Коразон, однако ловко притворился, будто все это для него в новинку. Он даже достал блокнот и стал делать пометки.

— Вот здесь у нас есть один экземпляр. — Эдсон взял со стола пресс-папье, представлявшее собой стеклянный монолит, внутри которого, словно доисторическое насекомое в куске янтаря, была навечно заключена фруктовая мушка.

Босх деловито кивнул и попытался перевести разговор в практическое русло, а именно — поближе к Мехикали. По словам энтомолога, тамошняя компания-подрядчик, занимавшаяся разведением мух, называлась «Энвиرو брид» и поставляла в институт в среднем по тридцать миллионов экземпляров насекомых в неделю.

— Как они сюда попадают? — осведомился Босх.

— В стадии куколок, разумеется.

— Конечно. Но я спросил — как?

— Стадия куколки, детектив Босх, характеризуется тем, что в этот период насекомое не движется и не питается. Куколкой в энтомологии именуется переходная форма от ляrvы — личинки, к имаго — взрослой половозрелой особи. Для перевозки это просто идеальный период. Куколки поступают к нам в специальных инкубаторах — средосохраняющих контейнерах, как мы их называем. Вскоре после того как насекомые поступают к нам, из куколок появляются мушки, вполне готовые к тому, чтобы их можно было выпускать на плантации.

— То есть насекомые, попадающие сюда, проходят крашение и обработку радиацией?

— Совершенно верно. Я, кажется, уже говорил об этом.

— И они поступают в виде куколок, а не личинок?

— Вы очень верно ухватили суть дела, детектив Босх.

Босх подумал, что мистер Эдсон — самый настоящий официальный прыщ на ровном месте. Определенно его прозвали здесь Мухой. Или, точнее, Имагой — взрослой половозрелой особью.

— О'кей, — сказал он. — Но как же случилось, что в Лос-Анджелесе я обнаружил личинку — лярву, как вы выражаетесь, — окрашенную, но еще не подвергнутую воздействию радиации? Это возможно?

Эдсон задумался. Ему явно не хотелось спешить с ответом и попасть пальцем в небо. Босх между тем пришел к заключению, что Эдсон принадлежит к тому типу людей, которые каждый вечер смотрят телевикторину «Джеперди» и выкрикивают ответы раньше участников, даже если остаются в доме одни.

— Что ж, детектив, в нашем мире все возможно, но я тем не менее сказал бы, что описанная вами ситуация в высшей степени невероятна. Как я упоминал, прежде чем прислать нам товар, поставщики пропускают упаковки с куколками через радиационную установку. В этих коробках мы часто находим не только куколок, но и личинки, поскольку полностью отделить одних от других практически невозможно.

Но ведь личинки тоже подверглись действию жесткого излучения, так что я понятия не имею, как к вам попал нестерилизованный экземпляр.

— Иными словами, если на одежде какого-то человека я нашел такую личинку, какую вам описывал, значит, этот человек приехал в Лос-Анджелес не отсюда?

— Да. Я бы сказал — да.

— Сказали бы?

— Да, детектив. Мой ответ — да.

— Так откуда же приехал этот человек?

И снова мистер Эдсон задумался и поправил очки на переносице тупым концом карандаша.

— Коль скоро вы, детектив, представились сотрудником отдела по расследованию убийств и, очевидно, лишены возможности задать этот вопрос тому, о ком все время говорите, я заключаю, что бедолага скорее всего мертв.

— Вам следовало бы участвовать в «Джеперди», мистер Эдсон.

— Доктор Эдсон, — поправил Босх энтомолог. — Но все равно я понятия не имею, где именно этот человек подцепил такую личинку.

— Он мог быть одним из тех, кто занимается разведением фруктовых мушек в Мексике или на Гавайях. Верно?

— Пожалуй. А возможно, и...

— И?..

— Ну, мистер Босх, полагаю, вы видели охрану вокруг нашего института? Откровенно говоря, есть люди, которым не очень нравится, чем мы тут занимаемся. Отдельные экстремистски настроенные элементы вообще считают, что природа должна идти своим путем. Иными словами, если фруктовая мушка облюбовала для размножения Южную Калифорнию, то кто мы такие, чтобы ей мешать? Зачем мы лезем не в свое дело? Некоторые группировки дошли до прямых угроз, анонимных, правда, но все-таки... Они собираются разводить нестерильных мушек и выпускать на плантации, чтобы вызвать массированную инвазию. Окажись я на их месте, я стал бы красить и нестерильных мушек, чтобы сбить своих противников с толку.

Эдсон явно гордился своей проницательностью, но Босх не мог с ним согласиться. Теория доктора не соответствовала из-

вестным ему фактам. Тем не менее он кивнул, давая понять собеседнику, что внимательно рассмотрит предложенную им версию.

— Как именно осуществляются поставки? — задал Гарри следующий свой вопрос. — Например, из Мехикали? По какому маршруту движется к вам этот нежный груз?

Доктор Эдсон рассказал Босху, что на фирме, занимающейся разведением фруктовых мушек, куколки упаковываются в пластиковые тубы длиной шесть футов, отдаленно напоминающие сосиски. Эти сосиски, в свою очередь, укладывают в картонные короба, снабженные инкубационными установками и увлажнителями. После этого готовые средосохраняющие контейнеры запечатывают в лаборатории «Энвиرو брид» под надзором инспектора министерства сельского хозяйства США и на грузовиках доставляют через границу на север, к Лос-Анджелесу. Еще Босх узнал, что груз из «Энвиرو брид» поступает два или три раза в неделю, в зависимости от запасов окуклившихся личинок.

— И эти картонки не досматривают на границе? — поинтересовался Босх.

— Их досматривают, но не вскрывают. При вскрытии контейнера может пострадать содержимое. В каждом таком ящике, как вы понимаете, образуется свой собственный, тщательно сбалансированный микроклимат. Но, как я уже упоминал, процедуру опечатывания производят под наблюдением американского правительственного чиновника, а в нашем институте каждый картон осматривают повторно, чтобы удостовериться в целостности пломбы и сохранности груза. Да еще пограничный патруль сверяет номера на пломбах и контейнерах с транспортной накладной водителя и с нашей таможенной спецификацией. Все это достаточно надежно, детектив Босх, к тому же подобная система одобрена на самом высоком уровне.

Гарри молчал. Он отнюдь не собирался спорить, надежен ли существующий порядок, однако его весьма интересовало, кто на самом высоком уровне выдумал всю эту процедуру — пограничный патруль или сами ученые.

— Могли бы вы провести меня на «Энвиرو брид», если мне случится попасть в Мехикали? — спросил он.

— Это невозможно, — быстро ответил Эдсон. — Не забывайте: наши подрядчики — это частные фирмы, так что всех мушек мы получаем с предприятий, находящихся в частном владении. Правда, на каждом таком заводе присутствует государственный чиновник из американского министерства сельского хозяйства, да и ученые-энтомологи — такие, как я, — иногда совершают инспекционные поездки на места, однако мы не можем потребовать, чтобы подрядчики допустили на предприятия полицию или кого бы то ни было, не предъявив сначала претензий по соблюдению условий нашего контракта.

Иными словами, детектив Босх, если вы объясните мне, что они натворили, я скажу вам, добьюсь ли для вас пропуска на предприятие или нет.

Босх не ответил. Он с самого начала решил посвящать в детали расследования как можно меньше посторонних, поэтому поспешил переменить тему.

— Велики ли контейнеры, в которые укладывают тубы с насекомыми? — осведомился он.

— Ну, это ящики довольно внушительных размеров. При разгрузке нам, как правило, приходится пользоваться погрузчиком.

— Не могли бы вы показать мне один такой контейнер?

Эдсон взглянул на часы и слегка нахмурился.

— По-моему, это можно устроить. Я, правда, не знаю, были ли у нас сегодня свежие поступления, но...

Босх поспешил встать, чтобы Эдсон не передумал. Энтомолог тоже поднялся и повел Гарри по другому длинному и мрачному коридору, мимо других кабинетов и лабораторий, когда-то служивших палатами для содержания буйных и тихих, законченных наркоманов и брошенных стариков. Босх даже вспомнил, что давно, когда был еще простым патрульным, вел по этому коридору женщину, арестованную им на горе Флеминг. Женщина пыталась вскарабкаться на стальную ферму, поддерживающую первую букву «Л» в придорожной стеле-указателе «Голливуд», уже имея наготове нейлоновый шнур с загодя завязанной скользящей петлей на конце. Несколько лет спустя Босх прочел в газете, что сразу же после выписки из госпиталя имени Паттона эта женщина направилась напрямиком к указателю и довела свое дело до конца.

— Должно быть, это тяжело — расследовать убийства, — проговорил Эдсон на ходу. Гарри ответил так, как отвечал на подобные сентенции всегда:

— Иногда не очень. По крайней мере для жертв, с которыми я имею дело, страдания и несчастья уже закончились.

Маленький энтомолог не проронил больше ни слова. Коридор закончился толстой стальной дверью. Эдсон распахнул ее, и оба оказались в просторном пакгаузе, напоминающем ангар, покрытый легкой алюминиевой крышей. Примерно в пятидесяти футах от двери Босх увидел с полдюжины рабочих — все явные латиносы. Они укладывали большие белые коробки на колесные тележки и катили их к широким двустворчатым дверям в дальнем конце разгрузочной зоны. Босх отметил, что каждый такой ящик по своим габаритам весьма напоминает гроб.

Коробки при помощи миниатюрного подъемника выгружали из белого фургона, на борту которого голубыми буквами было написано «Энвиرو брид». Возле распахнутой водительской дверцы стоял белый мужчина и наблюдал за работой. Еще один белый с раскрытой папкой в руках суетился у открытого кузова и, наклонившись, сверял номера на пломбах каждого контейнера и делал пометки.

— Вам повезло, — объявил мистер Эдсон. — Мы застали процесс разгрузки. Отсюда средосохраняющие контейнеры отправляют в лабораторию, где завершается процесс метаморфоза, или превращения, как мы его здесь называем. — Эдсон указал сквозь открытые двери ангара на шесть оранжевых пикапов, выстроившихся на стоянке снаружи. — Взрослые мушки помещаются в закрытые корзины, и наш, с позволения сказать, флот развозит их по зонам атаки. В настоящее время одна такая зона составляет примерно сотню квадратных миль. Каждую неделю мы выпускаем на плантации около пятидесяти миллионов мушек, иногда больше, если нам удастся получить дополнительное количество. В конце концов стерильные особи должны численно подавить популяцию нестерильных мушек и полностью ее вытеснить! — В голосе энтомолога явственно прозвучали триумфальные нотки. — Не хотите ли поговорить с водителем из «Энвиرو брид»? — осведомился мистер Эдсон. — Уверен, он с удовольствием ответит на...

— Нет, — поспешно перебил его Гарри. — Мне просто хотелось своими глазами увидеть, как это все у вас делается. Кстати, доктор, я был бы вам крайне признателен, если бы вы сохранили мой визит в тайне.

Говоря это, Босх наблюдал за разгрузкой и вдруг заметил, что водитель фургона смотрит прямо на него. Его загорелое лицо было изборождено глубокими, резкими морщинами, а волосы, прикрытые широкополой соломенной шляпой, выглядели совершенно белыми. В зубах водитель держал длинную коричневую сигарету. Босх устремил на него взгляд, осознав, что его, пожалуй, расшифровали. Ему даже показалось, что по губам водителя скользнула легкая улыбка, но он быстро отвел взгляд и со скупающей миной продолжил наблюдать за разгрузкой.

— Могу я быть вам еще чем-нибудь полезен, детектив? — спросил Эдсон.

— Нет, док, спасибо. Вы мне очень помогли.

— Надеюсь, вы сумеете выбраться отсюда.

Эдсон скрылся в коридоре за дверью, а Гарри сунул в рот сигарету, но закуривать не стал. Отмахнувшись от каких-то назойливых насекомых, которые вились прямо перед его лицом (возможно, подумал он, это и есть те самые крашенные фруктовые мушки), он спустился по ступенькам погрузочной зоны и вышел из ангара через распахнутые въездные ворота.

Возвращаясь в город, Босх все же решил выяснить отношения с Терезой. Свернув на стоянку университетского медцентра, он потратил минут десять, чтобы воткнуть куда-нибудь свой «каприс». Наконец ему повезло, и он припарковал машину в самой глубине площадки, где стоянка примыкала к старой железнодорожной станции. Несколько минут Босх сидел в салоне, курил и обдумывал, что же ему сказать Терезе, машинально разглядывая порыжевшие от ржавчины вагоны и бурые рельсы. На путях он заметил нескольких чоло, метисов или индейцев, в просторных майках и мешковатых брюках. Они медленно двигались по территории станции. Один из них, державший в руке аэрозольный баллончик с краской, задержался возле пульмана и начертил на его стенке несколько слов. Фраза была на испанском, но Босх понял

ее смысл. «Смейся сейчас, плакать будешь потом» — таков был девиз молодежной банды, почти полностью исчерпывавший ее немудреную философию.

Босх следил за чоло, пока они не исчезли за стоящим на запасном пути товарным составом. Потом он выбрался из машины и прошел в морг через заднюю дверь. Отсюда обычно поступали свежие трупы. Охранник, увидев значок, кивнул Босху.

Сегодня в морге явно был не самый тяжелый день; во всяком случае, запах дезинфекции заглушал запахи смерти и разложения. Нигде не задерживаясь, Гарри свернул к холодильникам номер один и два, а оттуда прошел к лестнице, ведущей на второй этаж, к кабинетам администрации.

У секретарши, занимавшей столик в приемной, он спросил, может ли доктор Коразон принять его. Девушка, бледной кожей и волосами немыслимого розоватого оттенка напоминавшая клиентов морга, негромко переговорила с начальницей по селектору и пригласила Босха войти.

Тереза стояла за своим столом и глядела в окно. Окно выходило на железнодорожную станцию, и Босх подумал, что она, возможно, видела его на стоянке. Впрочем, со второго этажа панорама открывалась более широкая, и на пространстве между деловой частью города и горой Вашингтон Тереза могла выбрать для наблюдений любой другой объект. Босха даже удивило, как четко видны отсюда небоскребы Лос-Анджелеса. Впрочем, день с самого утра выдался погожий.

— Я с тобой не разговариваю, — не поворачиваясь заявила Тереза.

— Да будет тебе...

— Нет.

— Тогда зачем велела меня впустить?

— Чтобы сказать, что я с тобой больше не разговариваю, что я очень на тебя зла и что теперь мое назначение на должность начальника судебно-медицинской лаборатории вряд ли состоится.

— Не переживай так сильно, Тереза. Я слышал, что во второй половине дня в Паркер-центре состоится пресс-конференция. Уверен, что все еще образуется.

Ничего более умного Босх не придумал. Тереза обернулась к нему и прислонилась спиной к оконному переплету. Ее взгляд, казалось, способен был выжечь его имя на надгробной плите. Несмотря на разделявшее их расстояние, Босх уловил запах ее духов.

— И уж конечно, я должна поблагодарить за это тебя, — желчно заметила Тереза.

— Не меня. Насколько мне известно, это Ирвинг собирает журналистов...

— Не вешай лапшу мне на уши, Гарри. Мы оба прекрасно знаем, как ты поступил с информацией, которую я тебе доверила. И мы оба знаем, что это маленькое дерьмо Ирвинг решил, будто во всем виновата я одна. Теперь у меня есть все основания считать, что должности начальника лаборатории мне не видать. Полюбуйся-ка на этот кабинет, Босх. Ты видишь меня в этом интерьере в последний раз.

Босх уже не раз замечал, что во время профессионального спора многие женщины, с которыми ему приходилось иметь дело (в основном с женщинами-полицейскими или адвокатессами), как бы становятся ближе к земле. Гарри всегда подозревал, что им, вероятно, кажется, будто это ставит их на один уровень с мужчинами, которым им приходится противостоять.

— Пресс-конференция все изменит, — упрямо повторил он.

— Да о чем ты говоришь! Ирвинг наверняка шепнет своим друзьям из комиссии, что по ходу незавершенного расследования я допустила утечку секретной информации, и моя участь решится в два счета.

— Но он же не знает наверняка, что это именно ты. Напротив, убежден, Ирвинг подумает в первую очередь обо мне. Бреммер — журналист из «Таймс», заваривший всю эту кашу, — когда-то уже имел со мной дело, и Ирвингу об этом известно. Так что перестань паниковать. Собственно, я захотел спросить, не хочешь ли ты пообедать со мной или что-нибудь в этом роде.

Это был неверный ход. Босх увидел, как лицо Терезы заливается краской гнева.

— Пообедать или что-то в этом роде? Да ты что, издеваешься?! Ты, ты!.. Ты только что сказал мне, будто мы двое — ос-

новные подозреваемые в организации утечки, а теперь предлагаешь показаться с тобой в ресторане? Да ты представляешь себе, чем это может...

— Ну ладно, Тери, удачной тебе пресс-конференции, — перебил ее Босх. — Пока.

С этими словами он повернулся и пошел к дверям.

На полпути к деловому центру города пейджер Босха записал, а на экране высветился прямой номер лейтенанта Девяносто Восемь Фунтов. Наверное, беспокоится за свою статистику, подумал Гарри. Вызов он решил проигнорировать. Заодно отключил и установленный в машине радиотелефон «Моторола».

Свою машину Босх остановил только тогда, когда заметил припаркованный на Альварадо грузовик с марискос — легкими закусками морского происхождения. Он купил два бутерброда тако по-калифорнийски — на кукурузной лепешке с кориандром и густой сальсой.

В нескольких ярдах от грузовика стоял человек и читал на память стихи из Священного Писания. Чашка с водой довольно устойчиво держалась в его волосах, подстриженных в стиле «афро», популярном в семидесятых годах. Время от времени человек поднимал руку, брал чашку и делал из нее несколько глотков, не переставая при этом бойко декламировать фрагменты из книг Нового Завета. Прежде чем начать чтение, он называл слушателям главу и номер стиха. У ног его стоял стеклянный аквариум, наполовину заполненный монетами, и Босх, расправившись с едой и купив на дорогу бутылку кока-колы, бросил туда всю сдачу.

— Господь да благословит тебя! — услышал он в ответ.

Глава 15

Городской Зал правосудия занимал целый квартал и располагался напротив здания уголовного суда. На первых шести этажах разместились шериф и его вспомогательные службы, а верхние четыре были отданы под окружную тюрьму. Это бросалось в глаза даже снаружи, но главное разли-

чие заключалось вовсе не в толстых решетках на окнах верхних этажей, а в том, что выглядели они заброшенными и такими неухоженными, словно совсем недавно пережили пожар, вызванный злобой и ненавистью, копившимися в некондиционируемых камерах и наконец вспыхнувшими мрачным, коптящим огнем, от которого почернели стекла и бетонные стены.

Само здание построили из каменных блоков примерно на переломе столетия, и оно напоминало зловещую крепость даже своей архитектурой. Насколько знал Босх, оно оставалось одним из последних в деловом центре города, где при лифтах еще сохранились лифтеры. В углу кабины, обшитой изнутри деревянными панелями, действительно сидела на ветхом стульчике пожилая негритянка. В ее обязанности входило открывать и закрывать двери да вращать тяжелое колесо, заставляющее кабину встать вровень с полом при каждой остановке.

— «Семь тысяч», — сказал лифтерше Босх, входя в кабину. В последний раз он был в тюрьме довольно давно, поэтому не вспомнил имени негритянки. Она работала здесь еще до поступления Гарри на службу в полицию, как, впрочем, и остальные лифтеры в здании.

Когда кабина остановилась на шестом этаже, Босх сразу увидел Рикарда. Коп стоял у стеклянной перегородки бюро пропусков и доставал значок, чтобы положить его в скользящий ящик.

— Вот и ты. — Босх быстро приблизился, чтобы опустить в приемное отверстие и свой значок.

— Это со мной, — сказал Рикард в микрофон.

Сотрудник внутри стеклянной кабинки обменял полицейские значки на значки посетителей и так же через ящик передал их Рикарду и Босху. Они прицепили пропуска к рубашкам, причем Гарри машинально отметил, что с этими значками можно было бы подняться даже на десятый этаж, где содержались самые опасные из подозреваемых, ожидающие либо суда, либо — уже после вынесения присяжными вердикта — отправки в тюрьмы штата.

Полицейские пошли по коридору к тюремному лифту.

— Запрятал парнишку на десятый этаж? — спросил Босх.

— Да. Я знаю там кое-кого из охраны. Давеча я объяснил своему приятелю, что нам нужно, и он обещал помочь. Уверен, из этого Тиджа уже повытрясли лишнее дерьмо, поэтому он наверняка расскажет тебе о Дэнсе все, что знает.

Тюремным лифтом, поднявшим их на верхний этаж, управлял сотрудник тюремной охраны, и Босх подумал, что это, должно быть, самая скверная должность в органах правопорядка. На десятом этаже, едва открылись двери, их встретил еще один охранник. Проверив пропуска, он велел им зарегистрироваться в толстой тетради и только потом провел по коридору, перегороженному скользящими стальными решетками, в зону, предназначенную для свиданий подследственных с адвокатами. Здесь, в большой мрачной комнате, стоял длинный стол, по обеим сторонам которого располагались тяжелые деревянные скамьи. Вдоль стола, по самой его середине тянулась разделительная перегородка высотой в один фут. В дальнем конце стола, наклонившись к этой перегородке, женщина-адвокат шепталась о чем-то со своим подзащитным, а тот приставил ладони к ушам, чтобы лучше слышать. Мускулы на руках заключенного бугрились так, что короткие рукава рубашки чуть не расходились по швам. Босху он показался настоящим чудовищем.

На стене висел плакат, запрещающий поцелуи, рукопожатия, прикосновения и прочие нарушения границы, представленной разделительным барьером. За соблюдением этих правил следил охранник. Он стоял у дальнего торца стола и, привалившись спиной к стене, лениво наблюдал за адвокатессой и ее клиентом. Его бицепсы тоже выглядели весьма внушительно.

Ожидая, пока надзиратели приведут Тиджа, Босх услышал шум, доносившийся в комнату сквозь запертую решетчатую дверь. Это был голос самой тюрьмы — гул сотен голосов, старавшихся перекричать друг друга, и усиленный многократным эхом металлический грохот и лязг. Особенно отчетливо доносились хлопки стальных дверей и — иногда — чьи-то громкие вопли.

За решеткой двери появился охранник.

— Погодите еще немного, парни. Тидж в медпункте, сейчас вам его доставят.

Он исчез так быстро, что ни Босх, ни Рикард не успели спросить, что, собственно, случилось. Гарри тем не менее почувствовал в горле горький комок, хотя Тидж был ему совершенно чужим. Бросив быстрый взгляд на Рикарда, Босх увидел, что коп улыбается.

— Поглядим, как он будет теперь себя вести, — сказал Рикард.

Босх не разделял того удовольствия, которое, казалось, испытывал коп из БАНГ, хотя и понимал, что такова оборотная сторона профессии полицейского. Имея дело с отчаянными людьми, часто приходится прибегать к крайним мерам. Он согласился на то, чтобы Тиджа поместили в «Семь тысяч», только потому, что это было его расследование, его дело. Чему радуется Рикард, Гарри не понимал.

— Чего ты хочешь? — негромко спросил он. — Почему ты вообще помогаешь мне?

— Чего я хочу? Хочу знать, что произошло. На мой взгляд, только ты способен дать мне ответ, поэтому я и помогаю. Пускай это даже будет стоить Тиджу порванной задницы. От тебя мне нужно одно, Босх: скажи, что такого сделал Кэл и как быть с его смертью дальше?

Босх откинулся на спинку скамьи, размышляя над ответом. Громила за дальним концом стола вдруг повысил голос, очевидно, не соглашаясь на предложения адвокатессы, и охранник, отлепившись от стены, шагнул вперед и угрожающе опустил руки на пояс. Рукава его рубашки были высоко закатаны, чугунные мускулы так и переливались под кожей. Громила сразу притих. Только теперь Босх разглядел на массивном левом предплечье охранника татуировку в виде букв «CL»: они темнели на светлой коже словно тавро. Гарри знал, что официально охранники утверждали, будто это сокращение означает «Клуб Линвуд» — название шерифского поста в одноименном пригороде Лос-Анджелеса, перенасыщенном бандитскими группировками, однако известно ему было и другое толкование — *chango luchador* — «борец с обезьянами». Охранник сам был членом банды, которому власти штата платили зарплату и разрешали носить оружие.

Босх отвернулся. Ему хотелось курить, но в округе недавно приняли закон против курения в общественных зданиях. В эту

категорию попала и тюрьма, что едва не привело к восстанию среди заключенных.

— Признаться, — отозвался Босх, — я пока не знаю, что сказать тебе насчет Мура. Я и работаю над этим делом, и не работаю, если ты понимаешь, что имеется в виду. Дело Мура перекрывает два других убийства, которые я расследую, поэтому избежать его я никак не могу. Если парень сдаст Дэнса, это здорово мне поможет. Дэнс пригодился бы мне в расследовании этих двух дел и, возможно, пролил бы свет на тайну смерти Кэла. Но я не берусь утверждать наверняка. Пока мне известно только одно — обстоятельства смерти Мура таковы, что нельзя исключить убийство. Об этом, кстати, объявят сегодня на пресс-конференции. Но руководство умолчит о том, что Мур переступил черту, которую коп не имеет права переходить. Вот почему ОВР взял его след. Кэл перешел на другую сторону.

— Не может быть, — не слишком убежденно возразил Рикард. — Не может быть, Босх, я бы знал, я бы почувствовал.

— Человека очень трудно раскусить, приятель. Под каждой крышей свои мыши.

— И что они замышляют там, в Паркер-центре?

— Откуда я знаю? Впрочем, мне кажется, наши высшие чины растеряны и не знают, на что решиться. Сначала они хотели сделать вид, будто это самоубийство, и спустить дело на тормозах, но главный патологоанатом погнал волну, и им пришлось признать насильственную смерть. Вместе с тем я не рассчитываю, что сегодня на Спринг-стрит Ирвинг вытряхнет из корзины все грязное белье, позволив репортерам вдоволь в нем покопаться.

— Да уж, наши шишки любят держать свое дерьмо под подушкой, — вздохнул Рикард. — Я не собираюсь им помогать. Что касается Мура, то мне плевать, перешел он черту или нет. Я видел его в деле и могу сказать — он был отличным копом. Как-то раз Кэл один, без страховки, отправился на «стартовую площадку»* и взял четырех торговцев. Я видел, как он встал между проституткой и ее сутенером и принял на себя удар, а

* «Стартовая площадка» — место, куда наркоманы приходят колоться (жарг.).

потом выплюнул зубы на мостовую. Я сам был с ним, когда Мур девять раз подряд проехал на красный свет, пытаюсь доставить в больницу старика наркомана, который загибался от передозировки героина. Все это не станет делать купленный коп, коп, который «берет». Вот поэтому я и уверен, что если Кэл действительно переступил черту, то он пытался вернуться. За это его и убрали.

Рикард замолчал, а Босх не спешил нарушить наступившую тишину. Оба отлично знали, что копу, перешедшему на другую сторону, нет пути назад. Потом Гарри услышал шаги, приближающиеся к закрытой двери.

— Лучше бы этим деятелям из Паркер-центра поскорее найти то, что они смогут мне предъявить, — с угрозой проговорил Рикард. — На их месте я не пытался бы похоронить это дело, а не то я им кое-что покажу.

Босх хотел ответить, но в это время за решетчатой дверью появились охранник и Тидж. За последние десять часов парень словно постарел на десяток лет. В глазах застыло отстраненное выражение, напомнившее Босху тех, кого он видел и знал во Вьетнаме. На левой скуле Тиджа расцветал лиловый синяк.

Решетка скользнула в сторону, и мальчик-мужчина шагнул вперед, к скамье, на которую указал ему охранник. Осторожно сев, Тидж, похоже, избегал встречаться взглядом с Рикардом.

— Ну, как дела, Кервин? — спросил коп.

Мальчишка поднял на него глаза, и Босх почувствовал, как желудок его сворачивается в тугой узел. Он вспомнил свое не слишком счастливое детство и первую ночь, проведенную в сиротском приюте Макларена. Тогда Гарри испытал непреодолимый страх и такое сильное одиночество, что ему хотелось завывать. А ведь в приюте его окружали дети, как правило, не склонные ни к насилию, ни к излишней жестокости. Тидж же провел последние десять — двенадцать часов в одной клетке с дикими зверями.

Босху стало стыдно, что он принимал во всем этом участие, однако он ничего не сказал. Постановщиком и режиссером этого жутковатого спектакля был Рикард.

— Послушай-ка, дружок, — начал коп. — Вижу, тебе здесь не очень-то весело. Мы приехали узнать, не передумал ли ты.

Наше предложение, о котором мы говорили вчера, пока остается в силе.

Рикард говорил очень тихо, стараясь, чтобы его не услышал громила у противоположного конца стола.

— Хочешь выйти отсюда, Кервин? Мистер Гарри Босх может тебе. Он готов сделать так, что мы обо всем забудем, хотя тебя задержали на законных основаниях. Ты только расскажи нам об этом котяре Дэнсе. Взгляни-ка сюда...

Рикард достал из кармана рубашки лист бумаги и развернул его. Это оказалась стандартная форма для помощника окружного прокурора.

— У меня есть сорок восемь часов, чтобы завести на тебя дело, но из-за уик-энда все формальности откладываются до понедельника. Эта бумажка имеет к тебе самое непосредственное отношение, но я пока ничего не предпринял, поскольку мне хотелось проверить, не захочешь ли ты помочь самому себе и выйти отсюда. Если нет, значит, мне придется отправить этот документ куда следует, и тогда тюрьма станет твоим домом на ближайшие... на ближайшие двенадцать месяцев, если очень повезет. А может быть, и больше. — Рикард замолчал, ожидая хоть какой-то реакции, но ничего не произошло. — Целый год, Кервин, подумай об этом. Интересно, как ты будешь выглядеть, проведя в этих стенах год.

Тидж опустил голову, и по его щекам скатились две одинокие слезы.

— Провались в ад! — сдавленным голосом проговорил он.

Босх подумал, что он и так уже в преисподней, а этот сегодняшний ад запомнит надолго. Стиснув зубы, Гарри попытался расслабить мышцы челюсти, но ему это не удалось.

Рикард наклонился вперед к перегородке, намереваясь что-то сказать Тиджу, но Босх положил руку ему на плечо.

— Хрен с ним, — хрипло бросил он. — Отпусти его.

— Че-го?..

— Завязывай с этим.

— О чем, черт возьми, ты толкуешь?

Тидж скептически посмотрел на Босха, но Гарри не играл. От всего, что они сотворили с этим парнем, его уже тошнило.

— Послушай, — начал Рикард, — мы же сами вытрясли из этой задницы две унции фенциклидина. Он мой. Если мистер

Тидж не желает помочь нам, тем хуже для него. Сейчас он снова отправится в зоопарк, и тогда посмотрим...

— Никуда он не отправится. — Босх наклонился поближе к Рикарду, чтобы не слышал охранник, стоявший за спиной. — Никуда он не отправится, Рикард. Сейчас мы заберем его с собой и отпустим. Давай действуй, иначе ты пожалеешь об этом.

— Что?!

— Я расскажу эту историю на пятом этаже. Парнишку обвиняют в хранении наркотиков с целью продажи, и он никоим образом не должен был попасть на десятый этаж тюрьмы. Это на тебе, Рикард. Я пожалуюсь, и твой здешний приятель тоже сгорит к чертовой матери. Ты хочешь этого? И только потому, что ты не сумел разговорить подследственного?

— Ты уверен, что ОВР станет поднимать шум из-за этого маленького торговца дерьмом?

— Нет, не уверен. Зато не сомневаюсь, что им захочется как следует вздрючить тебя. Можешь быть спокоен — отдел внутренних расследований отымет тебя по полной программе, так что потом будешь переставлять ноги еще медленнее, чем этот парень.

Гарри выпрямился. Несколько секунд и он, и Рикард молчали, но Босх видел, что коп думает, изо всех сил пытаясь понять, не шутка ли это.

— Такой как ты, и вдруг пойдет кляузничать в ОВР? Не верю.

— Рискни.

Рикард посмотрел на отношение прокурору, которое все еще держал в руке, и вдруг смял бумагу.

— О'кей, Босх. Не забудь только внести меня в свой список.

— В какой список?

— В список тех, к кому тебе лучше не поворачиваться спиной.

Босх встал, поднялся и Рикард.

— Мы освобождаем его, — сказал он охраннику, а Босх добавил, указывая на Тиджа:

— Я хочу, чтобы этого человека охраняли, пока он не выйдет отсюда.

Охранник кивнул. Тидж настороженно молчал.

На все формальности ушел час. После того как Рикард подписал необходимые бумаги и они получили свои полицейские значки, обоим пришлось ждать у стеклянной перегородки на седьмом этаже. Они не разговаривали.

Отвращение к себе переполняло Босха. Он едва не изменил себе — своему искусству и своему главному принципу: желая раскрыть дело, поступай так, чтобы люди сами говорили с тобой. Не насилуй и не принуждай их. На этот раз Гарри едва не забыл об этом.

— Езжай, если хочешь, — сказал он Рикарду.

— Уеду, как только пацан выйдет из этих дверей и попадет в твои руки. Мне он не нужен, но я хочу видеть, как он уедет с тобой. Это на тот случай, если дело как-нибудь обернется против меня. Вдруг...

— Что ж, это разумно.

— Да.

— Но все равно, Рикард, тебе еще многому надо учиться. Не бывает черного или белого, и совсем не каждого улица должна перемолоть. Возьми такого паренька, как этот, и...

— Избавь меня от нравоучений, Босх. Может, мне и есть чему поучиться, но только не у тебя. Ты, неудачник, можешь научить меня только тому, как быстрее скатиться вниз по лестнице. Благодарю покорно...

— Конечно. — Босх отошел к дальней стене комнаты, где стоял дерматиновый диван. Через пятнадцать минут появился Тидж. Рикард и Босх встали по сторонам от него и проследовали к лифтам. Когда они вышли из Зала правосудия, Рикард сразу направился к своей машине, бросив на ходу Босху:

— Пошел ты!..

— Иду, — кивнул Босх.

Он остановился на тротуаре, закурил сигарету и предложил одну Тиджу. Тот отказался.

— Я все равно ничего не скажу, — устало проговорил он.

— Знаю, — отозвался Босх. — Отвезти тебя куда-нибудь? К нормальному врачу, например? Или просто подбросить до Голливуда?

— Лучше до Голливуда.

Они пошли к машине Босха, стоявшей в двух кварталах от тюрьмы, возле Паркер-центра. Оттуда Босх вывернул на Третью авеню и поехал в направлении Голливуда. Позади осталась уже половина пути, но ни один из них не произнес ни слова.

— У тебя есть дом? — нарушил молчание Гарри. — Где лучше тебя посадить?

— Где-нибудь.

— И нет никакого места, где ты мог бы остановиться?

— Нет.

— А семья, родители?

— Нет.

— Как же ты будешь?

— Как-нибудь.

Босх повернул на запад, на Вестерн. Оба молчали еще минут пятнадцать, прежде чем Босх остановился у мотеля «Убежище».

— Это что?

— Посиди в машине. Я вернусь через минуту.

Управляющий мотелем попытался с ходу сдать Гарри седьмой номер, но Босх предъявил полицейский значок и предложил тому подумать еще раз. Управляющий, в той же самой или точно такой же грязно-белой майке, в которой Гарри видел его в рождественскую ночь, подумал и вручил Гарри ключ от тринадцатого номера. Босх вернулся к машине, отдал ключ Тиджу и достал бумажник.

— Я снял для тебя комнату на неделю. Может, она тебе не слишком понравится, но все же... Мой тебе совет на прощание: поразмысли хорошенько о том, что случилось, а потом уноси ноги из этого города. Уезжай подальше. Места, где живут по-человечески, пока еще не перевелись.

Тидж удивленно вертел в руках ключ. Босх порылся в бумажнике и отдал ему всю наличность — сорок три доллара.

— Ты снял мне номер, дал денег и думаешь, что я буду с тобой разговаривать? Я тоже смотрю телевизор, коп. Вы все разыграли — ты и твой приятель.

— Не пойми меня неправильно, парень, но я делаю это потому, что так нужно. В первую очередь мне самому. Это вовсе не значит, что я одобряю способ, которым ты зараба-

тываешь себе на жизнь. Если я опять увижу тебя на улице, знай — возьмусь за тебя как положено. Просто я должен был дать тебе шанс, пусть маленький, но все же... Поступай с этими деньгами как знаешь. А теперь иди. Это не спектакль.

Парнишка открыл дверцу, вылез из машины и обернулся к Босху.

— Зачем тебе это надо?

— Не знаю. Наверное, потому, что ты послал Рикарда. Я должен был сделать это сам, но не сделал. А теперь — прощай. Я спешу.

Тидж, поколебавшись, сказал:

— Дэнс уехал. Никак не пойму, что вам от него понадобилось.

— Слушай, паренек, я не...

— Знаю. — Босх пристально посмотрел на него. — Он уехал, уехал из города. Дэнс узнал, что поставщик накрылся, и отправился узнать, как нужно поступить, чтобы начать все сначала. Ему самому хочется стать поставщиком.

— Уехал из города?

— Ну да. Он говорил, куда-то в Мексику, но куда — не знаю. В общем, его нет. Поэтому я и занялся «карамельками».

Захлопнув дверцу, Тидж скрылся во внутреннем дворе мотеля. Босх сидел в машине, и в мозгу его вертелся вопрос Рикарда: что будет с этим парнем через год? Потом он вспомнил, как много лет назад сам жил в таких же третьеразрядных мотелях. Ему удалось выбраться из трясины, с самого дна, выжить... Значит, шанс есть и у Тиджа. Впрочем, шансы есть всегда.

Потом он завел мотор и медленно отъехал.

Глава 16

Разговор с Тиджем подтвердил подозрения Босха и связал все нити в одну. Теперь следовало ехать в Мексику. Все спицы в колесе указывают на втулку; в данном случае втулкой был Мехикали. Впрочем, Босх знал это почти с самого начала.

По пути в участок он пытался разработать самую выигрышную стратегию. Босх понимал, что ему придется связаться с Агильо, тем самым офицером мексиканской полиции, который направил в консульство запрос по поводу исчезновения «Хуана-67». Кроме того, неплохо было бы скоординировать свои действия с Администрацией по контролю за применением законов о наркотиках, предоставившей Муру свою оперативную информацию о Зорилло.

В детективном бюро не оказалось никого из сотрудников подотдела убийств, что вовсе не удивляло во второй половине дня в пятницу, да еще накануне праздничной недели. Никаких новых дел заведено не было, и детективы, видимо, постарались поскорее покончить со всякой мелочью, чтобы вернуться к своим семьям и обычной, не полицейской жизни. Только лейтенант Паундс в своей стеклянной будке что-то писал, низко склонившись над столом, и прикладывал к бумаге деревянную линейку, выравнивая строчки.

Босх сел на свое место и начал разбирать кипы скопившихся розовых записок. Впрочем, ничего срочного он не обнаружил. Две записки были от Бреммера из «Таймс» — Босх узнал это, поскольку корреспондент назвался Джоном Маркусом. Это кодовое имя они когда-то придумали, чтобы не раскрывать такого рода аспект связи между прессой и полицией. Несколько сообщений поступило от помощника прокурора. Он занимался делами, уже законченными Босхом. Прокурор желал знать, где нынче находятся вещественные доказательства. Была здесь и записка с сообщением о звонке Терезы, но Гарри посмотрел на обозначенное на ней время и понял, что она звонила еще до их встречи в медицинском центре. Должно быть, Тереза хотела известить его о том, что больше не желает с ним разговаривать.

Ни Портер, ни Сильвия Мур не звонили. Босх достал копию консульского запроса, полученную от Капетильо, и набрал телефонный номер в Мехикали, оставленный для сообщений Карлосом Агильо. Оказалось, что это общий коммутатор судебной полиции. Несмотря на недавнюю продолжительную практику, Босх говорил по-испански не слишком уверенно, поэтому объяснялся с дежурным минут пять. В конце концов его все же соединили со следственным отде-

лом, где он еще раз попросил позвать к телефону Агильо. Увы, офицера Босх не застал. Вместо него трубку взял капитан, неплохо говоривший по-английски. Он-то и объяснил Босху, что Агильо пока нет, но позднее он непременно появится. Кроме того, Гарри узнал, что Агильо работает и в субботу, но это его не удивило — у мексиканских копов шестидневная рабочая неделя.

— Могу чем-нибудь помочь вам? — спросил капитан в заключение.

Босх объяснил, что расследует убийство и звонит по поводу запроса, направленного детективом Агильо в консульство Мексики в Лос-Анджелесе. Представленное им описание примет как будто соответствовало телу, обнаруженному голливудской полицией.

Капитан оказался в курсе, поскольку сам регистрировал заявление об исчезновении, а потом поручил дело Агильо. Когда Босх поинтересовался, нельзя ли получить отпечатки пальцев упомянутого Гутьереса-Лосы, капитан уверенно ответил, что его дактилограммой полиция не располагает. При этом Гарри мельком подумал, что Капетильо был прав, предупреждая его.

— Может, вы сделаете фотографию трупа и пришлете нам? — осведомился капитан. — Мы предъявили бы ее на опознание семье.

— У меня есть фотографии, — сказал Босх. — Кстати, в запросе говорилось, что сеньор Гутьерес-Лоса был рабочим. Это верно?

— Да. Он часто искал поденную работу на «пяточке», куда приходят агенты нанимателей. Под статуей Бенито Хуареса.

— Не знаете, не работал ли он на частном предприятии под названием «Энви́ро брид»? Насколько мне известно, оно выполняет кое-какие подряды для штата Калифорния.

Мексиканец ответил не сразу:

— Прошу прощения, но о его трудовой деятельности я не осведомлен. Кое-какие заметки, возможно, и отыщутся в деле, но лучше проконсультируйтесь со следователем Агильо, когда он вернется. Высылайте фотографии, мы проведем опознание и сообщим вам о результатах, если они будут положительными

и ваша догадка подтвердится. Я сам прослежу за этим и свяжусь с вами.

Теперь паузу выдержал Босх.

— Простите, капитан, я что-то не расслышал вашего имени...

— Густаво Грена, начальник следственного отдела полиции Мехикали.

— Передайте, пожалуйста, детективу Агильо, капитан Грена, что он получит фотографии завтра.

— Так скоро?

— Да. Скажите ему, что я сам их привезу.

— Но в этом нет необходимости. Я уверен...

— Не беспокойтесь, капитан Грена, — перебил его Гарри. — Только предупредите Агильо, что я буду у него после обеда или чуть позже.

— Как угодно.

Поблагодарив мексиканского коллегу, Босх дал отбой. Подняв голову, он увидел, что лейтенант Паундс внимательно наблюдает за ним через стекло. Перехватив взгляд Босха, он жалобно-вопросительно поднял брови и оттопырил большой палец. Гарри отвернулся.

Итак, Ферналь Гутьерес-Лоса — поденный рабочий, искавший работу на «пяточке», что бы это ни значило. Каким образом поденщик wsz в эту историю? Был ли он одним из «мулов», перевозящих «черный лед» через границу, или не имел никакого отношения к этим нелегальным операциям? Для смертного приговора, который ему вынесли и даже привели в исполнение, вполне достаточно, чтобы он оказался в таком месте, куда ему не следовало ходить, или увидел что-то, не предназначавшееся для чужих глаз.

Пока в руках у Гарри были лишь части одного большого целого. Оставалось найти ключ к разгадке, намек на то, в каком направлении действовать, чтобы правильно сложить головоломку. Когда, работая в Ван-Нуйсе, Босх получил свой «золотой шит», его партнер из подотдела по расследованию грабежей сказал, что факты отнюдь не самое важное в расследовании. Чтобы скрепить их, нужен цемент, а в состав такого цемента входят интуиция, воображение, догадки и то, без чего, как правило, не обойтись, — удача.

Всего два дня назад, в номере захудалого мотеля, Босх наблюдал кое-какие факты; основываясь на них, он сделал вывод о самоубийстве. Теперь он знал, что ошибся. Снова пересмотрев известные факты, но на сей раз с учетом других привходящих обстоятельств, о которых узнал за последнее время, Босх понял, что имеет дело с убийством. Если продолжить сравнение Мехикали со втулкой колеса, куда сходились все спицы, то Мур был чекой, благодаря которой это колесо держалось на оси.

Гарри достал записную книжку и нашел в ней имя агента АКН, упоминавшегося в документах о Зорилло, собранных Муром. Сверившись со своим «Ролодексом», Босх нашел номер местного отделения АКН. Набрав его, он попросил к телефону агента Корво, но человек, ответивший ему, предложил Гарри назвать себя.

— Скажите, что звонит призрак Калексико Мура.

Через минуту в трубке раздался уже другой голос:

— Алло? Кто это говорит?

— Это Корво?

— Если хотите говорить, назовите себя. В противном случае я кладу трубку. — Босх назвал. — Что у вас за шутки, детектив Босх?

— Я хотел бы встретиться с вами.

— Но я еще не знаю зачем.

— Вам нужно знать причину? Хорошо... Завтра утром я отправляюсь в Мехикали за скальпом Зорилло, поэтому нуждаюсь в любой помощи тех, кто знает, что это за фрукт. Полагаю, вы тоже не откажетесь потолковать со мной, поскольку поставляли Муру информацию.

— С чего вы взяли, что я знал Мура?

— Я же звоню вам. Кроме того, это вы передали ему оперативные данные АКН. Он сам сказал мне об этом.

— Послушайте, как вас там, Босх!.. У меня позади семь лет нелегальной работы, а вы хотите взять меня на понт? Пойдите сначала поупражняйтесь на торговцах с Бульвара, может, потом у вас что и получится.

— Вот что, мистер Корво или как вас там... В семь часов я жду вас в «Семерке», в баре. Сразу после этого я отправляюсь на

юг. Вам решать, приходить или не приходить. Увидимся так увидимся, а нет...

— А если я решу прийти, как я узнаю вас?

— Не беспокойтесь, я сам к вам подойду. Вы будете единственным, кому кажется, будто его никто не узнает.

Положив трубку, Гарри поднял голову и увидел, что лейтенант Паундс подошел к столам подотдела убийств и просматривает последние рапорты о ППЛ. Это была еще одна головная боль для человека, пекущегося о том, чтобы в статистических отчетах голливудский участок выглядел пристойно. Количество преступлений против личности, включавших в себя все связанное с насилием, росло на порядок быстрее, чем другие. Это означало не просто рост преступности, но и то, что сами преступники ожесточились.

На верхней части брюк лейтенанта Гарри заметил следы белой пыли. Ее происхождение не раз служило предметом занимательных споров и более или менее остроумных догадок. Одни утверждали, что, нюхая кокаин, лейтенант просыпает на колени немного порошка. Это было тем более смешно, что лейтенант слыл глубоко верующим человеком, хотя Божья благодать посетила его совсем недавно. Другие говорили, что это сахарная пудра от пончиков, которые лейтенант тайком поедает, запершись в своем стеклянном кабинете и опустив жалюзи. Босх, однако, придерживался собственного мнения, поскольку ему казалось, будто он узнает запах, постоянно исходящий от Паундса. Пахло детской присыпкой, и Гарри считал, что лейтенант пользуется ею по утрам — уже надев брюки, но еще без рубашки и галстука.

Паундс оторвал взгляд от рапорта и проговорил с напускным безразличием:

— Ну, как дела? Как продвигается расследование?

Босх бодро улыбнулся и кивнул, но промолчал. Ему хотелось помучить лейтенанта.

— Так ты узнал что-нибудь новое?

— Кое-что, сэр. Кстати, Портер не звонил?

— Портер? Нет, а что? Забудь о нем, Босх. Отрезанный ломоть, к тому же он вряд ли поможет тебе. Лучше расскажи о своих успехах. Я смотрю, ты не завел никакого нового дела...

— Я был очень занят, лейтенант. Во-первых, сдвинулось с мертвой точки дело Джимми Каппса, а во-вторых, я установил личность и предполагаемое место гибели по последнему расследованию Портера. Ну, того неизвестного, чей труп на прошлой неделе подбросили к ресторану в районе бульвара Сансет. Надеюсь очень скоро выяснить, кто и почему его убил. Кстати, я собирался поработать в выходные, если вы дадите «добро».

— Превосходно, Босх. Поступай как нужно, а я сегодня же оформлю сверхурочные.

— Спасибо.

— Но почему ты ведешь два дела сразу? Не проще ли закончить сначала то, что кажется более простым? Нам очень важно до Нового года раскрыть еще одно преступление.

— Потому что эти дела связаны между собой.

— Ты уве... — Паундс оборвал себя на полуслове и взмахнул рукой, давая Босху сигнал молчать. — Пойдем-ка лучше поговорим об этом в моем кабинете.

Усевшись за свой стол, накрытый стеклом, Паундс схватил линейку и начал вертеть ее в руках.

— О'кей, Гарри, в чем же суть?

Босх постарался представить дело в лучшем виде. Он говорил так, словно имел неоспоримые доказательства для подтверждения каждого своего слова. На самом деле, кроме домыслов и догадок, он почти ничем не располагал. Пока Босх, сидя в кресле напротив стола лейтенанта, рассказывал о расследовании, запах детской присыпки назойливо щекотал ему ноздри.

— Мотив убийства Джимми Каппса ясен — его убрали из мести. Вчера я узнал, что он настучал на своего конкурента по фамилии Дэнс, поставлявшего «черный лед» уличным распространителям. Джимми это пришлось не по душе, поскольку он сам торговал «льдом» гавайского происхождения и хотел бы подмять под себя весь рынок. Он сдал Дэнса группе БАНГ, но после того, как Дэнса задержали, помощник окружного прокурора отказал в возбуждении дела. Арест не состоялся, и Дэнс вышел на свободу. Через четыре дня Каппса не стало.

— О'кей, о'кей, — пробормотал лейтенант. — Неплохо. Стало быть, ты подозреваешь этого Дэнса?

— Да, пока не найду чего-нибудь более существенного. Тем более что Дэнс пока в бегах.

— А как это связано с убийством шестьдесят седьмого «Хуана»?

— В АКН мне сказали, что «черный лед» Дэнса производят в Мехикали. Тамошняя полиция дала предварительное подтверждение личности нашего «Хуана». Судя по всему, его настоящая фамилия Гутьерес-Лоса. Он из одного баррио под Мехикали.

— «Мул-перевозчик»?

— Возможно, хотя кое-что противоречит этой версии. По сведениям мексиканской полиции, он зарабатывал на жизнь поденной работой.

— Может, погнался за большими деньгами? Многие так делают.

— Не исключено.

— И ты считаешь, что его убийство — месть за смерть Каппса?

— Вероятно.

Паундс кивнул, и Босх подумал, что пока все идет хорошо. Оба помолчали, потом лейтенант откашлялся.

— Для двух дней это очень большая работа, Гарри. Я бы сказал, отличная работа. Что ты предпримешь дальше?

— Я намерен предпринять шаги по поиску Дэнса и окончательно подтвердить личность «Хуана», то есть Гутьереса... — Босх не договорил. Он не знал, много ли может сказать Паундсу. Лейтенант почти наверняка не одобрил бы его намерений отправиться в Мексику.

— Ты, кажется, упомянул, что Дэнс скрывается.

— Об этом я узнал от своего осведомителя, но информация требует уточнения. В выходные выясню наверняка.

— Прекрасно.

Босх рискнул приоткрыть дверцы еще чуть-чуть.

— Есть одно обстоятельство, но оно связано с Калексико Муром. Хотите послушать?

Паундс положил линейку на стол, сцепил пальцы и откинулся на спинку кресла. Поза начальника свидетельствовала о внимании и настороженности. Оба вступали в ту область, где

любой неосторожный шаг чреват полным и необратимым крушением карьеры.

— Не кажется ли тебе, что мы идем по лезвию бритвы? Делом Мура занимаемся не мы.

— А я и не стремлюсь им заниматься; с меня достаточно тех двух, которые я расследую сейчас. Если не хотите слушать — не нужно. Думаю, справлюсь и так.

— Нет, нет, расскажи мне все. Просто мне не нравится этот... этот запутанный клубок.

— Да, клубок — иначе, пожалуй, не назовешь. Именно БАНГ произвел арест Дэнса. Мур узнал об этом только потом, когда прокурор отпустил задержанного, но это были его люди. Кроме того, это Мур обнаружил тело «Хуана».

— Так это Кэл Мур нашел тело? — удивился Паундс. — В бумагах Портера об этом нет ни слова.

— Есть, просто Мур фигурирует там по номеру своего значка. Так или иначе, но это он нашел у ресторана труп, а следовательно, налицо связь Мура — пусть косвенная — с обоими делами. И, заметьте, на следующий же день после того, как Мур наткнулся на убитого «Хуана», он снял номер в мотеле и выстрелом разнес себе голову. Вы, должно быть, уже знаете о том, что ОВР больше не считает это самоубийством? — Лейтенант кивнул, но глаза его выражали настороженность. Он рассчитывал услышать обычный отчет о расследовании двух различных дел, и сообщение Босха застало его врасплох. — С Муром кто-то расправился, — продолжал Гарри. — Так что в данном случае у нас на руках три убийства — Каппса, Гутьереса и Мура. И еще скрывающийся Дэнс.

Поняв, что сказал достаточно, Босх спокойно откинулся на спинку стула и наблюдал за размышлявшим лейтенантом. Он догадывался, что Паундс может сейчас снять телефонную трубку, позвонить Ирвингу и попросить у него помощи или по меньшей мере совета, однако лейтенант знал, к чему приведет такой звонок: ОВР возьмет под свой контроль расследования убийств Каппса и «Хуана». Копы из городского управления легко доведут их до конца, а голливудскому участку не удастся щегольнуть пятидесятипроцентной раскрываемостью.

— Как насчет Портера? Что он думает по поводу всего этого?

До этого момента Босх делал все возможное, чтобы не впутывать в эти дела Портера. Он и сам не мог сказать почему. Портер скатился на самое дно, лгал ему, но в глубине души Гарри все еще испытывал к нему если не симпатию, то жалость. Видимо, причиной этого был последний вопрос экс-детektива: «Ты поможешь мне, Гарри?»

— Я так и не нашел Портера, — солгал Босх. — Его телефон не отвечает. Но по-моему, у него было не так много времени, чтобы он успел в чем-нибудь разобраться.

Паундс с отвращением потряс головой.

— Разумеется, не отвечает. Наверняка опять налился.

Босх промолчал. Мяч пока оставался на стороне Паундса.

— Послушай, Гарри, ты мне не... Ты говорил со мной откровенно, без утайки? Я не допущу, чтобы все это происходило без моего ведома. Ты все мне рассказал?

Гарри подумал, что на самом деле Паундс хочет знать, сильно ли его вздрючат, если что-то пойдет не так.

— Вы знаете то же, что и я, — заверил шефа Босх. — Налицо два дела, возможно — три; они непосредственно касаются Мура, и их нужно раскрыть. Если хотите, чтобы это растянулось на шесть-семь недель, то я сейчас же пойду и напишу рапорт, а вы официальным порядком отправите его в Паркер-центр. Если же вам нужно, чтобы я закончил с этим к первому числу, как вы и настаивали, значит, я воспользуюсь оставшимися четырьмя днями.

Паундс уставился в пространство над головой Босха и задумчиво почесал линейкой за ухом, пытаясь принять решение.

— О'кей, — сказал лейтенант. — Используй выходные, а в понедельник посмотрим, что тебе удастся сделать. Может, нам все-таки придется позвонить в ОВР. В общем, я хочу, чтобы ты докладывал мне, как идут дела, и завтра, и в воскресенье. Я должен совершенно точно знать, какие шаги ты предпринимаешь, чего достиг.

— Слушаюсь, шеф. — Босх поднялся и повернулся, чтобы уйти, когда заметил над дверями небольшое распятие. Уж не туда ли смотрел Паундс, подумалось ему. Многие говорили, что Паундс обратился к вере из конъюнктурных соображений; впрочем, в управлении таких, как он, было немало. Все они устремились в лоно церкви по единственной причине: один из

заместителей начальника полиции служил на общественных началах проповедником в одной из церквей в Долине. Босх подозревал, что все управленческие подлипалы отправляются туда по воскресеньям и, собравшись вокруг своего духовного пастыря, хором убеждают его в том, что он замечательный человек.

— Значит, до завтра? — сказал Паундс.

— Да, завтра я позвоню вам.

Некоторое время спустя лейтенант запер свой кабинет и ушел домой. Босх налил себе кофе и в полном одиночестве сложился по рабочей комнате, куря сигарету за сигаретой. Он ждал шестичасовых «Новостей». На одном из шкафов с картотекой, принадлежавшем отделению автоинспекции, стоял небольшой черно-белый телевизор. Гарри включил его и долго вертел во все стороны комнатную антенну, напоминавшую кроличьи уши, прежде чем добился приличного изображения. На звук работающего телевизора из дежурки подтянулись двое патрульных.

История Калексико Мура наконец-то поднялась на первую строчку в разделе новостей дня. «Канал-2» начал свой выпуск с сообщения о полицейской пресс-конференции в Паркер-центре, на которой заместитель начальника полиции Ирвинг рассказал о том, какой оборот приняли события. Фрагменты пресс-конференции шли в записи, и Босх увидел, как шеф сидит перед целым букетом разнокалиберных микрофонов, а за его спиной стоит Тереза. Ирвинг прилюдно похвалил ее за внимание и за то, что во время вскрытия она заметила отдельные детали, позволившие говорить об убийстве, а не о самоубийстве. В конце концов Ирвинг признал, что под давлением улик полиция отказалась от первоначальной версии и направила все силы на расследование этого прискорбного случая. Сообщение закончилось демонстрацией фотографии Мура и закадровым комментарием корреспондента:

«Теперь перед следствием стоит непростая задача, но полиция чувствует себя морально обязанной вскрыть все обстоятельства трагической гибели одного из своих товарищей, которые привели полицейского сержанта в грязный номер старого мотеля, где с ним расправился неизвестный преступник. Источники в полицейском аппарате сообщили, что дознание пока

не располагает сведениями, позволяющими провести расследование в сжатые сроки. Тем не менее следствие началось с выражения благодарности временно исполняющему обязанности ведущего медика-патологоанатома, который обнаружил улики, подтверждающие убийство. В противном случае оно осталось бы незамеченным... незамеченным и ненаказанным».

Камера дала фотографию крупным планом, и голос репортера произнес: «Дальше начинается тайна...»

После этого сообщения Босх выключил телевизор. Копы вернулись в дежурку, а Гарри устроился за своим столом. Фотография Мура, показанная по телевидению, явно была сделана несколько лет назад. На ней Мур выглядел намного моложе, чем в последнее время, да и взгляд его был чистым и ясным. Ни намек на вторую, тайную жизнь полицейского сержанта.

Размышляя об этом, Босх вспомнил о других фотографиях — о тех, которые, по словам Сильвии Мур, ее муж бережно хранил и часто рассматривал. Что сохранил из своего прошлого сам Босх? У него не было ни одного снимка матери, а своего отца он узнал только в тот момент, когда старик уже стоял обеими ногами в могиле. Какой груз носил в себе Калексико Мур?

Босх посмотрел на часы. Пора было ехать в «Семерку», но прежде чем выйти к машине, Гарри заглянул в дежурное помещение, где рядом со списком разыскиваемых преступников на стене висело расписание дежурств. Как и следовало ожидать, с прошлой недели никто не удосужился сменить или откорректировать его, и он без труда нашел в нем фамилию и адрес Мура в Лос-Фелисе. Переписав адрес в свою записную книжку, он вышел на стоянку служебных машин.

Глава 17

Глубоко затянувшись сигаретой, Гарри бросил окурок на тротуар. Он не решился сразу потянуть за полицейскую дубинку, служившую в «Семерке» ручкой входной двери, и некоторое время смотрел на противоположную сторону Первой улицы — на зеленый скверик, обрамлявший Сити-холл и но-

сивший громкое название парка Свободы. В белом свете карбоновых фонарей были ясно видны фигуры бездомных, расположившихся на ночлег на травке вокруг мемориала погибшим во вьетнамской войне. Эти люди и сами походили на убитых, скошенных пулеметным огнем на поле брани и еще не похороненных.

Наконец Босх решился и, отворив дверь «Семерки», прошел через ресторан к арке, занавешенной плотными черными шторами, напоминающими судейскую мантию. За аркой располагался бар. Там было полным-полно полицейских и юристов, а воздух казался синим от сигаретного дыма. Все эти люди пришли сюда переждать час пик, да так и застряли в баре, то ли выпив лишнего, то ли почувствовав себя слишком комфортно, чтобы куда-то торопиться.

Гарри прошел в дальний конец бара, где еще оставались пустые стулья, и заказал пиво и порцию виски. Судя по часам над стойкой, сейчас было ровно семь, и Гарри огляделся, пользуясь зеркальной стеной бара, но не заметил никого, кто походил бы на агента Корво. Закурив сигарету, Босх решил подождать до восьми.

В этот момент портьеры у входа раздвинулись, и в бар вошел невысокий черноволосый человек с окладистой черной бородой. Он задержался на пороге, ожидая, пока глаза привыкнут к полутьме и едкому дыму, и Гарри рассмотрел его подробнее. На незнакомце были голубые джинсы, легкий пуловер, а на поясе висел пейджер. Там, где копы обычно носили кобуру, пуловер заметно оттопыривался. Мужчина оглядел зал, и их взгляды встретились в зеркале. Босх едва заметно кивнул агенту, и Корво сел на табурет рядом с ним.

— Значит, раскусил меня, да? — сказал он вместо приветствия, с ходу переходя на ты.

— А ты — меня, — дружелюбно отозвался Босх. — Пожалуй, нам обоим стоило бы повторить курс в академии. Хочешь пива?

— Послушай, Босх, прежде чем мы начнем дружить домами, я хотел бы упомянуть вот о чем: мне не известно, что тебя интересует. Я понятия не имею, что происходит на вашем фронте. Собственно, я даже еще не решил, стану ли с тобой разговаривать.

Гарри взял из пепельницы свою сигарету и посмотрел на Корво в зеркало.

— А я еще не решил, что такое «форд» — марка машин или порода лошадей.

Корво спустился с табурета на пол.

— Счастливо оставаться.

— Послушай, Корво, расслабься. Выпей пива, покури...

— Прежде чем идти сюда, я проверил твоё досье. Там написано, что ты упрям как осел. Ты быстро катишься по наклонной, Босх: сначала ОРГУ, сейчас — голливудский участок, а что потом? Охранник-инкассатор в машине «Уэллс фарго»?

— Нет, потом будет Мехикали. Только если мне придется действовать вслепую, то, возможно, я запутаюсь в ваших же сетях, расставленных на Зорилло, и в конце концов испорчу вам обедню. Поговорив со мной, ты поможешь и мне, и своей конторе.

— А что, если ты вообще не должен ничего предпринимать? Что, если я сейчас выйду отсюда, сниму трубку телефона и поговорю с кем надо? Твое путешествие закончится, даже не начавшись.

— Слишком поздно. — Босх покачал головой. — Вам меня не остановить. Буду действовать на свой страх и риск. Да сядь ты, и прости, если я вел себя как последняя задница. Со мной иногда случается. Просто мне очень нужна помощь ваших парней, а им нужен я.

Корво не спешил вернуться за стойку.

— Что ты намерен делать, Босх? Поедешь на это ранчо, перебросишь Папу через плечо и дернешь обратно в Штаты? Так, что ли?

— Что-то в этом роде.

— Глупо.

— Признаться, я сам еще не знаю, что мне предпринять. В общем-то я рассчитывал действовать по обстоятельствам — как сложится. Может, я даже не увижу Папу, а может — увижу. Хочешь рискнуть?

Корво взгромоздился на табурет и, махнув рукой бармену, заказал то же, что и Босх. Глядя на него в зеркало, Гарри заметил под бородой длинный широкий шрам. Если агент отрастил бороду, чтобы скрыть этот розово-красный след,

он ничуть не преуспел. Возможно, однако, Корво и не старался ничего скрывать; большинство агентов АКН, с которыми Гарри встречался или работал, не имели ничего против внешних атрибутов мужественности. Шрамы не вредили их работе, на добрую половину состоявшей из громких, но пустых угроз и тонкого блефа. Каждый из них гордился подобным увечьем, словно медалью за личную храбрость. Удивляло Босха одно: как с такой отметиной на лице Корво ухитрялся работать нелегально.

Когда бармен поставил перед ним заказ, Корво привычно опрокинул стакан с виски и запил пивом.

— Так зачем ты собрался туда на самом деле? — спросил он. — И почему я должен тебе верить?

— Потому что я могу помочь вам с Зорилло.

— Чушь. — Босх промолчал, решив дать Корво вволю порезвиться, чтобы перейти к делу, как только агенту надоест рисоваться и позировать. Постепенно Босх приходил к выводу, что телепостановки о жизни полицейских не преувеличивали только одно: недоверие и соперничество, существующее между местными и федеральными копами. Какая-то из сторон всегда считала себя лучше, умнее, опытнее, чем другая. Те, кто так думал, как правило, ошибались. — О'кей, — сказал наконец Корво. — Допустим. Что у тебя есть на него?

— Прежде чем рассказывать, мне хотелось бы задать один вопрос. Кто ты такой, Корво? Я имею в виду здесь, в Лос-Анджелесе? Почему Мур ссылается на тебя в одной из своих подборок? Как ты стал экспертом по Зорилло?

— Это не один вопрос, а целых десять. Впрочем, в общих чертах я готов ответить на них. Я уполномоченный агент-дознатель, возглавляю расследование, которое проводится в Мехикали совместными усилиями наших отделений в Мехико-Сити и Лос-Анджелесе. Поскольку Мехикали равноудален от обоих городов, мы поделили расследование пополам. Больше я ничего не скажу, пока ты не убедишь меня, что с тобой стоит разговаривать. Давай выкладывай.

Босх сообщил ему про Джимми Каппса, про «Хуана» — Гутьереса, про причастность к их гибели Мура и Дэнса и про нити, протянувшиеся от этих дел к Зорилло. Закончил он тем,

что, по его сведениям, Дэнс поехал в Мексику — вероятнее всего, в Мехикали — сразу после того, как был убит Мур.

Корво допил свое пиво.

— В твоём сценарии одна большущая дыра. Скажи мне вот что: с чего ты взял, будто этот ваш «Хуан» был убит именно в Мехикали? И еще — как и зачем его тело перевезли в Лос-Анджелес? Я не вижу в этом никакого смысла.

— Медэкспертиза показала, что Гутьерес-Лоса был убит минимум за шесть часов до того, как Мур нашел его труп... Или заявил, что нашел. Кое-какие детали, обнаруженные при вскрытии, позволяют предположить, что наш «Хуан» был убит именно в Мехикали, точнее — в определенном районе в окрестностях Мехикали. Полагаю, что преступники пожелали избавиться от тела, чтобы не привлекать к этому району излишнего внимания. Вот его и отправили в Лос-Анджелес, благо у них уже был наготове грузовик, идущий в этом направлении. В высшей степени удобно.

— Не надо загадок, Босх. О каком районе мы говорим?

— Не мы. Говорю в основном я — вот в чем беда. Впрочем, мы еще можем поторговаться. Я читал вашу справку — судя по всему, вам так ни разу и не удалось перехватить ни одного каравана Зорилло. Я могу отдать вам его каналы. Что я получу от вас взамен?

Корво рассмеялся и показал бармену два растопыренных пальца. Тот принес ему еще два пива.

— Знаешь что, Босх, хочешь верь — хочешь не верь, но ты мне нравишься. Я действительно проверил твое досье, и мне пришлось по душе то, что я узнал. Но мне почему-то кажется, что у тебя нет ничего стоящего.

— Вам не приходило в голову проверить одно местечко под Мехикали, которое называется «Энви́ро брид»?

Корво заглянул в стоящий перед ним бокал, словно собираясь с мыслями. Босх поторопил его.

— Да или нет?

— Так называется один тамошний завод, где плодятся стерильные фруктовые мушки, которых потом выпускают здесь. Завод — подрядчик правительства. Этих насекомых разводят в Мексике, потому что...

— Я все это знаю. Но откуда это известно тебе?

— Я занимался планированием наших операций. Нуждаясь в наземном наблюдательном пункте, чтобы следить за ранчо, мы стали присматриваться к ближайшим промышленным и сельскохозяйственным объектам. «Энви́ро брид» сразу нам приглянулся. Во-первых, он находится под американским управлением, во-вторых, это правительственный подрядчик, в-третьих... В общем, мы начали прошупывать предприятие, чтобы определить лучшее место для НП — на крыше или в кабинетах. Территория ранчо расположена через дорогу от лабораторного корпуса.

— Но они вам отказали.

— Нет, почему же. Они-то были не против. Это мы сказали «нет».

— Почему?

— Во-первых, радиация. Во-вторых, эти чертовы мухи летают повсюду и лезут в приборы. Но самое главное заключается не в этом. Поднявшись на крышу, мы увидели только стойла и амбары. Все эти хозяйственные помещения, где разводят быков, оказались между «Энви́ро брид» и жилыми зданиями ранчо. Они заслоняли их, поэтому нам пришлось отказаться от мысли оборудовать там наблюдательный пункт. Пришлось сказать руководителю спасибо и откланяться.

— Под какой крышей вы работали? Или, может, вы пришли и заявили: «Мы из АКН, позвольте нам тут пошпионить за вашим соседом?»

— Нет, конечно. Наши ребята состряпали какую-то подходящую легенду: что-то насчет того, будто мы из Национальной службы погоды, изучаем розу ветров в гористо-пустынной местности. В общем, какая-то чушь вроде этого. Но босс «Энви́ро брид» поверил нам.

— Еще бы!

Корво вытер губы тыльной стороной руки.

— А каким концом вписывается в твою версию «Энви́ро брид»?

— Через мрего «Хуана». Фруктовые мушки, о которых ты говоришь, нашли у него внутри. Думаю, там его, возможно, и убили.

Корво повернулся вместе с табуретом так, что теперь смотрел прямо на Босха. Гарри же продолжал наблюдать за ним в зеркале.

— О'кей, Босх. Ты заинтриговал меня. Валяй дальше.

Гарри рассказал ему о своих предположениях. «Энви́ро брид», оказавшийся так близко от ранчо Зорилло, о чем Босх не подозревал, пока не узнал об этом от Корво, наверняка был основным звеном в цепи, по которой «черный лед» уходил через границу. Его версия состояла в том, что поденный работник Гутьерес-Лоса либо завербовался в «мулы», но не справился с заданием, либо вполне легально, работая на «Энви́ро брид», увидел или сделал что-то такое, чего ему не следовало видеть или делать ни при каких обстоятельствах. Так или иначе, его забили до смерти, а труп упаковали в один из картонных контейнеров и вместе с грузом насекомых отправили в Лос-Анджелес. Потом тело бросили у ресторана, а Мур, скорее всего распоряжавшийся приемкой товара в Штатах, «нашел» его.

— Им пришлось избавиться от тела: ведь они не могли допустить, чтобы на заводе шныряли полицейские ищейки. Там есть что-то важное — такое, что стоит дороже жизни старика рабочего.

Корво уперся локтем в стойку и положил подбородок на руку.

— Что же он мог там увидеть?

— Этого я не знаю. Мне известно только, что «Энви́ро брид» договорился с федеральными властями о том, что контейнеры не будут досматриваться на границе. Открыть эти коробки — значит нанести ущерб нежному товару.

— Кому ты говорил об этом?

— Никому.

— Никому? Точно? Ты никому не рассказывал про «Энви́ро брид»?

— Я наводил кое-какие справки, но всю историю целиком я рассказал одному тебе.

— У кого ты наводил справки? Ты связывался с мексиканской полицией?

— Да. Они направили запрос в консульство по поводу исчезновения старика. Именно это помогло мне сложить два и

два. Впрочем, когда я буду в Мехикали, мне придется получить официальный протокол опознания.

— Ты упоминал про «Энвиرو брид»?

— Я спросил только, известно ли им, что Гутьерес работал на эту фирму.

Корво с разочарованным вздохом повернулся лицом к стойке.

— С кем из мексиканцев ты разговаривал?

— С капитаном по фамилии Грена.

— Его я не знаю. Впрочем, уверен, ты здорово осложнил себе жизнь. К местным копам нельзя обращаться запросто. Им ничего не стоит поднять трубку, позвонить Зорилло и сказать, что ты интересовался стариком, и получить от него премию в конце месяца.

— Может, я действительно все испортил, а может, и нет. Грена отмахнулся от меня и, надеюсь, позабыл о моем звонке. Во всяком случае, я не вламывался на предприятие, где разводят мух, с просьбой разрешить мне устроить у них на крыше метеостанцию.

— Я займусь этим немедленно, — проговорил Корво. — Но пообещай мне не болтаться вокруг «Энвиرو брид», когда попадешь в Мехикали.

— Ничего не обещаю. Кроме того, до сих пор из нас двоих только я что-то «давал». Ты же не сообщил мне ничего полезного.

— Что ты хочешь узнать?

— Хочу узнать все о Зорилло.

— Могу сказать о Зорилло только то, что мы довольно долго охотимся за ним... — Заказав бармену два пива, Босх закурил и смотрел, как дым постепенно скрывает его отражение в зеркалах на задней стене. — Тебе нужно узнать о нем одно: он чертовски хитрый сукин сын. Меня вовсе не удивит, если его предупредят о твоём приезде. На Зорилло работает вся местная полиция. Мы имеем дело только с федеральной полицией Мексики, но и на них можно полагаться не больше, чем на бывшую жену. — Босх с пониманием кивнул. — Если Зорилло пока не знает, что ты намерен посетить Мехикали, то ему сообщает об этом еще до того, как ты доберешься до места. Тебе придется быть настороже. Лучше всего, конечно, вообще не ездить, од-

нако, зная тебя, я уверен, что этот вариант отпадает. Другой способ сберечь свою шкуру — это не контактировать с местной полицией. Им нельзя доверять — у Папы там полно своих людей. Понял? — Босх кивнул, глядя в зеркало. — Теперь я окончательно убедился, — продолжал Корво, — что все сказанное мной влетело тебе в одно ухо, а вылетело в другое. Поэтому я хочу, чтобы ты связался с одним местным парнем — он не подведет. Его зовут Рамос. Когда приедешь в Мексику, не вздумай затевать с полицией никаких игр — вежливо поздоровайся и притворись, что все отлично, а сам работай только с Рамосом.

— Если моя догадка насчет «Энви́ро брид» подтвердится и вы предпримете какие-то решительные шаги против Зорилло, я не прочь при этом присутствовать.

— Хорошо. Только держись Рамоса, о'кей?

— Договорились. А теперь расскажи мне про Зорилло, а то ты отвлекаешься на всякую ерунду.

— Зорилло отирается в тех местах бог знает сколько времени. В его досье есть материалы, датированные еще началом семидесятых годов. Он профессиональный курьер; думаю, его выбросил наверх «Батут».

Босх когда-то слышал это выражение, но был уверен, что Корво объяснит подробнее.

— «Черный лед» — его последнее увлечение. Еще ребенком Умберто подрабатывал как марихуанито, а из баррио его выгнали какой-то местный туз — примерно такой же, каким сам Зорилло стал сейчас. В двенадцать лет он уже ходил через границу с тюками травы на спине; став постарше, участвовал в переброске зелья на грузовиках и постепенно пробился в верхний эшелон. К началу восьмидесятых годов, когда почти все наши усилия сосредоточились на Флориде, колумбийская наркомафия подрядила мексиканцев: кокаин стали доставлять в Мексику самолетами, а мексиканцы перебрасывали его через границу, используя свои старые, нахоженные тропы. Дорога из Мехикали в Калексико была одним из таких путей, а весь маршрут назывался «Батут». Дурь попадала из Колумбии в Мексику, а оттуда — к нам.

Постепенно Зорилло разбогател, пройдя путь от баррио до огромного ранчо с собственной охраной, к тому же половина

копов в районе Калифорнийского залива у него на содержании. И вот тут-то колесо совершило полный оборот и все началось сначала. Большинство своих людей Зорилло вытащил из трущоб. Он не забыл баррио, а баррио не забыло его. Ребята Зорилло работают не за страх, а за совесть, к тому же он пользуется огромным уважением у местного населения. Тогда же он заработал прозвище Эль-Папа.

Когда мы, то есть АКН, разобрались в ситуации и слегка перегруппировали силы, чтобы заняться мексиканским кокаином, Зорилло взялся за героин. Во всех окрестных баррио он имел лаборатории, и они гнали для него «деготь», а в добровольцах, готовых смотаться с грузом через границу и обратно, недостатка никогда не было. За один такой поход Зорилло платил своим «мулам» столько, сколько эти бедняги не заработали бы и за пять лет честного труда. — Босх подумал об искушении, о легких деньгах, не связанных с излишним риском. Даже те перевозчики, которые попадались на границе, отделялись небольшим сроком заключения. — Переход от дегтярного героина к «черному льду» был для Зорилло вполне закономерным, — продолжал Корво. — Он прирожденный предприниматель, поэтому заранее чувствует, на чем можно зашибить деньги. Конечно, «черный лед» — это наркотик, который пока не вышел из детского, так сказать, возраста в смысле широты распространения и известности. Но мы уже сейчас считаем Зорилло крупнейшим поставщиком этой дряни. Да и наркокультура не стоит на месте. «Черный лед» уже появляется повсюду — в Нью-Йорке, Сиэтле, Чикаго и других крупных городах. Какие бы операции Зорилло мы ни пресекали в Лос-Анджелесе, это лишь капля в море. Зорилло, похоже, все еще продолжает поставки чистого героина через своих курьеров из баррио, но «черный лед» — его самый перспективный продукт. За этим наркотиком — будущее, и Зорилло это прекрасно понимает, вкладывая в него все больше и больше сил и средств. Для начала он расправится с гавайцами — накладные расходы у него гораздо ниже, и уже сейчас на рынке капсула «черного льда» продается на двадцать долларов дешевле, чем гавайский «лед», «стекло» или как там они прозвали его в последнее время. Кроме того, продукт Зорилло действует сильнее и понемногу вытесняет гавайцев с

рынка на всем континенте. Потом, когда спрос на «черный лед» действительно пойдет вверх — а по некоторым оценкам возможен такой же взлет, как на крэк в середине восьмидесятых, — Зорилло поднимет цену и останется монопольным распространителем этого наркотика до тех пор, пока его не нагонят другие. Зорилло можно сравнить с рыболовным сейнером, который тянет за собой десятикилометровую сеть. Он движется по кругу и огораживает огромный участок, откуда рыбе уже не вырваться.

— Предприниматель, значит... — проговорил Босх.

— Да, так я его называю. Помнишь, пару лет назад в Аризоне пограничная стража наткнулась на подземный ход, тянувшийся от складского помещения по одну сторону границы до пакгауза по другую? Кажется в Ногалесе? Мы считаем, что Зорилло принимал в этом участие. По крайней мере один склад наверняка принадлежал ему. Может, и идея тоже...

— Но вы так и не тронули его.

— Нет. Всякий раз, когда мы подбираемся к нему поближе, сразу появляются трупы. Ты, наверное, назвал бы его предпринимателем, склонным к насильственным действиям. — Босх вспомнил труп Мура на грязном полу в ванной комнате грязного мотеля. Не собирался ли он сделать свой ход — пойти против Зорилло? — Зорилло связан с «ЕМЕ», — сообщил Корво. — Ходят слухи, что он способен убрать любого человека, где бы тот ни находился. Еще в семидесятые годы происходили кровавые разборки за контроль над нелегальными караванными тропами через границу, и Зорилло тоже оказался в этом замешан. Внешне все это сильно напоминало войну банд, когда баррио ополчилось на баррио. Это потом он объединил все рабочие поселки, но тогда его клан — Святые и Грешники — одержал победу. Из этого клана вышло большинство членов «ЕМЕ».

Аббревиатура «ЕМЕ» обозначала крупную банду, состоящую из латиноамериканцев; она называла себя «Мексиканской мафией» и пользовалась авторитетом у заключенных как в мексиканских, так и в калифорнийских тюрьмах. Босх почти ничего не знал об этой группировке, поскольку не вел никаких дел, в которых были бы замешаны ее члены. Он не

подозревал, что верность групповым интересам насаждалась насильно, под страхом смерти.

— Откуда тебе все это известно? — спросил он.

— Долгие годы я работал с осведомителями и информаторами. С теми, кто остался в живых, чтобы все это рассказать. Мы собрали полную биографию Папы. Я даже знаю, что у него в гостиной висит портрет Элвиса на бархате.

— А какой знак у его баррио?

— В каком смысле — знак?

— Ну герб, эмблема...

— А-а... Дьявол. Дьявол с нимбом.

Босх допил пиво и оглядел бар. Неподалеку он заметил помощника окружного прокурора. Тот, как знал Гарри, был членом рабочей группы, санкционировавшей серию расследований по случаям применения полицией оружия. Прокурор сидел за столиком в гордом одиночестве и посасывал мартини через соломинку. За другими столиками сгрудились несколько копов — их лица были смутно знакомы Босху. Все это были динозавры, старослужащие управления. Гарри хотелось уйти и подумать о только что услышанном. Дьявол с нимбом святого — такую татуировку он видел на руке Мура. Значит, Кэл родом из тех же мест, что и Зорилло! Удивительное совпадение, если, конечно, это совпадение.

Босх почувствовал выброс адреналина.

— Как мне связаться с Рамосом?

— Пожалуй, я устрою так, чтобы он сам нашел тебя. Где ты остановишься?

— Еще не знаю.

— Остановись в Калексико, в отеле «Де Анса». По нашу сторону границы безопаснее, да и вода там лучше.

— Хорошо, так и сделаю.

— Вот что еще... Оружие через границу провозить нельзя. В общем-то это совсем не трудно — покажешь на контрольном пункте полицейский значок, и к тебе в багажник никто не полезет. Но если в Мексике произойдет какой-то инцидент со стрельбой, то следствие прежде всего проверит, оставил ли ты личное оружие в полицейском участке в Калексико или нет. — Корво многозначительно кивнул Босху. — В полицейском управлении Калексико есть специальный сейф; в нем они хранят

оружие копов, которые едут на ту сторону. Там ведут вполне легальный учет, так что тебе даже дадут квитанцию. Профессиональная этика, так сказать, поэтому мой тебе совет — сдай пушку в полицию, чтобы не тащить ее через КПП и не врать, будто ты оставил оружие дома. Оставь револьвер в Калексико и получи квитанцию — тогда у тебя не возникнет проблем. Усек? У тебя будет алиби для твоего ствола, если что-нибудь случится.

Босх кивнул. Он понял, на что намекал Корво.

Агент достал бумажник и протянул Гарри визитную карточку.

— Звони в любое время. Если не застанешь в конторе, значит, меня разыщут. Только назовись, а я предупрежу людей и оставлю записку, чтобы тебя непременно соединили со мной.

Босх заметил, что манера поведения Корво претерпела изменения. Теперь он говорил гораздо быстрее и ерзал на табурете. Босх решил, что агент пришел в возбуждение, узнав про «Энвиرو брид». Очевидно, Корво не терпелось приступить к делу. В зеркале Гарри увидел, что шрам на щеке агента потемнел, словно это был индикатор, изменявший цвет в зависимости от настроения хозяина. Корво перехватил его взгляд.

— Удар ножом. — Он коснулся шрама пальцами. — В Ситуатенахо. Я расследовал одно дело и работал под чужим именем. Мой пистолет был пристегнут к ноге, и тот парень полоснул меня, прежде чем я успел наклониться. У них там нет хороших больниц, где аккуратно справились бы с таким ранением, вот и заштопали кое-как. Теперь не могу работать нелегально — слишком уж у меня запоминающаяся физиономия.

Босх почувствовал, что Корво нравится рассказывать эту историю; его не обманула даже напускная небрежность, скрывающая обыкновенную браваду. Вероятно, это был единственный случай в карьере маленького агента, когда он действительно заглянул в глаза смерти. Босх прекрасно понимал, какого вопроса ждет от него Корво. Он спросил:

— А тот парень? Что он заработал?

— Кремацию за государственный счет. Я уложил его, как только дотянулся до своего пистолета.

Корво ухитрился придать героический оттенок истории об убийстве человека, который полез с ножом на вооруженного пистолетом агента. Он явно считал это подвигом, достойным мужчины. Видимо, Корво выкладывал эту историю каждый раз, когда замечал, что кто-то смотрит на его шрам. Босх уважительно покачал головой, слез с табурета и положил на стойку деньги.

— Не забудь про наш уговор. Без меня Зорилло не трогайте. И свяжись с Рамосом, предупреди его.

— Конечно, сделка есть сделка, — откликнулся Корво. — Но я не гарантирую, что мы предпримем решительное наступление в ближайшее время, пока ты будешь в Мексике. Вообще-то мы не намерены спешить. К тому же мы потеряли Зорилло. Не сомневаюсь, это временно, но все же...

— Что значит — потеряли?

— Вот уже дней десять наши наблюдатели не видели его. Впрочем, мы почти уверены, что он все еще на ранчо. Просто Зорилло временно залег на дно, пытается преодолеть свои привычки.

— Привычки?

— Папа любит показываться на людях, к тому же ему нравится дразнить нас. Обычно он объезжает свое ранчо на джипе, охотится на койотов, причем палит в цель из «узи», и любит быками. У него, кстати, есть один замечательный зверь, настоящий чемпион, однажды убивший матадора. Быка зовут Эль-Темблар. Зорилло часто ездит посмотреть на него. Думаю, он считает, что эта гордая и свирепая зверюга чем-то похожа на него самого.

Как бы там ни было, но Зорилло в последнее время не видно на ранчо Пласа де лос Торос, куда он прежде отправлялся каждое воскресенье. Не объезжал он и окрестные баррио, что раньше проделывал довольно регулярно — наверное, чтобы напомнить себе, кто он такой и откуда вышел. В поселках Зорилло самая известная фигура. Там-то его и прозвали Римским Папой Мехикали.

Босх попытался представить себе жизнь Зорилло. Самый знаменитый человек в городе, не признающий знаменитостей.

Гарри закурил сигарету. Ему очень хотелось поскорее обратиться отсюда.

— Когда его точно видели в последний раз?

— Если Зорилло все еще на месте, то он не показывался на территории ранчо с пятнадцатого декабря, воскресенья, когда присутствовал на бое быков. Там его видели в последний раз. По сообщениям информаторов, приближавшихся к усадьбе, он был у себя и восемнадцатого. Потом сообщения прекратились. Либо Зорилло скрылся, либо отлеживается у себя в берлоге, как я и говорил.

— Может, потому, что он приказал убрать копа?

Корво мрачно кивнул.

Босх ушел один. Агент остался, сказав, что ему нужно позвонить. Гарри вышел на порог, вдохнул прохладный ночной воздух и в последний раз затянулся сигаретой. Вдруг ему почудилось какое-то смутное движение в темноте парка на противоположной стороне улицы, и один из бездомных — явный псих — выскочил в белый конус света от уличного фонаря. Этот чернокожий высоко задирал худые колени и совершал руками порывистые, резкие движения. На глазах Босха он резко повернулся и промаршировал обратно во тьму — тромбонист невидимого оркестра, играющего где-то в другом мире.

Глава 18

Многоквартирный трехэтажный дом, где жил Кэл Мур, стоял наискосок к бульвару Франклин. В этой части города он был одним из многочисленных домов послевоенной постройки, украшенных безвкусной лепниной. Сам район носил название «Тепперо» и некогда славился своими фонтанами, однако ныне их заполнили землей и превратили в цветочные клумбы.

Дом Мура находился примерно в одном квартале от особняка, где разместилась штаб-квартира Церкви сайентологии, о чем извещал мудреный неоновый символ, заливавший тротуар неестественным белым светом. Было около десяти вечера, и

Гарри не боялся, что кому-нибудь из последователей Рона Хаббарда придет в голову подвергнуть его личность анализу. Стоя на тротуаре, он курил и долго рассматривал дом Мура, прежде чем решил сделать то, зачем сюда приехал.

Обычно считалось, что такие дома особенно надежны, но Гарри быстро убедился, что это не так. Замок на воротах палисадника Босх открыл простым столовым ножом, лежавшим в перчаточнице вместе с отмычками. С замком на двери подъезда возиться вообще не пришлось: он так сильно нуждался в смазке, что подпружиненный язычок не вошел в гнездо и дверь осталась не заперта. Босх вошел в подъезд, просмотрел список жильцов на стене и увидел, что Мур занимал квартиру номер семь на третьем этаже.

Седьмой номер оказался в самом конце коридора, делившего этаж пополам. Остановившись у дверей, Босх увидел, что квартира опечатана приклеенной к косяку полоской бумаги с полицейской печатью. Отлепив ее лезвием перочинного ножа, висевшего у него на цепочке для ключей, Босх опустился на колени, чтобы взглянуть на замок. В коридор выходили двери еще двух квартир, но как Гарри ни прислушивался, он не уловил ни звука работающего телевизора, ни голосов. Лампы под потолком давали достаточно света, поэтому потайной фонарь ему не понадобился. На двери Мура оказался стандартный английский замок со штырьковым механизмом засекречивания. С помощью изогнутого отжима и крючка Босх расправился с ним за две минуты.

Обернув руку носовым платком, Гарри взялся за ручку двери и вдруг подумал о том, как сильно он рискует, вламываясь сюда. Если об этом пронюхают Ирвинг или Паундс, то не успеет он оглянуться, как снова станет простым патрульным.

Еще раз окинув взглядом коридор, Босх открыл дверь. Он должен исполнить задуманное, поскольку всем остальным, похоже, плевать на то, что случилось с Калексико Муром. Ничего удивительного Босх в этом не усматривал; резон интересоваться этим делом был только у него, и он надеялся найти в квартире покойного сержанта ответы на некоторые свои вопросы.

Войдя в квартиру, Гарри запер за собой дверь и постоял в прихожей, давая глазам привыкнуть к темноте. В комнатах пах-

ло пылью и застоявшимся воздухом. Мрак был бы полным, если бы бело-голубой свет неоновой вывески штаб-квартиры сайентологии не просачивался в гостиную сквозь легкие шторы на окне.

Босх прошел в комнату и включил настольную лампу, стоявшую на расшатанном столе возле древнего продавленного дивана. При свете Босх заметил, что квартира обставлена мебелью, купленной лет двадцать назад. Сине-голубой синтетический ковер на полу протерся до волокон, четко обозначивших два основных маршрута — от дивана в кухню и в коридор, ведущий вправо.

Босх сделал еще несколько шагов и быстро заглянул на кухню, в ванную комнату и в спальню. Царившая здесь пустота неприятно поразила его. В квартире не было ничего личного — ни картин на стенах, ни записок на холодильнике, ни куртки, небрежно брошенной на спинку стула. Даже в раковине не оказалось никакой посуды. Мур жил здесь, но квартира выглядела так, словно никакого Мура никогда не существовало.

Босх понятия не имел, что именно ищет, поэтому начал осмотр с кухни, поочередно открывая шкафчики и выдвигая ящики. Здесь он нашел только коробку манной крупы, жестянку с кофе и бутылку виски «Эрли таймс», на три четверти пустую. В соседнем шкафчике стояла неоткупоренная бутылка сладкого рома с мексиканской этикеткой. В роме плавал стебель сахарного тростника. В ящиках лежал стандартный набор мелкой кухонной утвари, столовые приборы и несколько упаковок спичек из голливудских баров — таких как «Пуля» или «Порт».

В морозильнике не было ничего, кроме двух поддонов для льда. На верхней полке Босх нашел баночку засохшей горчицы, недоеденную упаковку болонской колбасы, покрытой скользкой плесенью, и одинокий «Будвайзер», на горлышке которого повис пластиковый воротничок от упаковки на шесть бутылок. На нижней полочке двери стоял двухфунтовый пакет сахара «Домино».

Гарри внимательно осмотрел пакет. Он не был вскрыт, и Босх слегка помешкал, но потом подумал: какого черта! Он и так уже зашел слишком далеко. Разорвав упаковку, Гарри медленно высыпал песок в раковину. На вид это был обычный са-

хар, на вкус — тоже. Включив горячую воду, Босх смотрел, как белая горка в раковине тает и утекает в трубу.

Пустой пакет он оставил на столе, а сам отправился в ванную. В держателе Босх обнаружил щетку, а в зеркальном шкафчике — бритвенные принадлежности. Ничего больше.

В спальне он прежде всего исследовал стенной шкаф. На распорках висела самая разная одежда, еще больше ее оказалось в пластмассовой корзине на полу. На полке лежали плоский зеленый чемодан и белая коробка из-под обуви с напечатанной на крышке надписью «Снейки». Для начала Гарри вытряхнул на пол корзину с грязным бельем и проверил содержимое карманов рубашек и штанов, но ничего не нашел. Потом стал проверять одежду, висевшую на вешалках, и в самой глубине наткнулся на парадную форму Мура в пластиковом чехле. Босх знал, что после того, как коп уходил из патруля, парадная форма могла понадобиться ему только в одном случае — на похороны. Привычку хранить форменный мундир и брюки Гарри суеверно считал дурным знаком, указывающим на недостаточную уверенность в своих силах. Разумеется, в соответствии с инструкцией управления он тоже хранил комплект формы, ибо ее полагалось надевать в случае гражданского кризиса или каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств вроде мощного землетрясения или восстания. Однако синюю парадную форму Босх выбросил лет десять назад.

Аккуратно вскрыв чемодан, Гарри убедился, что он пуст. Из-под крышки на него пахнуло чем-то затхлым, из чего следовало, что чемоданом не пользовались уже довольно давно. Взявшись за коробку из-под ботинок, Босх понял, что и там ничего нет, еще до того, как открыл крышку. В коробке лежала только упаковочная бумага.

Убирая коробку на полку, Гарри вспомнил сапог Мура, стоявший на кафельном полу в ванной мотеля, и задумался, легко или трудно было убийце стащить его с ноги трупа, чтобы создать видимость самоубийства. Или он приказал Кэлу самому снять обувь? Поразмыслив, Босх пришел к заключению, что последнее маловероятно. Удар по затылку, следы которого обнаружила Тереза, указывал на то, что Мур скорее всего пропустил момент нападения.

Воображение тут же нарисовало Босху следующую картину: убийца, лицо которого скрыто в тени, подкрадывается к Муру сзади и бьет его по затылку прикладом ружья. Мур падает, убийца снимает с него сапог, волочит потерявшего сознание копа в ванную комнату, прислоняет к ванне и нажимает на спусковые крючки. Потом тщательно вытирает их, прикладывает большой палец трупа к ложу ружья, а ладонями возит по стволу, чтобы получить смазанные отпечатки. Затем ставит сапог рядом с убитым, добавляет щепку от приклада — и все готово. Самоубийство.

Кровать в спальне была не застелена. На тумбочке в изголовье лежало два доллара мелочью и стояла небольшая фотография Мура и Сильвии в рамочке. Босх наклонился и рассмотрел снимок, не прикасаясь к нему. Похоже, фотограф снял их в ресторане или даже за свадебным столом. Сильвия улыбалась; она была прекрасна, а муж смотрел на нее такими глазами, словно отлично это понимал.

— Ты облажался, Кэл, — пробормотал Гарри.

Затем он перешел к бюро — такому старому, испещренному следами от окурков и обезображенному вырезанными ножом инициалами, что от него отказалась бы, наверное, и Армия спасения — и открыл верхний ящик. Здесь лежали расческа и рамка для фотографий, вырезанная, похоже, из вишневого дерева. Она была повернута лицевой стороной вниз, но когда Босх поднял ее, оказалось, что она пуста. Некоторое время он размышлял, что это значит. Рамка, украшенная резным растительным орнаментом, стоила недешево и вряд ли осталась в квартире от прежних жильцов. Значит, Мур привез ее с собой; тогда почему же она пуста? Босху очень хотелось выяснить у Шиэна, не он ли забрал эту фотографию для расследования, но он не мог сообразить, как это сделать, не признаваясь в том, что он побывал в опечатанной квартире.

В следующем ящике он обнаружил нижнее белье, носки и несколько маек. В третьем опять оказалась одежда: стопка свежих, только что из прачечной, рубашек, а под ней — эротический журнал. Рекламный текст на обложке сообщал, что внутри помещены фотографии известной голливудской актрисы в negligee. Босх быстро пролистал журнал, скорее из любопытства, чем в надежде найти между страниц что-нибудь интересное.

Он не сомневался, что журнал побывал в руках у всех детективов и копов, посетивших квартиру в процессе расследования исчезновения Мура.

На журнальных фотографиях, темных и крупнозернистых, Босх едва разобрал, что актриса снята без лифчика, и положил журнал на место. Очевидно, эти кадры издатель позаимствовал из ранних фильмов звезды, сделанных еще до того, как она стала пользоваться успехом и сама управляла процессом эксплуатации своего тела. Гарри вообразил разочарование мужчин, польстившихся на заманчивую рекламу на обложке и наткнувшихся на эти низкосортные снимки, а также негодование актрисы. «Интересно, чем были эти снимки для Кэла Мура?» — спросил он себя, и перед его мысленным взором промелькнуло лицо Сильвии. Гарри затолкал журнал подальше под рубашки и закрыл ящик.

В самом нижнем ящике бюро хранилось всего две вещи — вылинявшие голубые джинсы и белый конверт из плотной бумаги, от старости ставший совсем мягким. Из конверта выглядывала толстая пачка фотографий.

Вот за этим он и пришел! Босх понял это, как только взял конверт в руки. Задвинув ящик пинком ноги, он вернулся в гостиную, на ходу погасив свет в спальне, и устроился на диване рядом с настольной лампой.

Закурив сигарету, Босх достал фотографии из конверта. Ему сразу бросилось в глаза, что большая часть их пожелтела и выцвела. Они почему-то показались Гарри более интимными, чем снимки из журнальчика, и он не без смущения взял их в руки. Эти фотографии отражали историю несчастливой жизни Калексико Мура.

С самого начала Гарри заподозрил, что снимки разложены в хронологическом порядке. Первыми шли пожелтевшие и полинявшие черно-белые фотографии, только потом начали попадаться цветные. Другие приметы — такие как фасон одежды и марки автомобилей — тоже указывали, что его догадка верна.

На первом черно-белом снимке Босх увидел молодую женщину, по виду испанку, в некоем подобии униформы сиделки. Смуглая, темноволосая и очень красивая, она задорно, по-детски улыбалась. Вместе с тем лицо ее выражало легкое удивле-

ние. Молодая женщина стояла на краю бассейна, спрятав руки за спиной, и Босх увидел часть какого-то округлого предмета. Присмотревшись внимательнее, он понял, что она держала за спиной поднос. Фотографироваться с Муром ей явно не хотелось. Значит, она была не сиделкой, а горничной. Служанкой.

В пачке были и другие ее фотографии, сделанные в разные годы. Время проявило благосклонность к этой женщине, но возраст все же сказывался. Экзотическая южная красота осталась, но возле рта залегли морщины, а взгляд утратил теплоту. На нескольких ранних снимках она держала на руках ребенка, а на более поздних — позировала с мальчиком. Босх взгляделся пристальнее и даже на старом черно-белом снимке увидел необычайно светлые глаза у смуглокожего мальчугана. Зеленые, вспомнил Босх. Перед ним был Калексико Мур с матерью.

На одной фотографии женщина и ее маленький сын снялись на фоне большого белого дома, крытого испанской черепицей. Он выглядел как вилла на побережье Средиземного моря. Прямо за их спинами вздымалась высоко вверх башня внушительных размеров. Она была вне фокуса, но Босх рассмотрел почти под самой крышей два узких темных окна, напоминающих пустые глазницы. Замок... Калексико Мур рассказывал своей жене, что рос в замке. Очевидно, это было то самое место.

Еще на одном снимке уже знакомый Босху мальчик застыл, неестественно выпрямившись, рядом со взрослым мужчиной. Этот человек со светлыми, слегка вьющимися волосами, несомненно, принадлежал к белой расе, к англосаксонскому типу, хотя загорел почти до черноты. Они снялись возле изящного автомобиля, в котором Босх опознал «тандерберд» конца пятидесятых. Мужчина, опираясь одной рукой на капот, а вторую положив на голову мальчика, подмигивал в объектив, и вся его поза словно говорила: «Это принадлежит мне!»

На этом черно-белом снимке Босх рассмотрел его глаза, такие же светло-зеленые, как у сына. Волосы на макушке мужчины уже редели, и Гарри, сравнивая этот снимок с фотографией, запечатлевшей Мура с матерью — а оба снимка, похоже, относились к одному времени, — подумал, что отец Кэла был старше его матери лет на пятнадцать. Кроме того, Босх подме-

тил, что фото, где Кэл снялся с отцом, самое потертое и больше других обтрепалось по краям.

Следующие фотографии были сделаны, видимо, в Мехикали и отражали более протяженный по времени период. Мальчик, изображенный на них, все больше выросл, фоном служили унылые пейзажи, характерные для неблагополучной в экономическом отношении страны «третьего мира». Босх решил, что это наверняка баррио. На заднем плане чаще всего фигурировали не строения, а группы людей, явно мексиканцев, и на всех лицах лежала та печать отчаяния и смутной надежды, которую Босх порой подмечал в глазах обитателей лос-анджелесских гетто.

Мальчик на этих фотографиях был другим; примерно того же возраста или чуть постарше, он выглядел сильнее и выносливее. Сложением и пропорциями лица он напоминал Калексико Мура, и Босх впервые подумал о том, что у Кэла, возможно, был брат.

Именно среди этих фотографий Босху впервые попались снимки стареющей матери Мура. Юная девушка, в смущении прятавшая за спину поднос служанки, исчезла; ее сменила женщина с суровым лицом, привыкшая к тяготам и лишениям. Эти снимки нагоняли тоску, и Босху было нелегко досмотреть их до конца. Кажется, он начинал понимать, почему Мур снова и снова возвращался к ним.

Последнее черно-белое фото удивило Гарри. Оно запечатлело обоих мальчиков. Голые по пояс, они сидели спина к спине на вынесенном в сад столе для пикника и смеялись. Калексико-подросток казался совсем юным, а его улыбка — простодушной и бесхитростной; второй мальчуган, хоть и выглядел старше всего на год-полтора, разительно отличался от брата мрачным и жестким, как у взрослого, взглядом. На снимке Кэл сгибал руку, демонстрируя фотографу тощий мальчишеский бицепс. Босх пригляделся и ясно увидел на предплечье татуировку в виде дьявольской маски с нимбом. Святые и Грешники...

На следующих снимках второй подросток больше не появлялся. Все это были цветные фотографии, сделанные в Лос-Анджелесе. На заднем плане Босх видел то Сити-холл, то фонтан в Эко-парке. Мур и его мать переехали в Соединенные

Штаты. Второй мальчик — кем бы он ни был — остался где-то в другом месте и в другом мире, далеко позади.

Потом мать тоже перестала попадаться на снимках, и Босх подумал, что она, должно быть, умерла. Последние две фотографии запечатлели Калексико взрослым мужчиной. На одной из них Мур снялся сразу после выпуска из полицейской академии. Это был групповой снимок только что приведенных к присяге полицейских. Они собрались на поросшей травой лужайке у стен учебного корпуса, впоследствии переименованного в аудиторию имени Дэрила Ф. Гейтса. Молодые копы бросали в воздух новенькие форменные фуражки. Мур стоял в толпе, положив руку на плечо однокашника, и улыбался. Лицо его выражало искреннюю радость.

На втором, последнем, снимке Мур в парадной форме, улыбаясь, обнимал Сильвию, а она прижималась к нему щекой. Босх отметил, что тогда кожа ее была глаже, глаза — ярче, а волосы гуще и длиннее. И все же Сильвия очень походила на себя теперешнюю, все еще красивую и привлекательную, хотя и зрелую женщину.

Босх засунул снимки в конверт и положил рядом с собой на диван. Глядя на потертый пакет, он задумался, почему для них не нашлось альбома, почему ни один не висел на стене. Почему Мур хранил свою жизнь в старом бумажном конверте, почти истлевшем от старости?

Ему казалось, что он знает причину. У самого Босха было полно фотографий, но он ни за что не наклеил бы их в альбом. Просматривая эти снимки, Гарри ощущал внутреннюю потребность держать их в руках. Для него старые фотографии были чем-то большим, нежели картинками из другого времени. Каждый снимок казался ему частицей жизни, которая непременно остановится, если прошлое будет похоронено и забыто.

Босх протянул руку к настольной лампе и выключил ее. Потом он закурил, задумчиво наблюдая за тем, как мерцает в темноте оранжевый огонек. Босх размышлял о Мексике и о Калексико Муре.

— Ты облажался, Кэл... — снова пробормотал он. — Ты потерял все.

Свое желание войти в эту квартиру Босх объяснял необходимостью «почувствовать» Калексико Мура. Это оправдывало риск: он сознавал, что ждет его, если о его визите сюда кто-нибудь узнает. Но теперь, сидя в темноте на продавленном диване, Гарри понял, что у него была и другая причина. Он пришел сюда потому, что хотел уяснить себе течение жизни, которое нельзя было уяснить в принципе. То есть, конечно, можно, но ответы на все вопросы знал только Калексико Мур. А Мур умер.

Гарри посмотрел на отблески неонового огня на занавесках, и они напомнили ему призраков. Босх вспомнил обтрепанное, выцветшее до желтизны фото, запечатлевшее Кэла с отцом, и подумал о своем отце, которого никогда не знал и с которым встретился, когда тот лежал на смертном одре. Впрочем, тогда ему уже было поздно менять свою жизнь.

Вдруг Босх услышал, как в замочную скважину на входной двери проник снаружи ключ. Вскочив, он с револьвером в руке метнулся в коридор. Сначала Гарри хотел спрятаться в спальне, но потом перебежал в ванную комнату, потому что оттуда лучше просматривалась гостиная. Сигарету он бросил в унитаз и услышал, как она зашипела и потухла.

Входная дверь отворилась. После нескольких секунд тишины в гостиной вспыхнул свет. Поспешно отступив в самый темный угол ванной, Босх увидел в зеркале аптечки Сильвию Мур. Она стояла в центре комнаты и озиралась по сторонам с таким видом, словно оказалась здесь впервые. Потом взгляд ее упал на пакет с фотографиями. Наклонившись, Сильвия взяла его в руки, достала снимки и стала их просматривать. Босх, наблюдавший за ней из укрытия, заметил, что внимание Сильвии задержалось на последнем — на том, где Мур был снят с ней. Рука ее поднялась вверх и коснулась щеки, словно проверяя, какой след оставили на лице годы.

Закончив, Сильвия убрала фотографии в пакет и положила его на диван. Из комнаты она направилась в коридор, и Босх отступил еще глубже, беззвучно шагнув через бортик в ванну. Теперь свет горел и в спальне, и он услышал, как открывается дверца стенного шкафа. Заскрежетали по перекладине проводочные крючки вешалок, зашуршала бумага. Гарри убрал револьвер в кобуру и, выбравшись из ванны, вышел в коридор.

— Миссис Мур? Сильвия? — негромко окликнул он, не зная, как привлечь внимание, не испугав ее.

— Кто здесь? — донесся до него высокий, дрожащий голос.

— Это я, детектив Босх. Не бойтесь.

Сильвия вышла из спальни; в глазах ее застыл страх. В руках она держала плечики, на которых висела парадная форма ее покойного мужа.

— Господи, как вы меня напугали! Что вы тут делаете?

— Точно такой же вопрос я собирался задать вам.

Сильвия прижала форму к себе, словно Босх застал ее полураздетой, и попятилась в спальню.

— Вы следили за мной? — тихо спросила она. — Что происходит?

— Нет, я не следил за вами. Я был уже здесь, когда вы вошли.

— И сидели в темноте?

— Да, сидел и думал. Услышав, что кто-то открывает дверь, я спрятался в ванной, а потом, когда увидел вас, не знал, как выйти, чтобы не напугать. Простите. Вы напугали меня, а я — вас.

Сильвия кивнула. На ней была светло-голубая блузка и темно-синие джинсы, волосы собраны сзади в пучок, так что стали видны серьги с розовым камнем. В левом ухе оказалась и вторая серьга — в виде серебряного полумесяца со звездой у нижнего кончика серпа. На губах ее появилась вежливая улыбка, и Босх вдруг вспомнил, что не побрился.

— Вы подумали, что это убийца, верно? — спросила Сильвия, поскольку Босх молчал. — Убийца возвращается на место преступления.

— Может быть... То есть нет, я и сам не знаю, что подумал. К тому же это не место преступления...

Босх кивком головы указал на парадную форму, которую Сильвия прижимала к себе.

— Завтра я должна отнести это «Братьям Макэвой». — Вероятно, Сильвия заметила тень, пробежавшую по лицу Босха. — Я знаю, его положат в закрытый гроб, но по-моему, ему хотелось бы, чтобы его хоронили в парадной форме. Мистер Макэвой сам попросил меня об этом. — Гарри кивнул. Они разговаривали, стоя в коридоре, и он первым по-

шел в гостиную. — Какие новости у вас в управлении? Как они намерены решить этот вопрос? С похоронами, я имею в виду...

— Кто знает? — Босх пожал плечами. — Пока говорят, что Мур погиб при исполнении служебного долга.

— Значит, Кэла ждет грандиозное шоу.

— Скорее всего.

Прощание с героем, подумал Босх. Управление никогда не станет публично заниматься самобичеванием и не объявит во всеуслышание, что скверные люди убили плохого копа за совершенные им неблагоприятные поступки. Если, конечно, обстоятельства не вынудят начальство признать это. Так будет, пока похороны полицейского-героя, торжественные, помпезно обставленные, останутся костью, которую полиция может швырнуть прессе, чтобы потом пожинать урожай слезливых, сентиментальных репортажей по всем семи телеканалам сразу. Управление отчаянно нуждалось в том, чтобы завоевать популярность.

Кроме того, Босх понимал, что, если Мура признают погибшим при исполнении служебных обязанностей, вдова получит право на полную пенсию. Если бы Сильвия надела траур и, в нужные моменты промокая глаза платочком, держала рот на замке, то обеспечила бы себе пожизненные выплаты. С любой точки зрения это неплохая сделка. Если Сильвия действительно написала на мужа в ОВР, то теперь, настаивая на продолжении расследования или предав огласке известные ей факты, она потеряет право на пенсию. Тогда управление заявит, что Мур погиб в связи с деятельностью, не входящей в круг его непосредственных служебных обязанностей. И вопрос о пенсии будет снят автоматически. Босх не сомневался в том, что Сильвия это понимает.

— Когда похороны? — спросил он.

— В понедельник, в час дня. В миссионерской церкви Сан-Фернандо. Погребение состоится на Оуквудском кладбище, в Четсворте.

«Ага, — подумал Босх. — Если управление намерено устроить спектакль, это самое подходящее место». Две сотни копов на мотоциклах и полицейских машинах, движущиеся в траурной процессии по Вэлли-серкл, всегда производили солидное

впечатление и неизменно давали сюжет для фотографий на первых полосах газет.

— Миссис Мур, — спросил Гарри, — почему вы пришли за формой мужа так поздно... — Он посмотрел на часы. — В десять сорок пять?

— Называйте меня Сильвия.

— Хорошо.

— Честно говоря, не знаю. Я не спала — совсем не спала — с тех пор, как... как его нашли. Почему-то мне вдруг захотелось проехаться, да и ключ от квартиры мне вернули только сегодня.

— Кто дал вам ключ?

— Заместитель начальника полиции Ирвинг. Он приехал ко мне, сказал, что они закончили с квартирой и, если мне что-то понадобится из вещей, я могу их забрать. Но мне ничего не было нужно. Я вообще надеялась, что мне не придется идти сюда, но тут позвонил мистер Макэвой из ритуальных услуг. Он сказал, что ему нужна парадная форма. Вот я и решила...

Босх взял с дивана конверт с фотографиями и протянул его Сильвии.

— А это? Они вам тоже не нужны?

— Пожалуй, нет.

— Вы видели эти снимки раньше?

— Кажется, да, но не все. Одни мне знакомы, других я никогда прежде не видела.

— Почему человек всю жизнь хранит свои фотографии, но некоторые из них не показывает даже жене?

— Не знаю.

— Странно. — Гарри открыл конверт и, перебирая снимки, спросил:

— Кстати, вы не знаете, что стало с его матерью?

— Она умерла еще до того, как мы познакомились. Опухоль мозга. Кэл говорил, что тогда ему было около двадцати.

— А отец?

— Он сказал мне, что его отец умер, но не знаю, правда ли это. Кэл ни разу не упоминал о том, когда и от чего он умер. Я спросила, но он ответил, что не хочет говорить на эту тему.

Босх показал ей фото двух подростков, сидящих на столе.

— А это кто?

Сильвия подошла ближе и посмотрела на снимок. Босх заметил в ее глазах зеленые искорки и ощутил легкий запах духов.

— Может быть, какой-то его товарищ.

— У него не было брата?

— Нет. Он ни разу не упоминал об этом. Когда мы поженились, Кэл сказал, что я — вся его семья. Он... у него не было никого, кроме меня.

Босх тоже посмотрел на фотографию.

— А мне показалось, что они чем-то похожи. — Сильвия не ответила. — А как насчет татуировки?

— А что насчет татуировки?

— Кэл никогда не рассказывал, когда и где ее приобрел и что она означает?

— Он говорил, что ему сделали ее в поселке, где он вырос. Кэл тогда был совсем мальчишкой. Я почему-то думаю, что это было мексиканское баррио. Они называли его Святые и Грешники. Именно это и обозначала татуировка — Святых и Грешников. Кэл говорил, это потому, что люди, жившие там, не знали, кто они такие и кем станут.

Босх подумал о записке, найденной в кармане Мура: «Теперь я знаю, кто я такой». Интересно, понимает ли Сильвия значение этой последней записки, применительно к жестоким традициям и обычаям того места, где вырос Мур и где каждому молодому человеку приходилось в конце концов узнать, кто он — святой или грешник...

— Кстати, вы так и не объяснили мне, почему оказались в квартире. Сидели в темноте и думали?... Для этого нужно было прийти сюда? — спросила Сильвия.

— Я пришел сюда оглядеться. Я надеялся, что мне удастся понять что-то важное, лучше почувствовать вашего мужа... Это глупо звучит, да?

— Только не для меня.

— Значит, вы поймете...

— Ну и как? Вам удалось что-нибудь выяснить?

— Пока не знаю. Иногда на это нужно время.

— Я спрашивала о вас у Ирвинга. Он сказал, что вы не имеете к этому делу никакого отношения. В ту ночь он прислал вас

ко мне только потому, что другие детективы были заняты — отбивались от репортеров и занимались... телом.

Босх ощутил, как в груди у него закипают буйное ребяческое волнение и восторг. Она спрашивала о нем! Теперь не имело никакого значения, знает или не знает Сильвия, что он занимается расследованием по собственной инициативе. Главное, что она навела о нем справки.

— Отчасти это верно, — ответил он, стараясь успокоиться. — С формальной точки зрения я действительно не занимаюсь этим делом, однако у меня в производстве находятся два других случая, вероятно, тесно связанных со... с этим прискорбным событием.

Пока он говорил, Сильвия не отрывала от него взгляда. Босх видел, что ей очень хочется спросить, какие два дела он расследует, но, будучи женой полицейского, она знала правила. Теперь Гарри не сомневался: Сильвия не заслужила того, что на нее свалилось. Ничего-ничегошеньки.

— Это ведь были не вы? — спросил он. — Не вы написали анонимное письмо в ОВР? — Сильвия покачала головой. — Но они не поверили вам. Они считают, что это вы заварили всю кашу.

— Я не делала этого.

— Что сказал вам Ирвинг, когда давал ключ от квартиры?

— Сказал, что, если мне нужна пенсия, я должна оставить все как есть. Ничего больше не выдумывать. Как будто я действительно что-то сделала. Это не так, Босх. Я чувствовала, что Кэл оступился. Мне не было известно, что именно он сделал, — просто я знала, и все. Жены обычно чувствуют такие вещи, им не надо ничего объяснять словами. И это окончательно разрушило наши отношения.

Но никакого письма я не посылала и до конца оставалась женой копа. Ирвингу и тому парню, который приходил до него, я объяснила, что они ошиблись, но им было наплевать. Им был нужен Кэл.

— Вы говорили, что Частин приходил расспрашивать вас о письме...

— Да.

— Чего конкретно он добивался? С ваших слов я помню, что он хотел осмотреть дом.

— Частин показал мне письмо и сказал, будто знает, что это я его написала. Он убеждал меня рассказать ему все без утайки. Но я ответила, что ничего не писала, и выставила его вон. Но он ушел не сразу.

— Что говорил Частин?

— Я... я не совсем хорошо запомнила. Кажется, ему нужны были извещения банка о движении денег на счетах, и еще он хотел знать, какой собственностью мы владеем. Похоже, Частин считал, что я жду не дождусь, пока он появится: сдать ему мужа с потрохами. Еще ему понадобилась пишущая машинка, но я сказала, что у нас ее нет. После этого я вытолкала его за дверь.

Босх кивнул и постарался связать услышанное с уже известными ему фактами, но у него ничего не получалось. Мысли в голове носились, словно обрывки бумаги, подхваченные вихрем, и не желали ложиться на место.

— Не помните, что конкретно говорилось в письме?

— Я не читала его. Частин не показывал мне письмо, поскольку он и другие по-прежнему полагают, будто я сама его написала. Я успела прочесть лишь несколько строчек, прежде чем он убрал письмо в кейс. Там говорилось, что Кэл прикрывает мексиканцев, покровительствует им. А в другом месте говорилось, что он заключил сделку, достойную доктора Фауста... Вы ведь знаете, что это такое? Сделка с дьяволом.

Босх кивнул. Последние слова Сильвии напомнили ему о том, что она преподает литературу. Кроме того, он вдруг осознал, что они вот уже минут десять стоят в гостиной, однако не сел. Босху казалось, что, сделав он неосторожное движение, колдовские чары разрушатся и Сильвия исчезнет.

— Сомневаюсь, — продолжала Сильвия, — что я решилась бы прибегнуть к подобным аллегориям, если бы писала это письмо сама, но по сути автор прав. Я утверждаю, что не знала ни раньше, ни сейчас, где и как остутился Кэл, но чувствовала: что-то происходит. Я видела, как это подтачивало его изнутри. Однажды, до того, как мы расстались, я спросила у Кэла, что случилось. Он ответил, что совершил ошибку и постарается сам исправить ее. О подробностях он не распространялся. Кэл закрылся даже от меня...

Сильвия опустила на краешек кресла и положила парадную форму Мура себе на колени. Босх сел на диван, рядом с пакетом фотографий.

— Ирвин и Частин... — промолвила Сильвия. — Они не верят мне и просто кивают, когда я что-то им говорю. По их словам, в письме слишком много личных деталей, таких, которые не может знать посторонний. Значит, его написала я — больше некому. А в это время, наверное, кто-то радуется и потирает руки. Тот, чье письмо погубило Кэла.

Босх подумал о Каппсе и о том, много ли он знал о Муре, чтобы состряпать такое письмо. Подставил же он Дэнса; разве не мог Каппс попытаться подставить сначала Мура? Впрочем, этот вариант казался Гарри маловероятным. Скорее уж письмо написал Дэнс, жаждавший вскарабкаться на ступеньку выше, чему мешал Мур.

Потом Босх вспомнил про жестянку с кофе, которую видел на кухне. Не предложить ли его Сильвии? Ему очень не хотелось расставаться с ней. Даже закурить он не решился, опасаясь, что она попросит его не делать этого.

— Не хотите ли кофе? — решил он наконец. — Я сварил бы нам по чашечке — на кухне я видел банку.

Сильвия посмотрела в сторону кухонного блока так, словно решение зависело от того, где находится кухня и чисто ли она прибрана. Все же от кофе она отказалась, сказав, что не собиралась задерживаться здесь.

— Завтра я уезжаю в Мексику, — сказал Босх.

— В Мехикали?

— Да.

— Это... другие расследования?

— Да.

И Гарри рассказал ей о том, что тревожило его. О «черном льде», о Джимми Каппсе, о шестьдесят седьмом «Хуане» и ни точках, связывающих оба убийства с ее мужем и Мехикали. Именно там Босх надеялся распутать весь клубок.

— Как видите, такие, как Ирвинг, хотели бы, чтобы все разрешилось само собой. Им наплевать, кто убил Кэла, потому что он перешел на другую сторону. Они списали его, как списывают в банках невозвращенные кредиты. Они не желают

доводить это расследование до конца, боясь потерять лицо. Понимаете, о чем я?

— Конечно, ведь я была женой копа.

— Верно. Значит, вы догадываетесь, почему им все равно, а мне нет. Ваш муж собирал для меня материалы, касающиеся «черного льда». Возможно, он пытался хоть таким способом сделать что-то хорошее. Наверное, Кэл надеялся совершить то, что не удастся никому — пересечь границу в обратном направлении. Это его и убило. А коли так, я не дам спустить дело на тормозах.

Они долго молчали. Лицо Сильвии выражало боль, но глаза оставались пронзительными и сухими. Она машинально поправила на коленях форму, и пластиковый чехол негромко зашуршал. Босх вдруг услышал вдали стрекот полицейского вертолета.

— Черный лед, — прошептала Сильвия.

— Что? — не понял Босх.

— Смешно, — сказала Сильвия и снова замолчала. Гарри показалось, что она осматривает комнату так, словно только осознала, где поселился ее муж после того, как они расстались. — Черный лед, — повторила она. — Я росла на побережье, в основном в Сан-Франциско, и нас все время предупреждали, чтобы мы остерегались черного льда. — Сильвия посмотрела на Босха и, видимо, заметила, что он в замешательстве. — Черным льдом во Фриско называют наледь, появляющуюся на дорогах зимой, когда становится холодно. Дождевая вода замерзает на асфальте, и шоссе превращается в каток. На черном покрытии лед совершенно не виден. Помню, как отец, когда учил меня водить машину, повторял: «Берегись черного льда, девочка. Он очень коварен: ты не видишь опасности, пока не попадешь в беду. А тогда уже поздно. Ты уже не контролируешь ситуацию». — Она улыбнулась воспоминанию. — Но это был другой черный лед. Я знала только такой лед — во всяком случае, пока росла. Точно так же и кока-колу мы называли содовой водой. Со временем значение слов меняется.

Гарри взглянул на нее. Ему захотелось обнять Сильвию, ощутить щекой мягкое тепло ее щеки.

— А твой отец не учил тебя опасаться черного льда? — спросила Сильвия, незаметно перейдя на ты.

— Я не знал отца. А водить машину выучился сам. — Она молча кивнула, но не отвела взгляда. — Мне понадобилось целых три машины, чтобы научиться, — продолжил Босх. — Когда я овладел этой наукой, мне уже никто не хотел давать свой автомобиль. И никто не предупреждал насчет черного льда.

— Я предупредила.

— Спасибо.

— Ты тоже держишься за свое прошлое, Гарри? — спросила Сильвия. Босх не ответил. — Наверное, все мы в какой-то мере подвержены этому. Заглядывая в прошлое, мы узнаем в нем свое будущее. По-моему, ты из тех, кто все еще пытается понять, что было с ним раньше.

Босх чувствовал, что глаза Сильвии заглядывают ему прямо в душу. В них были мудрость и великое знание. Гарри вдруг осознал: вопреки всем обстоятельствам и его желаниям в ночь их знакомства она вовсе не нуждалась в том, чтобы ее утешали и излечивали от боли. На самом деле это Сильвия была целителем. Как мог Кэл бежать от нее?

Босх резко сменил тему:

— Я видел в спальне рамку для фото. Резное дерево, по-моему — вишня. Но она пуста. Ты помнишь ее?

Босх чуть поколебался, прежде чем сказать Сильвии «ты», но она восприняла это как должное.

— Мне нужно взглянуть на нее.

Сильвия встала, оставив костюм мужа на кресле, и вышла в спальню. Посмотрев на рамку, она сказала, что не узнает ее.

Они стояли возле кровати и молчали, глядя друг на друга. Гарри поднял было руку, но вдруг замялся, смущенный своим порывом. Сильвия сделала шаг вперед, давая понять, что она хочет его прикосновения. Гарри погладил ее по щеке точно таким же движением, каким она коснулась своего лица, когда, полагая, что в квартире никого нет, рассматривала старую фотографию. Потом его пальцы скользнули по шее Сильвии и остановились на бугорках позвонков.

Теперь они смотрели друг другу прямо в глаза. Внезапно Сильвия подалась вперед и прильнула губами к его губам. Ее руки легли на плечи Босха, и они поцеловались. Сильвия при-

жималась к нему так крепко, что Гарри почувствовал, как остро ее желание. Глаза Сильвии закрылись, и он вдруг подумал, что видит перед собой собственное отражение в зеркале: одиночество и желание.

Они занимались любовью на незастеленной кровати Калексико Мура, но ни Гарри, ни Сильвия не вспоминали о том, где находятся, и не думали, чем все это обернется для них завтра, на следующей неделе, через год. Босх нарочно не открывал глаза, чтобы сосредоточиться на других чувственных ощущениях — запахе, вкусе, прикосновении.

Потом он отдыхал, а его голова покоилась между покрытыми веснушками грудями Сильвии; она же перебирала руками его волосы, накручивала на пальцы кудри, и Босх слышал, как стучат в унисон их одинокие сердца.

Глава 19

Когда Босх выехал на Вудро-Вильсон-драйв и поднимался по извилистой дороге к своему дому, было уже начало второго ночи. Он видел лучи прожекторов, выписывающие на низких облаках над Юниверсал-сити восьмерки и кренделя, объезжал машины, припаркованные в два ряда возле сиявших праздничными огнями ночных увеселительных заведений, а один раз ему попало на обочине выброшенное рождественское деревце, с веток которого ночной ветер срывал последние ленточки серебристого «дождя». На переднем сиденье рядом с Босхом лежали банка «Будвайзера» из холодильника Мура и пистолет Портера.

Всю жизнь Босх считал, что стремится навстречу чему-то хорошему. Только в этом случае жизнь обретала смысл. Сначала в сиротских приютах и домах приемных родителей, потом в армии, во Вьетнаме, и наконец, теперь, в полицейском управлении, Гарри не покидало ощущение, что он пробивается к некоей развязке, важному решению, осознанию своего предназначения. В этом не было ничего плохого, но порой ожидание становилось невыносимым. Из-за этого Гарри нередко чув-

ствовал пустоту в душе, и тогда ему казалось, что окружающие замечают это и, глядя на него, видят перед собой полую оболочку. Со временем он научился скрывать пустоту за отчужденностью, заполнять ее работой и — изредка — вином или звуками саксофона. Босх никогда не подпускал к себе людей. Он еще не встретил никого, кому позволил бы проникнуть к себе душу.

Но сегодня Гарри увидел глаза Сильвии Мур, ее искренний взгляд, и теперь спрашивал себя, не она ли станет той, кому предназначено заполнить его изнутри.

— Я хочу встретиться с тобой, — сказал Босх, когда они расставались у «Тепперо».

— Да.

Коснувшись ладонью его щеки, Сильвия села в свою машину.

Теперь Босх размышлял о том, что означает это слово и легкое прикосновение руки. Он испытывал счастье, и это было для него непривычно и ново.

Обогнув последний поворот и притормозив, чтобы свернуть на ведущую к дому аллею, Босх вспомнил, какими глазами Сильвия смотрела на рамку для фото, прежде чем сказала, что не узнает ее. Может, она солгала? Возможно ли, что Калексико Мур купил такую дорогую рамку после того, как переехал в «Тепперо»?

Вряд ли.

К тому времени, когда Гарри загнал «каприс» под навес возле дома, его переполняли противоречивые чувства. Что это была за фотография? Почему Сильвия оставила ее у себя — если, конечно, сделала это? Не вылезая из машины, Босх откупорил пиво и быстро выпил. Сегодня ему надо было выспаться, и он знал, что заснет легко.

Войдя в дом, Гарри спрятал пистолет Портера в шкафчик на кухне и проверил автоответчик. Никаких сообщений на ленте не было: ни звонка Портера с объяснениями, почему он сбежал, ни звонка лейтенанта, которому следовало бы поинтересоваться, как идут дела. Даже Ирвинг не набрал номер Гарри и не сказал, что знает о его затее.

После двух бессонных ночей Босху мучительно хотелось спать. Впрочем, порой Гарри поступал так нарочно: после не-

скольких ночей, когда он либо работал, позволяя себе лишь кратковременный отдых, либо просто не спал, преследуемый кошмарами, усталость брала свое, и Гарри погружался в тяжелый крепкий сон без сновидений.

Разбирая постель и взбивая подушки, Босх заметил, что простыни все еще хранят легкий запах духов Терезы Коразон. Закрыв глаза, он подумал о Терезе, но ее образ скоро вытеснило лицо Сильвии Мур. Не фото из конверта или с ночной тумбочки, а настоящее, живое лицо, каким оно было сегодня — усталое, но исполненное внутренней силы. И она смотрела прямо ему в глаза.

Босху все-таки приснился сон, мало отличавшийся от его прежних сновидений. Он был в темноте; пещерный мрак окружал его со всех сторон, и эхо повторяло звук его хриплого дыхания. Он чувствовал, вернее, знал, как знаешь только во сне, что темнота кончается впереди и он должен идти туда. Но на этом сходство с предшествовавшими кошмарами завершилось. Босх был в подземном тоннеле вместе с Сильвией Мур; они стояли, тесно прижавшись к друг другу, и чувствовали, как пот заливает им глаза. Гарри обнимал ее, а она — его. И никто из них не произносил ни слова.

Потом, разжав объятия, они начали пробираться сквозь чернильную мглу. Вдалеке замаячило тусклое пятно света, и Босх направился туда, вытянув перед собой левую руку с зажатым в ней «смит-вессоном». Правой рукой он поддерживал шедшую за ним Сильвию.

У выхода из пещеры их ждал Калексико Мур с дробовиком в руках. Он не прятался, но свет, бивший ему в спину, скрывал его черты; они видели лишь его нечеткий силуэт. Зеленые глаза Мура скрывала тень, но он улыбнулся и поднял ружье.

— Кто из нас все потерял? — спросил Мур.

Выстрел прозвучал в темноте оглушительно громко. Босх увидел, как руки Мура выпустили ружье. Калексико попятился и сгинул в темноте — не упал, а растаял, растворился. Исчез. Там, где он стоял, остался только свет. Босх, мокрый как мышь, в одной руке держал дымящийся револьвер, а второй сжимал пальцы Сильвии.

Он открыл глаза и сел на кровати. Сквозь занавески на окнах, выходящих на восток, просачивался бледный рассвет. Сон

казался коротким, но Босх понял, что проспал почти до утра. На всякий случай он поднес запястье к свету и посмотрел на часы. Они показывали ровно шесть.

Босх вытер лицо ладонями и попытался восстановить в памяти необычный сон. Консультант по вопросам нарушений сна из лаборатории при управлении социального обеспечения бывших военнослужащих однажды посоветовал Гарри записывать свои сновидения. По его словам, такое упреждение информирует сознание о том, что пытается сообщить подсознание. В течение нескольких месяцев Босх держал возле кровати шариковую ручку и тетрадь, записывая все, что запомнил из своих навязчивых снов. Потом обнаружил, что это не приносит никакой пользы. Как бы хорошо ни представлял себе Босх, откуда берутся эти кошмары, он не мог предотвратить их. С тех пор прошло уже несколько лет, но Босх больше ни разу не прибегал к советам консультантов и врачей.

Сейчас ему никак не удавалось припомнить свой сон. Лицо Сильвии отдалялось и отдалялось, пока не растаяло в туманной дымке. Гарри обнаружил, что весь взмок. Он встал, снял с кровати влажные простыни и бросил их в корзину для белья. Заглянув на кухню, Гарри включил кофеварку и, дожидаясь пока вода закипит, тщательно побрился, надел джинсы, зеленую вельветовую рубашку и черную спортивную куртку. Это была его любимая дорожная одежда. Вернувшись на кухню, он наполнил термос горячим кофе.

Первым делом Босх отнес в машину револьвер, поднял коврик, лежавший на дне багажника, вынул запасное колесо и домкрат, уложил завернутый в промасленную ветошь «смит-вессон» на дно гнезда, пристроил поверх колесо, коврик, разместил домкрат у задней стенки багажника, а на свободное место поставил дипломат и дорожную сумку с несколькими сменами белья. Все выглядело вполне естественно, хотя Гарри сомневался, что кому-то придет в голову заглядывать в багажник.

Вернувшись в дом, он достал из шкафа в коридоре свой второй револьвер, оружие 44-го калибра со щечками рукоятки и предохранителем, приспособленным для стрельбы с правой руки. Барабан откидывался в левую сторону, и левша

Босх не мог пользоваться этим оружием, однако бережно хранил его уже шесть лет, поскольку получил револьвер в подарок от человека, чья дочь была изнасилована и убита. Босх выследил преступника и ранил в руку во время короткой перестрелки в окрестностях Сепульведской дамбы в Ван-Нуйсе. Убийца выжил и теперь отбывал пожизненный срок без права досрочного освобождения, но отцу погибшей этого оказалось мало. После суда он подошел к Босху и вручил ему оружие. Гарри взял револьвер, потому что не принять подарок значило проявить неуважение к его горю. Босх понимал, что хотел сказать старик: в следующий раз бей наверняка. Стреляй, чтобы убить.

С тех пор Гарри хранил этот револьвер в шкафу. Конечно, он мог бы отнести оружие в мастерскую, где его приспособили бы для стрельбы с левой руки, но, сделав это, Гарри признал бы, что отец убитой девушки прав. Босх же пока не был уверен в этом.

Гарри достал револьвер, пролежавший на полке шесть лет, проверил механизм, желая убедиться, что оружие все еще действует, зарядил барабан и опустил револьвер в наплечную кобуру. Теперь можно было отправляться в путь.

Прежде чем выйти из дома, он взял на кухне термос и, задержавшись у автоответчика, продиктовал новое сообщение:

— Говорит Босх. Я уехал в Мексику на выходные. Если хотите оставить сообщение, дождитесь сигнала. Если у вас важное дело и вам нужно срочно связаться со мной, попытайтесь дозвониться в город Калексико. Я остановлюсь в отеле «Де Анса». Спасибо.

Когда он отправился в путь, еще не было семи. Сначала Гарри ехал по Голливудскому шоссе, но возле городского центра, где высотные башни офисов поднялись темными громадами на фоне серого утреннего тумана, смешанного со смогом, свернул по развязке на шоссе Сан-Бернардино и покатил на восток от города. До пограничного городка под названием Калексико было двести пятьдесят миль, а его город-побратим Мехикали лежал совсем рядом, по ту сторону мексиканской границы, и Босх рассчитывал быть на месте еще до обеда. Не

снижая скорости, он налил из термоса чашечку кофе и теперь наслаждался поездкой.

Лос-анджелесский смог преследовал его до самого поворота на Икаипу в округе Риверсайд. Потом небо понемногу расчистилось и стало таким же голубым, как океан на картах, которые Босх прихватил с собой. День выдался тихим, почти безветренным, и лопасти сотен электрических генераторов, стоявших на холме возле мукомольного завода в окрестностях Палм-Спрингс, застыли неподвижно, словно застряв в плотном утреннем тумане, все еще жавшемся к земле. Это удивительное зрелище чем-то напоминало кладбище, и Босх никак не мог оторвать от него глаз.

Не останавливаясь, Гарри миновал роскошные, хоть и расположенные в пустынной местности, поселки Палм-Спрингс и ранчо «Мираж». Он лишь краем глаза отмечал названия улиц, которые были даны в честь президентов гольф-клубов и прочих знаменитостей. Оказавшись на Боб-Хоуп-драйв, Босх вспомнил, как видел выступление знаменитого комика во Вьетнаме. Он тогда только что вернулся на базу после того, как тринадцать дней прочесывал вьетконговские тоннели в провинции Кунь-Ши, и вечер, проведенный на представлении, казался ему волшебным. Много лет спустя Гарри увидел ролик с тем же самым шоу — его показывали по телевидению в честь какого-то юбилея артиста. На этот раз представление нагнало на него тоску.

После ранчо «Мираж» Босх выехал на автостраду номер 86 и направился по ней на юг.

Свободное и широкое шоссе доставляло Босху удовольствие. Он предвкушал знакомство с неизвестным местом. Ему всегда казалось, что за рулем, на пустой трассе, лучше думается и легче дышится. Вот и сейчас, машинально следя за дорогой, Гарри размышлял о том, что дал ему обыск квартиры Мура и не пропустил ли он что-нибудь важное. Обшарпанная мебель, пустой чемодан, журнал с обнаженными красотками, рамка для фото — все эти следы, оставленные Муром, было не так-то легко расшифровать, и Гарри вновь подумал о конверте с фотографиями. Сильвия забрала их, и Босх жалел, что не попросил у нее снимок сидящих на столе мальчишек и фотографию Кэла с отцом.

* * *

У самого Босха не было ни одной фотографии отца. Сильвии он сказал, что не знал его, однако это было правдой только отчасти. Гарри действительно рос без отца и не пытался узнать, кем он был. Однако, вернувшись с вьетнамской войны, он почувствовал острое желание выяснить все о своем происхождении. Босх начал разыскивать отца, хотя минуло двадцать лет, а Гарри не знал даже его имени.

После того как власти лишили его мать родительских прав, Босх воспитывался сначала в нескольких детских домах, а потом и в семьях приемных родителей. Мать частенько навещала его и в Мак-Ларене, и в приюте Сан-Фернандо. Ее визиты прерывались, когда она попадала в тюрьму. Мать говорила, что никто не усыновит Гарри без ее согласия. По ее словам, она имела хорошего адвоката, обещавшего ей добиться восстановления родительских прав.

В тот день, когда толстая воспитательница из приюта Мак-Ларена сказала Босху, что его мать умерла, Гарри воспринял новость совсем не так, как большинство одиннадцатилетних мальчиков. Внешне он вообще не проявил никаких чувств — только кивнул, давая понять, что слышал, и ушел. Но в тот же день, во время занятий плаванием, нырнув на дно в самом глубоком конце бассейна, он закричал так страшно и громко, что, как ему казалось, его наверняка слышал дежурный спасатель. Гарри повторял это несколько раз, выплывая на поверхность, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, а потом снова уходил на глубину. Там, под водой, он кричал и плакал до тех пор, пока не вымотался окончательно, так что ему едва хватило сил подплыть к бортику и вцепиться пальцами в прохладные стальные поручни лестницы, которые почему-то успокоили и утешили его. Думать Гарри ни о чем не мог; ему хотелось лишь одного — быть там. Возможно, ему удалось бы каким-то образом спасти мать.

После этого в его личном деле появилась отметка Д/У — «доступен для усыновления», и начались бесконечные путешествия из дома в дом. В каждом из них Гарри чувствовал себя словно на испытательном сроке. Не оправдав возлагавшихся на него надежд, Гарри сразу оказывался в другой семье, перед

судом другой пары потенциальных усыновителей. Однажды его вернули в Мак-Ларен только потому, что он ел с открытым ртом. В другой раз — еще до этого случая — Гарри вместе с компанией таких же тринадцатилетних мальчишек вывезли в Долину, в семью еще одних «выбирателей», как называли таких людей все Д/У. Глава семьи вывел всю компанию на спортплощадку побросать бейсбольный мячик, а сам внимательно следил за игрой. Гарри оказался одним из тех, кого семья пожелала взять на воспитание, и вовсе не потому, что он демонстрировал чудеса послушания и прочие добродетели. Просто тот человек искал мальчика-левшу, надеясь вырастить из него подающего для бейсбола, где левши особенно ценились. После месяца ежедневной общефизической подготовки, скучных теоретических занятий и изнурительных специальных тренировок по отработке подачи Гарри не выдержал и сбежал. Копы подобрали его на Голливудском бульваре только через шесть месяцев и сразу же отправили в Мак-Ларен — дожидаться очередной пары кандидатов в усыновители. Босх до сих пор помнил, что, когда «выбиратели» входили в спальню, воспитанникам полагалось встать возле коек и улыаться.

Поиски отца Гарри начал в окружном архиве. В книге регистрации за 1950 год он обнаружил запись о своем появлении на свет в родильном отделении больницы «Королева ангелов». В графе «Родители» значилась только его мать — Марджерии Филиппс-Лоу. Имя отца было таким же, как и у него, — Иероним Босх, но Гарри, разумеется, понимал, что это чушь. Мать как-то упомянула, что назвала его в честь любимого художника. По ее словам, на картинах этого великого человека, жившего почти пятьсот лет назад, был очень точно изображен современный Лос-Анджелес — мрачный город, населенный только хищниками и их жертвами. Мать обещала Гарри когда-нибудь назвать ему имя его настоящего отца, но не успела: ее нашли мертвой на аллее неподалеку от Бульвара.

Босх нанял адвоката, намереваясь добиться через суд, чтобы ему разрешили ознакомиться с его попечительскими документами. Суд по делам опеки несовершеннолетних удовлетворил ходатайство, и Босх провел несколько дней в главном хранилище окружного архива. Гарри выдали тома документов, от-

ражавших долгую и безуспешную борьбу его матери за право заботиться о своем сыне. Чтение этих бумаг принесло Босху подобие душевного умиротворения, но того, что он искал, в этих подборках не было. Гарри оказался в тупике. Изучив все до последнего листка, он узнал только имя адвоката, представлявшего интересы матери и составлявшего по ее просьбе многочисленные ходатайства. Босх выписал это имя в блокнотик.

Только потом Гарри сообразил, что имя Майкл Джей Галлер ему знакомо. Микки Галлер, один из самых знаменитых лос-анджелесских адвокатов по уголовным делам, защищал последовательницу Мэнсона*. В конце пятидесятых Микки Галлер добился оправдательного вердикта по делу так называемого Патрульного, офицера дорожной полиции, обвиненного в изнасиловании семи женщин, которых он остановил за превышение скорости на безлюдных участках шоссе «Золотой штат». С какой стати Галлер взялся за дело об опеке несовершеннолетнего?

Не располагая ничем, кроме своей безумной догадки, Гарри отправился в здание уголовного суда и запросил из архива все дела своей матери. Просматривая их, он обнаружил, что мистер Галлер не только боролся за восстановление материнских прав Марджери Лоу, но и шесть раз защищал ее в суде с 1948 по 1961 год, когда она была арестована за празднество. На эти же годы приходился пик его славы как адвоката по громким уголовным делам.

Именно тогда догадка превратилась в уверенность, хотя Гарри по-прежнему не мог ничего доказать.

Дежурный клерк в адвокатской конторе, занимавшей весь верхний этаж башни на площади Першинг, сообщил Босху, что Майкл Галлер недавно вышел в отставку по состоянию здоровья. В телефонной книге его адреса не оказалось, зато он был в списке зарегистрированных избирателей. Мистер Галлер, приверженец демократической партии, жил в Беверли-Хиллз, на Кэнон-драйв. До конца жизни Босх запомнил ряды ухоженных розовых кустов, с обеих сторон

* Мэнсон Эндрю — маньяк-убийца, который создал некое подобие оккультной секты, практиковавшей человеческие жертвоприношения. Среди его последователей было довольно много женщин.

ограждавших дорожку, ведущую к особняку его отца. Розы выглядели безупречно.

Горничная, открывшая ему дверь, сообщила, что мистер Галлер никого не принимает. Босх попросил ее доложить, что сын Марджери Лоу пришел засвидетельствовать свое почтение. Через десять минут его уже вели в глубь дома мимо пораженных членов семьи адвоката, которые выстроились в коридоре и странно смотрели на него. Старик — а мистер Галлер выглядел уже как глубокий старик — велел родственникам оставить их с Гарри наедине.

Стоя возле кровати, в которой лежал его отец, Босх прикинул, что весит он, наверное, не больше девяноста фунтов. Незачем было спрашивать, что с ним такое; Гарри и так понял: это рак.

— Кажется, я догадываюсь, зачем ты пришел, — прохрипел умирающий.

— Я просто хотел... Не знаю.

Босх довольно долго молчал, наблюдая за тем, какие усилия прилагает старик, чтобы не дать глазам закрыться. На тумбочке в изголовье стоял какой-то медицинский прибор, от которого отходила тонкая пластиковая трубка, исчезающая под одеялом. Время от времени прибор издавал негромкий писк, и тогда в кровь умирающего поступала порция морфия. Старик молча рассматривал Гарри.

— Мне ничего от тебя не нужно, — произнес Босх. — Наверное, я пришел сказать, что со мной все о'кей. Я справился, выжил. Если, конечно, тебя это когда-нибудь волновало.

— Ты был на войне?

— Да. Но теперь с этим кончено.

— Мой сын... мой другой сын, он... Я пытался держать его подальше от этого... Что ты намерен делать теперь?

— Пока не знаю.

Последовала продолжительная пауза. Потом старик как будто кивнул.

— Тебя зовут Гарри, — промолвил он. — Твоя мать мне сообщила. Она очень много рассказывала о тебе, но я так и не смог... Понимаешь? Тогда было другое время. Когда оно прошло... давно прошло, я не сумел... мне не удалось ничего изменить.

Босх кивнул. Он пришел совсем не для того, чтобы причинить отцу лишнюю боль. Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием больного.

— Гарри Галлер, — прошептал старик, и горькая улыбка мелькнула на его тонких губах, сожженных химиотерапией. — Тебя могли звать Гарри Галлер. Ты читал Гессе?

Босх ничего не понял, но на всякий случай кивнул. Прибор на тумбочке пискнул, и в трубке забулькала очередная доза морфия. Босх выждал, пока наркотик подействует, и увидел, как глаза отца закрылись. Из груди его вырвался тяжелый вздох.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Гарри. — Всего хорошего.

Он коснулся высохшей, голубоватой руки старика. Тонкие пальцы сжали ладонь Босха с неожиданной силой, словно в последней, отчаянной попытке удержать его, но тотчас ослабли. Гарри шагнул к двери и вдруг услышал, как старик что-то прохрипел.

— Что ты говоришь?

— Я сказал — да. Я много думал о тебе.

Из уголка его глаза выкатилась слеза и исчезла в густых седых волосах. Босх еще раз кивнул на прощание и вышел. Через две недели он стоял на невысоком пригорке на кладбище Доброго Пастыря в Форест-Лоун и смотрел, как отца, которого он никогда не знал, опускают в могилу. Среди небольшой группы людей у самой могилы Гарри увидел своего единокровного брата и трех сестер. Брат, несколькими годами старше Гарри, наблюдал за ним на протяжении почти всей церемонии, но Босх, не дождавшись конца, повернулся и решительно пошел прочь.

Примерно в десять утра Босх остановился возле небольшой придорожной закусочной «Эль-оазис верде» и перекусил яйцами по-мексикански. Его столик стоял возле самого окна, откуда виднелись бело-голубая поверхность озера Солтон-Си и далекие Шоколадные горы. Босх залюбовался открывшейся ему панорамой. Когда официантка наполнила его термос свежим кофе, Гарри вышел на земляную площадку автостоянки, прислонился к крылу «каприса», вдохнул прохладный чистый воздух и огляделся.

Его единокровный брат стал известным адвокатом, как и отец, а Гарри подался в полицию и стал копом. Это необъяснимое на первый взгляд сходство двух судеб было вполне понятно Босху, и он даже чувствовал некоторое удовлетворение. Впрочем, ни на эту и ни на какую другую тему он со своим братом никогда не говорил.

Босх поехал дальше по восемьдесят шестому шоссе, протянувшемуся с севера на юг по равнинам между озером Солтон-Си и горами Санта-Роза. Этот сельскохозяйственный край, лежавший много ниже уровня моря, назывался Импириал-Вэлли. Всю долину оросительные каналы делили на правильные квадраты, и в окно машины Босха врывался вместе со встречным потоком воздуха запах свежих овощей и удобрений. Время от времени ему приходилось притормаживать, когда с боковых дорог выруливали на шоссе фермерские грузовики с платформами, нагруженные ящиками со шпинатом, зеленым луком или кресс-салатом, однако Босх не нервничал и терпеливо ждал, пропуская неповоротливые машины.

Подъезжая к небольшому городку Вальесито, Гарри остановился у обочины, чтобы посмотреть, как с ревом проносятся над равниной звено реактивных самолетов, появившееся из-за горы, маячившей на юго-востоке. Самолеты пересекли шоссе и полетели дальше, к Солтону. Оpoznать их Босху не удалось — современные боевые машины стали быстрее, изящнее и их силуэты мало напоминали те, что он видел во Вьетнаме.

Пятерка самолетов прошла довольно низко, и он рассмотрел смонтированное под крыльями вооружение. Звено развернулось над равниной и легло на обратный курс. Босх следил за пятеркой самолетов, пока они не пересекли шоссе во второй раз, прямо у него над головой, а потом взял в руки карту.

На карте, к юго-западу от шоссе, Гарри довольно быстро нашел несколько квадратов, помеченных как закрытые для посещения. Там, у горы Сьюперстишн, находился артиллерийский полигон ВМС США. Путеводитель сообщал, что в этих квадратах проводятся боевые стрельбы, и рекомендовал держаться от них подальше.

Босх вернулся на сиденье и вдруг заметил, как автомобиль слегка покачнулся от тупого удара. Тут же донесся отдаленный раскат грома. Гарри отложил карту, посмотрел вперед, и ему показалось, что он видит черный дым, поднимающийся у подножия далекой горы. Тут он почувствовал, как земля вздрогнула во второй раз, потом еще и еще.

Когда самолеты, сверкая серебром, в котором отражалось сияние солнца, снова пронесли над головой Босха и развернулись, чтобы лечь на боевой курс, Гарри вывернул на шоссе и пристроился позади грузовика с платформой. На ней сидели два подростка-мексиканца, полевые рабочие с усталыми глазами. Казалось, они уже знали, какая долгая и тяжелая жизнь им предстоит, хотя выглядели ничуть не старше подростков на фотографии, найденной Босхом в конверте. Мальчишки смотрели на Гарри с полным безразличием, будто его вовсе не существовало.

Вскоре Босх уже обгонял медленно движущийся грузовик. Со стороны горы Сьюперстишн снова донесся грохот разрывов, и Гарри прибавил скорость. По дороге ему попались еще несколько ферм и семейных ресторанчиков, примостившихся возле самого шоссе, и сахароваренный завод, на башне которого, довольно высоко над землей, была нанесена белой краской черта, обозначающая уровень океана.

После разговора с отцом Босх раздобыл несколько книг Гессе. Его заинтриговало, что же имел в виду старик. Ответ он нашел во второй книге. Главный ее герой, Гарри Галлер, одинокий человек, не питал никаких иллюзий и не имел настоящей индивидуальности. Степной волк...

Тем же августом Босх поступил на службу в полицию.

Вскоре ему показалось, что шоссе пошло в гору. Возделанные фермерские участки сменились плотными зарослями бурых кустарников, меж которыми проносились крошечные песчаные смерчи. У Босха заложило уши. Это тоже свидетельствовало о том, что он движется вверх. Гарри понял, что приближается к мексиканской границе, еще до того, как проехал зеленый указатель, пояснявший, что до Калексико осталось двадцать миль.

Глава 20

Калексико мало чем отличался от других пограничных городков и поселков: пыльный, малоэтажный, он словно прильнул к земле, упорно сопротивляясь горячим ветрам пустыни. Главная улица пестрела многочисленными неоновыми и пластиковыми вывесками. Среди них выделялись спаренные золотые арки «Макдоналдса» — единственный безошибочно узнаваемый символ среди бесконечных закусовых, мексиканских сувенирных лавок и контор по страхованию автомобилей.

Восемьдесят шестое шоссе, соединившись здесь со сто одиннадцатым, направлялось к пограничному пункту. Очередь на контроль начиналась за пять кварталов от закопченного автомобильными выхлопами терминала, где трудились мексиканские федералы. Длинная череда машин живо напомнила Босху пятичасовую пробку при выезде с Бродвея на шоссе 101 в Лос-Анджелесе. Чтобы не застрять надолго, Босх свернул на восток и поехал по Пятой улице. Через два квартала после отеля «Де Анса» Босх увидел полицейский участок, одноэтажное бетонное здание, выкрашенное в желтый цвет. Судя по вывескам у входа, здесь же располагались и некоторые муниципальные службы, а также пожарная команда и городское Историческое общество. Место для парковки Гарри нашел прямо перед дверями.

Едва Босх приоткрыл дверцу своего грязного, запыленного «каприса», как услышал пение, доносящееся из парка через дорогу. Там сидели на скамейке пять мексиканцев с бутылками «Будвайзера» в руках. Шестой, в украшенной вышивкой черной ковбойке и соломенном стетсоне, стоял перед товарищами и, перебирая струны гитары, пел по-испански. Он выговаривал слова так медленно и тщательно, что Гарри не составило труда перевести:

Я не знаю, как тебя любить,
Я не знаю, как тебя обнять,
Потому что чувствую опять
Боль, которой лучше бы не знать...

Жалобная мелодия разносилась по всему парку, и Босх подумал, что это очень красивая песня. Прислонившись к машине, он закурил и стоял так, пока певец не закончил.

Твой поцелуй, любимая моя,
Так сладок, что сейчас убьет меня,
Но слезы высохнут, мне оставят только
Мой пистолет и сердце, что болит.
И, как и прежде, станет жизнь странна:
В руке оружие, в сердце — рана у меня...

Когда смолкли последние аккорды, мужчины на скамейке разразились восторженными криками, а один из них произнес тост.

Отворив стеклянную дверь с надписью «Полиция», Босх оказался в крошечной комнате, не больше кузова пикапа. Слева стоял автомат с кока-колой, в торцевой стене была дверь с электронным замком, а справа, за толстым стеклом, сидел дежурный. За его спиной, в глубине комнаты, скучала у радиоконсоли женщина-оператор, отвечавшая на вызовы. У стены напротив нее висели ящики для одежды.

— У нас нельзя курить, сэр, — сообщил коп.

Гарри внимательно посмотрел на него. Полицейский носил зеркальные солнечные очки и страдал от излишнего веса. На груди у него висела карточка с его фамилией — Грубер. Босх, уже переступивший порог, шагнул назад и щелчком отбросил окурок далеко на стоянку.

— Между прочим, — заметил Грубер, — загрязнение окружающей среды у нас в Калексико карается штрафом до ста долларов.

Гарри предъявил свой полицейский значок.

— Валяйте, штрафуйте, — сказал он. — Мне нужно оставить у вас револьвер.

Дежурный полицейский улыбнулся, обнажая на удивление красные десны.

— Сам я жую табак. Благодаря этому у меня нет никаких проблем.

— Понятно, — кивнул Босх.

Грубер нахмурился, обдумывая ответ Босха. Решив, что в нем нет ничего оскорбительного, он сказал:

— Ну ладно, займемся вашим делом. Если хотите оставить у нас револьвер, вы должны предъявить его.

Он повернулся к женщине за пультом, желая убедиться, что ей ясно, кто одержал победу в состязаниях по остроумию. Женщина никак не отреагировала. Босх молча смотрел, как брюхо копа выпирает из-под мундира.

— Итак? — проговорил коп.

Гарри вынул из кобуры свой револьвер и опустил его в подвижный ящик под стеклом.

— Сорок четвертый. — Грубер взвесил оружие в руке и внимательно осмотрел его. — Может, и кобуру заодно сдадите?

Об этом Босх не подумал. Кобура была ему необходима. Без нее ему пришлось бы засовывать свой «смит-вессон» за поясной ремень, откуда револьвер может выпасть, особенно если придется бежать.

— Нет, — сказал Босх. — Только револьвер.

Грубер подмигнул Гарри и понес револьвер к шкафчикам. Отперев один из них, он положил оружие на полку. Закрыв дверцу, он запер отсек на ключ и вернулся к окну.

— Позвольте-ка еще раз взглянуть на ваш значок. Мне нужен номер, чтобы выписать квитанцию.

Гарри опустил в скользящий ящик футляр со значком и смотрел, как Грубер заполняет под копирку квитанции. Написав каждые две буквы, он бросал взгляд на значок, потом на бумагу.

— Как вас угораздило заполучить такое имя? — спросил Грубер, не поднимая головы.

— Напишите просто «Гарри», чтобы не наделать ошибок.

— Да нет, я вполне способен записать, только не просите меня произносить ваше имя. Иероним рифмуется с «аноним».

Закончив работу, коп опустил квитанции в ящик и попросил Гарри подписаться на оригинале и копии, что тот и сделал.

— Странно, — проговорил Грубер, внимательно наблюдавший за ним. — Вы левша, а револьвер у вас правосторонний. Такое не часто встречается. — Он снова подмигнул Босху, но Гарри промолчал. Грубер почему-то смутился. — Я просто так, — сказал он извиняющимся тоном. Босх опустил в поддон копию квитанции, и Грубер обменял ее на ключ от

шкафчика. На ключе был выбит номер. — Не потеряйте, — сказал он на прощание.

Вернувшись к машине, Гарри заметил, что мексиканцы все еще сидят на скамейке, но никто из них не поет. Опустившись на сиденье, он спрятал ключ от шкафа в пепельницу, которой никогда не пользовался. Не успел Босх завести мотор, как взгляд его упал на пожилого человека, отпиравшего дверь под вывеской «Историческое общество». Зафиксировав это в уме, Босх вырулил со стоянки и отправился в отель.

Гостиница «Де Анса» представляла собой трехэтажное здание в испанском стиле, с тарелкой спутникового телевидения на крыше. Свернув к ней, Босх остановил машину на вымощенной кирпичом подъездной дорожке. Он планировал зарегистрироваться, оставить вещи в номере, умыться и двинуться через границу налегке.

Клерк, встретивший его в вестибюле, был в белой рубашке. Коричневый галстук удачно сочетался с цветом его глаз. На вид ему было не больше двадцати лет. На пластиковой карточке, пристегнутой к жилету спереди, значилось, что клерка зовут Мигель и он помощник старшего дежурного, ответственного за прием и размещение гостей.

Сказав, что хочет снять номер, Босх заполнил регистрационную карточку и вернул ее клерку. Мигель прочитал ее.

— Для вас поступило несколько сообщений, мистер Босх.

Он повернулся к конторке и вытащил из ящика три розовых бланка. Две телефонограммы были от Паундса, а одна — от Ирвинга. Сравнив время, Гарри увидел, что все звонки поступили в последние два часа — сначала от Паундса, потом от Ирвинга, потом — снова от Паундса.

— Здесь есть телефон? — спросил Гарри.

— Конечно, сэр. За углом направо.

Направившись в указанном направлении, Босх вдруг остановился. Наверняка произошли какие-то события, иначе начальники не старались бы связаться с ним. Значит, один из них или оба позвонили ему домой и прослушали оставленную на пленке информацию. Что же случилось?

Достав из бумажника карточку «Пак-белл», Босх позвонил в детективное бюро голливудского участка. Он надеял-

ся, что кто-нибудь объяснит ему, в чем дело. Трубку взял Джерри Эдгар.

— Джек, что у вас? — спросил Гарри. — Я только что узнал, что за мной охотятся оба начальника.

В трубке воцарилось молчание. Очень, очень долгое.

— Джек?

— Где ты, Гарри?

— На югах.

— На каких?

— Да что случилось-то?

— Паундс намерен отозвать тебя, где бы ты ни был. Он распорядился, чтобы тот, кому удастся тебя разыскать, передал тебе приказ немедленно вернуться.

— Но почему? Что там у вас стряслось?

— Из-за Портера. Его нашли сегодня утром в Саншайн-каньон. Кто-то затянул у него на шею проволоку, да так туго, что шея стала не толще запястья.

— Господи... — Босх потянулся за сигаретами. — Господи Иисусе!..

— Вот и я тоже так подумал.

— Но как он там оказался? Саншайн-каньон — это же район Футхиллского участка, верно?

— Черт, Гарри, его там бросили — только и всего. Какая, в конце концов, разница?..

— Верно, верно... Но как это случилось?

— Откуда я знаю? Мне известно только то, что его тело нашли там сегодня утром. На него наткнулся старьевщик — труп закопали в каком-то мусоре. Впрочем, ОРГУ уже работает. Они нашли кое-какие квитанции ресторанов и идентифицировали фирму, подрядившуюся вывозить отходы. ОРГУ знает даже номер грузовика и его маршрут: рейс был сделан вчера утром, мусор везли из центра города. Наш голливудский участок тоже подключился. Я уже подготовил список обслуживаемых точек на маршруте — так мы узнаем, где стоял контейнер, в который его бросили. С этого и начнем.

Босх подумал о мусорных контейнерах, стоявших на задворках бара «По». Портер никуда не убегал — пока Босх пререкался с барменом, его задушили и уволокли. Потом Гарри вспомнил мужчину с вытатуированными на щеке слезами. Как

он не обратил на него внимания, не расшифровал его? Ведь он же был всего в десяти футах от убийцы Портера!..

— Я не выезжал на место, — продолжал Эдгар, — но слышал, что над Портером поработали, прежде чем прикончить. Лицо разбито, нос сломан, рубашка в крови... Какой печальный конец, Гарри, какой конец!..

Босх прикинул, сколько пройдет времени, прежде чем следователи ОРГУ появятся в «По» с фотографиями Портера. Бармен наверняка вспомнит Босха и охотно назовет приметы того, кто назвался копом, а сам напал на Портера и сломал ему нос. Гарри даже подумал, не подсказать ли Эдгару, с какого бара следует начинать, — это сэкономило бы дознавателям немало времени, но не сделал этого. Инстинкт самосохранения заставил его промолчать.

— А зачем Паундсу и Ирвингу понадобился я?

— Не знаю. Мне известно только то, что сначала Мур получил свое, а теперь вот и Портер... Возможно, начальство решило сомкнуть ряды. По-моему, наши командиры хотят собрать всех детективов в одном месте, где их перестали бы убивать, да еще чтобы приглядывать за ними. Ходят слухи, будто эти два убийства связаны между собой и что Мур и Портер сговорились повернуть какую-то аферу. Ирвинг, во всяком случае, в этом не сомневается. Кажется, он уже объявил об объединении двух дел в одно производство. Дело Мура и дело Портера...

Босх промолчал, понимая, что новые обстоятельства меняют все.

— Послушай, Джед, мы с тобой не разговаривали, о'кей? Я не звонил, ты не брал трубку. Договорились?

— Ты уверен, что правильно поступаешь? — усомнился Эдгар.

— Да. Пока — да. Мы еще поговорим, но потом.

— Ну ладно. Береги себя и не забывай оглядываться.

«Берегись «черного льда»!» — подумал Босх, вешая трубку. Он постоял возле телефонных аппаратов, прислонившись к стене, потом вернулся в вестибюль, продолжая размышлять о Портере. Как же это случилось? Машинально он провел рукой по бедру, но кобура была пуста, и Босх не ощутил успокоения.

У него был выбор: ехать дальше в Мехикали или вернуться в Лос-Анджелес. Босх понимал, что если он повернет назад, то

на этом его участие в деле закончится. Ирвинг удалит его так же легко, как гнилое пятно на банане.

Потом он осознал, что фактически никакого выбора у него нет. Он обязан довести дело до конца. Вынув из кармана двадцатидолларовую банкноту, Гарри подошел к стойке регистрации и протянул деньги Мигелю.

— Что вам угодно, сэр?

— Я аннулирую свой заказ номера, Мигель.

— Никаких проблем, сэр. Вы не должны ничего платить, поскольку не жили в комнатах.

— Это для тебя, Мигель. В мое отсутствие произошли кое-какие события, и мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь знал, что я побывал здесь. Понятно?

Мигель оказался сообразительным парнем. Взяв со стойки банкноту, он сунул ее во внутренний карман жилета и заверил Гарри, что сделает все так, как он пожелает. Босх вернул ему розовые бланки телефонограмм.

— Если эти люди снова позвонят, скажи им, что я не появлялся. Договорились?

— Конечно, сэр.

Через несколько минут Гарри уже томился в очереди на пограничный контроль. В глаза ему бросилась разница между толчеей у здания пограничной службы США и КПП на мексиканской стороне, где было почти пусто. Ничего удивительного, впрочем, Босх в этом не усматривал: покинуть страну легче легкого; другое дело — въехать на ее территорию.

Когда подошла его очередь, Босх выставил в окно машины открытый футляр со значком. Офицер-мексиканец взял его в руки, и Гарри протянул ему еще и квитанцию, полученную в местном полицейском участке.

— По какому делу? — спросил пограничник в вылинявшей форме армейского образца. Его широкополая шляпа промокла от пота у тули.

— Официальная командировка, — отозвался Босх. — У меня назначена встреча на площади Хустисия.

— Вы знаете, как доехать?

Босх взял с сиденья карту и показал офицеру. Тот кивнул и бросил взгляд на розовый бланк квитанции.

— Вы не вооружены? — спросил он, читая бумагу. — Оставили свой сорок четвертый в полиции, верно?

— Да. Так там и написано.

Пограничник улыбнулся, но Босху показалось, что в его глазах промелькнуло недоверие. Тем не менее офицер разрешил ему проехать.

Сразу после КПП «каприс» Босха оказался среди множества автомобилей, двигавшихся по широкой асфальтированной дороге, не имеющей никаких следов разметки. Кое-где машины шли в пять рядов, кое-где — в четыре или в шесть. Перестраивались они совершенно незаметно; во всяком случае, Босх ни разу не слышал раздраженных гудков, хотя автомобили ехали довольно быстро. Так Гарри преодолел примерно полторы мили, прежде чем красный сигнал светофора остановил поток машин. Тут он сверился со своими картами.

Судя по всему, Босх находился на Кальсадо-Лопес-Матос; она должна была привести его к зданию суда, расположенному в южной части города. Вспыхнул зеленый свет, и машины, задержавшиеся у перекрестка, снова двинулись. Босх огляделся, не забывая, впрочем, следить за тем, как перестраивались соседи. По обеим сторонам бульвара стояли магазины и промышленные конторы. Их фасады, некогда окрашенные в приятные глазу пастельные тона, потемнели от выхлопных газов, и Гарри ощутил подавленность. Машины текли мимо домов, словно железная река, зажатая чрезмерно близкими берегами, и однообразие этого механического потока не нарушало даже появление нескольких ярко раскрашенных школьных автобусов.

Бульвар, резко свернув на юг, привел к круглой площади. В центре ее стоял бронзовый памятник: человек верхом на вздыбившемся скакуне. Под памятником Гарри заметил людей в широкополых соломенных шляпах и широких холщовых штанах. Они бесцельно слонялись вокруг или стояли, прислонившись к гранитному постаменту и устремив равнодушный взгляд на поток машин, обтекавший памятник с обеих сторон. Босх догадался, что это поденные рабочие, ожидающие работодателей, а сверившись с картой, выяснил, что находится на площади Бенито Хуареса.

Вскоре Гарри заметил три внушительных здания — на крыше каждого торчали антенны и тарелки спутникового телевидения. Указатель, поставленный у самой дороги, извещал, что это муниципалитет Мехикали.

Босх свернул на стоянку. Здесь не было ни разметки, ни будочки распорядителя, поэтому он, найдя свободное место, остановился. Сидя в машине и рассматривая комплекс муниципальных зданий, Босх никак не мог отделаться от ощущения, что он бежит, спасается от чего-то или от кого-то. Очевидно, гибель Портера потрясла Гарри больше, чем он предполагал, тем более что все произошло чуть ли не на его глазах. Сначала Гарри недоумевал, почему убийца не попытался заодно разделаться и с ним. Ему пришло в голову, что преступник предпочел не рисковать, погнавшись сразу за двумя зайцами. Несколько позже Гарри подумал, что Портера скорее всего заказали, а его, Босха, черед еще не настал, поэтому его не тронули. Если все действительно обстояло именно так, значит, приказы скорее всего поступали отсюда, из Мехикали.

Фасад каждого из трех зданий муниципалитета выходил на небольшую тенистую площадь. Это были современные строения, сложенные из розовато-коричневого песчаника. На третьем этаже одного из корпусов все окна были завешены газетами, чтобы в помещение не проникали лучи заходящего солнца. Из-за этого здание выглядело неряшливо. Над главным входом в этот корпус была укреплена хромированная надпись: «Судебная полиция штата Южная Калифорния». Взяв подмышку дело шестьдесят седьмого «Хуана», Босх выбрался из машины, тщательно запер дверцы и направился туда.

Пересекая треугольную площадь Юстиции, Гарри обратил внимание на несколько дюжин торговцев: они продавали закуски и сувениры кустарного производства. Однако, как правило, с лотков предлагалась именно еда. На ступенях полицейского участка Гарри пришлось отмахиваться от девочек-подростков, устремившихся к нему в надежде продать жевательную резинку и сплетенные из разноцветных нитей браслеты. Открывая дверь, он едва не столкнулся с женщиной, которая несла на плече поднос с пирожками.

В вестибюле Босх увидел четыре ряда пластмассовых кресел, повернутых к высокому деревянному барьеру. За ним сто-

ял полицейский в форме. Почти все кресла были заняты, и посетители пристально наблюдали за копом, но того это ничуть не смущало. Он спокойно читал газету, а на носу его, несмотря на мягкий полумрак, красовались зеркальные солнечные очки.

Босх приблизился к барьеру-загородке и сказал по-испански, что у него назначена встреча со следователем Карлосом Агильо. Он предъявил свой полицейский значок, но это не произвело на дежурного никакого впечатления. Коп неторопливо протянул руку и вытащил из-под стойки выдавший виды телефонный аппарат с диском, произведенный явно до того, как было построено здание.

Между тем офицер продемонстрировал завидную сноровку в обращении с телефоном и уже через минуту что-то быстро затарахтел в трубку. Босх разобрал лишь несколько слов: «капитан», «гринго», «да», «ПУЛА» и «следователь». Кроме того, ему показалось, что полицейский назвал имя — Чарли Чан. Выслушав собеседника, коп дал отбой. По-прежнему не глядя на Босха, мексиканец ткнул пальцем через плечо, указывая на дверь, ведущую в глубь здания, а сам снова уткнулся в газету.

Гарри обошел барьер, отворил дверь и увидел два длинных коридора со множеством дверей. Не зная, куда направиться, он вернулся в вестибюль и спросил у дежурного дорогу.

— Последняя дверь по коридору, — буркнул тот по-английски и указал налево.

Последовав его указаниям, Босх вошел в просторную комнату, заполненную людьми. Одни с озабоченным видом сновали между столами, другие расположились на диванчиках вдоль стен. Там, где не было диванов, стояли велосипеды. За единственным в комнате столом сидела молодая женщина и что-то печатала под диктовку высокого черноусого мужчины. За ремень его двойных трикотажных брюк была заткнута девяти-миллиметровая «беретта». Оглядевшись, Гарри заметил, что многие мужчины, тоже вооруженные, носили оружие либо за поясом, либо в пристегнутой к ремню кобуре. Очевидно, он попал в детективное бюро.

Как только Босх вошел, разговоры в комнате стихли, и он спросил, где найти следователя Карлоса Агильо. Один из мужчин крикнул что-то через всю комнату, но так быстро, что Гар-

ри ничего не понял. Однако ему опять показалось, будто произносили имя Чан. Пока он пытался вспомнить, что означает это слово на испанском, мексиканец указал на дверь в дальнем конце комнаты, и Босх направился туда. За спиной его раздался негромкий смех, но он не обернулся.

Дверь вела в небольшой кабинет, в центре которого стоял еще один стол. За ним сидел седой мужчина с усталыми глазами и курил сигарету. Перед ним на столе не было ничего, кроме газеты, стеклянной пепельницы и телефонного аппарата. На стуле у стены сидел человек в зеркальных очках и внимательно рассматривал Босха — если только не спал.

— Добрый день! — сказал седой и добавил по-английски: — Я капитан Густаво Грена, а вы детектив Гарри Босх. Мы разговаривали вчера. — Босх шагнул к столу, и они обменялись рукопожатиями. Грена указал на мужчину в очках. — А это следователь Агильо, с которым вы приехали повидаться. Какие материалы вы привезли с собой из Лос-Анджелеса?

Агильо — тот, кто направил запрос в мексиканское консульство, — был невысоким, черноволосым и удивительно светложким для мексиканца. Правда, его лоб и нос, сильно обожженные солнцем, казались красными, но сквозь расстегнутый ворот рубашки Гарри рассмотрел его белую грудь. Кроме сорочки, на Агильо были джинсы и черные кожаные ботинки. Услышав слова капитана, он кивнул Босху, но со стула не встал и руки не подал.

Других стульев в кабинете не было, поэтому Босх приблизился к столу и положил на него дело «Хуана». Открыв папку, он достал сделанные в морге снимки лица и татуировки на груди и протянул их капитану. Тот мельком взглянул на них и положил на стол.

— Вы, вероятно, ищите не только его, но и возможного убийцу? — спросил Грена.

— Не исключено, что его убили здесь, а тело перевезли в Лос-Анджелес, — ответил Босх. — Если это действительно так, то разыскивать убийцу придется вашему департаменту.

Капитан выразил удивление.

— Не понимаю, как такое случилось? Кому это понадобилось? Уверен, вы ошиблись, детектив Босх.

Гарри пожал плечами. Он не собирался настаивать на своей правоте. Во всяком случае — пока.

— Мне бы получить официальный протокол опознания, — сказал он. — И я сразу уеду.

— Прекрасно, — оживился Грена. — В таком случае оставляю вас со следователем. Но прежде я должен информировать вас по поводу того, о чем вы упоминали в телефонном разговоре. Я разговаривал с управляющим «Энви́ро брид», и он заверил меня, что ваш «Хуан» никогда там не работал. Так что я, похоже, сэкономил вам время.

Грена кивнул, словно давая понять, что благодарить не стоит, поскольку он с удовольствием оказал Босху эту услугу.

— Откуда управляющий это знает? Мы ведь, кажется, еще не провели опознание?

Капитан глубоко затянулся сигаретой и задумался. Наконец он сказал:

— Я спрашивал о работнике по имени Ферналь Гутьерес-Лоса. По словам менеджера, у них никогда не было такого. В конце концов, вы же понимаете, что, поскольку «Энви́ро брид» — подрядчик американского правительства, мы должны проявить крайнюю осторожность... и ни в коем случае не препятствовать международному сотрудничеству.

С этими словами Грена поднялся и, раздавив сигарету в пепельнице, кивнул Агильо. Он вышел, а Босх посмотрел на следователя, стараясь угадать, понял ли тот хоть слово из только что сказанного.

— Не беспокойтесь, — вежливо сказал Агильо, как только дверь за Греной закрылась. — Я говорю по-английски.

Глава 21

Сославшись на то, что опасается оставлять на стоянке не принадлежащий ему «каприс», Босх заявил, что сам поведет машину. На самом деле он хотел быть поближе к своему револьверу, спрятанному в багажнике. На пути через площадь им с Агильо снова пришлось отмахиваться от юных предпринимателей, так и норовивших взять их в кольцо.

Уже в машине Босх спросил:

— Как все же быть с идентификацией тела, не имея отпечатков пальцев?

Агильо взял с сиденья папку.

— Предъявим фотографии жене и друзьям.

— Значит, мы поедem к нему домой? Тогда я сниму там отпечатки пальцев, а в Лос-Анджелесе попрошу кого-нибудь сравнить их. Таким образом мы получим еще одно, более надежное, подтверждение...

— Это не дом, детектив Босх. Это хижина.

Гарри кивнул и завел мотор. Агильо указывал дорогу. Добравшись до бульвара Ласаро Карденаса, они проехали по нему в западном направлении и снова повернули на юг, на авениду Канто Родадо.

— Мы едем в баррио, — пояснил Агильо. — Оно называется Город Погибших Душ.

— Его татуировка обозначает именно это, верно? — спросил Босх. — Призрак, погибшую душу?

— Да.

— А далеко оттуда до баррио Святые и Грешники?

— Нет. Оно тоже находится в юго-западном секторе. Я покажу вам, если хотите.

— Да, может быть, и захочу.

— А почему вы спрашиваете?

Босх вспомнил предупреждение Корво не доверять местной полиции.

— Просто так. Любопытствую. Это связано с другим делом.

Гарри смущало то, что он не говорит Агильо всей правды. Карлос тоже коп, и Гарри чувствовал, что с ним можно поделиться сомнениями, хоть Корво и придерживается на сей счет иного мнения.

Некоторое время они ехали молча. «Каприс» удалялся от центра города — от его оживленного движения и современных зданий. Коммерческие центры, рестораны и магазины понемногу сменялись обшарпанными лачугами и картонными хибами. На обочине Гарри увидел даже коробку из-под холодильника, служившую кому-то домом. Люди, сидевшие на заржавленных металлических конструкциях, деталях моторов и бочках из-под масла, провожали «каприс» пустыми, ничего не

выражающими взглядами, и Босх отвел глаза, стараясь следить за пыльной дорогой.

— Почему вас называют в управлении Чарли Чаном? — спросил Босх, желая установить со следователем неформальный контакт. Кроме того, он начинал нервничать и надеялся, что беседа отвлечет его от неприятных мыслей о возможной опасности, которую Босх не мог ни предвидеть, ни предотвратить.

— Потому что я китаец, — ответил Агильо.

Босх бросил взгляд на своего спутника. Теперь, когда Агильо сидел к нему в профиль, он увидел, что его глаза за стеклами очков действительно имеют миндалевидную форму. Агильо не шутил.

— Во всяком случае — частично, — пояснил детектив. — Китаецем был мой дед. В Мехикали довольно большая колония мексиканских китайцев, детектив Босх.

— Вот как?

— Мехикали был основан примерно в 1900 году компанией «Колорадо риверленд». Ей принадлежал довольно большой участок земли по обе стороны границы, но не хватало дешевой рабочей силы для его обработки. Нужно было собирать хлопок и выращивать овощи, — пояснил Агильо. — Компания и основала поселок Мехикали — через границу от Калексико. Один город был как бы зеркальным отражением другого, во всяком случае, по первоначальному плану. Потом компания привезла сюда из Китая десять тысяч рабочих-мужчин и заселила ими поселок.

Босх кивнул. Он никогда не слышал этой истории, и она показалась ему любопытной. Проезжая через город, Босх заметил множество китайских вывесок и ресторанчиков с китайской кухней, но в глаза ему не бросилось ни одного лица с характерными азиатскими чертами.

— И все они, то есть китайцы, осели здесь? — уточнил Босх.

— Большинство из них — да. Но, как я уже сказал, это были только мужчины. Десять тысяч мужчин, и ни одной женщины. Компания не хотела, чтобы женщины отвлекали работников от плодотворного труда. Позднее китайки все же появились в этих краях, но большинство мужчин уже породнились с мексиканскими семьями. Чистокровных китайцев здесь почти не ос-

талось; смешанные браки распространились очень широко, но китайская культура, как вы, должно быть, заметили, в основном сохранилась. Если не возражаете, то, когда начнется сиеста, мы зайдем в китайский ресторан и попробуем наши национальные блюда.

— С удовольствием.

— Между тем работа в полиции всегда оставалась прерогативой чистокровных мексиканцев, — продолжал Агильо. — Таких, как я, там немного. Потому-то меня и прозвали Чарли Чаном, потому-то и не считают своим.

— Понимаю, как вы себя чувствуете, — сочувственно заметил Гарри.

— Уверен, детектив Босх, пройдет еще немного времени, и вы поймете, что мне можно доверять. Впрочем, я готов подождать, пока вы решитесь обсудить со мной второе дело, о котором только что упомянули.

Гарри кивнул. Ему стало неловко и стыдно, и он сосредоточился на вождении. Минуты через две Агильо указал ему на узкую немощеную улочку, проходившую через центр баррио. По обеим ее сторонам стояли прямоугольные бетонные коробки домов с плоскими крышами и занавешенными одеялами дверями. Вокруг каждого такого дома теснились пристройки и навесы, кое-как сколоченные из фанеры и листов гофрированного алюминия. Вокруг кучами валялись мусор и разнообразные отбросы. Между ними бродили изможденные, худые люди, тараща глаза на калифорнийские номера на машине Босха.

— Вон туда, к зданию, где нарисована звезда, — указал Агильо.

Босх повернул голову и увидел звезду, начертанную от руки на стене одного из бетонных кубов. Над звездой было изображено привидение — герб Персонас Пердидос, — а ниже красовалась надпись: «Почтенный Алькальд и Шериф».

Босх припарковал машину у дверей и повернулся к Агильо, ожидая указаний.

— Он вовсе не мэр и не шериф, как вы, вероятно, подумали, — пояснил следователь. — Арнольфо Мунос де ла Крус выполняет здесь функции мирового судьи, восстанавливает справедливость и порядок там, где их нет. Во всяком случае,

старается восстановить. В широком смысле его, пожалуй, все же можно назвать шерифом Города Погибших Душ. Это он сообщил нам об исчезновении Гутьереса-Лосы, который жил здесь.

Гарри выбрался из машины, захватив с собой папку с делом. Обходя «каприс» спереди, он снова провел рукой по куртке в том месте, где висела на плече пустая кобура. Это рефлекторное движение Гарри совершал каждый раз, когда для выполнения служебных обязанностей ему приходилось покидать салон автомобиля. На сей раз, однако, вместо успокоения он особенно остро почувствовал себя безоружным в чужой и враждебной стране. С другой стороны, Босх не решался достать из багажника свой «смит-вессон» при Агильо. Может быть, потом, когда узнает мексиканского копа поближе...

Агильо позвонил в жестяной колокольчик, висевший у двери. Собственно, никакой двери здесь, как и в других строениях баррио, не было — ее заменяло грубое шерстяное одеяло, свисавшее с прибитой над дверным проемом деревянной перекладины.

— Войдите! — раздался изнутри чей-то голос, и Агильо, а следом и Босх вошли внутрь.

Мунос, невысокий, дочерна загорелый мужчина с седыми волосами, стянутыми на затылке в тугую пучок, был без рубашки, и Гарри с удивлением увидел вытатуированную на правой стороне его груди шерифскую звезду. Татуировка с изображением призрака помещалась на левой.

С любопытством посмотрев на Босха, Мунос перевел взгляд на Агильо. Тот представил ему Гарри и объяснил, по какому делу они приехали. Оба старались говорить медленнее, чтобы Гарри понимал их. Когда Агильо сказал старику, что тот должен взглянуть на кое-какие фотографии, на лице шерифа появилось озадаченное выражение; впрочем, оно исчезло, как только Босх достал сделанные в морге снимки.

— Это Ферналь Гутьерес-Лоса? — спросил следователь, дав Муносу время внимательно изучить фотографии.

— Да, это он.

Мунос отвернулся, и Босх огляделся. В хижине была только одна комната, весьма похожая на тюремную камеру. Гарри увидел здесь лишь самое необходимое: кровать, сундучок для

одежды, старый стул, на спинке которого висело полотенце. В изголовье кровати на перевернутой картонной коробке стояли свеча и кружка с зубной щеткой. Пахло в хижине чем-то кислым, и Гарри пожалел, что не остался снаружи.

— Где он жил? — спросил он у Агильо по-английски.

Следователь обратился к старику:

— Прошу вас принять мои соболезнования в связи с потерей друга, сеньор Мунос. Позвольте мне сообщить это печальное известие его жене. Вы не знаете, она сейчас дома?

Мунос кивнул, подтвердив, что жена Гутьереса должна быть у себя в хижине.

— Не хотите ли пойти с нами?

Еще раз кивнув, старик взял с кровати белую рубашку и надел ее. Руки его заметно дрожали, поэтому застегнуть пуговицы ему удалось не сразу. Наконец Мунос подошел к двери и приподнял одеяло, выпуская гостей наружу.

Очутившись на улице, Босх первым делом направился к багажнику своего автомобиля и достал из дипломата комплект для снятия отпечатков. После этого все трое пошли по пыльной улице к уродливой хижине, сколоченной из фанеры. Перед ней был растянут на шестах кусок парусины. Агильо нагнал Босха и тронул его за локоть.

— Мы с сеньором Муносом поговорим с женщиной. Попробуем вызвать ее сюда, а вы тем временем войдете внутрь и займетесь отпечатками пальцев. И вообще делайте все, что считаете нужным, — добавил он вполголоса, и Гарри кивнул.

Не заходя в дом, Мунос позвал хозяйку по имени, и через несколько мгновений из-за белой пластиковой занавески для душа, заменявшей входную дверь, выглянула смуглая миниатюрная женщина. Увидев Агильо и Муноса, она вышла навстречу, смущенно сложив руки перед собой. Глядя на ее лицо, Босх готов был поклясться, что ей уже известно, с какими новостями они пришли. Он давно заметил сверхъестественную способность женщин предчувствовать самое страшное задолго до того, как им сообщали об этом. Почти сразу же Гарри вспомнил Сильвию Мур и ту ночь, когда он приехал сообщить ей о муже. Вдова все поняла еще до того, как Босх раскрыл рот. Она с самого начала знала все, что он скажет.

На всякий случай Босх передал Агильо папку с фотографиями, а сам прошел в комнату, где когда-то жили вместе шестьдесят седьмой «Хуан» и его жена.

Мебели здесь почти не было, но Босха это уже не удивило. На грубой деревянной раме лежал полутораспальный матрас, а рядом стоял единственный стул. По другую сторону этой примитивной кровати Гарри заметил что-то вроде бюро, сделанного из картона и деревянной упаковочной клетки. В таком же простом шкафчике без дверцы висела кое-какая одежда. Задней стеной хижины служил неразрезанный лист тонкого алюминия с отпечатанной на нем торговой маркой пива «Текэй». Здесь же стоял деревянный стеллаж. На его полках Гарри увидел кофейные жестянки, коробку из-под сигар и прочую мелочь.

Потом Босх услышал доносящиеся снаружи громкие всхлипывания и голос Муноса, пытавшегося утешить несчастную женщину. Еще раз оглядевшись, Гарри попытался сообразить, где лучше всего снять отпечатки. Теперь он был уже не уверен, что ему следует это делать. Слезы вдовы, казалось, служили достаточным доказательством того, что он не ошибся.

Шагнув к стеллажам, Босх поддел ногтем крышку коробки из-под сигар. Внутри оказались грязная расческа, несколько песо и комплект костяшек домино.

— Карлос? — позвал он. Агильо тотчас отодвинул пластиковую занавеску и заглянул внутрь. — Спросите, когда в последний раз вдова прикасалась к этой коробке. По-моему, здесь лежат вещи хозяина. Если это его коробка, то я попробую снять отпечатки.

Агильо убрал голову, и Босх услышал несколько быстрых вопросов, заданных по-испански. Женщина ответила, что не трогала коробку, поскольку та принадлежит ее мужу. Босха это вполне удовлетворило. Действуя кончиками пальцев, он снял коробку с полки и перенес ее на столешницу самодельного бюро. Вскрыв дактилоскопический комплект, Гарри достал оттуда бутылочку со спреем, флакон черного порошка, беличью кисточку, моток широкого скотча и пачку карточек размером три на пять дюймов. Разложив все это на матрасе, он принялся за работу.

Сначала Босх взял в руки аэрозоль и побрызгал поверхность коробки нингидрином. Когда туманное облачко осело, он достал сигарету, закурил и несколько раз провел горячей спичкой вдоль края коробки на расстоянии пары дюймов от крышки. Под воздействием тепла на коробке проявилось несколько отпечатков пальцев, на вид вполне пригодных для идентификации, но Гарри наклонился, чтобы отыскать среди них хотя бы несколько полных. Таковых оказалось всего два. Тогда он открыл флакон с черной пудрой и легким движением кисти нанес ее на отпечатки, четко обозначив все папилляры, вилки и пульнарные петли. После этого Босх отмотал небольшой кусок прозрачной ленты, прижал ее к одному из отпечатков, тут же отнял и наклеил пленку на белую карточку, сделанную из плотной бумаги. Точно так же Гарри поступил и со вторым отпечатком. Теперь у него было два отчетливых отпечатка, которые он мог отвезти в Лос-Анджелес.

Снова зашуршала занавеска, и в хижину вошел Агильо.

— Вы взяли отпечатки?

— Да, пару. Надеюсь, эти пальчики все-таки принадлежат ему, а не ей. Впрочем, особого значения это не имеет. Насколько я понял, вдова опознала мужа. Она видела фотографии?

— Она сама настояла на этом. Вы обыскали комнату?

— А зачем?

— Этого я не знаю.

— Просто огляделся. Здесь, похоже, нечего искать.

— А вы взяли отпечатки с кофейных жестянок?

Босх повернулся к стеллажам, на которых стояли три банки кофе «Максвелл-хаус».

— Нет, — ответил он. — Я подумал, что найду на них только отпечатки женщины, а дактилоскопировать ее мне незачем, разве что для сравнения. Полагаю, втравливать ее в это дело не стоит.

Агильо кивнул, но лицо его выказало удивление.

— Зачем, интересно, таким бедным людям, как Гутьерес и его жена, целых три банки кофе?

Сочтя это справедливым замечанием, Босх шагнул к полкам и взял в руки одну из банок. Внутри что-то забренчало — как выяснилось, пригоршня мелких монет. Вторая банка была на две трети заполнена кофе. Третья показалась ему самой лег-

кой, и немудрено: там были только бумаги — в частности, свидетельство о рождении, выписанное священником на имя самого Гутьереса, и брачный договор. Гутьерес-Лоса и его жена состояли в браке тридцать два года. Босха охватило уныние. Кроме того, здесь же лежал сделанный «Полароидом» моментальный снимок. На нем Гарри узнал своего «Хуана-67».

Последним из банки Босх достал снимок жены Гутьереса такого же формата и пачку корешков от чеков, сложенных стопкой и перетянутых резинкой. Гарри быстро просмотрел их — все чеки были выписаны на небольшие суммы и за разные виды работ. Иными словами, он держал в руках всю нехитрую бухгалтерию поденного рабочего. Работодатели, не платившие наличными, как правило, выписывали чеки. В конце стопки были корешки от двух чеков, на шестнадцать долларов каждый, выданных «Энвиرو брид». Сунув их в карман, Гарри сказал Агильо, что готов идти.

Пока следователь и шериф заканчивали церемонию выражения соболезнований, Босх вернулся к машине и, открыв багажник, убрал в дипломат набор для снятия отпечатков пальцев и обе карточки. Потом осторожно выглянул из-за крышки багажника и, убедившись, что Агильо вместе с Муносом и женщиной все еще стоят возле хижины, быстро приподнял коврик, сунул руку под запасное колесо и схватил свой револьвер. Опустив оружие в кобуру, Босх сдвинул ее на ремне так, чтобы она оказалась на спине. Куртка надежно скрывала револьвер, хотя Гарри понимал, что для наметанного глаза заметить его — задача не из самых сложных. Зато теперь он был вооружен. За Агильо Босх почему-то больше не беспокоился.

Сев в машину, он ждал. Мексиканец вернулся через несколько минут.

Выезжая на дорогу, Босх видел в зеркало заднего вида, что Мунос и вдова все еще стоят перед входом в хижину.

— Что теперь с ней будет? — спросил Гарри.

— Не стоит вам этого знать, детектив Босх, — убежденно ответил Агильо. — Ее жизнь и без того была не из легких, а теперь трудностей станет больше. Уверен, она плачет не столько по мужу, сколько по себе самой. И у нее есть для этого веские основания.

Босх молчал, пока они не выехали из баррио Погибших Душ и не вернулись на главную дорогу.

— Спасибо, что подсказали, где искать, — промолвил он. — Насчет кофейных жестянок — это было умно. Я бы не догадался.

Агильо промолчал. Впрочем, Гарри и не ждал ответа. Он понял, что следователь побывал в хижине раньше и нашел там чеки из «Энви́ро брид». Грена передергивал, а Агильо это то ли не нравилось, то ли он этого принципиально не принимал, то ли затаил обиду, поскольку его не взяли в долю. Что бы ни руководило им, Агильо указал Гарри, в каком направлении действовать дальше. Он хотел, чтобы Босх нашел корешки чеков и таким образом открылась ложь капитана.

— Вы сами не ходили в «Энви́ро брид» с проверкой? — осведомился Гарри на всякий случай.

— Нет, — отозвался следователь. — Об этом немедленно доложили бы нашему капитану. Я не мог отправиться туда после того, как он поговорил с менеджером. «Энви́ро брид» участвует в международном бизнесе, выполняет контракты для правительственных учреждений Соединенных Штатов. Вы должны понимать, насколько это...

— Деликатное дело?

— Да, спасибо за подсказку.

— Мне вполне ясна подобная ситуация. Вы не можете пойти против капитана, зато могу я. Где находится «Энви́ро брид»?

— Совсем недалеко. Нужно ехать на юго-запад, пока равнина не упрется в горы Сьерра де лос Кукапа. В тех краях много промышленных предприятий и крупных ранчо.

— А далеко ли от «Энви́ро брид» до ранчо, которым владеет Эль-Папа?

— Папа?

— Зорилло. Римский Папа Мехикали и его окрестностей. Мне казалось, вы хотели знать, над каким еще делом я работаю.

Некоторое время они молчали. Босх бросил на своего спутника осторожный взгляд и заметил, что Агильо помрачнел. Этого не скрывали даже зеркальные очки, которые он так и не снял. Судя по всему, слова Босха только укрепили подозрения,

зародившиеся в душе мексиканского следователя в ту самую минуту, когда капитан Грена попытался сбить расследование с пути. Со слов Корво, Гарри знал, что «Энви́ро брид» и ранчо разделяло лишь шоссе, и своим вопросом он просто испытывал Агилью.

Наконец мексиканец ответил:

— «Энви́ро брид» и ранчо Зорилло стоят практически рядом.

— Вот и отлично. Покажите мне их.

Глава 22

— Позвольте спросить вас, — сказал Босх, — почему вы направили запрос в мексиканское консульство в Лос-Анджелесе? Насколько мне известно, по вашу сторону границы бесследные исчезновения, как правило, расследуются не слишком тщательно. Если кто-то вдруг исчезает, то как бы само собой подразумевается, что человек подался через границу, и никто не ищет его. Почему в данном случае вы заподозрили что-то другое?

«Каприс» мчался по шоссе к горной гряде, вздымавшейся довольно высоко над слоем желтовато-коричневого смога, повисшего над городом. Авенида Валь-Верде вела на юго-запад. С одной стороны от нее раскинулись сельскохозяйственные угодья, с другой — выстроились промышленные предприятия.

— Меня убедила вдова, — ответил Агилью. — Она пришла в управление вместе с шерифом и заявила об исчезновении. Грена поручил расследование мне, я побеседовал с Маритой — ее зовут Марита — и понял, что Гутьерес-Лоса не пошел бы через границу без нее, во всяком случае, по собственному желанию. Поэтому я отправился на «пятачок»...

Агилью имел в виду площадь под памятником Бенито Хуаресу на Кальсадо-Лопес-Матеос, где ежедневно собирались поденщики. Там ему рассказали, что фургоны «Энви́ро брид» приезжают нанимать рабочих два-три раза в неделю. По словам поденщиков, работа на предприятии по разведению фрук-

товой мушки не из легких: приходилось готовить питательную пасту для личинок и грузить на машины тяжелые контейнеры с готовым товаром. Мухи постоянно попадали в рот и в глаза, и многие, кто поработал там, заявили Агильо, что не спешат повторить свой опыт, предпочитая дождаться других нанимателей.

Но не Гутьерес-Лоса. Некоторые из собравшихся под памятником рабочих видели, как он садился в фургон «Энви́ро брид». По сравнению с другими поденщиками он был почти стариком, поэтому выбирать ему не приходилось.

Как только Агильо стало известно, что продукция «Энви́ро брид» отправляется через границу, он сразу же разослал запросы во все консульские представительства в Южной Калифорнии. Агильо считал, что Гутьерес мог погибнуть в результате несчастного случая, и представители компании решили избавиться от тела, чтобы избежать расследования, которое затормозило бы производство. По мнению Агильо, в промышленном секторе Мехикали подобные случаи были в порядке вещей.

— Расследование случаев смерти, даже случайной, обходится предпринимателям весьма недешево, — заключил Агильо.

— Выход один, — сказал Босх. — *La mordida*

— Да, взятка, — подтвердил следователь.

Далее Босх узнал, что, как только Агильо доложил капитану о достигнутых результатах, его расследование сразу прекратили. Грена заявил, что сам переговорит с представителями «Энви́ро брид», и вскоре сообщил: дело зашло в тупик. В этом прискорбном состоянии расследование оставалось до тех пор, пока Босх не позвонил из Лос-Анджелеса, известив о том, что найден труп.

— Похоже, ваш капитан прилично хапнул, — заметил Гарри.

Агильо не ответил ему. Они ехали мимо ранчо. Его территория была обнесена изгородью из металлических цепей с колючей проволокой наверху. Босх глянул сквозь изгородь на горы Сьерра де лос Кукапа, но не заметил на широкой равнине, протянувшейся от шоссе до самой гряды, ничего примечательного. Вскоре они достигли ворот в изгороди. Поперек въез-

да стоял пикап, в кабине которого сидели двое мужчин. Проезжая мимо, Гарри посмотрел на них, а они — на него.

— Это оно, верно? — спросил Босх. — Ранчо Эль-Папы?

— Да. Главный вход.

— Но имя Зорилло ни разу не упоминалось в связи с исчезновением Гутьереса, во всяком случае, пока я об этом не сказал?

— Нет. До этих пор — нет.

Агильо ничего больше не прибавил. Примерно через минуту они приблизились к какому-то зданию, стоявшему на территории ранчо почти вплотную к изгороди. Босху показалось, что это бетонное строение весьма напоминает коровник, оборудованный широкими гаражными воротами. По бокам были пристроены корали. Там, в отдельных боксах, Гарри увидел с полдюжины быков. Ни одно животное не паслось на свободе.

— Зорилло выращивает быков для корриды, — пояснил Агильо.

— Да, я слышал об этом. Должно быть, он неплохо на этом зарабатывает?

— Все его быки ведут род от одного призового производителя по кличке Эль-Темблар. В Мехикали это, пожалуй, самое знаменитое животное. Этот бык убил Месона, прославленного тореро. Теперь Эль-Темблар живет на ранчо, пасется где ему вздумается и кроет телок направо и налево. Чемпион есть чемпион.

— Эль-Темблар переводится как «дрожь»? — спросил Босх.

— Да. Говорят, когда он атакует, дрожит земля, а люди трясутся от страха. Такова легенда. Месон погиб лет десять назад, но эту историю здесь очень хорошо помнят. Во всяком случае, каждое воскресенье на Пласа де лос Торос ее обязательно упоминают.

— И этот Темблар бродит по всему ранчо без привязи? Как сторожевой пес?

— Иногда люди специально собираются у изгороди, чтобы увидеть это знаменитое животное. Быки, ведущие от него свою родословную, считаются самыми лучшими во всем округе Южная Калифорния. Остановитесь здесь...

Босх свернул на обочину. Он заметил, что Агильо смотрит на противоположную сторону шоссе, где выстроилось несколь-

ко зданий — судя по внешнему виду, складов и контор. На некоторых виднелись таблички, написанные в основном на английском. Здесь обосновались компании, которые использовали дешевую рабочую силу и платили минимальные налоги, поскольку свою продукцию — мебель, черепицу и простейшее электрооборудование — вывозили в Соединенные Штаты.

— Видите контору мебельной фабрики «Мекситек-ферниче»? — спросил Агильо. — Следующее за ней здание — то, что без вывески, — и есть «Энвиرو брид».

Он был прав. На свежепобеленном корпусе фирмы не было никаких опознавательных знаков — ни таблички, ни вывески, — которые указывали бы на род ее занятий. Здание было огорожено десятифутовым забором, поверх которого блестела новенькая колючая проволока. Вывешенные на изгороди плакаты на двух языках предупреждали возможных злоумышленников о том, что проволока находится под током, а территория охраняется собаками. Впрочем, никаких собак Босх не увидел — очевидно, их выпускали во двор только по ночам, — зато по углам фасада были укреплены камеры видеонаблюдения. У самых дверей стояло несколько автомашин. Грузовых фургонов «Энвиرو брид» Гарри не заметил; впрочем, широкие ворота, ведущие, вероятно, в погрузочно-разгрузочную зону внутри здания, были наглухо закрыты.

Прежде чем ворота в изгороди с лязгом откатились в сторону, Босх дважды нажал на кнопку звонка, сказал в микрофон, по какому делу он прибыл, и предъявил полицейский значок внимательному глазку видеокамеры. «Каприс» он припарковал рядом со светло-бежевым «линкольном» с калифорнийскими номерами, после чего они с Агильо пересекли пыльную неасфальтированную площадку и остановились перед дверью с табличкой «Офис». На ходу Босх незаметно прикоснулся к спрятанному под курткой револьверу, что слегка приободрило его и придало уверенности. Дверь в здание отворилась, прежде чем Гарри успел взяться за ручку, и им навстречу вышел средних лет мужчина в широкополом стетсоне, который отчасти скрывал его суровое лицо, иссеченное глубокими морщинами и до черноты загорелое.

Несмотря на загар, черты лица выдавали в нем белого, и Гарри подумал, уж не тот ли это водитель, которого он видел в Лос-Анджелесе, в Институте по борьбе с фруктовой мушкой. Мужчина закуривал сигарету.

— Последняя дверь налево, — сказал он, выдохнув дым. — Вас ждут.

— Кто?

— Он.

Мужчина в стетсоне улынулся, а Босху показалось, что его морщинистое лицо вот-вот треснет и осыплется, но ничего не произошло. Они с Агильо переступили порог и очутились в недлинном коридоре, облицованном деревянными панелями, который вел в небольшую приемную с левой стороны. За ней — также по левую руку — виднелись три двери. В торце коридора темнела четвертая дверь. За столиком в приемной сидела молодая мексиканка. Она молчала, и Босх, кивнув ей, направился дальше. На первой двери была укреплена табличка: «Министерство сельского хозяйства США». На следующих двух никаких надписей не обнаружилось. На торцевой, самой массивной двери белели грозные слова: «Радиация! Посторонним вход воспрещен!» Рядом был вделан в стену крюк; на нем висели защитные очки и несколько респираторов.

Открыв последнюю дверь с левой стороны, детективы оказались в приемной, совсем крошечной. Несмотря на ее скромные размеры, здесь тоже стоял стол секретаря, но самого секретаря не было.

— Сюда, пожалуйста! — донесся из-за закрытой двери кабинета зычный голос.

Босх и Агильо вошли в просторный светлый кабинет. Почти в самом центре его стоял массивный письменный стол из стали. За ним сидел человек в светло-голубой крестьянской гуайавере* и что-то писал в толстом грессбухе. У локтя его стояла пенополистироловая кружка с горячим кофе. Жалюзи на окне пропускали достаточно света, поэтому, работая, хозяин кабинета обходился без настольной лампы.

* Гуайавера — крестьянская рубашка свободного покроя в странах Латинской Америки.

Мужчина, явный гринго, выглядел лет на пятьдесят с небольшим, но волосы его уже поседели, а сохранившиеся места — черные пряди остались от давнишней покраски. Когда Босх и Агильо вошли, он даже не поднял головы, продолжая писать. Воспользовавшись паузой, Гарри огляделся и увидел четырехэкранную систему телевизионного наблюдения на невысокой тумбе у стены. На трех черно-белых экранах Босх разобрал изображение ворот и панораму территории перед входом, сделанную, по-видимому, двумя камерами, которые он заметил по углам фасада. Четвертая картинка была сравнительно темной, но Гарри показалось, что это погрузочная зона, поскольку он рассмотрел на ней светлый кузов фургона с распахнутыми задними дверями и двух или трех рабочих, грузивших в машину большие белые коробки.

— Итак? — спросил мужчина, все еще не поднимая головы.

— Подумать только, какие меры безопасности из-за каких-то мух!

Мужчина наконец оторвался от работы и взглянул на него.

— Простите, как вы сказали?

— Я не знал, что эти фруктовые мухи такие ценные.

— Чем могу быть полезен? — Мужчина за столом нетерпеливо бросил ручку на стол, давая понять посетителям, что из-за них отлаженный механизм международной торговли вот-вот остановится.

— Детектив Гарри Босх, полицейское управление Лос...

— Вы это уже говорили, там, у ворот. Чем могу служить?

— Я пришел поговорить об одном из ваших наемных рабочих.

— Как его имя? — Мужчина взял ручку и снова начал делать какие-то пометки в лежащей перед ним учетной книге.

— Так вы что-то знаете? — задал Гарри прямой вопрос. — Наверняка знаете, иначе то, что коп из Лос-Анджелеса проехал три сотни миль и пересек границу лишь для того, чтобы задать несколько пустячных вопросов, вызвало бы у вас как минимум легкое недоумение. Я же недоумения не вижу, и это меня беспокоит.

Ручка снова полетела на стол; на этот раз бросок был сильнее, так что она отскочила от столешницы и упала в мусорную корзину.

— Послушайте, офицер, мне плевать, что вас беспокоит, а что — нет. У меня на руках нежный груз, и я должен отправить его не позднее шестнадцати часов. Мне некогда выказывать недоумение или интерес к вашей персоне. А теперь сообразовывайте назвать имя работника, и я расскажу вам все, что знаю, если он, конечно, работал у нас.

— Что вы имеете в виду, когда говорите «работал»?

— Как-как?

— Вы употребили прошедшее время.

— Ну и что с того?

— Что это означает?

— Послушайте, офицер, вы сказали, что приехали сюда задавать вопросы. Я...

— Кстати, как ваше имя?

— Что?

— Как ваше имя?

Мужчина замолчал, явно сбитый с толку, и в замешательстве глотнул кофе из чашки. Наконец он собрался с мыслями и сказал:

— Послушайте, мистер, вам известно, что на территорию Мексики ваши полномочия не распространяются?

Босх пропустил замечание мимо ушей.

— Вы сказали — «работал», хотя я ни разу не употребил прошедшего времени. Значит ли это, что вам известно, о ком пойдет речь? О человеке, который был убит?

— Я просто догадался. Если коп приехал из самого Лос-Анджелеса, значит, речь пойдет о мертвом. Не играйте словами, мистер, и не давите на меня. С тех пор как вы пересекли границу, ваш значок ценится не дороже жестянки, из которой он отштампован. Я не обязан...

— Так вам нужен полномочный представитель местной власти? Прошу — перед вами Карлос Агильо, следователь судебной полиции штата. Считайте, что это он задает вам вопросы, а не я.

Агильо молча кивнул.

— Дело не в этом. — Мужчина за столом поморщился, как от зубной боли. — Дело в типичном дерьмовом американском имперском самомнении, которым от вас так и прет. Мне это не нравится. Что касается вашего вопроса, то меня зовут Чарльз

Эли. Я совладелец фирмы «Энвиرو брид». О человеке, который, по вашим словам, здесь работает, мне ничего не известно.

— Но я еще не назвал вам его имени.

— Это не имеет значения. Надеюсь, теперь вам все ясно? Вы ошиблись и с самого начала повели игру неправильно.

Босх достал из кармана посмертный снимок Гутьереса-Лосы и бросил его на стол. Эли не прикоснулся к фотографии, но наклонился, чтобы посмотреть на нее. Босх, внимательно за ним наблюдавший, не заметил никакой реакции. Тогда он выложил на стол корешки расчетных чеков. И снова никакой реакции.

— Его имя — Ферналь Гутьерес-Лоса, — сказал Гарри. — Поденный рабочий. Мне необходимо знать, когда в последний раз он у вас работал и чем занимался.

Эли выудил ручку из мусорной корзины и ее концом подтолкнул снимок в обратном направлении.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Мы не ведем учет поденных рабочих, а оплачиваем их труд чеками на предъявителя в конце каждого рабочего дня. К тому же нам все время попадают разные люди, поэтому лично я не отличил бы одного от другого. Тем не менее мне почему-то кажется, что на вопросы относительно вашего Гутьереса мы уже отвечали капитану Грене из местной полиции. Наверное, мне придется перезвонить ему и узнать, во всем ли объеме мы осветили эту проблему.

Босх хотел спросить, имел ли Эли в виду размер взятки, переданной им мексиканскому капитану, но сдержался, поскольку последствия подобного шага были непредсказуемы и могли рикошетом затронуть Агильо. Поэтому он лишь вежливо кивнул:

— Непременно позвоните, мистер Эли. Я же пока осмотрю территорию. Может, кто-нибудь вспомнит это лицо.

Эли взволновался еще пуще.

— Это невозможно, сэр! Вам нельзя свободно бродить по всему корпусу — здесь есть помещения, где мы облучаем наш материал. Они опасны, и проходить внутрь разрешено только сертифицированному персоналу. Другие производственные помещения также находятся под специальным контролем министерства сельского хозяйства США, которое установило строжайший карантин. Мы не допустим, чтобы посторонние

люди нарушали существующие предписания. Кроме того, повторяю, у вас нет никаких полномочий!

— Кому принадлежит «Энви́ро брид»? — тихо спросил Босх.

Эли слегка вздрогнул от неожиданности.

— Как — кому? — растерянно спросил он.

— Как зовут этого человека?

— Я не обязан отвечать на этот вопрос. У вас нет...

— Человека, который живет на ранчо по ту сторону шоссе?

Эль-Папа?

Эли торжественно поднялся из-за стола и указал на дверь.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но вы уйдете немедленно.

Я же со своей стороны обещаю вам, что свяжусь не только с местными, но и с американскими властями. Посмотрим, что они скажут, узнав о том, как ведет себя лос-анджелесская полиция на иностранной территории.

Босх и Агильо вышли в коридор и закрыли за собой дверь. Гарри прислушивался, надеясь уловить звук шагов или телефона, но все было тихо, и он направился к двери в торце коридора. Но она оказалась заперта.

У кабинета с табличкой «Министерство сельского хозяйства» Босх снова остановился. Ничего не услышав, он решительно взялся за ручку и потянул дверь на себя. Этот кабинет был раза в четыре меньше комнаты Эли. За узеньким столиком сидел человек с внешностью типичного бюрократа. Заслышав шаги, он испуганно приподнял голову.

На этом мужчине были белая рубашка с короткими рукавами и неширокий голубой галстучек. Короткие седые волосы, встопорщенные усы, похожие на старую зубную щетку, и маленькие, невыразительные глаза, испуганно глядящие сквозь линзы бифокальных очков, произвели на Гарри крайне неблагоприятное впечатление. На клапане нагрудного кармана, из которого выглядывал пластиковый флакончик чернильного пятновыводителя, стоял штамп с его именем: Джерри Динсмор. На столе перед мистером Динсмором лежал покрытый жирными пятнами пакет с недоеденным фасолевым буррито.

— Чем могу помочь? — спросил мистер Динсмор с набитым ртом.

Босх и Агильо вошли в кабинет. Гарри предъявил полицейский значок, подержав его перед носом Динсмора ровно

столько, чтобы он получше его рассмотрел. Потом положил рядом с буррито фотографию из морга.

Динсмор, внимательно разглядев снимок, завернул остатки еды в бумагу и убрал в ящик стола.

— Узнаете его? — спросил Босх. — Если хотите знать, в чем дело, я поясню. Рутинная проверка с целью предотвращения эпидемии. Этот парень подхватил весьма заразную болезнь, притащился с ней в Лос-Анджелес и откинул копыта. Мы пытаемся проследить его маршрут, выявить всех, с кем он контактировал и кого, возможно, заразил. Скорее всего у нас есть еще время приостановить распространение этой болезни.

Челюсти Динсмора задвигались медленнее. Еще раз взглянув на фото, он сдвинул очки на кончик носа и посмотрел поверх них на Босха.

— Он что, работал у нас?

— Мы так считаем. В любом случае мы должны проверить всех постоянных работников. Узнаете вы его? Нам важно знать, насколько близко вы к нему подходили. Если вы видели этого человека только издалека, возможно, все обойдется для вас карантинными мероприятиями.

— Я не контактирую с рабочими, поэтому вряд ли заразился. Кстати, что это за болезнь? И почему ПУЛА занимается... Этот человек выглядит так, будто его избили!

— Прошу прощения, мистер Динсмор, но эти сведения должны оставаться конфиденциальными до тех пор, пока мы не решим, велика ли опасность, что вы заболите. Если вы больны, что ж, нам придется выложить на стол все карты. Если нет, ваше счастье... Итак, вы уверены, что никогда не подходили близко к поденщикам? Разве не вы инспектор американского правительства на этом предприятии?..

Задавая вопросы, Босх каждую минуту ждал, что в кабинет ворвется Эли.

— Я инспектор, но в мою компетенцию входит только контроль конечного продукта. Образцы для исследований я отбираю непосредственно из контейнеров, приготовленных к отправке. После этого я пломбирую контейнеры, но все это делается в специальной комнате. Не забывайте, что «Эн-ви-ро брид» — частное предприятие, следовательно, я не имею права вмешиваться в процессы разведения и стерили-

зации фруктовой мушки. Именно поэтому я никогда не сталкиваюсь с рабочими.

— Вы сказали — «образцы». Значит ли это, что вы заглядываете не во все контейнеры?

— Не совсем так. Я не заглядываю во все упаковки с личинками, но все средосохраняющие короба я осматриваю и опечатываю. Но какое отношение это имеет к эпидемии? Не понимаю! В конце концов, этот человек...

— Я тоже не понимаю, но это пустяки. Самое главное, что вы не заразились!

Маленькие глазки Динсмора слегка расширились, а Босх еще и подмигнул ему, чтобы совсем сбить инспектора с толку. Он пытался понять, участвует ли Динсмор в том, что здесь творится, или он слеп как крот и не видит ничего дальше собственного носа.

Пожелав инспектору приятного аппетита, Босх и Агильо вышли в коридор. В тот же момент торцевая дверь отворилась и оттуда показался Эли. Стащив с лица респиратор и очки, он шагнул к ним, расплескивая из чашки горячий кофе.

— Я требую, чтобы вы оба немедленно ушли отсюда и вернулись только с судебным постановлением, — заявил он.

Эли поравнялся с детективами, и Гарри заметил, что он побагровел от гнева. Кого-то другого это, возможно, и устрасило бы, но только не Босха. Он посмотрел на чашку в руках Эли и улыбнулся — еще один фрагмент головоломки только что встал на место. В желудке шестьдесят седьмого «Хуана» тоже был кофе. Именно с ним он проглотил фруктовую мушку, которая и привела Босха сюда.

Эли проследил за его взглядом и увидел мертвое насекомое, плавающее на поверхности кофе.

— Чертовы мухи! — проворчал он.

— Знаете что? — сказал ему Босх. — Кажется, мне удастся получить судебное предписание.

Ничего другого он не мог придумать, а ему очень не хотелось, чтобы Эли чувствовал себя победителем, вышвырнув его вон. С этими словами Босх повернулся и пошел к выходу.

— Можете на это не рассчитывать, — крикнул ему вслед Эли. — Это вам не Штаты! Здесь вы — никто!

Глава 23

Босх стоял у окна своего номера в отеле «Колорадо» на Кальсадо-Хусто-Сьерра и рассматривал панораму города с третьего этажа. С левой стороны обзор ограничивало противоположное крыло гостиницы, зато справа он видел улицу, запруженную машинами и автобусами, размаляванными во все цвета радуги. Где-то играл оркестр марьячо, а из ближайшего ресторана доносился запах горячего жира. Солнце медленно садилось, и небо над городом стало пурпурно-красным. Вдалеке Босх увидел корпуса муниципалитета и — чуть правее — округлую чашу стадиона. Это и была Пласа-де-лос-Торос.

Два часа назад Гарри позвонил в Лос-Анджелес агенту Корво, оставил ему свой адрес и номер телефона и теперь ожидал звонка Рамоса, доверенного человека Корво в Мехикали, но тот почему-то медлил.

Босх отошел от окна и мрачно уставился на телефонный аппарат. Он знал, что пора и ему сделать кое-какие звонки, но почему-то колебался. Наконец он вытащил из ведерка со льдом бутылку охлажденного пива, откупорил ее и, опустошив на четверть, присел на кровать рядом с телефоном.

На ленте автоответчика у него дома оказалось три сообщения. Все они были от Паундса и по содержанию ничем не отличались друг от друга. Лейтенант просил Гарри срочно перезвонить ему.

Но Босх не сделал этого. В первую очередь он позвонил в детективное бюро голливудского участка, в подраздел убийств. Несмотря на субботний вечер, он рассчитывал, что в связи с убийством Портера кто-нибудь да ответит на вызов. Трубку взял Джерри Эдгар.

— Какие дела, Джек?

— Черт возьми, дружище, тебе необходимо срочно вернуться! — Эдгар говорил очень тихо, и Гарри с трудом слышал его. — Тебя все разыскивают, прямо с ног сбились. ОРГУ набрело на какие-то нити, поэтому я ничего не могу сказать точно. Мы все сейчас на побегушках у них: поставляем материалы и выполняем мелкие поручения. Но мне кажется... нет, не знаю.

— В чем дело? Выкладывай до конца.

— Либо они уверены, будто ты прикончил Портера, либо считают, что ты будешь следующим. Ты же сам прекрасно знаешь, как трудно понять, что делают или думают «костюмы».

— Кто сейчас в участке?

— Да все... У нас тут что-то вроде командного пункта. Даже Ирвинг приехал, но сразу заперся в «стакане» вместе с лейтенантом.

Босх понял, что ему придется звонить. Затягивать дольше опасно. Должно быть, скрываясь от начальства, он и так уже нанес себе непоправимый вред.

— О'кей, — сказал он Эдгару. — Спасибо. Я сейчас перезвоню лейтенанту, только прежде мне нужно звякнуть еще в одно место.

Босх дал отбой и набрал другой номер, надеясь, что запомнил его правильно. Было около семи, и Босх рассчитывал, что Тереза дома, если не пошла с кем-нибудь в ресторан. Ему повезло. На шестом гудке она взяла трубку.

— Это Босх. Я не вовремя?

— Что тебе надо? — Тереза, как всегда, сразу брала быка за рога. — Кстати, где ты? Тебя тут все обыскались.

— Знаю, но я сейчас не в Лос-Анджелесе. Я звоню, поскольку мне сообщили, что там нашли моего товарища — Люциуса Портера.

— Верно. Прими мои соболезнования. Собственно, я только что вернулась со вскрытия.

— Я так и подумал...

После долгой, очень долгой паузы Тереза сказала:

— Гарри, у меня почему-то такое ощущение, что ты хочешь... что ты звонишь совсем не потому, что он был твоим товарищем.

— Видишь ли...

— Черт возьми, Босх, ты опять?! Хочешь, чтобы все повторилось?

— Нет, Тери, нет. Мне нужно узнать только одно — как его убили. Он действительно был моим близким приятелем, мы вместе работали. Впрочем, не хочешь — не говори.

— Не знаю, почему я все время позволяю тебе уговорить себя, Босх. В общем, это был «мексиканский галстук». Теперь ты доволен? Получил все, что хотел?

— Его задушили?

— Да. Стальной проволокой с двумя деревяшками на концах. Уверена, ты видел такую штуку раньше. А теперь скажи, будет ли и об этом написано в завтрашней «Таймс»?

Босх молчал, пока Тереза не выговорила. Взгляд его, блуждавший по покрывалу на кровати, упал за окно, и он увидел, что снаружи наступили темные вечерние сумерки. Небо приобрело оттенок густого красного вина. Потом Босх вспомнил человека из «По» с вытатуированными слезинками на щеке.

— Ты не проводила сравнения с...

— Со случаем Джимми Каппса? Конечно, проводила. Тут мы тебя маленько опередили, но дело все равно будет закончено лишь через несколько дней.

— Почему?

— Потому что древесно-волоконный анализ деревянных частей и исследование сплава, из которого изготовлена проволока, потребуют чертову уйму времени. Впрочем, мы провели трассологическое исследование концов проволоки и получили превосходный результат.

— Что это значит?

— Это значит, что кусок проволоки, которым задушили Портера, скорее всего был отрезан от того же куска, которым убили Каппса. Один конец совпал с другим почти на сто процентов. Полного совпадения здесь, разумеется, быть не может, поскольку кусачки одного и того же типа оставляют практически одинаковые следы, так что решающее слово за анализом металла. Через несколько дней это будет известно точно.

Тереза рассказывала все это подчеркнуто ровным голосом, и Гарри удивился: неужели она до сих пор сердита на него? На взгляд Гарри, телевизионные репортажи, вышедшие в эфир вчера вечером, говорили скорее в ее пользу и только укрепляли репутацию Терезы. Растерявшись, Босх не знал, что сказать. Вместе с тем его поражало, как за столь короткое время их отношения прошли путь от непринужденного общения в постели до напряженной беседы по телефону.

— Спасибо, Тереза, — сказал он наконец. — Увидимся.

— Гарри! — окликнула она Босха, прежде чем он повесил трубку.

— Да?

— Когда вернешься... не звони мне больше. Пусть наши отношения останутся чисто профессиональными. Если мы встретимся у меня на работе — о'кей. Но ничего больше, договорились? — Босх молчал. — Договорились? — Тереза слегка повысила голос.

— Конечно.

Они повесили трубки почти одновременно. Босх несколько минут неподвижно сидел на кровати. Наконец он снова снял трубку и набрал номер кабинета Паундса.

— Алло, это Босх.

— Где вы находитесь? — Лейтенант говорил сухо и официально.

— Я сейчас в Мехикали. Вы оставляли сообщения на моем автоответчике?

— Я звонил даже в отель, указанный вами на пленке, но мне сказали, что вы там не появлялись.

— Я остановился по другую сторону границы.

— Ну, это не важно. Портер мертв.

— Что?! — вскричал Босх, изобразив искреннее удивление. — Что с ним? Мы же виделись буквально вчера, он...

— Не отвлекайтесь, Босх. Что вы делаете в Мехикали?

— Вы же сами сказали, что я могу поехать куда угодно, если это нужно для дела. Дело позвало меня сюда.

— Но я не имел в виду Мексику!.. — Паундс уже почти кричал. — Вы мне срочно нужны! Это кончится для вас плохо, детектив. Мы нашли бармена, который — да поможет нам Бог! — готов дать такие показания, что вы не успеете и глазом моргнуть, как сами окажетесь по уши в грязи. Он... Подождите, не вешайте трубку.

— Босх, — зазвучал в трубке другой голос. — Говорит заместитель начальника полиции Ирвинг. Где вы?

— В Мехикали.

— Я хочу, чтобы вы прибыли ко мне в кабинет завтра в восемь ноль-ноль.

Босх не колебался ни секунды, зная, что не может проявить никаких признаков слабости.

— Это невозможно, шеф. Я еще не закончил здесь несколько важных дел, поэтому вряд ли освобожусь раньше завтрашнего утра.

— Речь идет об убийстве вашего коллеги-детектива, Босх. Не знаю, понимаете ли вы это, но очень может быть, что вам самому грозит опасность.

— Я знаю, что делаю, шеф. Кроме того, именно убийство коллеги заставило меня отправиться в Мексику. Вы не забыли об этом? Или Мур не в счет?

Ирвинг пропустил его выпад мимо ушей.

— Вы отказываетесь подчиниться моему приказу?

— Послушайте, шеф, мне глубоко плевать на то, что вам рассказывает какой-то бармен. Вам же ясно, что я не делал этого.

— Я не говорил, что вас обвиняют, детектив. Тем не менее этот разговор заставляет меня предположить, что вам известно об этом деле гораздо больше, чем человеку, абсолютно к нему непричастному.

— Да поймите же, что ответы на множество вопросов — о Муре, о Портере и других — спрятаны где-то здесь, совсем близко! Их можно найти, поэтому я должен остаться в Мехикали.

— Я ошибся в вас, детектив Босх! — В голосе Ирвинга зазвенел металл. — Я дал вам определенную свободу, потому что мне показалось, будто вы обдумали свое поведение и сделали определенные выводы. Теперь я понял, что промахнулся. Вы снова обвели меня вокруг пальца, Босх. Вы...

— Я выполняю свои...

— Не перебивайте меня! Может, вам и не хочется выполнить мой приказ и вернуться, но не перебивайте меня. Не хотите возвращаться — прекрасно. И не надо. Только поразмыслите о том, Босх, что вы многое потеряете. Возможно, по возвращении у вас не останется даже того, что было раньше.

Когда Ирвинг положил трубку, Босх достал из ведерка вторую бутылку «Текэй» и, подойдя к окну, закурил сигарету. Угрозы Ирвинга не испугали его — во всяком случае, не так сильно, как, очевидно, рассчитывал шеф. Он мог бы отстранить его от дела дней на пять — такое Ирвингу вполне по плечу, — но

Босх пережил бы это. Понизить же его не под силу даже Ирвингу — ему просто некуда сослать непокорного детектива, поскольку во всей лос-анджелесской полиции нет места хуже голливудского участка.

И вместо того чтобы сокрушаться о загубленной карьере, Босх задумался о Портере. Теперь смерть детектива должна стать главной темой его размышлений. Беднягу задушили стальной проволокой и бросили у какой-то помойки, но Босх почему-то не испытывал особого сочувствия к мертвому копу. Обстоятельства его гибели заделали Гарри не так сильно, как он совсем недавно предполагал. Это был жалкий конец жалкой жизни, но Босх не ощущал печали. Портер совершил слишком много глупых ошибок; каждая из них могла привести его к гибели, и Гарри пообещал себе соблюдать предельную осторожность на пути к цели.

Потом он попытался сосредоточиться на Зорилло. Босх уже не сомневался, что дирижировал всеми событиями именно Эль-Папа. Наверняка это он послал наемного убийцу, чтобы надежно обрубить концы. С другой стороны, если Каппса и Мура прикончил один и тот же человек, что выглядело весьма вероятно, то было бы очень соблазнительно включить в число его жертв и Мура. И даже Ферналя Гутьереса-Лосу. Итак, допустим, что главный подозреваемый — это человек с тремя вытатуированными слезами. Означает ли это, что Дэнс тут ни при чем? Босх сомневался в этом. Из всех участников известных ему событий только Дэнс мог бы заманить Мура в «Убежище».

Раздумывая обо всем этом, Босх еще раз убедился, что поступил правильно, оставшись в Мехикали. Ответы на все вопросы здесь, а не в Лос-Анджелесе.

Отойдя от окна, Гарри открыл свой кейс и достал фотографию Дэнса, которую нашел в собранных Муром материалах. Перед ним был совсем молодой человек с обесцвеченными светлыми волосами, и хотя он по-взрослому хмурился, в лице его все еще сохранялось что-то мальчишеское, задорное. Но Дэнс пожелал подняться на ступеньку выше и отправился на юг искать свой шанс. Гарри понимал, что если Дэнс здесь, в Мехикали, то ему вряд ли удастся легко справиться с намеченной задачей. Скорее всего ему понадобится помощь.

Внезапный стук в дверь напугал Босха. Тихо поставив бутылку на пол, он взял с тумбочки револьвер и заглянул в дверной глазок. В коридоре он разглядел мужчину лет тридцати, черноволосого, с густыми усами. Босх видел его впервые в жизни.

— Si?

— Босх? Это Рамос.

Гарри, не снимая цепочки, открыл дверь и потребовал, чтобы тот предъявил какой-нибудь документ.

— Ты что, шутки шутишь? — возмутился Рамос. — Я не ношу удостоверения личности, во всяком случае — здесь. Меня прислал Корво.

— Откуда я знаю, что не Зорилло?

— Ты звонил на коммутатор оперативной службы в Лос-Анджелесе около двух часов назад и оставил свой адрес. Говорю тебе,пусти меня, если не хочешь, чтобы я объяснял, что к чему, стоя в коридоре.

Босх снял цепочку и снова приоткрыл дверь. Револьвер он держал в опущенной руке, прикрывая оружие бедром. Рамос прошел мимо него в комнату, выглянул в окно и начал расхаживать из стороны в сторону возле кровати.

— Ну и воняет у тебя тут, — сказал он. — Кто-то жарит тортильи из дерьма. Или на дерьме. У тебя не найдется еще пива? Кстати, если федералы поймают тебя с этой пушкой, могут возникнуть неприятности на обратном пути через границу. Между прочим, почему ты не остановился в Калексико, как велел тебе Корво?

Если бы перед ним был не полицейский, Босх заподозрил бы, что Рамос нанюхался кокаина. В конце концов он все же решил, что Рамос так взвинчен от чего-то другого, о чем он пока не знает. Сняв телефонную трубку, Босх заказал коридорному упаковку пива. При этом он не отрывал взгляда от своего странного гостя. Сунув револьвер за поясной ремень, Босх сел в кресло у окна.

— Мне не хотелось задерживаться по пути, да еще по нашу сторону границы, — ответил он на один из многочисленных вопросов Рамоса.

— Иными словами, ты не во всем доверился Корво. Впрочем, я тебя не виню. Не то чтобы я сам ему не доверял — нет.

Просто иногда надо поступать по-своему. Да здесь и кормят получше. Калексико — занюханный дикий городок, одно из тех мест, где никогда не знаешь, какое дерьмо свалится тебе на башку. Стоит допустить ошибку, один маленький промах, и вот тебя уже взяли в оборот. Мне и самому нравится здесь гораздо больше. Ты ел?

Босх вспомнил, что Сильвия Мур рассказывала ему о черном льде. Рамос все еще расхаживал по комнате у него перед глазами, и он заметил у него на ремне два пейджера. Нет, определенно агент все-таки укололся. Гарри больше не сомневался в этом.

— Я уже поужинал, — ответил он, пододвинувшись вместе с креслом ближе к окну, поскольку в комнате распространялся резкий запах, исходивший от Рамоса.

— Я знаю отличный китайский ресторан — ни здесь, ни в Штатах не найдешь ничего подобного. Можем подскочить к...

— Эй, Рамос! Сядь ты наконец, а то у меня уже в глазах рябит. Сядь и объясни, в чем дело.

Рамос оглядел комнату с таким видом, словно видел ее впервые. У двери стоял стул, агент подтащил его ближе к центру комнаты и уселся на него верхом, положив руки на спинку.

— Дело в том, дружище, что мы не слишком довольны твоими сегодняшними успехами в «Энвиرو брид». — Босха удивило, что АKN узнала так много и так быстро, но он не показал этого. — Признаться, это было совсем не здорово, — продолжал Рамос. — Вот я и пришел сказать, чтобы ты перестал работать соло. Корво говорил, что у тебя здесь свой собственный интерес, но я не рассчитывал, что ты сразу полезешь на рожон.

— А в чем проблема? — Босх пожал плечами. — Я действительно съездил на «Энвиرو брид», чтобы попытаться довести до конца свое расследование. Судя по тому, что Корво рассказывал мне, вы не подозреваете, какой это гадючник. Я лишь слегка пугнул их, только и всего!

— Этих людей так просто не испугаешь, Босх. Ладно, хватит трепаться. Я сказал все, что хотел, а теперь мне нужно узнать, как обстоят дела со всем остальным, не относящимся к этому рассаднику насекомых. Грубо говоря, какого хрена ты здесь околачиваешься?

Не успел Босх ответить, как в дверь громко постучали, и агент АКН молниеносно вскочил со стула и присел за кроватью.

— Что с тобой? — удивился Босх. — Это коридорный с пивом.

— Просто я всегда готов к неприятностям.

Босх поднялся и, с любопытством поглядывая на Рамосу, подошел к двери. Через глазок он увидел коридорного, уже приносившего ему пиво. Гарри открыл дверь, расплатился и протянул Рамосу бутылку из нового ведерка.

Прежде чем сесть на стул, агент шумно выхлебал примерно половину бутылки. Босх устроился с пивом на прежнем месте у окна.

— Что ты имеешь в виду под неприятностями?

— Ну, — Рамос сделал еще один внушительный глоток, — ты дал Корво мощную наводку, но потом едва не испортил все дело, когда ворвался сегодня в «Энви́ро брид» и начал, так сказать, палить навскидку сразу из обоих револьверов. Ты чуть не посадил нас в лужу, ковбой.

— Ты это уже говорил. Что дала вам моя наводка?

— «Энви́ро брид». Мы проверили твою информацию и получили стопроцентное попадание. Нам удалось узнать, кто владеет этим предприятием. Разумеется, там была куча подставных лиц, но мы размотали клубочек до конца. Хозяином «Энви́ро брид» числится некто Гильберто Орнелас, известный нам как Фернандо Ибарра. Это — один из лейтенантов Зорилло. Сейчас мы вместе с федералами пытаемся получить ордер на обыск. В этом мексиканцы согласились нам помочь. К счастью, новый генеральный прокурор штата — человек честный и принципиальный — готов дать нам зеленый свет. Если мы получим официальную санкцию, то нам предстоит серьезная стычка.

— Когда ты будешь знать наверняка, что ваши люди получили ордер?

— Это может случиться в любой момент. Правда, чтобы получить ордер, нам необходимо выяснить еще одну деталь. Последнюю.

— Какую же?

— Если Папа перевозит «черный лед» через границу в грузовиках с насекомыми, то как он доставляет товар с ранчо на территорию «Энвиرو брид»? Мы долго наблюдали за ранчо и, конечно, засекли бы любые подобные действия. Вместе с тем мы уверены, что «черный лед» производится не на «Энвиرو брид» — для этого у них слишком маленькое здание, которое стоит очень близко к дороге, и так далее и так далее. Все наши разведанные указывают на то, что наркотик изготавливают в подземной лаборатории на ранчо. Данные аэрофотосъемки, проведенной в инфракрасных лучах, показали источники избыточного тепла — там, где выходят на поверхность вентиляционные шахты. Но все это пока не дало нам ответа на вопрос, как Зорилло переправляет свой товар на другую сторону шоссе.

Босх вспомнил вечер в «Семерке», когда Корво рассказывал ему о том, как Зорилло финансировал строительство подземного хода через границу.

— Наверное, он переправляет «черный лед» по подземному тоннелю, — предположил Гарри.

— Совершенно верно. Именно сейчас наши информаторы стараются добыть более точные сведения об этом тоннеле. Как только мы получим подтверждение, санкция прокурора будет у нас в кармане, и тогда мы вломимся в это змеиное гнездо по всем правилам военного искусства. Будем штурмовать «Энвиرو брид» и ранчо одновременно. Под это дело прокурор выделит отряд федеральной милиции, а мы пошлем ОБСО.

Босх терпеть не мог сокращения и аббревиатуры, которые так любили все правоохранительные службы и агентства. Все же он спросил, что такое ОБСО.

— Оперативная бригада по проведению специальных операций. Эти ребята — настоящие чертовы ниндзя.

Гарри обдумал услышанное. Он не понимал, почему события начали разворачиваться столь стремительно. Рамос явно чего-то недоговаривал — скорее всего АКН получила свежую оперативную информацию о Зорилло.

— Вы видели Зорилло, верно? — спросил Босх. — Вы сами, или кто-то вам стукнул.

— Ты здорово соображаешь, Босх. Да, мы видели и Зорилло, и еще одного белобрысого хорька, за скальпом которого ты приехал. Я имею в виду Дэнса.

— Где?! И когда?

— У нас есть осведомитель на ранчо. Он засек обоих сегодня утром — они стреляли в цель неподалеку от хозяйственного двора. Узнав об этом, мы сразу...

— Близко ли к ним подошел ваш информатор?

— Довольно близко. Не настолько, конечно, чтобы приблизиться к Папе и сказать: «Как вы поживаете?» или «Как я рад, что вы вернулись!», но достаточно, чтобы его опознать.

Рамос громко захихикал и привстал со стула, чтобы взять еще пива. Одну бутылку он метнул Босху, хотя Гарри еще не допил предыдущую.

— Где он был? — спросил Босх.

— Да кто ж его знает? Меня занимает одно: что Папа вернулся и будет на ранчо, когда ОБСО постучится в парадную дверь. Кстати, не забудь оставить пушку, иначе федералы возьмут за хобот и тебя. Применение оружия и специальных средств на мексиканской территории разрешено только ОБСО, и никому больше. Уверен, Генеральный прокурор подпишет соответствующий документ, и тогда... Только бы его не купили и не прикончили! В общем, в любом случае, если наши решат, что тебя необходимо снабдить чем-нибудь огнестрельным, они подберут тебе ствол из своего арсенала.

— А как я узнаю о начале операции?

Прежде чем ответить, Рамос, так и не сев на стул, запрокинул голову и влил в себя еще с полпинты пива. Запах его тела распространился уже по всей комнате, и Босх поднес горлышко бутылки к самому носу, чтобы обонять «Текэй», а не агента.

— Мы известим тебя. — Рамос вытер губы тыльной стороной ладони. — Вот, возьми это и жди. — Он снял с пояса один из пейджеров и бросил его Гарри. — Повесь его на ремень. Я сам дам тебе сигнал. И не беспокойся — это произойдет скоро. Надеюсь, еще до Нового года. Слишком затягивать, пожалуй, не следует, поскольку никто точно не знает, сколько времени объект проведет на ранчо в этот раз.

Прикончив пиво, Рамос поставил пустую бутылку на стол. Другую он не взял, и Босх понял, что встреча закончена.

— Как насчет моего партнера?

— Которого? Мексикашки? Забудь о нем — он же из полиции. Ему ничего нельзя рассказывать, Босх. Эль-Папа скупил местных копов на корню — прими это как данность. Никому не доверяй и никому ничего не рассказывай. Просто надень пейджер и жди, когда он запищит. Сходи на корриду, в бассейн или еще куда-нибудь. Погляди на себя, дружище, тебе не мешало бы немножко загореть!

— Я знаю Агилью лучше, чем тебя, — возразил Босх.

— А ты знаешь, что он работает под началом человека, который каждое воскресенье сидит в ложе Зорилло на корриде?

— Нет. — Гарри покачал головой, думая о Грене.

— Чтобы стать следователем судебной полиции штата, нужно заплатить около двух тысяч долларов независимо от образования и способности вести дела. Тебе это известно?

— Нет.

— Я так и знал. Но именно так и обстоят дела. Не забывай об этом и не доверяй никому. Черт, Босх, может, ты и работаешь с последним честным копом во всем Мехикали, но зачем лишний раз рисковать своей задницей?

Босх кивнул и сменил тему:

— Еще одно, Рамос. Я хотел бы встретиться с тобой завтра, чтобы просмотреть ваши досье. У вас ведь есть все люди Зорилло?

— Большинство. А кто конкретно тебя интересует?

— Я ищу человека, на щеке у которого вытатуированы три слезы. Это один из боевиков Зорилло. Вчера в Лос-Анджелесе он убил еще одного копа.

— Господи Иисусе! О'кей, Босх, позвони завтра утром вот по этому номеру. Я подумаю, что можно сделать. Если найдешь своего убийцу, мы доложим об этом Генеральному прокурору, чтобы побыстрее получить ордер.

С этими словами Рамос вручил Босху визитную карточку, на которой не было ничего, кроме номера телефона. Потом он ушел, и Гарри запер дверь на цепочку.

Глава 24

Босх сидел на кровати с бутылкой пива в руке и думал о том, что означает возвращение Зорилло. Занимали его два вопроса: где был Эль-Папа все это время и что заставило его покинуть безопасную территорию ранчо? В конце концов ему пришло в голову, что Зорилло, возможно, ездил в Лос-Анджелес, намереваясь заманить Мура в мотель, где с ним без помех расправились. Ни на кого другого Мур, пожалуй, не клюнул бы.

Пронзительный визг тормозов и скрежет металла раздался, казалось, под самым окном. До Босха донеслись с улицы сердитые голоса. Выражения спорящих становились все более крепкими, пока не превратились в угрозы. Их выкрикивали так быстро, что Босх перестал понимать слова. Подойдя к окну, Гарри увидел двух мужчин. Стоя возле столкнувшихся машин, они оживленно размахивали руками. Один водитель смял другому задний бампер, хотя улица в этот поздний час была почти пуста.

Уже отворачиваясь от окна, Босх краем глаза заметил слева голубоватую вспышку. В следующий миг бутылка с остатками пива, которую он все еще держал в руке, разлетелась вдребезги. Осколки стекла брызнули во все стороны, и Босх инстинктивно попятился. Опомнившись, он бросился на кровать и, перевалившись через нее, приземлился на полу. Оказавшись в этом ненадежном убежище, Босх готовился к новым выстрелам, но их не последовало. Сердце отчаянно колотилось в груди. Необычайная ясность мысли пришла к Гарри, как это бывало всегда в минуты смертельной опасности. Он прополз по полу несколько футов и выдернул из розетки штепсель настольной лампы. Комната погрузилась во тьму. Он привстал и нашарил на тумбочке револьвер. Снаружи взревели два мотора — машины стремительно умчались.

«Неплохо задумано, — сказал себе Гарри. — Вот только снайпер промазал...»

Он подполз к окну и медленно встал, прижимаясь спиной к стене и коря себя за то, что весь вечер так безрассудно сидел у окна, словно подставляясь убийце.

Осторожно выглянув за окно, Босх оглядел противоположное крыло отеля, где, как ему показалось, он заметил вспышку выстрела, но в наступившей тьме почти ничего не рассмотрел. Многие окна были открыты настежь, и определить, из какого именно стреляли, Гарри не мог.

Бросив взгляд в комнату, Босх увидел дыру в спинке кровати — в том месте, куда попала пуля. Соединив эту точку воображаемой линией с тем пунктом в пространстве, где он стоял с бутылкой в руке, Гарри продолжил ее и получил убедительную директрису, указывающую на неосвещенное открытое окно на пятом этаже противоположного крыла. Никакого движения за окном не наблюдалось, лишь ночной ветерок слегка колыхал занавеску.

Босх заткнул револьвер за пояс и, прикрыв его рубашкой, выскользнул из номера. От его одежды несло пивом, а осколки стекла, застрявшие в ткани, покалывали кожу. Босх несколько не пострадал; стекло слегка порезало лишь шею и правую руку, в которой Гарри держал злосчастную бутылку. На всякий случай он все же прижал раненой ладонью царапину на шее и поспешил дальше.

Судя по нумерации комнат в отеле, замеченное им окно находилось в пятьсот четвертом номере — четвертой комнате на пятом этаже. Попав в нужный коридор, Босх выставил револьвер перед собой. Приближаясь к номеру, он пытался представить свои действия после того, как выбьет ногой замок, однако эта предусмотрительность оказалась излишней — дверь была распахнута настежь, и ветерок из окна проникал сквозь нее в коридор.

Свет внутри не горел, и Босх, зная, что его силуэт ясно обозначится на пороге, быстро прыгнул в помещение, тотчас включил лампы в прихожей, быстро обвел стволом револьвера комнату, но, как он и предвидел, здесь уже никого не было.

Ошибки не было — несмотря на сквозняк, в пятьсот четвертом все еще пахло порохом. Гарри подошел к окну и посмотрел на окна своего номера. Пожалуй, задача перед неизвестным снайпером стояла не самая сложная.

Потом он услышал пронзительный визг покрышек по асфальту, а повернувшись на звук, заметил задние огни седана,

который вырулил со стоянки отеля и, резко увеличив скорость, понесся прочь.

Босх спрятал револьвер под рубашку и стал осматривать комнату в надежде найти что-нибудь оставленное убийцей. Когда он включил свет, на кровати, в складках заткнутого под подушки покрывала, тускло блеснул медным боком какой-то предмет. Потянув покрывало, он увидел застрявшую под подушкой стреляную гильзу винтовки тридцать второго калибра. Не прикасаясь к ней, Босх достал из ящика стола чистый конверт и ловко поддел им гильзу.

Когда он уходил из пятисот четвертого номера, в отеле все было спокойно — никто не выглядывал из дверей, не сбегались сотрудники гостиничной службы безопасности, не выли вдали полицейские сирены. Значит, никто не слышал ничего подозрительного, возможно, кроме звука разбившейся у него в руках бутылки. Злоумышленник скорее всего воспользовался глушителем. Иными словами, убийца наверняка не спешил с выстрелом и подкарауливал Босха у окна. Но промахнулся. «Не был ли промах намеренным?» — подумал Гарри, но тут же отверг это предположение. Пуля прошла совсем рядом с ним, а стрелять так близко от цели, чтобы просто напугать, не имело смысла — слишком многое зависело от слепого случая. Значит, ему просто повезло. Отвернувшись в последний момент от окна, он спас себе жизнь.

Босх направился в свой номер, намереваясь извлечь пулю из спинки кровати, перевязать порезы, переменить одежду, после чего выписаться из гостиницы. По пути он сообразил, что должен предупредить Агилью.

У себя в комнате Гарри порывлся в бумажнике и сразу нашел листок бумаги, на котором Агильо записал ему телефон и домашний адрес. Следовательно взял трубку после первого же гудка.

— Алло?

— Это Босх. В меня только что стреляли.

— Понятно. Где это произошло? Ты не ранен?

Агильо говорил спокойным и невозмутимым тоном. Его волнение выдавало лишь машинальное «ты».

— Со мной все в порядке. В меня стреляли через окно моего номера в гостинице. Я звоню, чтобы предупредить тебя.

— Вот как?

— Мы весь день провели вместе, Карлос. Поэтому я не уверен, что это касается только меня. У тебя все о'кей?

— Да, все в порядке.

Босх вдруг сообразил, что не знает, есть ли у Агильо семья. В сущности, он почти ничего не знает об этом человеке, кроме его происхождения.

— Что ты собираешься делать? — спросил Агильо.

— Пока не знаю. Для начала съеду из отеля.

— Приезжай ко мне.

— Спасибо, хорошо... Нет, давай сделаем иначе. Не приедешь ли ты сюда? Меня в отеле уже не будет, но я хотел бы, чтобы ты разузнал хоть что-то о том, кто жил в номере пятьсот четыре. Оттуда в меня стреляли. Тебе это будет легче сделать, чем мне.

— Сейчас выезжаю.

— Отлично. Встретимся у тебя. Мне надо еще кое-что проверить.

Глумливая луна висела над жутковатым промышленным ландшафтом Валь-Верде, словно улыбка Чеширского кота. На часах было 10.00. Босх сидел в своей машине перед воротами мебельной фабрики «Мекситек», откуда оставалось две сотни ярдов до автостоянки «Энви́ро брид». Гарри ждал, пока отъедет последняя машина — светло-бежевый «линкольн», принадлежавший, как он подозревал, самому Эли. Рядом с Босхом лежал на сиденье пакет. Запах жареной свинины заполнял весь салон, и Босх опустил стекло.

Глядя на стоянку «Энви́ро брид», Босх чувствовал, как у него учащается дыхание. Выброс в кровь адреналина пьянил Гарри почище всяких наркотиков. Спина и ладони его взмокли от пота, хотя вечер выдался прохладный. Босх думал о Муре, Портере и других. «Но не меня... — стучало у него в голове. — Только не меня...»

В 10.15 дверь «Энви́ро брид» отворилась и оттуда вышел человек, у ног которого чернели две неясные живые тени. Эли и собаки. Псы прыгали возле его ног, и он кинул что-то на стоянку. Но собаки никуда не побежали, пока он не крикнул «Ешь!» и не хлопнул себя ладонью по бедру. Только после этого черные тени одна за другой ринулись вперед и, опу-

стив носы, стали носиться кругами по площадке в поисках подачи.

Эли сел в свой «линкольн». Босх увидел алые огни задних фонарей. Фары описали по площадке окружность и уперлись в металлические ворота. Тяжелые створки медленно откатились в стороны, и «линкольн» выехал. Дорога была свободна, и Гарри полагал, что машина наберет полную скорость, однако водитель тронулся с места, лишь убедившись, что ворота закрылись, а собаки остались внутри огороженной территории. Тогда «линкольн» вывернул на шоссе, и Босх на всякий случай сполз вниз по сиденью, хотя Эли направлялся совсем в другую сторону — к границе.

Гарри выждал еще несколько минут, но все было спокойно — нигде ни машин, ни людей. Наружного наблюдения Босх не увидел и подумал, что, планируя штурм, администрация отозвала своих филеров, не желая подставить ножку самой себе. Во всяком случае, он на это надеялся.

Наконец Гарри выбрался из машины, держа в руках пакет, фонарик и набор отмычек. Рассовав мелкие вещи по карманам, он наклонился, достал из салона резиновые половики, свернул их в трубку и взял под мышку. В соответствии с наблюдениями, которые Босх сделал днем, система безопасности «Энвири брид» была рассчитана на то, чтобы затруднить несанкционированный доступ в помещения, и только. Никаких сигналов тревоги или сирен она не предусматривала. Меры безопасности ограничивались лишь камерами наблюдения, собаками и десятифутовым забором с колючей проволокой, по которой был пущен ток. Внутри Гарри не заметил ни шоковых датчиков на стеклах в кабинете Эли, ни глазков инфракрасной сигнализации, ни даже контактного половичка у входной двери.

Босх считал, что объяснить это довольно просто. Сигнализация привела бы к вмешательству полиции, а те, кто разводил здесь фруктовую мушку, стремились отвадить нежелательных визитеров, не прибегая к помощи властей. Конечно, власти ничего не стоило купить, и они отвели бы взгляд в другую сторону. Здешнему бизнесу лишние глаза крайне мешали. Это, разумеется, не означало, что кабели тревожной сигнализации не протянуты в другое место, на-

пример, на то же ранчо, расположенное через дорогу, но Босх решил рискнуть.

Пройдя вдоль фабрики «Мекситек» до аллеи, протянувшейся за выходящими на Валь-Верде зданиями, Босх приблизился к «Энвиرو брид» с тыла и встал у загородки, дожидаясь собак. Псы появились быстро и совершенно бесшумно — поджарые черные доберманы. Один из них глухо зарычал. Босх отступил на шаг и пошел вдоль забора, поглядывая вверх, на колючую проволоку. Собаки сопровождали его молча, вывалив длинные языки и роняя слюну. Вскоре Гарри увидел сарайчик с вольером, куда доберманов запирали днем, и остановился. У сарая стояла двухколесная тележка. Кроме нее, ничего и никого на территории не было.

Только два пса.

Босх присел возле мусорных баков и открыл пакет. Кроме свертка со свиной, купленной в китайской закусочной возле отеля, там был флакончик «Суэнь-мас». Гарри достал его первым, а затем развернул остывшее мясо. Выбрав кусок размером с кулак ребенка, он воткнул в него три пилюли, обладавшие быстрым и сильным снотворным действием, и, смяв мясо в руке, бросил его через забор. Доберманы кинулись за едой, и один из них, успевший к куску раньше другого, остановился над ним. Босх повторил манипуляции со снотворным. Еще один кусок свинины упал на землю рядом с первым, и к нему бросился второй пес.

Ни тот, ни другой, однако, не смел тронуть лакомство без команды. Они нюхали мясо и глядели на Босха, шевеля носами и словно ожидая чего-то еще. Потом псы огляделись по сторонам, явно высматривая хозяина. Они растерянно переглянулись, и один из доберманов даже взял мясо в зубы, но тотчас выпустил.

Когда псы уставились на Гарри, он, подражая Эли, крикнул: «Ешь!» — но ничего не произошло. Босх повторил команду еще несколько раз, но и это не помогло. Наконец он заметил, что доберманы выжидательно смотрят на его правую руку. Тут Гарри осенило. Повторив команду, он хлопнул себя по бедру. Псы дружно лязгнули зубами и проглотили еду.

Босх быстро воткнул таблетки еще в два куса мяса и бросил через забор. Свиная исчезла в мгновение ока. Гарри в

ожидании прогуливался вдоль забора. Собаки, грозные и молчаливые, не отставали, и Босх дважды прошелся от угла до угла, надеясь, что прогулка ускорит процесс собачьего пищеварения. Отвлекаясь, он посмотрел вверх, на закрученную спиралью проволоку. На остриях шипов играл лунный свет. Гарри приметил электрические разъемы, размещенные через каждые двенадцать футов. Кроме того, ему казалось, будто он слышит слабый звук электрического гудения. Колючка не только цеплялась бы за одежду — смерть настигла бы нарушителя прежде, чем он перенес на противоположную сторону ногу. Но Босх все же решил попытать счастья.

В конце аллеи мелькнул свет фар, и Гарри юркнул за мусорные контейнеры. Когда машина приблизилась, Босх увидел на дверце полицейскую эмблему и испуганно замер, прикидывая, что ему сказать в свое оправдание. Он вдруг сообщил, что оставил свернутые в трубку половики на аллее, около забора.

Проезжая мимо ограды «Энвиرو брид», патрульная машина снизила скорость, и Босх услышал, как водитель, заведя собак, чмокнул губами. Потом автомобиль проехал дальше и скрылся из виду. Босх перевел дух и выбрался из своего укрытия.

Доберманы зорко следили за ним из-за забора почти час. Наконец один из них уселся на свой поджарый зад, а вскоре его примеру последовал и второй. Через несколько минут первый доберман, мелко перебирая по земле передними лапами, осторожно прилег, следом за ним другой, и почти одновременно их длинные головы склонились к вытянутым вперед лапам. Босх видел, как под животом ближайшего к забору добермана образовалась лужица мочи, но псы все еще держали глаза открытыми.

Минут через пятнадцать Босх достал из пакета последний кусок мяса и бросил его через забор. Один доберман, следя за летящей по высокой дуге едой, попытался приподнять голову, но тут же снова уронил ее на лапы. Собаки не вскочили и не побежали за мясом, и Босх предпринял последнюю проверку. Взявшись руками за забор, он слегка потряс его. Металл чуть слышно загудел, но псы уже не обращали на это внимания. Глаза их потухли. Путь был свободен.

Босх смял испачканную жиром бумагу и швырнул в ближайший мусорный бак. Потом достал из пакета рабочие перчатки и натянул на руки. Раскатав резиновый коврик и держа его левой рукой за конец, Гарри схватился правой за забор и поставил правую ногу в ромбообразное отверстие решетки. Глубоко вздохнув, он подтянулся и забросил коврик на колючую проволоку так, чтобы он свисал с обеих сторон наподобие седла. То же самое Гарри проделал со вторым ковриком. Теперь оба половика висели рядышком, оттягивая своим весом колючую проволоку вниз.

Не прошло и минуты, как Босх взобрался на забор и перекинул через импровизированное седло сначала одну, потом другую ногу. Здесь, наверху, электрическое жужжание слышалось гораздо громче, и Гарри перехватывал руки с особой осторожностью, пока наконец не прыгнул во двор рядом с неподвижными телами доберманов.

Достав из кармана потайной фонарь, Босх направил луч света на собак. Глаза их были открыты, но взгляд стал мутным, а дыхание тяжелым. Несколько секунд Гарри смотрел, как вздымаются и опадают их бока, потом повел лучом фонаря в сторону и отыскал несъеденный кусок свинины. Выбросив мясо за забор, на аллею, он взял обеих собак за ошейники и поволок к сараю. Затащив доберманов в вольер, Босх закрыл за ними дверь и запер на задвижку. Псы больше ему не угрожали.

От сарая Босх бесшумно перебежал к стене здания и осторожно заглянул за угол, желая еще раз удостовериться, что на стоянке нет ни машин, ни людей. Потом он вернулся к окну кабинета Эли.

Привстав на цыпочки, Гарри осмотрел окно, чтобы обезопасить себя от неожиданностей и убедиться, что на стекле нет датчиков. Проведя лучом света по всем четырем сторонам забранного жалюзи окна, он не увидел ни проводов, ни пленки вибрационных датчиков. Открыв лезвие карманного ножа, Босх отогнул им тонкую полоску металла, удерживавшую в раме нижнюю стеклянную панель. Аккуратно вынув стекло, он прислонил его к стене рядом с окном и осветил фонарем внутрь кабинета. В комнате никого не было, но Босх внимательно осмотрел не только стол Эли, но и другую мебель. Экра-

ны на установке видеонаблюдения не горели — камеры скорее всего были отключены.

Вытащив пять стеклянных панелей и составив их возле стены, Босх решил, что проделал большое отверстие и не застрянет. Подтянувшись на руках, он перевалился через подоконник и проник в кабинет.

На столе не оказалось никаких документов и ни единого клочка бумаги. Стеклопанное пресс-папье, попав под луч фонаря, брызнуло во все стороны чистой спектральной радугой. Босх подергал ящики, но они были заперты. Ему пришлось использовать крючок, чтобы отпереть замки. Ничего стоящего он не нашел. Заинтересовавший его толстый гротескный содержал лишь ведомости учета материалов, необходимых для наиболее успешного разведения фруктовой мушки.

Зато в мусорной корзине, стоявшей глубоко под столом, сыскалось кое-что важное. Направив в нее луч фонаря, Босх увидел на дне несколько смятых бумажек и высыпал их на пол. Аккуратно разворачивая каждый листок, он внимательно просматривал его и бросал в корзину, если не находил полезной информации.

Но в корзине был не только мусор. На смятом бумажном обрывке среди других записей Босх прочитал название отеля и номер комнаты: «Колорадо», 504.

«Что теперь с этим делать?» — задумался Гарри. Крошечная записка — вещественное доказательство, указывавшее на того, кто пытался убить детектива Босха, но проблема заключалась в том, что он нашел ее в ходе незаконного обыска. Следовательно, как улика она не имеет юридической силы до тех пор, пока ее не обнаружат в процессе официально санкционированного дознания. Вот только когда это будет? Если Босх оставит бумагу в корзине, весьма возможно, завтра утром уборщик вынесет мусор и улика безвозвратно исчезнет.

Гарри снова смял бумагу и, оторвав кусок липкой ленты от катушки, стоявшей на столе, приклеил ее одним концом к бумажному шарiku, а другим — к дну мусорной корзины. Теперь, рассчитывая Гарри, когда корзину перевернут вверх дном, клочок бумаги останется на месте и уборщик этого не заметит.

Применив отмычки, Босх выбрался из кабинета в коридор. У входа в лабораторию он задержался и надел маску и очки. Дверь с простым трехригельным замком не долго сопротивлялась.

За дверью Гарри встретила темнота.

Выждав секунду, он шагнул вперед. В этом помещении стоял тошнотворный липкий запах и было очень влажно.

Босх повел по сторонам фонарем и увидел, что находится вроде бы в подсобном помещении. Здесь не было ничего примечательного, и Гарри, отмахиваясь от мух, которые назойливо жужжали над ухом и тыкались в маску на лице, прошел через тяжелые двойные двери в следующую комнату.

Влажность здесь была еще больше. Комнату освещали гирлянды тусклых электрических лампочек, покрашенных в красный цвет, а под ними выстроились ряды широких фибергласовых поддонов. Воздух был очень теплым, а маску и лоб атаковали уже целые эскадрильи жужжащих насекомых. Босх замахал на них рукой и, подойдя к одному из поддонов, посветил внутрь. В поддоне копошилась розовато-коричневая масса. Это были личинки. В свете фонаря они напомнили Босху волнующуюся морскую гладь.

Босх отступил и обвел лучом всю комнату. В дальнем ее конце он увидел полку с инструментами и небольшую стационарную бетономешалку, которая, как он догадался, служила для приготовления питательной смеси. На задней стене висели на крючках метлы, совковые лопаты и грабли, а рядом на стеллажах стояли мешки с пшеничной мукой, сахарной пудрой и пакеты дрожжей. Все надписи на них были сделаны на испанском. Это место Босх назвал бы кухней.

Осматривая инструменты, он отметил, что у одной из лопат новенький черенок. Дерево было чистым и светлым, тогда как рукояти других инструментов потемнели от грязи. Глядя на эту лопату, Босх уже не сомневался, что Гутьерес-Лоса убили здесь. Удары наносили с такой силой, что черенок не выдержал и сломался или же испачкался в крови и его пришлось заменить. Что же увидел шестьдесят седьмой «Хуан», если его за это убили? Что мог совершить простой поденщик? Это пока оставалось неясным.

Босх в последний раз посветил по сторонам и перешел к следующим дверям. На них висели двуязычные таблички с грозными надписями: «ОПАСНО! РАДИАЦИЯ! НЕ ВХОДИТЬ!» Ничуть не смутившись, Гарри достал отмычки и приступил к замку.

В последнюю комнату, куда он попал, вела только пара дверей. Из всех трех производственных помещений это показалось ему самым просторным, хотя и было разделено на две примерно равные части высокой перегородкой с небольшим окошком. Предостерегающая надпись на перегородке была только на английском: «БЕЗ ЗАЩИТНЫХ КОСТЮМОВ НЕ ВХОДИТЬ!»

Босх обошел перегородку и увидел, что большую часть второй половины рабочего зала занимала внушительная квадратная машина: в ее недра уходила лента транспортера. Конвейер подавал внутрь машины подносы с личинками, которые на выходе опрокидывались в лотки — такие же, как в первой комнате. Кожух ее был испещрен грозными надписями и желтыми «трилистниками» радиационной опасности. Очевидно, именно здесь личинки подвергались стерилизации.

Обойдя излучатель, Босх увидел у стены большие лабораторные столы и висевшие над ними шкафчики. Они оказались не заперты; в каждом лежало примерно одно и то же: комплекты пластиковых рабочих перчаток, сосископодобные оболочки для упаковки куколок перед транспортировкой, запасные батареи и тепловые датчики. Босх явно находился в самом конце производственной линии, но для его расследования здесь не нашлось ничего важного.

Гарри шагнул к двери. Фонарик он погасил, и в комнате стало совершенно темно. Горел лишь крошечный красный огонек камеры наблюдения, смонтированной в углу под самым потолком. «Что же я пропустил? — спрашивал себя Босх. — Что осталось незамеченным?»

Включив фонарь, он вернулся за загородку, к генератору излучения. Все знаки и предостерегающие надписи были нацелены на то, чтобы посторонние держались подальше именно от этого места. Значит, где-то здесь и спрятан главный секрет.

Повернувшись к стене, Босх сосредоточил внимание на высоких, под потолок, штабелях стальных подносов. На них по-

давались в машину личинки. Упершись плечом в одну из таких стопок, Гарри сдвинул ее в сторону. Ничего. Под подносами был обычный бетонный пол. Он попробовал сдвинуть следующую стопку. Металл заскрежетал о металл, Босх опустил глаза и увидел в полу край крышки люка.

Подземный ход.

И тут его словно ударило. Он вспомнил красный огонек на камере видеонаблюдения. Панель экранов в кабинете Эли не работала, к тому же Гарри видел своими глазами, что из кабинета можно было следить только за погрузочной зоной, где кораба перегружали в фургоны.

Это означало, что за этим помещением «Энвиرو брид» наблюдает кто-то еще. Босх бросил быстрый взгляд на часы, пытаясь сообразить, сколько времени провел в этом зале. Две минуты? Три? Если охрана прибудет со стороны ранчо, то у него осталось очень мало времени. Однако Босх задержался еще на секунду, поглядев сначала на край люка в полу, потом — на красный глазок камеры.

Нет, он не должен рисковать, хотя пренебрегать тем, что именно в этот момент на него смотрят, тоже не стоило. Задвинув стопку подносов на место, Босх быстро вышел из комнаты. Вернувшись в коридор, он повесил маску и очки на крюк возле двери, миновал крошечную приемную и кабинет Эли, вылез в окно и поспешно вставил на место стеклянные панели, загибая металлические полоски пальцами.

Доберманы лежали в вольере, там же, где Гарри оставил их. Оба дышали с трудом, и Босх, подумав, все же решил вытащить псов наружу на тот случай, если оператор-охранник у монитора задремал или вышел по нужде. Схватив собак за ошейники, Босх выволок их из сарая на улицу. Один из доберманов заворчал, но звук этот скорее напоминал жалобный скулеж. Второго пса не хватило даже на это.

На забор Босх вскочил почти с разбегу, действуя с предельной осторожностью и расчетом. Когда он перекидывал ноги через резиновые половики, ему послышалось далекое жужжание мотора, отчасти заглушаемое электрическим гудением тока высокого напряжения. Прежде чем прыгнуть, Босх сдернул половики с проволоки и приземлился на аллею, держа их в руках.

Прежде чем поспешить к «капрису», Босх проверил карманы, желая убедиться, что не выронил ни фонарики, ни отмычки, ни ключи от зажигания. Все было на месте, зато теперь Гарри отчетливо слышал урчание мотора, возможно, даже не одного. Значит, его все-таки заметили.

Когда Босх бежал по аллее к «Мекситеку», до него донесся мужской голос, который звал то Педро, то Пабло. «Собаки, — догадался Босх. — Педро и Пабло — клички доберманов».

Добравшись до «каприса», Гарри скрючился на переднем сиденье, внимательно наблюдая за тем, что произойдет возле «Энви́ро брид». На стоянке он увидел два джипа и трех человек с пистолетами; они стояли на крыльце под тусклой лампочкой. Из-за угла вдруг вынырнул четвертый и быстро сказал что-то по-испански. Нашел собак, понял Гарри. Что-то в его фигуре показалось Босху знакомым, но он находился слишком далеко и не мог рассмотреть в темноте лицо, а тем более вытатуированные на щеке слезы.

Тем временем охранники открыли входную дверь и, как копы, один за другим скрылись внутри, держа оружие наизготовку. Этого момента и ждал Босх. Он завел мотор и выехал на шоссе. Лишь удалившись на порядочное расстояние, Гарри почувствовал, что его трясет после пережитого напряжения и испуга, а по шее стекает ручьями пот.

Босх закурил и бросил спичку в открытое окно. Прохладный встречный ветер унес вдаль его нервный смехок.

Глава 25

В воскресенье утром, в соответствии с договоренностью, Гарри позвонил по оставленному Рамосом номеру. Для этого он воспользовался телефоном-автоматом в ресторане «Каса де мандарин» в центре Мехикали. Назвавшись и оставив номер телефонной будки, Босх повесил трубку и закурил сигарету. Через две минуты телефон зазвонил. Это был Рамос.

— Que pasa, amigo?*

* В чем дело, дружище? (исп.)

— Да ни в чем. Я хотел бы взглянуть на ваши фотографии, помнишь?

— Конечно. Я сейчас выезжаю, по пути заберу тебя. Годится?

— Я выписался из отеля.

— Уезжаешь?

— Нет, просто переехал. Я всегда так поступаю, когда меня пытаются убить.

— Как ты сказал?!

— Убить. Из винтовки. Я все тебе расскажу, но только не сейчас. В настоящее время я в бегах, поэтому, если хочешь меня найти, поезжай к «Мандарину», что в центре города.

— Через полчаса буду. Мечтаю послушать твой рассказ.

Босх первым дал отбой и вернулся к своему столику, где Агилио заканчивал завтрак. Они оба заказали себе яичницу с сальсой, рубленным кишнецом и жареными клецками. Еда была отменной, и Босх, у которого после бессонной ночи всегда разыгрывался зверский аппетит, расправился с ней очень быстро. Агилио же, напротив, ел размеренно и не торопясь.

Вчера поздним вечером, после того как Гарри столь удачно завершил свои дела на «Энвиرو брид», они с Агилио встретились в его маленьком домике возле аэропорта, и следователь поведал Босху о том, что ему удалось выяснить в отеле. Клерк за стойкой регистрации не припомнил ничего определенного за исключением того, что у человека, снявшего пятьсот четвертый номер, были вытатуированы под левым глазом три слезы.

Агилио не расспрашивал Босха о его делах, догадываясь, что ответа не получит. Он предложил Гарри свободную койку в своем небогатом жилище. Босх согласился, но заснуть по-настоящему ему так и не удалось. Почти всю ночь он провел, глядя в окно и размышляя о самых разных вещах, пока в комнату через тонкие занавески не вполз серо-голубой рассвет.

Большую часть времени Гарри думал о Люциусе Портере. Особенно ясно он представлял себе его труп — обнаженный, холодный, с изжелта-восковой кожей, — который лежит на стальном столе морга и слегка потрескивает под скальпелем Терезы Коразон. Потом Гарри подумал о точечных кровоизли-

яниях на белках глаз; они свидетельствуют об удушении, и их непременно заметит Тереза. Он вспомнил те времена, когда они вместе с Портером приходили в прозекторскую наблюдать за тем, как вскрывают других и как ложатся на холодную сталь тугие петли вынутого кишечника. Теперь уже сам Люциус оказался на страшном столе с деревянным чурбаком, подложенным под шею, благодаря чему его голова занимала самое удобное положение для пилы.

Незадолго до рассвета сон и усталость все же начали одолевать Гарри, мысли стали путаться, и в тревожной полудреме он вообразил, что лежит на холодной каталке, а Тереза готовит свои сверкающие ножи.

От этого Гарри мигом очнулся, сел и потянулся за сигаретами. Босх поклялся себе, что никогда не попадет на этот стол. Во всяком случае, не таким путем, как Портер.

— АКН? — спросил Агильо, отставив в сторону тарелку.

— Что?

Агильо кивнул на пейджер на поясе у Босха, только что замеченный им.

— Да. Меня просили постоянно носить эту штуку.

Босх доверял Агильо, несмотря на то что говорили Рамос и Корво. Мексиканский полицейский заслужил его доверие. Всю жизнь Гарри проработал в полиции, но надеялся, что избежал привычки мыслить «по-полицейски» и научился принимать собственные решения. Когда придет время, он посвятит Агильо в то, что здесь происходит.

— Мне сегодня нужно туда съездить, — продолжил Босх, — и взглянуть на кое-какие их материалы. Я планирую сделать это сейчас. Давай встретимся позже.

Агильо не возражал. Он и сам собирался зайти на свое рабочее место на площади Хустисия, чтобы закончить всю бумажную работу, касающуюся оформления протоколов опознания Гутьереса. Гарри так и подмывало рассказать Карлосу про лопату с новенькой ручкой, обнаруженную им в «Энвирибрид», но он удержался. О своем несанкционированном проникновении на завод Босх собирался поведать только одному человеку.

Некоторое время они молча сидели за столом. Босх прилебывал кофе, Агильо маленькими глотками пил горячий чай. Наконец Гарри спросил:

— А ты сам когда-нибудь видел Зорилло? Живьем, так сказать.

— Только издалека.

— А где? На корриде?

— Да, на Пласа де лос Торос. Эль-Папа часто посещает бои, чтобы понаблюдать за своими быками. У него есть постоянная зарезервированная ложа на теневой стороне арены, куда он приходит каждое воскресенье. Я же могу позволить себе место только на открытой трибуне, на солнечной стороне. С этого расстояния я видел его несколько раз.

— Он болеет за своих быков, верно?

— Как-как?

— Он приходит смотреть, как его быки побеждают, да? Быки, а не тореро?

— Нет. Он приходит смотреть, достойно ли умирают его быки.

Босх сомневался, что понял этот ответ как надо, но решил не уточнять.

— Я хотел бы сегодня пойти на корриду. Можно это устроить? Я должен сидеть рядом с Эль-Папой.

— Не знаю... — Агильо покачал головой. — Ближайшие ложи очень дорогие. Настолько, что иногда их даже не удастся продать и они остаются закрытыми.

— Сколько же стоит место?

— Около двухсот американских долларов. Не меньше.

Босх достал бумажник и отсчитал двести десять долларов. Десятку он оставил на столике в уплату за завтрак, а остальное подвинул к Агильо. Только после этого ему пришло в голову, что это гораздо больше, чем мексиканский следователь зарабатывает за свою шестидневную рабочую неделю. Босх пожалел, что так поторопился с решением.

— Купи нам билеты в ложу рядом с Папиной.

— Но с ним будет много народу. Эль-Папа всегда приходит...

— Мне нужно взглянуть на него поближе, только и всего.

Они покинули ресторан, и Агильо сказал, что пойдет пешком, благо полицейское управление находилось в двух кварталах. Затем он удалился, а Босх стоял перед входом, поджидая Рамоса. Бросив взгляд на часы, он увидел, что минуло восемь. В эти минуты Босху полагалось быть в кабинете Ирвинга в Паркер-центре, и он задумался, предпримет ли к нему дисциплинарные меры заместитель начальника полиции. Как только он вернется в город, его отстранят от расследования и заставят заниматься канцелярской работой. Это уж как пить дать, если только... Если только он не привезет с собой внушительную стопку раскрытых дел. Тогда у него на руках будут достаточно сильные козыри, чтобы на равных разговаривать с Ирвингом. Так что хочешь не хочешь, а вернуться из Мексики нужно с разгаданными загадками.

Потом Босху пришло в голову, что ему, пожалуй, не стоит маячить на тротуаре перед рестораном, изображая мишень, и он, благоразумно войдя в вестибюль, стал высматривать Рамоса через стеклянные двери. В вестибюле к Босху приблизилась официантка и, несколько раз подобострастно поклонившись, отошла. Гарри решил, что причиной тому, вероятно, три доллара, которые он оставил на чай.

Рамос появился у «Мандарина» почти через час. Он предложил Босху сесть в его машину, но Гарри счел, что свои колеса ему еще понадобятся, и решил ехать следом за агентом.

Сначала Рамос поехал на север, но на площади у памятника Бенито Хуаресу свернул на восток. Довольно скоро они оказались в квартале, забитом складами и пакгаузами. Там они свернули на неприметную аллею и припарковались у здания, в несколько слоев покрытого граффити.

Выбравшись из своего побитого «чеви камаро» с мексиканскими номерами, Рамос несколько раз огляделся.

— Добро пожаловать в наш скромный федеральный офис, — сказал он.

Внутри царила сонная воскресная тишина. В комнате, куда Рамос провел Босха, никого больше не было. Гарри увидел несколько столов, стоящих в ряд, картотечные шкафчики у стены, оружейные ящики и двухтонный сейф модели «Цинциннати» для хранения вещественных доказательств.

— Итак, давай разберемся с тем, что ты мне вчера рассказывал, — начал Рамос. — Ты считаешь, что кто-то пытался разделаться с тобой, верно?

— Куда уж вернее... Впрочем, если бы попытка удалась, это дало бы стопроцентную уверенность.

Один пластырь, прилепленный Босхом на шею, прикрывал воротничок рубашки, второй — на ладони — тоже не бросался в глаза, и Гарри предпочел не заострять на этом внимание. Он рассказал о том, как все произошло, не опуская почти никаких подробностей. В заключение Гарри упомянул о гильзе, обнаруженной им в пятьдесят четвертом номере.

— А пуля? Ее можно извлечь?

— Кажется, она все еще в спинке кровати. Я не стал особоенно задерживаться.

— Ну конечно! Держу пари, ты помчался предупредить своего дружка-мексиканца. Босх, Босх!.. — Рамос сокрушенно покачал головой. — Когда ты поймешь, где находишься? Может, твой Агильо и неплохой парень, но ты же совсем не знаешь его. Не исключено, что он все это и подстроил.

— Да, я действительно предупредил его, но пусть тебя это не волнует. Все, чего ты от меня хотел, я сделал.

— О чем ты толкуешь, Босх?

— Об «Энвири брид». Вчера вечером я побывал там.

— Что?! Да ты совсем спятил! Я не говорил тебе ничего...

— Ну ладно, Рамос, брось. Думаешь, я не догадался, зачем ты вчера так подробно рассказывал мне, что именно вам необходимо знать, чтобы получить ордер на обыск? Мы здесь одни, поэтому не паникуй и слушай внимательно. Я узнал все, что вам нужно. Можешь записать, что получил эти сведения от доброхота-осведомителя.

Рамос расхаживал из стороны в сторону вдоль шкафов с картотекой, и изображаемое им негодование выглядело весьма убедительно.

— Послушай, Босх, по каждому информатору, с которым мне приходится работать, я обязан консультироваться с руководством. Твое предложение никуда не годится. Из этого все равно ничего не выйдет. Я не имею права...

— Сделай так, чтобы вышло.

— Босх, я...

— Тебе охота знать, что я там нашел, или мы оставим этот разговор? — Выпад Босха заставил агента ненадолго замолчать. — А что, — спросил Босх, — эти ваши ниндзя, как бишь их... ОБСОСО, они уже прибыли?

— ОБСО, Босх. Да, они прибыли в Мехикали вчера вечером.

— Вот и отлично. Вам придется начать операцию в самое ближайшее время, поскольку меня видели.

Гарри с удовольствием наблюдал, как агент хмурится и лицо его темнеет. Наконец Рамос с ожесточением потряс головой и рухнул на стул.

— Черт! Откуда ты знаешь?

— Там была камера наблюдения, но я заметил ее, когда было уже поздно. К счастью, мне удалось выбраться оттуда раньше, чем какие-то люди приехали посмотреть, в чем дело. Вряд ли меня узнали — я был в маске и в очках, — но теперь Зорилло известно, что кто-то побывал внутри.

— О'кей, Босх, ты действительно не оставил нам выбора. Так что ты там увидел?

«Вот оно!» — подумал Босх. Рамос признал, что проделанный им обыск необходим, хотя и незаконен. Фактически агент санкционировал обыск, и Босх понимал, что теперь ему будет гораздо легче выкрутиться в случае каких-либо осложнений. И он рассказал Рамосу о люке в полу рабочего зала, где находится радиационная установка.

— Ты не открывал его?

— Не успел. Впрочем, я бы не полез туда в любом случае. Видишь ли, я чистил тоннели и подземные ходы во Вьетнаме, где каждый люк, каждая дыра в земле были ловушкой. Да и люди, появившиеся на «Энвири брид» по сигналу тревоги, приехали на машине, а не прибежали через тоннель. Значит, там, под землей, может оказаться капкан.

Закончил Босх тем, что ордер на обыск, или санкция, или как там еще это у них называется, должен непременно включать разрешение забрать все инструменты и весь мусор из корзин.

— Это еще зачем? — удивился Рамос.

— Все, что вы вывезете оттуда, поможет мне закрыть одно из дел об убийстве, ради которых я сюда приехал. Кроме того, в

одной из корзин для бумаги, вероятно, найдется важная улика, благодаря которой вы сумеете обосновать обвинение в покушении на жизнь офицера полиции, то есть мою.

Рамос кивнул и, к удивлению Босха, не потребовал объяснений. Возможно, однако, это не особенно интересовало его. Поднявшись со стула, он прошел к шкафу и достал оттуда две толстые черные папки. Гарри устроился за ближайшим столом, и Рамос положил папки перед ним.

— Здесь собраны все предполагаемые соучастники и подозреваемые по делу оперативной разработки на Зорилло. Кое на кого из них у нас есть дополнительная информация, однако большинство снимков — просто данные оперативной съемки. Мы не знаем даже фамилий некоторых людей.

Босх открыл первую папку и стал рассматривать фото на титульном листе. Это был нечеткий, сильно увеличенный снимок размером восемь на десять, сделанный с большого расстояния. Рамос подсказал Босху, что перед ним Зорилло, но Гарри догадался и сам. Черные волосы, борода, пристальный взгляд темных глаз — это лицо показалось Босху знакомым. Однажды он уже видел его. Тогда, правда, это лицо не было скрыто бородой и выглядело гораздо моложе. На фотографии пустой взгляд был устремлен в пространство, а прежде в глазах играла пусть невеселая, но улыбка. И все же черты повзрослевшего мальчишки с фотографий из конверта Калексико Мура не узнать было нельзя.

— Что вам известно о нем? — спросил Босх. — Что-нибудь о семье — родителях, братьях?

Рамос пожал плечами:

— Почти ничего, да мы особенно и не стремились узнать. Признаться, нам начхать, откуда он взялся; гораздо больше нас интересует то, чем он занимается сейчас и что собирается предпринять в ближайшем будущем.

Босх перевернул закатанную в пластик страницу и сосредоточился на стандартных снимках, сделанных в профиль и анфас тюремным фотоаппаратом, и на размытых отпечатках, добытых «наружкой». Рамос вернулся за свой стол, придвинул к себе пишущую машинку и вставил в нее чистый лист бумаги.

— Попробую состряпать донесение информатора. Как-нибудь мы его пропихнем.

Пролистав примерно две трети первой папки, Босх нагнулся на фотографии человека с татуированной щекой. Их оказалось довольно много — и полицейских, и оперативных, сделанных под разными углами и с разных точек. Судя по всему, они относились к различным годам, и Босх видел, как прибавляются слезы на щеке и как лицо веселого мошенника и проходимца превращается в жестокую, неподвижную маску хладнокровного убийцы. Краткая справка, приложенная к снимкам, сообщала, что этого человека зовут Освальдо Арпис Рафаэлильо. Он родился в 1952 году, трижды побывал в пенитенсыаро за убийство, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, за убийство в возрасте правоспособном и за хранение наркотиков. Половину своей жизни этот тип провел в тюрьмах, оставаясь все это время верным псом Зорилло.

— Вот он! — воскликнул Босх.

Рамос встал и подошел к нему. Он тоже узнал Арписа.

— Говоришь, он побывал в Лос-Анджелесе и убил там пару копов?

— Да. Одного по крайней мере точно. Думаю, что и первый коп — тоже его работа. Кроме того, я считаю, что он прикончил одного гавайца, наркокурьера по имени Джимми Каппс. Он и один из полицейских были задушены одинаковым способом.

— «Мексиканский галстук»? Я угадал?

— Точно.

— А твой поденщик? Тот, который, по твоим словам, получил свое в нашем клоповнике?

— Он мог убить их всех. Точно не знаю. Пока.

— Этот парень нам давно известен. Арпис выбрался из пенты год назад или около того. Это хладнокровный убийца, один из приближенных Папы. Штатный палач. Кстати, здесь его прозвали Алвин Карпис, как и Убийцу с Пулеметом. Помнишь? Ну, из банды Ма Баркера, свирепствовавшей в тридцатые годы? За пару убийств Арписа упрятали за решетку, однако у него на счету столько мертвых тел, что не сразу и сосчитаешь.

Босх еще раз посмотрел на фотографии и спросил:

— Здесь все, что у вас есть? Все материалы на него — здесь?

— Есть кое-что еще, но в папке все, что тебе положено знать. Большинство материалов, по правде говоря, просто слухи, которые наши информаторы собирают и передают нам. Самое главное, что он работает на Зорилло с самого начала. Когда Эль-Папа только двинулся наверх, Ал Карпис выполнял для него всю грязную работу. Каждый раз, когда Зорилло нужно было кого-то убрать, он обращался к этому своему дружку из баррио. Как я уже говорил, раза два его все же упрятали куда следует; что же касается остальных случаев, то он, видимо, откупался.

Босх достал записную книжку и начал переписывать в нее кое-какие сведения из папки. Рамос продолжал рассказывать:

— Эти двое — Арпис и Зорилло — родом из одного баррио к югу от Мехикали. Оно называется...

— Святые и Грешники.

— Верно, Святые и Грешники. Кое-кто из местных коп, которым я доверяю в малом лишь потому, что не доверяю в большом, утверждают, будто Арпису просто нравится убивать. У них в баррио спрашивали: «*Quien eges?*» — что означало «Кто ты такой?». Этот вопрос как лакмусовая бумажка позволял тому, кто спрашивает, узнать, на чьей ты стороне. С ними или против них, святой или грешник. Пробравшись к власти, Зорилло начал руками Арписа расправляться со своими противниками. Местные копы рассказывали, что, когда Арпис приканчивал очередного конкурента Зорилло, в баррио говорили: «*El descubrio quien ega*». Это переводится...

— «Теперь он узнал, кто он такой».

— Правильно. Ничего себе паблисити, а? Как бы там ни было, местное население стало подражать Арпису и понемногу втянулось в войну против неугодных Зорилло людей. Дошло до того, что на каждом свежем теле они оставляли записку. Представляешь? Убивали человека, писали на бумажке: «Теперь он знает, кто он такой», — или что-то в этом роде, и прикалывали к рубашке. — Босх молчал и ничего не записывал. Еще один фрагмент головоломки вставал на место. — Иногда эти слова можно увидеть и на стенах домов в районе баррио, — сказал Рамос. — Это часть народного фольклора, окружающего Зорилло, часть того, что делает его Эль-Папой.

Гарри закрыл блокнот и встал.

— Я узнал все, что хотел.

— Вот и хорошо. Будь осторожен, Босх. Я не уверен, что покушение не повторится, поскольку за дело взялся сам Арпис. Ты, кажется, собирался поболтать по округе? Валяй, действуй. Это, пожалуй, самое разумное решение.

— Не беспокойся, все будет о'кей. — Босх кивнул и сделал шаг в сторону двери, потом задумчиво коснулся пальцами пейджера на поясе. — Мне дадут знать?

— Конечно, теперь ты один из нас. Корво собирается сам прибыть сюда на спектакль, и я хочу, чтобы ты был у меня на глазах. Кстати, куда ты собираешься пойти?

— Пока не решил. Наверное, как все туристы, наведаюсь в одно историческое общество и погляжу корриду.

— Только не нервничай. Мы тебе позвоним.

— Посмотрим.

Босх вышел и направился к «капрису», думая только о записке, найденной в заднем кармане Мура.

«Теперь я знаю, кто я такой».

Глава 26

Чтобы пересечь границу, Босху понадобилось около получаса. Вереница машин протянулась на добрые полмили от грязно-коричневого здания контрольного пункта пограничной стражи. Ожидая своей очереди и время от времени продвигаясь к цели на один-два автомобильных корпуса, Босх понемногу истратил всю свою мелочь и исчерпал запас однодолларовых банкнот, одаривая ими целую армию крестьян. Те толпились возле окна «каприса», попрошайничая или предлагая немудреные закуски и кустарные сувениры-безделушки. Многие по собственному почину терли грязными тряпками ветровое стекло, а потом протягивали свои заскорузлые ладони за вознаграждением. От каждого такого «мытья» стекло становилось все грязнее, поэтому в конце концов Гарри облил его водой из анкерка и включил «дворники».

Увидев полицейский значок, инспектор пограничного патруля махнул ему рукой и сказал:

— Если хотите смыть дерьмо с лобового стекла, то гидрант направо.

Через несколько минут Босх уже парковался напротив городского Таун-холла. Бросив взгляд через дорогу, он увидел, что сегодня в парке необычайно пустынно — не было даже мексиканцев, оживлявших его своим присутствием в прошлый раз. Выкурив сигарету, Босх вышел из машины и направился к двери с табличкой «Историческое общество Калексико», хотя сам еще не знал, что надеется узнать. Ему надо было скоротать время до вечера, а он чувствовал, что существует еще одна, глубинная причина смерти Мура. Только она способна объяснить и его решение переступить черту, пересекать которую полицейским заказано, и появление записки, найденной в заднем кармане его джинсов, и фотографию, где Кэл позировал вместе с Зорилло так много лет назад. Кроме того, Босху очень хотелось узнать, что стало с домом, который Мур называл замком, и с человеком, чьи волосы были белы как полотно. С ним Кэл тоже снимался.

Стеклянная дверь оказалась заперта, и Босх выяснил, что по воскресеньям Историческое общество открывается в час пополудни. Ему оставалось ждать еще около четверти часа. На всякий случай он приставил ладони к стеклу и заглянул внутрь, но в крошечной комнатке, где чудом уместились два стола, стеллаж с книгами и пара стеклянных демонстрационных ящиков, не было ни души.

Отойдя от дверей, Босх подумал было перекусить, но для обеда, пожалуй, еще рановато. Он зашел в полицейский участок и, по-приятельски кивнув сонному офицеру за стеклянной перегородкой, купил кока-колу в автомате, установленном в миниатюрной прихожей. Сегодня, правда, дежурил не Грубер, а какой-то другой коп.

Прислонившись к стене, Босх потягивал колу и поглядывал в сторону парка, когда заметил, что у двери Исторического общества сухонький старичок, над ушами которого торчали смешные пучки тонких седых волос, возится с ключами. До часа оставалось еще несколько минут, но Босх отделился от стены и направился к входу в помещение.

— Открыто? — спросил он.

— Почти, — ответил старик. — Я, во всяком случае, на месте. Чем могу служить, молодой человек?

Босх шагнул внутрь и объяснил, что сам еще не знает, чего хочет.

— Мне нужно побольше узнать о... происхождении одного моего друга. Я знаю, что его отец был довольно известной личностью, в масштабах Калексико, разумеется. Неплохо было бы взглянуть и на его, так сказать, отчий дом, если он еще цел, да и разузнать о родителях.

— Как имя отца вашего друга?

— Этого я не знаю, но его фамилия была Мур.

— Черт возьми, молодой человек, такие сведения мало чем нам помогут. В Калексико полным-полно Муров. Это была большая семья — братья, кузены, троюродные... Давайте сделаем вот что: я...

— У вас есть фотографии? — перебил его Босх. — Ну, такие толстые альбомы со старыми снимками? Я видел у друга фотографию отца и смог бы...

— Именно это я и хотел вам предложить, — сказал историк немного обиженно. — Но прежде чем мы найдем вашего Мура, позвольте спросить, к чему вам это? Мне, видите ли, тоже стало любопытно. С чего это вам взбрело в голову интересоваться происхождением вашего... гм-м... приятеля?

— Я пытаюсь собрать материал, чтобы составить генеалогическое древо его семьи.

Через несколько минут Босх уже сидел за одним из столов. Историк положил перед ним три толстых, размером с ежегодник и переплетенных в кожу альбомов, от которых пахло пылью и мышами. На каждой странице помещалось по несколько фотографий с краткими пояснениями. Наугад открыв первый альбом, Босх увидел черно-белые снимки гостиницы «Де Анса» в процессе реконструкции и решил смотреть по порядку.

На первой же странице он обнаружил красивый заголовок: «Калексико и Мехикали: семьдесят пять лет на границе». Переверачивая лист за листом и пробегая глазами текст, Гарри познакомился с краткой историей одного из этих городов и с жизнью людей, выстроивших оба поселка. Рассказ об этом он уже слышал от Агильо, однако в данном случае факты подава-

лись явно с точки зрения белого человека. Босх прочел об ужасающей бедности и нищете, царивших в китайском городке Тайпей, и о том, с какой радостью местные жители отправлялись в Калифорнию на поиски счастья. О дешевой рабочей силе не упоминалось вовсе.

В 20—30-е годы Калексико пережил бурный расцвет. Тогда это был рабочий поселок компании «Колорадо риверленд». Ее менеджеры обладали безраздельной властью на всей подконтрольной им территории. В исторической справке сообщалось и о том, как эти люди, всю пользувавшиеся своим положением, выстроили себе шикарные особняки и роскошные дома на окраине Калексико. Чаще всего в хронике фигурировали имена трех братьев Мур — Андерсона, Сесила и Моргана. Встречались там и другие Муры, однако лишь об этих троих говорилось почтительно и с особым пиететом. Подчеркивалась их роль в судьбе пограничного поселка. Кроме того, все трое занимали довольно высокие посты в компании «Колорадо риверленд».

Пролистывая главу под названием «Деревянный поселок мостит улицы золотом», Босх увидел фотографию того, кого искал, помещенную рядом с описаниями неисчислимых богатств, полученных городом от хлопководства. Мужчина с очень светлыми волосами позировал фотографу на фоне внушительной усадьбы в средиземноморском стиле. С левой стороны здания точно утес вздымалась очень высокая башня с двумя узкими окошками на самом верху, придававшая ему сходство со средневековой испанской крепостью. Снимок этого мужчины хранил в потрепанном бумажном конверте и Кэл Мур, а крепость была его родным домом.

Прочитав подпись под фотографией, Гарри узнал, что видит перед собой одного из трех братьев Мур — Сесила.

— Вот этот человек, а вот и их дом. — Босх протянул историю раскрытый альбом.

— Сесил Мур, — сразу сказал старик.

— Он еще жив?

— Нет. Никого из братьев уже нет в живых. Сесил, кажется, умер последним. Это случилось в прошлом году, под Новый год. Он уснул и не проснулся. Впрочем, думаю, вы обознались.

— Это почему же?

— У Сесила не было детей.

Босх кивнул:

— Возможно, вы правы. Ну а дом? Его снесли?

— Это тоже нужно для генеалогического древа, молодой человек?

— Нет. Собственно, я из полиции. Приехал из Лос-Анджелеса, пытаюсь найти подтверждение одной истории, которую мне рассказали об этом человеке. Не могли бы вы мне помочь?

Старик посмотрел на него с легкой укоризной, и Гарри тут же раскаялся, что не открылся ему с самого начала.

— Не знаю, какое отношение это имеет к Лос-Анджелесу, но продолжайте. Что еще вам хотелось бы знать?

— Этот дом с башней все еще стоит?

— Да, Кастильо де лос Охос все еще стоит. «Замок с глазами» — так прозвали его из-за этих двух окон. Когда в ночное время они бывали освещены, люди говорили, что это глаза, приглядывающие за Калексико.

— Где расположен этот замок?

— К западу от города, в самом конце дороги, которая называется Койотова тропа. Поедете по Девяносто восьмому шоссе до Пинто-уэш, откуда начинается парк Крусификшн-торн. Далее свернете на шоссе Анса — оно называется так же, как здешняя гостиница, — и попадете на Койотову тропу. Замок — в самом конце, так что не проедете.

— Кто там теперь живет?

— Не думаю, чтобы кто-нибудь там жил. Сесил оставил его городу, но муниципалитет не в состоянии содержать такую большую усадьбу. Короче, ее кому-то продали — кстати, покупатель тоже приехал из Лос-Анджелеса, — но, насколько мне известно, в Кастильо де лос Охос так никто и не поселился. Чертовски жаль. Я надеялся, что мне удастся устроить там что-то вроде краеведческого музея.

Босх поблагодарил старика и вышел с намерением тут же отправиться в Крусификшн-торн. Он вовсе не рассчитывал, что в Кастильо де лос Охос, заброшенной усадьбе умершего год назад отца Мура, узнает что-либо полезное для расследования, однако делать ему было нечего, а характер не позволял Босху ни на минуту прекращать движения вперед.

Шоссе девяносто восемь, асфальтированная магистраль с двумя полосами движения, протянулась параллельно границе строго на запад от Калексико. Дорога пролегла по фермерским угодьям, густо прорезанным оросительными каналами. Открыв окно, Босх вдыхал запахи салата, зреющего на грядках зеленого перца и кориандра. Проезжая вдоль огромного поля, засаженного хлопчатником, Гарри вдруг подумал о том, что вся эта земля когда-то принадлежала компании «Колорадо риверленд».

Чуть дальше шоссе поползло на холмы, и Босх увидел вдали отчий дом Калексико Мура — Кастильо де лос Охос. Два окна в самом верху башни были темны, безжизненны и напоминали глаза, мрачно глядящие с бледно-персикового фасада башни, возвышающейся над горизонтом.

Босх пересек по мосту высохшее русло реки — очевидно, это и была Пинто-уэш, — но никакого знака не заметил. Бросив взгляд вниз, Гарри увидел под мостом голубой «чеви-блейзер». За рулем, как ему показалось, сидел человек с биноклем — это офицер пограничного патруля использовал удобную складку местности, какую представляло собой сухое русло, чтобы наблюдать за границей, оставаясь при этом невидимым для глаз нарушителей.

Сразу за несуществующей рекой фермерские поля закончились, дорога пошла вверх, а по сторонам шоссе поднялись холмы, густо поросшие бурым кустарником. Возле развилки, неподалеку от рощи, состоявшей из дубов и эвкалиптов, Гарри увидел щит-указатель: «Природный парк «Крусификшн-торн». Осторожно! Зброшенные выработки!» В альбомах, которые Босх пролистал в Историческом обществе, упоминалось, что в начале века весь этот пограничный район был словно оспой изрыт шахтами и шурфами старателей, искавших здесь золото. Маклеры и спекулянты сколачивали и теряли огромные состояния, холмы кишели бандитами, но потом появилась компания и навела здесь порядок.

Босх закурил сигарету и сосредоточил внимание на башне. Приблизившись к ней, он видел ее теперь гораздо отчетливее. Она стояла внутри пространства, огороженного высокой каменной стеной, и ее безмятежная величавость в сочетании с бездушным взглядом высоких стрельчатых окон производила

гнетущее впечатление. К своему удивлению, Гарри заметил, что замок не единственное строение на холме. Неподалеку от него он рассмотрел несколько красновато-бурых черепичных крыш. Судя по всему, это были жилые дома, но несмотря на это, величественная башня, озирающая окрестности стеклянными глазами окон, выглядела одинокой. Одинокой и мертвой.

Через полмили Босх свернул на север, на шоссе Анса; оно изгибалось и петляло, поднимаясь по холму. Справа от себя, уже довольно далеко внизу, Босх снова увидел фермерские поля, но полюбоваться ими не успел — на дороге мелькнул указатель. Гарри свернул на Койотову тропу и вскоре уже созерцал богатые асиенды и особняки, вокруг которых раскинулись обширные участки. Большая часть их была обнесена высокими заборами, поэтому, проезжая мимо, Гарри видел только верхние этажи и крыши.

Койотова тропа заканчивалась разворотным кругом, огибавшим древний дуб с такими длинными ветвями, что летом они, должно быть, затеняли всю площадку для машин. Здесь, в конце тропы, стоял замок Кастильо де лос Охос.

Восьмифутовая стена, окружавшая поместье, закрывала почти все здание, кроме башни, и только сквозь решетчатые ворота можно было увидеть дом целиком.

Ворота были заперты — толстая стальная цепь и висячий замок надежно удерживали створки. Босх выбрался из машины, подошел к ним вплотную и в промежуток между прутьями увидел, что площадка для машин перед домом пуста, а шторы плотно задернуты.

Рядом с воротами на стене висел почтовый ящик; рядом в стену была вмонтирована кнопка переговорного устройства. Еще не зная, что он скажет, если кто-нибудь откликнется, Гарри позвонил, но ответа не дождался. Заглянув в почтовый ящик, Босх убедился, что он пуст.

Оставив машину у ворот, Босх вернулся по Койотовой тропе к ближайшему дому. Это была красивая усадьба, одна из немногих не огороженная глухой каменной стеной. Впрочем, не доходя нескольких ярдов до парадного, Гарри наткнулся на белую загородку из тонкого штакетника. Возле калитки висела

серая коробочка интеркома, и Босх нажал на кнопку. На этот раз ему ответили почти сразу.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Полиция, мэм. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся усадьбы вашего соседа.

— Какого соседа?

Только теперь Гарри понял, что голос принадлежит очень старой женщине.

— Я хотел спросить о замке, мэм.

— Там никто не живет. Мистер Мур умер несколько месяцев назад.

— Я знаю. Может, вы все-таки впустите меня, и мы поговорим? Я не отниму у вас много времени. Если хотите, предъявлю значок.

Последовала непродолжительная пауза, и вскоре Босх услышал в динамике лаконичное: «Входите». Электрический замок на калитке негромко зажужжал.

Хозяйка попросила Босха поднести значок ко вделанному в дверь «глазку», долго изучала его и только потом открыла. Гарри увидел перед собой высохшую, хрупкую, совершенно седую женщину в инвалидной коляске.

— Почему это они вдруг прислали полицейского из Лос-Анджелеса? — настороженно спросила она.

— Я расследую преступление, совершенное в этом городе, мэм. — Босх старался держаться почтительно и завоевать расположение хозяйки. — Оно касается человека, который когда-то, очень давно, еще мальчиком, жил в этом замке.

Женщина подняла на Гарри близорукие слезящиеся глаза и прищурилась, словно стараясь разглядеть что-то, минувшее давным-давно.

— Уж не о Калексико ли Муре вы говорите?

— Да. Вы знали его?

— С ним что-то случилось?

Босх смутился.

— Он умер, мэм.

— Он погиб там, в Лос-Анджелесе?

— Да. Мы вместе работали в полиции. У меня есть основания полагать, что обстоятельства его смерти имеют отношение к его жизни здесь, поэтому я и приехал. Что же касается вопро-

сов... Признаться, я еще не знаю, о чем спрашивать. Насколько мне известно, он жил в замке недолго. Но ведь вы помните его, да?

— Он действительно жил здесь недолго, но это не значит, что с тех пор я ни разу не видела его. Напротив. На протяжении многих-многих лет я встречала его довольно регулярно. Сначала он приезжал на велосипеде, потом на машине, но всегда останавливался здесь, на дороге — сидел и смотрел на дом. Однажды я велела Марте отнести ему сандвич и лимонад...

Босх понял, что Марта — это, должно быть, горничная. В таких поместьях без горничных не обойтись.

— Думаю, он смотрел и вспоминал, — говорила старая женщина. — Сесил поступил с ним ужасно. Надеюсь, он теперь расплачивается за свои грехи, этот Сесил!

— Что значит ужасно?

— Сесил отослал сына вместе с матерью. Едва ли после этого он хоть раз разговаривал с женщиной или с мальчуганом. Но я-то видела, как сначала мальчик, а потом — взрослый мужчина приезжает посмотреть на свой старый дом. Здешние жители говорят, что именно из-за этого лет двадцать назад Сесил и воздвиг вокруг усадьбы забор. Ему надоело видеть из окна Калексико, сидящего на дороге. Так Сесил решал все проблемы: не нравится вид из окна — построй стену. И все равно я время от времени видела юного Кэла, а однажды сама отнесла ему попить — тогда я еще не была прикована к этому креслу. Кэл сидел в своей машине, и я спросила, почему он постоянно приезжает, а Кэл ответил: «Мне нравится вспоминать, тетя Мэри».

— Тетя Мэри?

— Да. Я думала, вы потому и пришли. Мой Андерсон и Сесил были братьями, упокой Господь их души.

Босх кивнул и, прежде чем снова заговорить, выждал несколько секунд.

— Человек в Историческом обществе, с которым я беседовал сегодня, сказал мне, что у Сесила Мура не было детей.

— Ну конечно, ничего удивительного! Сесил держал это в секрете и скрывал от всех. Не хотел, видите ли, уронить честь компании.

— Мать Калексико была горничной?

— Да, она... Да вы, похоже, все и без меня знаете.

— Только некоторые детали. Расскажите, пожалуйста, что все-таки случилось? Почему Сесил отослал ее и мальчика?

Старая женщина немного помедлила, будто припоминая историю тридцатилетней давности.

— Забеременев, она осталась жить здесь — это он ее заставил — и здесь же родила. А потом, через четыре или пять лет, Сесил узнал, что она обманывала его. Однажды он послал своих людей проследить за своей гражданской женой, когда она отправилась через границу якобы навестить свою мать. Никакой матери там не оказалось, зато был законный муж и еще один сын, мальчик чуть постарше Калексико. Тогда Сесил прогнал обоих. Подумать только, отослать собственную плоть и кровь!

Босх долго обдумывал услышанное. Женщина тоже молчала, вглядываясь ослабевшими глазами в туманное и далекое прошлое.

— Когда в последний раз вы видели Калексико?

— Я... Погодите, дайте вспомнить... Должно быть, уже несколько лет прошло. В конце концов он перестал приезжать сюда.

— Как по-вашему, Кэл знал о смерти отца?

— На похоронах он, во всяком случае, не был, и я ничуть не виню его, видит Бог, не виню.

— Мне сказали, что Сесил Мур завещал свою собственность городу...

— Да, он умер в полном одиночестве и не оставил ни гроша ни Калексико, ни бывшим женам и любовницам. Сесил Мур был дурным человеком, и остался таким до самой смерти. Разумеется, городская казна не могла содержать такую усадьбу — она слишком велика, да и Калексико уже не тот бурно растущий город, каким был когда-то. Правда, предлагали устроить здесь музей, — женщина фыркнула, — но исторического прошлого у этого городишки едва-едва хватит, чтобы наполнить им кладовку. Когда с музеем ничего не вышло, муниципалитет продал усадьбу — как я слышала, больше чем за миллион. Может, теперь город сумеет обернуть эти деньги так, чтобы в ближайшие несколько лет получать приличные дивиденды.

— А кто купил усадьбу, не знаете?

— Нет. Новый владелец так и не въехал. Иногда, правда, там появляется нанятый эконо́м: он присматривает за хозяйством. На прошлой неделе я видела свет в башне, но — нет, это был не хозяин. Никто так и не поселился в этом доме и, наверное, не поселится. Должно быть, кто-то искал, куда вложить капитал, а во что тут вкладывать? Мы здесь так далеко от всего и так от всего отстали...

— Последний вопрос, мэм. Может, вы обратили внимание, не приезжал ли кто-нибудь с Кэлом во время его... посещений?

— Нет, он всегда был один. Бедный мальчик был всегда один.

На обратном пути в город Босх размышлял об одиноких вахтах, которые нес Калексико Мур у стен отцовского дома, и спрашивал себя, тосковал ли Кэл по родному гнезду, лелеял ли воспоминания об отце, или тут было всего понемногу. Потом в памяти Босха всплыла его собственная единственная встреча с отцом — старым, больным человеком, стоящим на пороге смерти. Тогда Босх простил ему каждую украденную у него секунду и каждый час; он знал, что должен это сделать, иначе всю последующую жизнь станет тщетно скорбеть по ним.

Глава 27

Вереница машин перед пограничным пунктом на пути в Мексику была гораздо длиннее и двигалась не так быстро, как накануне. Босх решил, что это скорее всего из-за корриды, на которую зрители и болельщики собирались издалека. В этих краях воскресный бой быков был такой же традицией, как футбольные матчи с участием «Рейдерс» в Лос-Анджелесе.

За две машины до мексиканского пограничника Босх сообразил, что не вынул из кобуры «смит-вессон». Прятать револьвер было слишком поздно, поэтому, поравнявшись с офицером, Гарри сказал: «На корриду», — и его пропустили взмахом руки.

Небо над Мехикали было чистым, воздух — прохладным, и погода, похоже, не собиралась портиться. Несмотря на это, Босх ощутил под языком легкое покалывание, что всегда означало у него какое-то предчувствие. Предчувствовал же Гарри вот что: вскоре увидит, во-первых, бой быков, на котором давно хотел побывать, а во-вторых, Зорилло — того, о ком так много думал последние три дня и о ком узнал столько, что почти поверил в окружавшие его легенды. Взглянуть на Эль-Папу в его естественной среде, рядом с его быками и с его людьми, было особенно любопытно.

Припарковав машину на площади Хустисия, Босх достал из бардачка бинокль. Арена располагалась в трех кварталах от муниципалитета, и он решил, что они с Карлосом отправятся туда пешком. Предъявив значок дежурному офицеру и получив разрешение пройти, Гарри застал Агильо за рабочим столом в общей комнате следственного отдела. Перед следователем лежало несколько заполненных протоколов.

— Достал билеты?

— Да. Наша ложа на солнечной стороне, но это не имеет значения, поскольку она крытая.

— А далеко ли она от Папы?

— Почти напротив. Если только он сегодня придет.

— Вот именно, если... Ты закончил?

— Да, заполнил все протоколы по поводу расследования дела Гутьереса-Лосы. До тех пор, пока не появится подозреваемый, работы больше не будет.

— Чего в этих краях может не произойти вообще.

— Это верно... Ладно, нам, наверное, пора идти.

Босх взмахнул биноклем.

— Я готов.

— Мы будем сидеть довольно близко, так что эта штука тебе не понадобится.

— Она не для того, чтобы смотреть на быков.

Направляясь к арене, Босх и Агильо оказались в середине плотного людского потока, двигавшегося в ту же сторону. Многие зрители несли с собой квадратные подушечки, чтобы на них сидеть. Несколько мальчишек с охапками таких же подушечек в руках сновали в толпе и продавали их всем желающим по доллару за штуку.

Войдя в ворота, Босх и Агильо спустились вниз по бетонной лестнице, и мексиканский коп предъявил распорядителю билеты. Их повели по длинному коридору, проходившему, судя по его кривизне, по периметру стадиона прямо под трибунами. Слева в этот коридор выходили небольшие деревянные двери с номерами.

Распорядитель отпер для них дверь под номером семь, и Гарри с Агильо очутились в тесной комнате, не больше тюремной камеры. Как и в коридоре, ее стены, пол и потолок были из серого, некрашеного бетона. Потолок понижался по направлению к смотровому окну футов шести шириной, выходившему прямо на арену. Смотреть отсюда было очень удобно — они оказались прямо над тем местом, где застыли в ожидании матадоры, тореро и другие участники представления, и Босх ясно чувствовал запахи грязного песка, лошадиного и бычьего пота, свежего навоза и крови.

У задней стены ложи стояли шесть складных металлических стульев. Они раскрыли два, после чего Агильо поблагодарил распорядителя и запер за ним дверь.

— Как в доте, — пробормотал Босх, оглядывая тесное помещение.

— Что?

— Это я так, — откликнулся Босх, никогда не сидевший в доте и потому не имевший никакого представления о том, как там внутри. — Похоже на тюремную камеру.

— Пожалуй, — согласился Агильо. Босх понял, что он ненароком оскорбил мексиканца, предложившего ему, гостю, лучшее место в своем скромном доме. — Но зато отсюда все великолепно видно, — поспешил он загладить свою ошибку. — Панорама отличная!

В бетонной ложе был довольно громкий и неприятный резонанс, а к запахам арены примешивался тяжелый дух давно пролитого пива. Крошечная комната дрожала и вибрировала от шагов тысяч любителей корриды, заполнявших стадион над их головами. Сверху доносились звуки духового оркестра; Босх выглянул в окно и увидел, как представляли тореро. Толпа на трибунах заволновалась, ее возбуждение передалось и Гарри, а гром рукоплесканий, усиленный и повторенный каменными стенами, едва не оглушил его.

— Здесь, наверное, можно курить? — на всякий случай спросил Босх.

— Разумеется, — откликнулся Агильо, вставая. — *Quieres tomar una cerveza?**

— Да, неплохо бы. Мне понравился «Текэй», если здесь его продают.

— Безусловно. Запри за мной, я постучу.

Агильо кивнул и вышел. Гарри запер за ним дверь, размышляя, зачем он это делает: чтобы защититься или предотвратить нежелательные визиты посторонних? Оставшись один, Босх сразу отметил, что, несмотря на толстые бетонные стены и низкую амбразуру окна, он вовсе не чувствует себя в безопасности. Пожалуй, это все-таки не дот, а нечто менее надежное.

Он поднес бинокль к глазам и начал рассматривать ложи на противоположной стороне. Большая часть их пустовала, а среди людей, занимавших остальные, Гарри не заметил никого, хотя бы отдаленно напоминавшего Зорилло. Тем не менее ему сразу бросилось в глаза, что ложи на теневой стороне выглядят обжитыми. На их стенах висели ковры, на полках стояли напитки, а мягкие кресла казались уютными. Эти места явно принадлежали постоянным посетителям.

Вскоре вернулся Агильо с пивом. Гарри впустил его в ложу, и представление началось.

Первые два раунда, совсем не зрелищные, не вызвали интереса даже у неискушенного в тонкостях корриды Босха. Агильо и вовсе назвал их паршивыми. В обоих случаях решающие удары шпагой в шею не достигали цели, то есть не убивали быка, и публика не скупилась на насмешки. Представление превратилось в долгое, кровавое, неумелое убийство, не имевшее ничего общего ни с искусством, ни с испытанием мужества. Публика оживилась только во время третьего раунда, когда на арену выскочил черный как смоль бык с белесым клеймом в виде буквы «Z». Толпа взорвалась аплодисментами, гулко отозвавшимися в ложе Босха и Агильо. Бык атаковал лошадь ближайшего к нему пикадора так стремительно и свирепо, что стеганая попона, прикрывав-

* Хочешь пива? (исп.)

шая коня, взлетела до самого бедра всадника. Пикадор вонзил копье в загривок быка и налег на него всем весом, однако это только разъярило зверя. Бык круто развернулся и атаковал лошадь еще раз.

Все это происходило не далее чем в тридцати футах от Босха, но он все равно поднес к глазам бинокль, чтобы рассмотреть столкновение в подробностях. Он отчетливо видел, как лошадь попятилась, натягивая вожжи, и как пикадор рухнул на арену. Разрывая рогами войлочную попону, бык теснил испуганное животное. Лошадь споткнулась и повалилась на своего поверженного седока.

Толпа завопила, а на арену выбежали несколько бандерильеро с яркими плащами в руках. Взмахивая ими, они пытались отвлечь внимание быка от упавших коня и всадника. Кто-то помог пикадору подняться, и он, хромя, направился к воротам ринга. Только там он оттолкнул поддерживающие его руки и пошел сам. Лицо его блестело от пота и покраснело от стыда, поскольку крики, доносившиеся с ближайших к проходу рядов, звучали откровенно издевательски. Босх, не отнимавший от глаз бинокля, чувствовал себя так, словно стоял рядом с пикадором. Брошенная откуда-то сверху квадратная подушечка отскочила от плеча пикадора, но тот даже не поднял головы. Сделай он это, и на него обрушился бы настоящий град подушек и банановой кожуры.

Бык завоевал симпатии толпы на трибунах, но уже через несколько минут она восторженно приняла его смерть. Шпага матадора вонзилась ему в шейную артерию, передние ноги быка подогнулись, и огромная туша повалилась в песок. Тут же один из тореро, выглядевший намного старше остальных, выбежал вперед с коротким кинжалом в руке и нанес быку последний удар в основание черепа. Мгновенная смерть после долгой пытки. Босх видел, как тореро отер клинок о кожу животного и отошел в сторону, засовывая кинжал в пристегнутые к расшитому жилету ножны.

Между тем на арену вывели трех запряженных мулов. Рога убитого быка обмотали длинной веревкой, и мулы с натугой поволокли прочь колышущуюся тушу, оставлявшую за собой в песке ровную, словно выглаженную, дорожку. На черной шкуре животного алела брошенная с трибун красная роза.

Гарри посмотрел на человека с кинжалом. Его участие в представлении, видимо, ограничивалось тем, что он наносил «удар милосердия». Босх не знал, действительно ли это милосердие или еще одно проявление жестокости. Черные волосы пожилого тореро тронула седина, а лицо выражало усталую невозмутимость. Черты его казались высеченными из коричневого камня, в расщелинах которого виднелись безжизненные и бездушные глаза. Таким, наверное, было и лицо Арписа, человека с тремя вытатуированными слезами, когда он душил Портера и нажимал на спусковой крючок ружья, приставленного к голове Мура.

— Бык храбро сражался и выглядел довольно хорошо, — заметил Агильо. Во время трех боев он говорил очень мало, комментируя в основном опыт и движения матадоров.

— Зорилло, будь он здесь, мог бы гордиться им, — согласился Босх.

А Зорилло все еще не было. Босх периодически поглядывал в ложу, указанную ему Агильо, но она оставалась пустой. Теперь же, когда коррида шла к концу, Босх сомневался, что человек, вырастивший быков для сегодняшнего дня, появится.

— Хочешь ехать, Гарри?

— Нет. Я буду здесь до конца.

— Хорошо. Последний бой должен быть самым интересным. Сильвестри — лучший матадор Мехикали. Может быть, еще пива?

— Хорошо бы, только давай я сам схожу. Мне как-то неловко, что ты...

— Нет, это моя обязанность. Хочу отблагодарить тебя хотя бы таким способом.

— Ну, как угодно, — сказал Босх.

— Не забудь запереться.

Босх запер дверь и взглянул на свой билет. На нем были напечатаны имена всех сегодняшних бойцов. Матадора Сильвестри звали Кристоаль. Агильо говорил, что это самый искусный и отважный боец из всех, каких когда-либо видел.

С трибун раздались хлопки и приветственные вопли, когда последний бык — еще одно черное чудовище — выскочил на арену, чтобы сразиться с врагами. Тореро сновали вокруг него со своими голубыми и зелеными плащами, распускавшимися

от ловких движений словно диковинные тропические цветы. Босха очаровал ритуальный блеск корриды, хотя первые бои не удались. Теперь он понял, что это красочное и яркое представление вовсе не спорт, а нечто большее. Испытание. Проверка ловкости и мастерства, мужества и отваги. Гарри решил, что если у него будет время, то он постарается посещать корриду как можно чаще.

В дверь постучали, и Босх поднялся с шаткого раскладного кресла, чтобы впустить Агильо. Но это оказался не он. На пороге стояли двое; одного из них Босх никогда не встречал, а второго узнал через несколько секунд. Это был капитан Грена, начальник следственного отдела полиции Мехикали.

— Можно нам войти, сеньор Босх? — Гарри отступил в сторону, но в ложу вошел только Грена, а его спутник остался в коридоре, словно на часах. Капитан закрыл за собой дверь и тщательно запер ее. — Чтобы нам никто не мешал, согласны? — спросил он, обводя взглядом ложу. На этот осмотр Грена потратил столько времени, будто они стояли не в крошечной комнатенке, а в баскетбольном зале, где без труда могли укрыться нежелательные свидетели. — Я люблю приезжать к последнему бою, сеньор Босх, — промолвил наконец капитан. — Особенно когда на арену выходит Сильвестри. Это настоящий мастер. Надеюсь, вам он тоже понравится.

Босх кивнул и бросил небрежный взгляд на ринг. Бык двигался и был полон сил, а тореро едва успевали отскакивать от него.

— А где Карлос? Куда он пошел?

— За сервесой. Но вы, наверное, и так это знали, капитан. Почему бы вам не сказать прямо, что тут затевается?

— «Затевается»? Что это значит?

— Что вам нужно, капитан? Почему вы пришли сюда?

— Ах, si... Сеньор Босх хочет полюбоваться нашим маленьким праздником и не желает отвлекаться на скучные дела. Ближе к делу, вы это имели в виду?

— Можно сказать и так.

Трибуны взорвались восторженными криками, и собеседники глянули в амбразуру. На арену, в белом с золотом костюме, вышел Сильвестри, готовый начать охоту на быка. Он шел

обманчиво медлительным шагом, с напряженно-прямой спиной и изящно склоненной головой. Суровый взгляд Сильвестри неотрывно следил за быком, который носился по арене широкими кругами и тряс вонзенными в загривок желтыми и голубыми бандерильями.

Босх повернулся к Грене. Полицейский капитан был в черной куртке из мягкой кожи; из-под левой манжеты виднелся золотой «Ролекс».

— Для начала мне хотелось бы знать, что вы тут делаете, сеньор Босх. Ведь не ради же корриды вы сюда приехали. Почему вы все еще в городе? Опознание сеньора Гутьереса-Лосы официально завершено, так что же удерживает вас? Почему вы заставляете следователя Агильо тратить на вас время?

Босх не собирался откровенничать с капитаном, но не мог подвергать Агильо опасности. Сам он, так или иначе, уедет, а вот Карлос — останется.

— Я собирался уехать завтра утром, — сказал он. — Моя работа действительно закончена.

— Не лучше ли вам уехать сегодня вечером? Чем раньше в путь, как говорится, тем приятней дорога...

— Возможно.

— Вижу, вы меня поняли. Кстати, мне звонил некий лейтенант Паундс из вашего полицейского управления. Он очень заинтересован в вашем скорейшем возвращении, сеньор Босх, и просил сообщить вам об этом. Почему ваш лейтенант так волнуется?

Босх посмотрел на Грену и покачал головой:

— Не знаю. Об этом нужно было спросить у него.

Последовало долгое молчание. Грена смотрел на арену, и Босх тоже повернул голову в ту сторону. Он увидел, как Сильвестри, изящно взмахнув мулетой, отводит от себя смертоносные рога.

Грена следил за уверенными движениями матадора и улыбался. С такой улыбкой, должно быть, Тед Банди* смотрел на девушек в университетских городках.

* Тед Банди — известный в США маньяк-убийца, на счету которого несколько десятков жертв. Казнен в конце 1980-х годов.

— Вы знаете, в чем смысл «искусства плаща»?

Босх не ответил. Мужчины пристально смотрели друг на друга. С лица капитана не сходила чуть заметная улыбка.

— *El arte de la muleta*, — проговорил Грена. — Самое главное в нем — обман. Это искусство выживать, Босх. Матадор использует мулету, чтобы обмануть смерть и направить ее туда, куда он хочет. Но матадор должен быть смел и не терять присутствия духа в считанных сантиметрах от рогов, несущих ему гибель. Чем ближе смерть, тем больше отваги требуется от тореро. Он не вправе выказать страх, иначе он поддается ему, а поддаться — значит проиграть и погибнуть. Это подлинное искусство, дружище.

Как бы в подтверждение своих слов капитан кивнул. Босх молча смотрел на него. На лице Грены снова появилась откровенная, широкая улыбка. Повернувшись, чтобы отпереть дверь, он сказал:

— Счастливого пути, детектив Босх. Сегодня вечером, да?

Гарри промолчал, и дверь за капитаном закрылась. Босх задумался, но его внимание привлек неистовый рев трибун. Сильвестри опустил на одно колено в самом центре арены, заставляя быка атаковать его. В таком положении он оставался до того момента, когда бык, казалось, вот-вот подденет его на рога, и только в последний миг плавным, выверенным движением матадор повел мулетой в сторону. Свиристое животное пронеслось в нескольких дюймах от матадора, не задев его. Это выглядело великолепно, и трибуны ликовали.

Незапертая дверь отворилась, и в ложу вошел Агильо.

— Чего хотел капитан? — спросил он, прищурившись, но Босх не ответил. Поднеся к глазам бинокль, он еще раз проверил ложу Эль-Папы. Зорилло там не было, но в полутьме его ложи Босх увидел капитана Грену, взиравшего на него с холодной улыбкой.

Сильвестри прикончил быка одним ударом шпаги, неуловимым движением вогнав ее между лопаток и пронзив сердце. Смерть наступила мгновенно, и Босху показалось, что по суровому лицу тореро скользнула тень разочарования. В этот раз его сноровка не пригодилась.

Рев на трибунах стоял оглушительный; он не ослабевал ни на секунду, пока Сильвестри обходил арену по кругу, подняв в

приветственном жесте руки. Цветы, подушки, женские туфельки на высоких каблуках дождем сыпались на арену, и тореро купался в волнах всеобщей любви и поклонения. Из-за шума Гарри не сразу услышал, как у него на поясе настойчиво завещал пейджер Рамоса.

Глава 28

Около девяти вечера Босх и Агильо свернули с авениды Кристобаль Колон на кольцевую автостраду, идущую вдоль международного аэропорта Родольфо Санчес Табоада. Дорога огибала несколько старых ангаров из гофрированного железа, за которыми высились строения более новые. На одном из них Босх заметил покосившуюся вывеску «Грузовой склад». Сквозь проем слегка полуоткрытых широких ржавых ворот был виден горевший внутри свет. Они достигли пункта назначения, передовой позиции Администрации по контролю за применением законов о наркотиках в Мехикали.

Босх свернул на стоянку перед ангаром, где были припаркованы несколько автомобилей, и заглушил мотор. Не без удивления он заметил, что большая часть машин имеет калифорнийские номера.

Едва Гарри выбрался из «каприса», к нему приблизились четверо агентов АКН в синих нейлоновых штормовках. Предъявив значок и удостоверение личности, Босх подождал, пока установят идентичность фото и оригинала и один из агентов сверится со списком, приколотым к папочке с зажимом.

— А вы? — спросил агент, поворачиваясь к Агильо.

— Он со мной, — быстро сказал Босх.

— У нас записано, что вы будете один, детектив Босх. Боюсь, теперь у нас возникли проблемы.

— Должно быть, я забыл указать на визитной карточке, что приду с дамой.

— Это не смешно, детектив.

— Конечно, нет, но это мой партнер. Он останется со мной.

«Список» явно растерялся. Его лицо, красное от природы, покраснелось еще сильнее, что было особенно заметно по контрасту со светлыми волосами, выгоревшими на солнце почти до белизны. Гарри даже подумал, что этот человек, очевидно, долгое время работал в пограничном патруле. Когда он, словно ожидая руководящих указаний, обернулся к воротам ангара, Босх увидел у него на спине большие желтые буквы «АКН».

— Лучше позовите Рамоса, — подсказал Гарри. — Если вы не пригласите моего партнера, то и я уйду. Как это будет выглядеть в свете предотвращения утечки оперативной информации?

С этими словами Босх посмотрел на Агильо. Тот держался совершенно спокойно, хотя его окружали три агента, стоявших в позе вышибал из ночного клуба на бульваре Сансет, готовых выкинуть на улицу набузившего клиента.

— Подумайте как следует, — настаивал Босх. — Любой, кто зашел так далеко, имеет право пройти всю дистанцию. В противном случае вам будет весьма неуютно сознавать, что где-то разгуливают двое посторонних, осведомленных о ваших планах. Непредвиденная утечка. Так что идите спросите Рамоса.

«Список» явно колебался. Еще несколько секунд он размышлял, а потом приказал всем оставаться на местах и достал из кармана куртки портативную рацию. Вызвав кого-то, кого он назвал Лидером, агент сообщил, что «на стоянке возникли затруднения, требующие вмешательства». После этого все шестеро хранили молчание, и Гарри, воспользовавшись паузой, подмигнул Агильо. Еще через минуту из ворот показались Рамос и Корво, уполномоченный агент из Лос-Анджелеса.

— Чтоб ты сдох, Босх!.. — еще издалека начал Рамос. — Ты соображаешь, что наделал? Поставил под угрозу срыва всю эту гребаную операцию. Я же тебе определенно сказал...

— В этом деле он мой партнер, Рамос, и ему известно то же, что и мне. Теперь нас нельзя разделять: если Карлос не будет участвовать в деле, то и я не буду. Когда мы уйдем отсюда, я сразу же поеду в Лос-Анджелес. Куда пойдет Карлос, не знаю. Объясни же мне, Рамос, как это согласуется с твоей теорией о том, кому можно, а кому нельзя доверять, и почему?

В свете, проникавшем на стоянку сквозь двери ангара, Босх увидел, как на шее Рамоса запульсировала вена.

— Видишь ли, — проникновенно продолжил Гарри, — если ты дашь Карлосу уйти, значит, ты ему доверяешь. А раз доверяешь, позволь ему остаться.

— Чтоб ты сдох, демагог хренов! — воскликнул агент.

Корво предостерегающе взял Рамоса за плечо и шагнул вперед.

— Если из-за твоего партнера сорвется вся операция или хоть что-то пойдет не так, обещаю, я сделаю все, чтобы об этом стало известно. Понимаешь, что это значит? В Лос-Анджелесе узнают, как ты приволок сюда этого парня и настоял, чтобы он участвовал в деле.

Он махнул рукой трем агентам, и они отступили от Агильо. На лицо Корво упал лунный свет, и Босх снова увидел на его правой щеке шрам, разделивший бороду агента на две неравные части. Интересно, подумал Гарри, сколько раз за сегодняшнюю ночь он расскажет свою историю о поножовщине?

— И еще одно, — не успокаивался Рамос. — Твой приятель пойдет в дело «голышом». У нас есть только один свободный бронежилет, но он предназначался для тебя, так что и это — под твою ответственность. Если его ранят, виноват будешь ты.

— Ясно, — кивнул Босх. — Я понял. Какого бы дурака вы ни свалили, виноват обязательно буду я. Ладно, согласен. Что касается бронежилета, то у меня в багажнике лежит мой собственный. Выдайте Карлосу ваш, а я возьму свой.

— Инструктаж — в двадцать три ноль-ноль, — бросил Рамос через плечо и вернулся в ангар. Босх и Агильо последовали за Корво к воротам. Четверо агентов в синих штормовках замыкали шествие.

В ангаре, похожем на огромную пещеру, Гарри увидел три вертолета, застывших на металлическом рифленом полу напротив ворот. Между вертолетами деловито сновали люди, в основном в черных комбинезонах. Некоторые пили кофе из белых пластиковых чашек.

Два вертолета оказались широкофюзеляжными транспортными машинами «ЮХ-1Н», или «хьюи», Босх сразу узнал их. Характерное «хуп-хуп» их несущих лопастей навсегда связалось в его памяти с вьетнамской войной. Третья вертушка, меньше и изящнее, выглядела так, будто ее выпустили для продажи, и имела отдаленное сходство с вертолетами, которые использо-

вала полиция и пресса, однако этот экземпляр переоборудовали в боевую машину. С правой стороны кабины Гарри увидел пулемет на турели, а под днищем было смонтировано самое разное оборудование, включавшее прожектор-искатель и сенсоры ночного видения. Тут же несколько человек в черных комбинезонах оттирали белые номера с хвоста и бортов машины — операция предстояла ночная, и агенты стремились к полной маскировке.

Босх заметил Корво; тот незаметно подошел к нему.

— Мы называем эту машину «Рысь». — Агент кивнул в сторону самого маленького вертолета. — Такие штуки используются в основном для операций в Центральной и Южной Америке, но мы сняли одну из них с маршрута и посадили здесь. Она специально оборудована для работы в темноте: полный комплект приборов ночного видения, работающих в инфракрасном диапазоне, и тепловызывающие датчики. Сегодня эта птичка послужит для нас воздушным командным пунктом.

Босх кивнул; к техническим новинкам он в отличие от Корво был равнодушен. Старший уполномоченный, агент-куратор АКН, выглядел более воодушевленным, чем во время их исторического разговора в «Семерке». Его темные глаза метались из стороны в сторону, словно стараясь охватить весь ангар разом, и Босх подумал, что он, должно быть, очень скучает по оперативной работе «в поле». Бедняге приходилось торчать в Лос-Анджелесе, пока такие, как Рамос, в свое удовольствие играли в войну.

— Именно здесь будет твое место, твое и твоего партнера, — пояснил Корво, еще раз кивнув на «Рысь». — Вместе со мной, в относительной безопасности. Будем следить за событиями сверху.

— Кто у вас отвечает за спектакль, ты или Рамос?

— Я.

— Вот и славно... — Босх ненадолго замолчал, но тут новая мысль посетила его, и он спросил: — Скажи, Корво, Зорилло нужен нам живым, верно?

— Да.

— Как мы поступим, когда захватим его? Он гражданин Мексики, и его нельзя просто так переправить через границу. Или ты собираешься сдать его с рук на руки мексиканским вла-

стям? В таком случае, не сомневаюсь, уже через месяц Зорилло будет управлять тюрьмой, как ему вздумается, если, конечно, дело вообще дойдет до суда.

Этот вопрос Гарри задал не из праздного любопытства: с подобной проблемой сталкивался каждый коп в южной части Калифорнии. Мексика не выдавала Соединенным Штатам своих граждан даже за преступления, совершенные на их территории, наказывая уголовников в соответствии со своими законами. Вместе с тем все прекрасно знали, что для крупнейших наркобаронов страны заключение превращалось в подобие отдыха в шикарном отеле. Женщины, напитки, наркотики и прочее — все было доступно, только плати, и они платили щедро. Рассказывали, что один осужденный кокаиновый король, отбывавший наказание в тюрьме города Хуареса, почти открыто — и без ограничений — пользовался кабинетом и квартирой начальника тюрьмы, заплатив ему за эту привилегию сто тысяч долларов — почти в четыре раза больше, чем тот зарабатывал в год. Сейчас, правда, начальник тюрьмы сам превратился в заключенного.

— Я понял, что ты имеешь в виду, — важно кивнул Корво. — Но не волнуйся, это мы предусмотрели. Думай только о том, как сберечь две задницы — свою и партнера. Следи за ним внимательно и в случае чего прикрывай. А сейчас сходи хлебни кофе, ночка предстоит долгая.

Босх вернулся к Агильо, и они отправились туда, где на широкой скамье пыхтела кофеварка. Оба приветливо кивнули собравшимся там агентам, но им мало кто ответил. И Босх, и мексиканец были здесь гостями — их пригласили из вежливости, но радости никто не испытывал.

Гарри, все замечавший, первым разглядел в глубине ангара несколько комнат с открытыми дверями. Внутри, на стульях и скамьях, сидели люди в защитной форме и молча пили горячий кофе.

— Милиция, — пояснил Агильо, перехватив вопросительный взгляд Босха. — Из Мехико-Сити. Неужели АКН не доверяет ни одному копу в Мехикали?

— Ты будешь первым.

После кофе Босх закурил сигарету и еще раз оглядел помещение изнутри.

- Ну, что скажешь? — спросил он у Агильо.
- Скажу, что Эль-Папу ждет неприятное пробуждение.
- Похоже на то.

Они отошли от скамьи, чтобы дать и другим воспользоваться кофеваркой, и стали смотреть, как готовят снаряжение командос из ОБСО. Здесь же Босх заметил и Рамоса. Тот вынырнул из-за вертолетов вместе с дюжиной крепких мужчин в мешковатых, словно безразмерных, комбинезонах. Лишь когда они приблизились, Гарри увидел, что под комбинезонами у всех пожарные костюмы из несгораемого «номекса»*. Некоторые бойцы размазывали вокруг глаз гуталин и натягивали на лица черные лыжные маски. Им явно не терпелось поскорее подняться в воздух и приступить к делу. Гарри почти физически ощущал исходящий от них запах адреналина.

В этой группе ОБСО было двенадцать человек. На глазах Босха они вскрыли черные деревянные ящики и начали выгружать оттуда необходимое вооружение. Гарри увидел кевларовые бронежилеты, армированные шлемы и шумовые гранаты. На бедре у одного из командос висел в кобуре девятимиллиметровый пистолет «ЗИГ-226» с удлиненным магазином на пятнадцать патронов, но Босх понял, что это просто страховка, поскольку из ближайшего к нему ящика торчал длинный винтовочный ствол.

Перехватив его взгляд, Рамос наклонился и вытащил оружие. По лицу его расплзалась плотоядная улыбка.

— Мы специально выписали эти игрушки, — пояснил он, хотя Гарри ни о чем его не спрашивал. — «Кольт» выпускает их специально для АКН. Называется «РО-636» — бесшумная модификация стандартной девятой модели. В ней используются пули со срезанной головкой весом девять с половиной граммов и дозвуковой начальной скоростью. Знаешь, на что способна одна такая дура? Она прошьет трех человек насквозь и только потом начнет замедляться! Кроме того, эта машинка снабжена встроенным глушителем. Это значит, что не видно никакой вспышки и раскаленные газы не выбрасываются наружу. На-

* «Номекс» — торговая марка легкого, жаростойкого нейлонового волокна, из которого изготавливаются костюмы для пожарных, астронавтов, обивка самолетов и пр.

пример, там, где скапливаются газ или пары бензина, дульное пламя подожжет их, и тогда — бум! — ты приземляешься в двух кварталах от того места, которое тебе нужно. Но только не с этой штукой. Прекрасная вещь. Как жаль, что сегодня мне не придется идти в бой с таким замечательным аппаратиком в руках.

Рамос нежно прижимал винтовку к груди, как молодая мать своего первенца.

— Ты был во Вьетнаме, я угадал? — спросил он. Босх кивнул. — Я всегда угадываю. Что-то такое в вас есть, поэтому я редко ошибаюсь. — Рамос вздохнул и вернул винтовку в ящик. Странная улыбка все еще блуждала по его лицу. — Для Вьетнама я был слишком молод, а для Ирака оказался слишком стар. Что поделать, такая судьба...

Инструктаж начался около половины одиннадцатого. Рамос и Корво собрали всех агентов и офицеров мексиканской милиции; к ним присоединились Босх и Агильо. Они стояли перед доской объявлений, к которой была прикреплена увеличенная копия сделанной с воздуха фотографии ранчо Зорилло. Гарри удивило, что значительная часть земель на ранчо не использовалась. Очевидно, Эль-Папа чувствовал себя в большей безопасности на открытой местности. К западу от его собственности вздымались горы Кукапа, служившие естественной границей ранчо; с других направлений Зорилло создал на подступах к ранчо что-то вроде буферных зон.

Корво и Рамос встали по обе стороны от доски, и последний взял слово. Используя метровой длины линейку, он очертил границы ранчо и указал расположение, как он выразился, «населенного пункта», включавшего асиенду, хозяйственные постройки и примыкающее к ним строение бункерного типа. Затем Рамос отметил скотоводческие корали, стояла и коровник, вытянувшиеся параллельно шоссе Валь-Верде примерно в миле от жилых домов и находившиеся напротив «Энвиро брид».

Далее на доске появился новый снимок, запечатлевший во всех подробностях примерно одну четвертую часть территории поместья, а именно участок между асиендой и коралиями. Он включал и площадку «Энвиро брид». Увеличение было таким сильным, что Босх разглядел крошечные фигурки людей на

крыше здания-бункера. На расчищенном участке позади строений виднелись черные пятнышки, хорошо заметные на фоне светло-коричневой земли и зеленой травы. Это были быки, и Босх задумался, который из них Эль-Темблар. Потом он услышал, что один из мексиканцев переводит для своих товарищей все, о чем говорится на инструктаже, и стал внимательно слушать.

— О'кей, — сказал Рамос. — Этим фотографиям без малого тридцать часов. Кроме того, мы попросили НАСА полетать над ранчо на «Ю-34» и сделать для нас еще кое-какую работу. По нашему запросу Национальное аэрокосмическое управление проверило территорию на предмет теплового резонанса, и вот что у них получилось. Красные пятна, которые вы видите, — это самые сильные источники тепла на равнине. — С этими словами Рамос прикрепил на стенд еще один снимок, обработанный на компьютере. На зеленовато-голубом фоне фотографии отчетливо выделялись красные прямоугольники домов; вокруг них были разбросаны совсем мелкие и не такие яркие пятнышки. Босх решил, что это, наверное, быки на выпасе. — Эти фотографии сделаны вчера в то же самое время, — пояснил Рамос. — Сравнивая графическое изображение, сделанное компьютером, и живой снимок, мы обнаружили кое-какие отклонения. На первый взгляд они необъяснимы. Прямоугольники, излучающие так много тепла, несомненно дома, а большая часть пятен поменьше — быки. — Чтобы пояснить свою мысль, Рамос несколько раз ткнул линейкой то в один, то в другой снимок, и Босх наконец сообразил, что красных пятен на компьютерной разработке гораздо больше, чем быков на фотографии. — На схеме мы специально поместили точки, которые при взгляде на снимок оказываются вовсе не животными. На самом деле это кормушки...

С помощью Корво Рамос повесил на доску еще две сильно увеличенные фотографии. На одной Босх ясно различил жестяную крышу небольшого навеса, а рядом с ним черного бычка-двухлетку. На соответствующем снимке, сделанном в инфракрасных лучах, ярко-красными были и животное, и навес.

— По конструкции это легкие навесы, предназначенные для того, чтобы защищать от дождя сено, то есть корм для скота, — говорил Рамос. — По свидетельству специалистов НАСА,

они могут испускать остаточное тепло, отражающееся и на резонансных фото, однако, по их единодушному мнению, инфракрасное излучение не бывает таким интенсивным. Следовательно, мы имеем дело с хитроумной маскировкой. Это скорее всего выводные отверстия вентиляционных шахт, связанные с подземными лабораториями. Судя по всему, в жилых зданиях есть ход в подzemелье. — Он сделал небольшую паузу, но никто не перебил его вопросом, и Рамос продолжил: — Мы располагаем также достоверными сведениями, полученными из конфиденциального источника, что под землей находится система тоннелей. В первую очередь нас интересует подземный ход, вероятно, соединяющий вот этот скотоводческий комплекс с частным предприятием «Энвиро брид» за пределами ранчо. По нашим предположениям, именно он позволил Зорилло временно уйти из-под наружного наблюдения. Кроме того, этот тоннель скорее всего используется и для перемещения готового продукта из лабораторий Эль-Папы на территорию упомянутого частного предприятия для последующей его отправки через границу.

Далее Рамос подробно осветил детали предстоящей операции. Начало штурма планировалось ровно в полночь. Перед мексиканской милицией ставили две задачи: один автомобиль без опознавательных знаков должен был доехать до ворот ранчо и, будто бы управляемый пьяным водителем, свернуть там с шоссе на щебенку. С помощью этой уловки трем милиционерам предстояло обезвредить двух охранников у ворот, после чего половине милицейского отряда следовало двинуться по дороге к жилым зданиям ранчо. Предполагалось, что в это же время вторая группа незаметно окружит «Энвиро брид» и будет ждать развития событий.

— Успех операции во многом зависит от того, насколько быстро нейтрализуют охранников у ворот. Нужно сделать это так, чтобы они не успели передать сигнал тревоги на асиенду, — сказал Корво. За весь инструктаж это были его первые слова. — Если нам не удастся сделать это, мы потеряем преимущество внезапности.

Как понял Босх, дальнейшие события должны были развиваться так. Когда наземные силы сосредоточатся у объектов и начнут атаку, в дело вступят десантные группы. Два транспорт-

ных вертолета сядут к северу и к востоку от жилых строений и высадят штурмовую группу ОБСО, которой вменялось в обязанности первой врываться во все здания. Третий вертолет останется в воздухе в качестве командного и наблюдательного пункта.

В заключение Рамос сообщил, что ранчо охраняют и два джипа; в каждом из них находится по два человека, которые постоянно патрулируют территорию, никогда подолгу не задерживаются на одном месте и не придерживаются никакого расписания или определенного порядка. До начала штурма определить их точное местонахождение не представлялось возможным.

— Придется сыграть с ними втемную, — закончил Рамос. — Впрочем, для этого у нас есть мобильный воздушный наблюдательный пункт. Либо нас предупредят о приближении патрульных джипов, либо «Рысь» сама выведет их из игры.

Говоря, Рамос расхаживал перед доской из стороны в сторону и размахивал линейкой словно шашкой. Босх прекрасно видел, как ему нравится командовать и отвечать за что-то важное. Возможно, в какой-то мере этим он компенсировал свое неучастие в боевых действиях в Ираке и Вьетнаме.

— О'кей, джентльмены. — Рамос чуть повысил голос и прикрепил к доске еще один снимок. — Наша цель — ранчо. Ордер на обыск выдан на предмет обнаружения наркотиков или оборудования для их производства. Если мы найдем наркотики — хорошо. Если обобщем лабораторию — и того лучше. Но на самом деле нам нужен вот этот человек... — Он отступил в сторону, и Босх увидел увеличенную фотографию Зорилло. Тот же самый снимок Гарри рассматривал сегодня утром в досье АКН. — Вот он — главный подозреваемый, — объявил Рамос. — Прошу любить и жаловать — Умберто Зорилло, Римский Папа вся Мехикали и ея окрестностей. Если мы упустим его, вся сегодняшняя операция пойдет псу под хвост. Зорилло задумал и организовал все это, потому-то он так нам и нужен. Кроме того, вам, вероятно, интересно узнать, что в своей преступной деятельности Эль-Папа не ограничивался производством и сбытом наркотиков. Он — главный подозреваемый по делу об убийстве двух лос-анджелесских полицейских, а также инициатор двух или трех смертей, происшедших в том

же городе примерно месяц назад. Они скорее всего тоже на его совести. Иными словами, этот человек ни перед чем не останавливается, и если он даже никого не убивал своими руками, то имеет достаточно людей, готовых сделать это по его приказу. Зорилло очень опасен, да и вообще всякий, кто попадется нам на ранчо, должен считаться вооруженным и очень опасным. Это заявлено официально. Вопросы?

Один из милиционеров задал вопрос по-испански.

— Хороший вопрос. — Рамос благосклонно кивнул. — Мы не начинаем штурм с «Энви́ро брид» по двум причинам. Во-первых, наша основная цель — ранчо, и даже если бы мы планировали одновременно проникнуть на оба объекта, нам пришлось бы отправить на «Энви́ро брид» значительно большие силы, что ослабило бы наш удар на главном направлении. Во-вторых, наш информатор сообщил, что при попытке проникнуть в подземный тоннель со стороны частного предприятия «Энви́ро брид» мы можем наткнуться на разного рода неприятные сюрпризы. Как минимум тоннель оборудован сигнализацией, возможно, даже заминирован, поэтому мы решили не рисковать. Взяв ранчо, мы пройдем по тоннелю с той стороны и выйдем у «Энви́ро брид».

Рамос ждал новых вопросов, но их не последовало. Собравшиеся уже переминались с ноги на ногу, грызли ногти, барабанили пальцами по коленям. Адреналиновый шторм только-только начинался, но Босх уже видел признаки надвигающейся бури. Так было и во Вьетнаме, и потому Гарри охватил страх, когда он почувствовал нарастающее возбуждение.

— Тогда закончим на этом, — громко объявил Рамос. — Через час всем собраться и быть готовыми. В полночь мы ударим!

У некоторых — самых молодых — агентов вырвались задорные мальчишеские крики, после чего собравшиеся быстро разошлись. Босх приблизился к Рамосу, снимавшему с доски фотографии.

— Похоже, это неплохой план, — сказал он.

— Ага, — согласился Рамос. — Остается только надеяться, что все пройдет более или менее в соответствии с ним. Как правило, самые лучшие планы плохи тем, что их редко удается осуществить точно.

— Верно. Кстати, Корво говорил мне, что у вас есть еще один план. Насчет того, как переправить Зорилло через границу.

— Да, мы тут немного покумекали.

— Не расскажешь?

Рамос, державший в руках толстенькую стопку фотографий, быстро огляделся.

— Ладно, расскажу. Тебе это понравится, тем более что Зорилло попадет прямо в Лос-Анджелес и предстанет перед судом за убийство твоих парней. В общем, при штурме асиенды эта вонючка Зорилло скорее всего окажет сопротивление и маленько пострадает — получит ушибленные травмы лица или что-то в этом роде. Главное, чтобы раны выглядели опаснее, чем будут на самом деле. Тогда мы потребуем, чтобы ему немедленно оказали медицинскую помощь, для чего АКН любезно предоставит один из своих вертолетов. Командир мексиканской милиции с благодарностью согласится с нашим предложением, но пилот — он у нас молодой и зеленый — по пути слегка заплутает и примет огни мемориального госпиталя «Империял каунти» по нашу сторону границы за главную клинику Мехикали. Вертолет приземлится возле другой больницы, и Зорилло окажется на нашей территории, где на него в полном объеме будут распространяться американские законы. Так что для Зорилло все закончится довольно неприятно. Ну а пилот, полагаю, отделается замечанием в личном деле.

На лице Рамоса снова появилась плотоядная улыбка. Подмигнув Босху, он повернулся и зашагал прочь.

Глава 29

«Рысь» неслась над ковром, сотканным из городских огней, держа курс на юго-запад, где темными громадами вздымались на горизонте горы Кукапа. Мотор ее работал удивительно тихо, гораздо тише, чем помнилось Босху по Вьетнаму.

Гарри, согнувшись на заднем левом сиденье, смотрел в иллюминатор и чувствовал, как откуда-то просачивается сквозь

вентиляцию холодный ночной воздух. Рядом с ним, у правого окна, расположился Агильо, а в переднем отсеке — Корво с пилотом. Корво — позывной «Крыша» — держал в руках всю связь и руководил атакой на ранчо в целом. Рамос, отвечавший за действия наземных сил, выбрал позывной «Земля-1». Время от времени бросая взгляд вперед, Босх видел на шлеме Корво тусклые зеленоватые блики — это отражались циферблаты и контрольные лампочки приборной доски.

Шлемы всех четверых были соединены электронными составными кабелями с разъемами центральной консоли. Это обеспечивало двустороннюю радиосвязь с землей, двустороннюю бортовую радиосвязь, а также позволяло пользоваться приставками ночного видения.

После пятнадцати минут полета огни Мехикали остались позади. Теперь, когда зарево большого города уже не слепило глаза, Босх рассмотрел в небе силуэт второго вертолета, летевшего примерно в двухстах ярдах слева от «Рыси». Второй «хьюи» скорее всего летел на таком же расстоянии справа, следовательно, все три машины с самого начала шли в боевом строю.

— Расчетное время прибытия — две минуты, — доложил пилот. Босх тут же взял с колен свой кевларовый бронежилет, положил его на сиденье и уселся сверху, защищаясь таким образом от огня с земли. Агильо посмотрел на него и проделал то же с бронежилетом, одолженным ему АKN. Почти сразу «Рысь» круто пошла вниз, и голос в наушниках громко сказал: «Поехали!»

Босх опустил на глаза приставку ночного видения и приник к линзам. Внизу стремительно неслась земля, поросшая кустарником и похожая на серо-желтую реку. Потом в поле его зрения показалась дорога; она слегка изгибалась, и вертолет пошел вдоль нее, слегка крелясь набок. Босх хорошо видел стоящие на шоссе легковой автомобиль, пикап и джип, а потом и несколько грузовиков, которые ползли по грунтовой дороге, поднимая клубы желтой пыли. Это мексиканская милиция спешила к асиенде и бункеру на территории ранчо. Операция началась.

— Похоже, наши друзья уже позаботились об одном патрульном джипе, — раздался в наушниках голос Корво.

— Это десять сорок, — донеслось в ответ. Отвечал, должно быть, один из транспортных вертолетов.

«Рысь» обогнала милицейские грузовики, и Босх рассматривал пустынную местность в окуляры инфракрасной оптики. Вертолет продолжал снижаться и выравнился, по оценке Босха, лишь на высоте трехсот ярдов от земли. Вскоре на желтом фоне возникли очертания асиенды, бункера и похожие на огромных стрекоз силуэты двух вертолетов — они шли на посадку в заранее запланированных точках.

Вдруг Босх почувствовал, как «Рысь» слегка потянуло вверх, словно она попала в восходящий поток воздуха.

— Первый сел! — раздался в наушниках короткий рапорт.

— Второй сел, — донесся еще один.

Из боковых дверей обеих машин начали выпрыгивать одетые в черное командос ОБСО. Одна группа из шести человек сразу же бросилась к дверям асиенды, другая шестерка из второго вертолета поспешила к бункеру, и только потом в поле зрения Босха появились грузовики милиции. Между тем из вертолетов продолжали сыпаться агенты под командованием Рамоса.

Картина, представшая Босху, выглядела почти сюрреалистической. Крошечные фигурки людей, желтые тона окружающей местности — все вместе напоминало скверно снятый и плохо смонтированный фильм.

— Перехожу на наземную частоту, — четко сказал Корво.

Босх услышал щелчок переключателя частот, и сразу же в наушниках зазвучали скороговорка радиообмена и затрудненное дыхание бегущих людей. Потом раздался тяжелый удар, но это был не взрыв, а таран: ОБСО вскрывала запертые двери. Сквозь этот шум отчетливо прозвучали испуганные выкрики «Policia! Policia!».

— Земля-1, ответьте Крыше, Земля-1, ответьте Крыше. Доложите обстановку. Земля-1, ответьте...

Сквозь громкое шипение статики донесся далекий голос Рамоса:

— Мы пробились на объект «А». У нас... Собираюсь...

Передача оборвалась. Объектом «А» была асиенда. Согласно первоначальному плану, штурм объекта «А» и бункера — объекта «Б» — должен был начаться одновременно.

— Земля-2, как ваши успехи? Доложите обстановку, доложите обстановку. Вы пробились на объект «Б»? — бормотал Корво.

Никакого ответа. Прошло несколько томительно-долгих минут, после чего на связь снова вышел Рамос:

— Земля-1 — Крыше. Земля-2 не может пока ответить. Штурмовая группа приблизилась ко входу на объект «Б». Мы...

Прежде чем связь снова прервалась, Босх услышал далекую автоматную очередь. Адреналин растекался по жилам, но он не мог ничего предпринять — оставалось лишь слушать молчащий эфир и глазеть на тускло-желтый дисплей ПНВ. Потом Босху показалось, что перед входом в бункер он видит вспышки выстрелов.

Снова ожил передатчик. Это опять заговорил Рамос:

— У нас тут становится горячо! Горячо!

Вертолет слегка качнулся — это пилот поднял машину чуть выше, и Гарри охватил взглядом большую площадь. Теперь он видел весь жилой комплекс. На плоской крыше бункера копошились крошечные фигурки, осторожно подбиравшиеся к ее переднему краю.

Гарри нажал кнопку на боковой поверхности шлема и быстро сказал в микрофон:

— Предупреди Корво, на крыше бункера — люди!

— Отключись! — рявкнул Корво и тут же передал вниз: — Земля-2, Земля-2, на крыше вашего объекта вооруженные люди. Вижу два ствола, подтягиваются к северному краю, как поняли?

За шумом винта Босх не слышал пальбы, зато хорошо видел вспышки выстрелов из автоматического оружия. У фасада бункера он заметил как минимум две огневые точки. Со стороны грузовиков время от времени отвечали одиночным огнем, но милиция оказалась если не совсем прижата к земле, то, во всяком случае, весьма скована в своих действиях. Потом, когда кто-то включил передатчик, но, не сказав ни слова, вдруг отключился, Босх услышал и трескучие автоматные очереди.

— Земля-2! — крикнул Корво в тишину. — Как поняли? Как поняли? Прием.

В его голосе ясно прозвучала паника, но ответа не последовало.

— Земля-2, ответьте Крыше.

В наушниках заскрежетало, и задышающийся голос Второго наконец отозвался:

— Здесь Второй. Да. Нас прижали у входа на объект «Б». Мы под перекрестным огнем, нужна помощь, как поняли?

— Вас понял, — откликнулся Корво и тут же рывкнул: — Земля-1, доложите обстановку.

Снова последовала мучительная неопределенная тишина. Наконец откликнулся Рамос, но из-за шума его почти не было слышно:

— Первый докладывает... Мы... в дом. Трое подозреваемых... убиты. ...икого нет. Похоже... хренов бункер.

— Пошли людей к бункеру, подстрахуй Второго!

— ...этой дорогой.

Босх заметил, что голоса, звучавшие на радиоволнах, стали выше, а речь — бессвязнее и быстрее. Кодовые слова и позывные постепенно исчезли, вытесненные страхом. Нечто подобное Гарри наблюдал и на войне, и на улицах, когда работал патрульным и носил форму. Страх, в котором редко признавались, лишал людей их тщательно отрепетированных поз и срывал все маски. Адреналин выбрасывался в кровь чудовищными порциями, а в глотке хрипело и булькало от ужаса, как в дренажной трубе во время наводнения. Единственное стремление — выжить во что бы то ни стало — управляло всеми поступками людей. Оно обостряло умственные способности и реакцию, уносило прочь все ненужное и напускное. Даже последнее упоминание объекта «Б» прозвучало как истерическая брань.

Глядя вниз с высоты четырехсот ярдов, Босх даже без прибора увидел вспышки выстрелов и понял, в чем состоит самый существенный недостаток плана. Агенты АКН с самого начала отводили милиции вспомогательную роль. Они надеялись поспеть к объектам раньше мексиканцев, высадиться, провести молниеносный блицкриг и захватить оба строения еще до подхода наземных войск. Но этого не случилось. Столкнувшись с упорным сопротивлением у бункера, ОБСО замешкалась и теперь была прижата к земле между защитниками здания и подтягивающейся к месту боя милицией.

Огонь из бункера неожиданно усилился, и Босх, внимательно следивший за вспышками, прильнул к окулярам прибо-

ра ночного видения. Вдруг он увидел второй джип, который выскочил из-за бункера и стремительно понесся прочь. Высадив радиатором ворота в заборе, ограждавшем асиенду и бункер, джип помчался по пустоши на юго-восток, и Босх снова нажал тангенту на шлеме.

— Корво, один сбегал! Он в джипе, едет на юго-восток.

— Придется временно выпустить его. Я не могу выделить ни одного человека, пока там внизу хрен знает что творится. И прошу тебя, не занимая частоту.

Джип между тем выбрался из поля зрения прибора ночного видения, и Босх сдвинул приставку на лоб. Вглядываясь в ночную тьму, он не увидел ничего. Джип ехал с выключенными огнями и, конечно, очень быстро слился с окружающим мраком. Босх почему-то сразу подумал о коровнике рядом с шоссе. Скорее всего именно туда направлялся беглец.

— Рамос! — громко крикнул Корво. — Тебе нужен свет? Свет?!

Нет ответа.

— Земля-1?... Земля-2, дать вам свет?

— ...светом вы будете прекрасной ми... — отозвался Второй. — Подождите пока... вплотную.

— Понял вас. Рамос, ты принимаешь меня?

Никакого ответа.

После этого стрельба прекратилась довольно быстро. Гвардия Зорилло сложила оружие, сообразив, что шансы уцелеть в длительной перестрелке слишком ничтожны.

— Крыша, я Земля-1, — донес эфир голос Рамоса. — Давайте ваш свет.

Босх заметил, что он говорил почти нормально. Очевидно, агент снова обрел уверенность в себе и в исходе дела.

Из брюха «Рыси» ударили три мощных прожектора, осветив землю внизу. Из бункера по одному выходили люди со сцепленными на затылке руками и сразу попадали в объятия милиции. Босх увидел, как человек в черном выволоч из бункера тело и бросил его на землю у входа.

— Мы закончили, — доложил Рамос.

Корво показал пилоту опущенный вниз большой палец, вертолет начал снижаться, и Гарри почувствовал, как напря-

жение понемногу оставляет его. Через тридцать секунд «Рысь» встала на грунт рядом с другим вертолетом.

На площадке перед бункером пленники один за другим опускались на колени, а милиционеры застегивали у них на запястьях одноразовые пластиковые наручники. Несколько мексиканцев стаскивали в кучу брошенное оружие. Здесь оказались пара «узи» и несколько «АК-47», но в основном солдаты Эль-Папы были вооружены дробовиками и винтовками «М-16». Рамос стоял возле милицейского капитана, прижимавшего к уху рацию.

Среди пленников Босх не заметил ни одного знакомого лица. Оставив Агильо, он приблизился к Рамосу.

— Где же Зорилло?

Рамос молча отмахнулся от него. Он смотрел на капитана, и Босх подошел еще ближе. Мексиканец выслушал доклад, посмотрел на Рамоса и коротко сказал:

— Nada*.

— На «Энвиرو брид» все тихо, — пояснил Рамос, полуобернувшись к Гарри. — С тех пор как наши люди спустились в лаборатории, там никто не показывался. Милиция продолжает блокировать здание.

Потом Рамос заметил подошедшего Корво и, обратившись к начальнику, тихо добавил:

— У нас неприятности. Одного мы потеряли.

— Мы видели его, — вставил Босх. — Он ехал на джипе на юго-восток. Надо...

Он замолчал, поняв, что имел в виду Рамос.

— Кого? — уточнил Корво.

— Кирта из штурмовой группы. Но это еще только половина апельсина.

Босх деликатно отступил. Этот разговор не предназначался для его ушей.

— Что за черт? — переспросил Корво.

— Пойдем — увидишь.

Оба агента пошли в обход асиенды, и Гарри последовал за ними, держась на почтительном расстоянии. Вдоль задней стены здания тянулась длинная, застеленная ковром веранда с

* Нет (исп.).

крыльцом. Рамос взбежал по ступенькам и направился к открытой двери черного хода. В трех футах от нее в глубине коридора лежало тело одного из бойцов ОБСО. Маска, завернутая наверх, открывала выпачканное кровью и залитое потом лицо.

Босху показалось, что он видит четыре входных отверстия — две пули попали в шею и две — в верхнюю часть груди прямо над краем бронежилета. Все пули легли очень кучно, все прошли навылет, и лужа крови под телом все еще пополнялась. Глаза и рот агента были открыты. Умер он почти мгновенно.

Босх сразу понял, в чем дело. Агент погиб от своего огня, поскольку убившие его пули явно вылетели из ствола «РО-636», который так хвалил Рамос. Раны были слишком серьезными; разрушения слишком значительными, да и легли пули слишком близко друг от друга. Они не могли быть выпущены из оружия, сваленного возле бункера.

— Похоже, — негромко объяснял Рамос, — Кирт выбежал из задней двери, услышав стрельбу. Земля-2 был в это время уже под перекрестным огнем, и кто-то из второй группы отреагировал на движение.

— Чтоб вас всех!.. — заорал Корво, наливаясь краской, и добавил уже значительно тише: — Ладно, иди-ка сюда, Рамос.

Они о чем-то зашептались, склонившись друг к другу, так что Босх ни слова не слышал. Однако он догадывался, что предпримут Рамос и Корво, поскольку на карту поставлена карьера.

— Я понял, — сказал Рамос обычным голосом и чуть отступил.

— Вот и отлично, — кивнул Корво. — Когда закончишь, сразу же позвони в Лос-Анджелес, в оперативный отдел. Необходимо, чтобы к нам сюда прибыл офицер по связям с общественностью, и как можно скорее — журналисты слетятся как мухи на мед, и мы должны быть во всеоружии.

— Вот именно.

Корво пошел было внутрь асиенды, но тут же вернулся.

— И еще: держи мексиканцев подальше от этого.

Он имел в виду милицию, и Рамос кивнул. Когда Корво отошел, агент повернулся к Босху, стоявшему в тени под навесом крыльца. Оба поняли друг друга без слов. Журналистам

сообщат, что Кирт погиб от выстрелов бандитов Зорилло. Об ошибке кого-то из ОБСО не скажут ни слова.

— Какие проблемы? — осведомился Рамос.

— У меня нет никаких проблем.

— Вот и хорошо. Значит, у нас нет причин для беспокойства, правда, Босх?

Гарри шагнул вперед.

— Где Зорилло, Рамос?

— Его все еще ищут — на ранчо слишком много укромных уголков. В доме Зорилло нет — мы уже проверили асиенду и нашли только троих, но они мертвы и ничего не расскажут. Кстати, твой человек со слезами — убийца копов — тоже здесь.

Гарри молча обошел Рамоса и распростертый на полу труп, стараясь не наступить в кровавую лужу. Взглянув в лицо мертвеца, он увидел, что глаза агента уже остекленели и стали похожи на грязноватые льдышки. Потом Босх двинулся по коридору в глубь асиенды, ориентируясь по звуку голосов, доносившихся из полуоткрытой двери рядом с лестницей, ведущей наверх. За дверью обнаружилось некое подобие рабочего кабинета с большим столом из полированного дерева. Его центральный ящик был выдвинут так далеко, что перекосился. Всю стену за столом занимали книжные полки.

Кроме Корво и одного из агентов АКН, в комнате оказалось два трупа — один валялся на полу рядом с опрокинутым диваном, а второй обмяк в кресле возле единственного в кабинете окна справа.

— Босх, зайди! — пригласил его Корво. — Нам нужно знать твое мнение.

Человек в кресле привлек внимание Босха первым. Дорогая кожаная куртка распахнулась, открывая так и не вынутый из кобуры пистолет. Это был капитан Грена, хотя узнать его с первого взгляда оказалось непросто — пуля, выпущенная с близкого расстояния в правый висок полицейского и вышедшая под левым глазом, уничтожила почти половину лица, а кровь залила плечи и куртку.

Босх отвернулся и посмотрел на второго. Тот вытянулся навзничь на полу, и только одна нога его все еще лежала на спинке опрокинутого дивана. В крови, заливавшей грудь, Босх считал не менее пяти пулевых ранений, но лицо осталось не-

поврежденным, и Гарри сразу заметил три вытатуированных на щеке слезы. Рядом с правой ногой труп валялся хромированный «кольт» сорок пятого калибра.

Это был Арпис. Именно его Босх видел в баре «По».

— Это твой человек? — спросил Корво.

— Да. Один из них.

— Вот и прекрасно. По крайней мере тебе больше не надо о нем беспокоиться.

— Второй человек — из местной полиции, капитан Грена.

— Знаю. Я только что нашел у него в кармане документы. Кстати, в бумажнике у этого капитана оказалось шесть тысяч долларов. Весьма неплохо, учитывая то, что капитаны судебной полиции зарабатывают в среднем три сотни в неделю. А теперь взгляни вот сюда...

Корво зашел с другой стороны стола, и последовавший за ним Босх увидел, что ковер на полу сдвинут к стене, а под ним вделанный в пол сейф размером с гостиничный холодильник. Толстая стальная дверца оказалась не заперта. Босх потянул на себя лязгнувшее железо и убедился, что внутри сейф пуст.

— Ребята из ОБСО нашли его уже в таком виде. Что скажешь, Босх? Покойники выглядят довольно свежими. Сдается мне, что мы опоздали к финалу представления совсем чуть-чуть.

Босх осмотрелся.

— Трудно сказать. Все это действительно похоже на теплое дружеское прощание бывших партнеров по бизнесу. Может быть, Грена стал слишком жаден и потребовал больше, чем заслуживал. Или сам повел игру с Зорилло, попытался провести его, но Эль-Папа опередил капитана. Я видел Грену на корриде несколько часов назад.

— И что он сказал? Капитан, часом, не упоминал, что ему пора ехать к Папе и получить пулю в лоб?

— Нет, он просто велел мне уматывать из города.

— Кто же тогда застрелил Грену?

— Дырка, похоже, от сорок пятого калибра. Предположим, что я не ошибся, и тогда из всех нас самый вероятный кандидат на роль убийцы — Арпис.

— Кто же в таком случае прикончил Арписа?

— В том-то и дело... Но если продолжить рассуждения в том же духе, то картина складывается следующая: Зорилло — или кто там сидел за этим столом — выхватил из ящика пистолет и начал дырявить Арписа. Тело отбросило назад, и оно опрокинуло диван.

— Но зачем Зорилло убивать своего человека?

— Этого я не знаю. Может, Зорилло не понравилось, как он поступил с Греней, или он начал бояться Арписа. Со своей стороны Арпис и Грена могли стакнуться, чтобы начать работать в одной упряжке. Гипотез множество, а как все было на самом деле, мы, может, никогда не узнаем. Кстати, Рамос говорил о трех трупах.

— А-а... это напротив.

Босх вышел в коридор и сразу увидел дверь в просторную и длинную гостиную. Пол здесь был устлан ворсистым светлым ковром, а в углу стоял белый рояль. На стене, над обтянутым белой кожей диваном, висел портрет Элвиса Пресли, а перед диваном лежал третий труп. Ковер под ним почернел от крови.

Это был Дэнс. Босх узнал его по фотографии, хотя некогда светлые волосы теперь были выкрашены в черный цвет, а во лбу зияла дыра. Вместо обычной самоуверенной мрачности лицо его выражало сейчас удивление и растерянность, глаза закатились. Казалось, Дэнс пытается разглядеть, что же такое случилось у него с головой.

Корво вошел в комнату следом за Босхом.

— Что скажешь?

— Похоже, Эль-Папе пришлось убираться отсюда в страшной спешке. И ему очень не хотелось, чтобы трое его сообщников рассказали нам об этом... Черт, Корво, я понятия не имею!..

Корво поднес к губам рацию:

— Лидер — поисковым группам. Доложите обстановку.

— Командир группы — Лидеру, — донеслось из динамика. — Мы нашли подземную лабораторию. Вход через бункер. Огромный зал сплошь заставлен поддонами: в них сушат товар. Здесь, наверное, несколько сот фунтов. И полно всякого оборудования. Мы попали в десятку, Лидер.

— Как насчет подозреваемого номер один?

— Пока ответ отрицательный. В лаборатории его нет.

— Дьявол! — Корво дал отбой и почесал шрам уголком рации, раздумывая, как быть дальше.

— Джип, — вспомнил Босх. — Надо догнать его.

— Если он направился на «Энви́ро брид», то там его ждет милиция. Сейчас я не могу выделить большого количества людей, чтобы они прочесали всю территорию ранчо. Здесь шесть тысяч акров одних только пастбищ!

— Я сам пойду.

— погоди, Босх, это не твоя забота.

— Пошел к черту, Корво. Я иду.

Глава 30

Босх вышел из дома, высматривая в полутьме Агильо. Наконец Гарри заметил, что он стоит неподалеку от группы захваченных преступников и охранявших их милиционеров. Только сейчас Гарри понял, что Карлос, возможно, чувствует себя здесь посторонним еще в большей мере, чем он.

— Я хочу отправиться за джипом, который мы видели. Похоже, это был Зорилло.

— Я готов, — откликнулся Агильо.

Но не успели они тронуться в путь, как к ним почти бегом приблизился Корво.

— Босх! Рамос полетит на вертолете. Это все, что я готов выделить.

Наступившую вслед за этим тишину нарушал лишь шум винта, раскручивавшегося за асиендой.

— Ну же! — поторопил Корво. — Или машина уйдет без вас.

Когда Босх и Агильо поспешно обогнули угол дома и заняли свои прежние места в вертолете, Рамос уже сидел в кабине рядом с пилотом. «Рысь» прыгнула в воздух так неожиданно, что Босх, натягивавший на голову шлем с прибором ночного видения, забыл пристегнуться.

Ничего интересного он все равно не увидел. Вертолет мчался почти точно на юго-запад от жилых построек, и на плоской

желтой равнине, стремительно несущейся в линзах прибора, не было ни бегущей человеческой фигуры, ни джипа, и вообще ничего. Вдруг Гарри вспомнил, что не сказал Агильо о безвременной кончине капитана, но, поразмыслив, решил сообщить эту новость позднее, когда все закончится.

Через две минуты они нашли джип, стоявший в зарослях кустарника на краю небольшой эвкалиптовой роши и прикрытый сверху огромным шаром перекасти-поля. Он показался Босху размером с грузовик, но было не ясно, принесло ли его ветром или это маскировка. От этого места до коралей и коровника было не больше пятидесяти ярдов.

Пилот включил прожекторы, и «Рысь» начала кружить над равниной. Никаких следов беглеца нигде не было видно. Где же Зорилло?

Босх посмотрел вперед и увидел, как Рамос сделал пилоту знак садиться. Вертолет пошел вниз. Яркий свет прожекторов погас, и, пока глаза Босха не привыкли к темноте, ему все казалось, будто они проваливаются в бездонную черную дыру.

В конце концов он ощутил легкий толчок — это коснулись земли салазки шасси — и слегка расслабился. Пилот заглушил мотор, и ночную тишину нарушал теперь только шелестящий посвист лопастей, вращающихся по инерции. В иллюминатор Гарри разглядел западную стену коровника без окон и дверей. Он подумал, что с этой стороны они могли бы приблизиться к зданию незамеченными, но тут Рамос заорал не своим голосом:

— Держитесь!

Раздался сильный удар, вертолет содрогнулся и сдвинулся с места. Из своего окна Гарри видел только, что их толкают куда-то назад и вбок. Это джип, понял он. Кто-то спрятался в джипе и теперь таранит вертолет. Салазки «Рыси» громко и пронзительно заскрежетали по камням, потом на что-то накнулись, и вертолет начал опрокидываться. Босх увидел в иллюминаторе, как лопасти все еще вращающегося винта вгрызаются в землю и ломаются. Раздался скрежет раздираемого металла, и Гарри машинально закрыл лицо и пригнулся. Откуда-то сверху на него свалился Агильо, а из кабины донесся громкий невнятный вопль.

Уже лежа на боку, вертолет несколько раз качнулся, но тут раздался еще один мощный удар — на этот раз спереди, — и Босх услышал металлический скрежет, звон разбиваемого стекла и несколько выстрелов.

Внезапно все успокоилось. Босх, придавленный Агильо, ясно слышал, как стихает идущий из земли гул. Это мчался прочь джип.

— Я попал в него! — Возбужденный голос Рамоса раздался почти над самой его головой. — Вы видели это? Видели?!

Босх видел и понимал только то, что все они находятся в крайне уязвимой позиции. Следующий удар последует скорее всего сзади, так что им не удастся стрелять. Босх потянулся к своему револьверу, но его руку прижала спина Агильо. Мексиканец зашевелился и слез с него. Оба ненадолго замерли в неудобных позах внутри лежащего на боку отсека. Потом Босх поднял руку и попытался открыть дверцу над их головами. Дверь скользнула в сторону, но на половине пути застряла, упершись, должно быть, в выступ смятой обшивки.

Они сняли шлемы, и Босх первым пролез в дверь наверху. Агильо подал ему бронежилеты, и Гарри зачем-то их взял. Потом из вертолета выбрался и мексиканец.

В воздухе сильно пахло разлившимся горючим. Не теряя времени, Босх и Агильо побежали к разбитому передку вертолета и увидели там Рамоса. С пистолетом в руке он выбирался сквозь выбитое ветровое стекло.

— Помоги, — бросил Босх. — Я прикрою.

Он выхватил из кобуры револьвер и повернулся так, что ствол оружия описал полукруг, но поблизости никого не было. Тут он заметил джип, все еще стоявший на том же самом месте и накрытый перекати-полем, и слегка растерялся. Босх не понимал, в чем тут дело. Если только...

— Пилот застрял, — сказал рядом Агильо, и Гарри заглянул в кабину. Рамос включил уцелевший ручной фонарь и осветил бледное лицо и испачканные кровью пшеничные усы пилота. На переносице чернела глубокая ссадина, зрачки расширились. Гарри увидел, что ноги пилота зажаты изуродованной приборной доской.

— Где радио? — спросил Босх. — Нужно вызвать подмогу.

Рамос до половины пролез в разбитое окно и вынырнул обратно, сжимая в руке портативную рацию.

— Корво, Корво! Срочный вызов. — В ожидании ответа Рамос обратился к Босху и сказал: — Он нам не поверит! Это чудовище выскочило словно из-под земли, так что я даже не понял...

— Что случилось? — раздался из динамика голос Корво.

— У нас нештатная ситуация, Корво. Срочно нужна медицинская помощь и инструменты по металлу. «Рысь» разбилась, а Коркоран застрял внутри. Он ранен.

— ...есте произошло крушение?

— Это не крушение, Корво! Чертов бык напал на вертолет уже на земле и опрокинул его. Машина повреждена, и мы не можем вытащить Коркорана. Сейчас мы примерно в сотне ярдов к северо-востоку от коровника и коралей.

— Оставайтесь на месте, помощь уже в пути.

Рамос повесил рацию на пояс, засунул фонарь под мышку и дозарядил свое оружие.

— Давайте станем с трех сторон от вертолета и будем следить за этой тварью, — предложил он. — Я знаю, что попал, но ей это ничуть не повредило.

— Нет, — сказал Босх. — Ты и Агильо встаньте по сторонам вертолета и дождитесь помощи, а я пойду проверю коровник. Зорилло может...

— Нет-нет-нет, Босх, так не пойдет. Мыждемся подмоги, и тогда...

Рамос умолк на полуслове и повернулся на сто восемьдесят градусов. Потом и Босх услышал это. Или, скорее, почувствовал. Земля под ногами ритмично задрожала, и эта неприятная вибрация усиливалась. Рамос выхватил фонарь и начал водить им из стороны в сторону. Агильо за спиной Босха негромко сказал:

— Эль-Темблар.

И тут бык появился на границе видимости. Огромный, черный, он нападал, не смущаясь ни их превосходящей численностью, ни едким запахом керосина. Здесь была его территория, и он, не колеблясь, выступил на ее защиту. Испуганному Гарри бык показался сгустком мрака, порожденным самой окружающей ночью — черным ангелом смерти, вооруженным ост-

рыми рогами на склоненной к земле мощной голове. Чудовище было не менее чем в тридцати ярдах, когда его налившиеся кровью глаза наконец остановились на конкретной жертве.

На Босхе.

В одной руке Гарри все еще держал «смит-вессон», а в другой — свой бронежилет с нашитыми на спине желтыми буквами ПОЛИЦИЯ, сделанными из светоотражающей ленты. В немногие остававшиеся у него секунды Босх понял, что именно эти буквы выделили его из всей тройки и привлекли к нему внимание свирепого животного. Револьвер был бесполезен — такую гору мяса не остановишь пулей, во всяком случае — мгновенно. Бык выглядел слишком большим и сильным, к тому же, чтобы поразить его в жизненно важный нервный узел или в сердце, от Гарри требовалась предельная точность стрельбы в темноте и по движущейся мишени. Любая другая рана в данной ситуации лишь разъярила бы быка.

Босх выронил револьвер и поднял повыше бронежилет.

Справа от себя он услышал крики и выстрелы — это Рамос пытался отвлечь внимание быка, но тот, словно не замечая их, мчался прямо на Босха.

Когда чудовище приблизилось, Гарри взмахнул бронежилетом, отводя его вправо от себя. В свете луны крупные желтые буквы засияли еще ярче, и Босх выпустил жилет из рук. Но еще до того, как бронежилет коснулся земли, Эль-Темблар ударил рогами прямо в желтую надпись.

Словно черный вихрь в непроглядной ночи, исполинская туша промчалась совсем рядом, и Босх инстинктивно отступил назад. Бык лишь чуть-чуть задел его, и Гарри кубарем покатился по земле.

Лежа на песке, он поднял голову и увидел, как бык, будто тренированный атлет, круто свернул влево и занялся Рамосом. Тот все еще стрелял, и Босх заметил, как блестит лунный свет на медных гильзах, выбрасываемых отражателем пистолета. Расстояние было совсем небольшим, но пули не остановили яростной атаки. Они даже не заставили животное замедлить бег. У Рамоса между тем кончились патроны, но он все еще нажимал на спусковой крючок и Босх слышал сухие щелчки спускового механизма.

Последний крик Рамоса был невнятным и громким. Бык ударил низко, почти по ногам, и сразу же взмахнул мокрой и блестящей от крови шеей, подбросив человека высоко в воздух. Как в замедленной съемке, Рамос перевернулся вокруг своей оси и упал на землю головой вниз.

Расправившись с одним из своих врагов, бык попытался затормозить, но инерция огромной массы и попавшие в него пули сделали свое дело. Утратив контроль над своим телом, животное покатилося по траве и песку. С трудом поднявшись на все четыре ноги, чудовище повернулось и изготавилось к новой атаке. Видя это, Босх быстро пополз на четвереньках к брошенному револьверу. Он успел схватить его и прицелиться, когда передние ноги быка задрожали и подогнулись под неимоверной тяжестью могучих мышц. Эль-Темблар ткнулся головой в землю, потом медленно повалился на бок. Некоторое время он лежал неподвижно, и только грудь его тяжело вздымалась и опускалась. Вскоре движение прекратилось.

Босх и Агильо бросились к Рамосу почти одновременно. Склонившись над телом, они, однако, не решились тронуть его. Рамос лежал на спине, раскрытые глаза были забиты землей, а голова находилась под неестественным углом к телу. При падении он сломал себе шею.

Издали донесся стрекот движка одного из «хьюи», спешащего к ним. Босх выпрямился и увидел шарящие по пустоши длинные лучи прожекторов.

— Я пойду в тоннель, — сказал Босх. — Когда они сядут, подстрахуй меня.

— Нет. — Агильо покачал головой. — Я пойду с тобой.

В его голосе прозвучала неколебимая твердость. Наклонившись, Агильо снял с пояса Рамоса рацию и поднял фонарик. Радио он отдал Босху.

— Скажи им, что мы пойдем вдвоем.

Гарри связался с Корво.

— А где Рамос? — был его первый вопрос.

— Мы только что потеряли его. Мы с Агильо направляемся в тоннель. Предупреди милицию в «Энви́ро брид», чтобы они не подстрелили нас.

Он выключил рацию, прежде чем Корво успел возразить, и бросил ее на землю рядом с мертвым агентом. Вертолет со спа-

сательной партией был уже почти над ними, и оба детектива побежали к коровнику, держа наготове оружие. Там, прижимаясь к стене здания, они осторожно огибали углы, пока не оказались с той стороны, где располагались входные ворота. Одна из створок была приоткрыта — ровно настолько, чтобы в щель мог пройти человек.

Пробравшись внутрь, Босх и Агильо согнулись в темноте. Не услышав ничего подозрительного, мексиканец включил фонарик и стал водить его лучом из стороны в сторону. При столь скудном освещении и без того внушительный коровник производил впечатление огромной пещеры, по всей длине которой выстроились с обеих сторон стойла для содержания животных. У задней стены были составлены огромные железные клетки, в которых быков отвозили на арену, а рядом громоздились друг на друга тюки прессованного сена. Потом Босх разглядел над головой несколько свисавших с потолка лампочек, а оглядевшись по сторонам, заметил и рубильник на столбе у входа.

Включив освещение, они двинулись по проходу между стойлами, причем Агильо взял на себя левый, а Гарри — правый ряд. Стойла пустовали; очевидно, все быки свободно паслись на территории ранчо. В самом конце коровника они нашли ведущий в тоннель люк.

Там, в дальнем углу помещения, стоял погрузчик. На его заданных вверх рычагах покоился огромный поддон с несколькими тюками сена. В бетонном полу, на том самом месте, где стоял поддон, зияло отверстие шириной фута в четыре. Очевидно, Зорилло использовал погрузчик, чтобы сдвинуть сено, но опустить крышку на место и снова спрятать вход в тоннель было уже некому.

Босх пригнулся и, осторожно приблизившись к краю дыры, заглянул вниз. Он увидел лестницу примерно двенадцати футов высотой, ведущую в освещенный коридор.

Гарри перевел взгляд на Агильо.

— Готов?

Мексиканец кивнул.

Босх решил идти первым. Спустившись на несколько ступенек, он отпустил руки и спрыгнул. Едва его ноги коснулись пола, Гарри поднял револьвер, готовясь открыть огонь, но стрелять было не в кого. Тоннель оказался пуст. Собственно,

это был даже не тоннель, а коридор, достаточно высокий, чтобы идти по нему не пригибаясь. По потолку проходил толстый резиновый кабель, питавший развешенные через каждые двенадцать футов фонари в решетчатых металлических кожухах. Тоннель слегка изгибался влево, поэтому Босх не видел, где он кончается и есть ли кто-нибудь в дальнем конце.

Он сделал несколько шагов вперед, и Агильо мягко спрыгнул на бетон позади него.

— О'кей, — шепнул Босх. — Будем держаться правой стены. Если начнется стрельба, я присяду, а ты бей по верх моей головы.

Агильо кивнул, и они начали быстро продвигаться вдоль коридора. Пытаясь определить направление своего движения, Босх в конце концов решил, что они направляются на восток, но не прямо, а забирают чуть севернее. Однако когда, преодолев всю видимую часть коридора, они прижались к стене перед поворотом и заглянули за угол, Босх понял, что коридор изгибается слишком круто, поэтому не выведет их на «Энвиرو брид».

Теперь он ясно видел и конец коридора, видел ведущую наверх лестницу, располагавшуюся в каких-нибудь пятидесяти ярдах впереди. В коридоре никого не было.

Нет, определенно этот подземный ход вел не на фабрику, где выращивали фруктовых мушек, и Босх пожалел, что оставил рацию на месте крушения вертолета.

— Черт! — прошептал он.

— Что? — так же шепотом спросил Агильо.

— Ничего. Идем.

Первые двадцать пять ярдов они преодолели почти бегом, и только потом замедлили шаг, чтобы без шума приблизиться к лестнице. Агильо перебежал к правой стене, и они достигли выходного люка почти одновременно, держа свое оружие направленным вверх и часто моргая чтобы стряхнуть заливавший глаза пот.

В помещении наверху свет не горел, поэтому Босх взял у Агильо фонарик и направил луч вертикально. Прямо над люком он увидел низкие потолочные балки какой-то комнаты. Никто не палил в них, никто не забросал их гранатами, никто их даже не окликнул. Несколько секунд Босх напряжен-

но прислушивался, но не уловил ни шороха. Наконец он кивнул Агильо чтобы мексиканец прикрывал его огнем, а сам вложил револьвер в кобуру и полез вверх, держа в руке фонарик.

Босх был испуган. Когда во Вьетнаме он поднимался наверх из вражеских тоннелей, страх всегда проходил. Каждый раз, покидая опасный мрак и оказываясь в безопасности, среди своих товарищей, Гарри чувствовал себя так, словно родился заново. Это был переход из черного в голубое, из ночи в день. Вот только на этот раз подъем на поверхность земли не сулил ему ничего хорошего.

Достигнув вершины лестницы, Босх поднял фонарь над головой и еще раз посветил им во все стороны. Поскольку ничего не произошло, он медленно, по-черепашьи, высунул голову из люка и сразу заметил толстый слой опилок на полу. Тогда он поднялся повыше и огляделся получше. Гарри оказался в какой-то кладовой, вдоль стен которой стояли разборные металлические стеллажи. На их полках во множестве были свалены коробки с полотнами для ножовок и абразивными ремнями для промышленных шлифовальных машин, кое-какие ручные инструменты и плотницкие пилы. Несколько полок были заняты деревянными колышками и дюбелями, рассортированными по размеру, и Босх сразу подумал о деревянных рукоятках на концах тонкой стальной проволоки, которой задушили Портера и Капса.

Выбравшись из люка, Босх махнул рукой Агильо, а сам пошел к двери кладовой. Кладовка оказалась не заперта, и Босх попал в полутемный просторный цех, где стояли в ряд верстаки и самое разное деревообрабатывающее оборудование, а у стены беспорядочно валялась готовая продукция: некрашенные столы, стулья, тумбы с ящиками и прочее. Наверху горела одинокая тусклая лампочка дежурного освещения.

Сзади неслышно подошел Агильо; он хотел что-то сказать, но Босх остановил его. Он уже понял, что они находятся на фабрике «Мекситек».

В самом конце цеха они увидели широкие двойные двери, и одна из них вела в погрузочный двор, выходявший на аллею, по которой Босх бродил вчера ночью. Центр парковочной площадки занимала обширная лужа, и Босх увидел мокрые следы

колес, уходящих к аллее. Ни машин, ни людей... Судя по всему, Зорилло был уже далеко.

— Два тоннеля... — проговорил Босх, не в силах скрыть уныние.

— Два тоннеля! — воскликнул Корво. — Информатор Рамоса посадил нас в лужу дерьма!

Босх и Агильо сидели на некрашенных сосновых стульях и смотрели, как Корво мечется из стороны в сторону. Специальный уполномоченный, агент-куратор АКН, выглядел ужасно. Иначе и не мог выглядеть ответственный за операцию, потерявший двух человек, один вертолет и упустивший главного подозреваемого, ради которого все и затевалось. Иными словами, он походил на того, кто поскользнулся на свежей коровьей лепешке. С тех пор как Босх и Агильо прошли сквозь тоннель, минуло около двух часов.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил Гарри.

— То, что его информатор знал и о втором тоннеле. Исключено, что он знал об одном подземном ходе. Он всех нас подставил и помог Зорилло ускользнуть. Если бы я выяснил, кто это, то засадил бы его по обвинению в убийстве федерального агента!

— Так ты не знаешь?

— Рамос не говорил мне о нем, руки не дошли.

Босх вздохнул свободнее.

— Не могу поверить!.. — сокрушался Корво. — Хоть не возвращайся, ей-богу! Нет, со мной покончено, покончено... Ты хоть поймал своего убийцу, Босх, а мне попался сандвич с начинкой из дерьма.

— Телексы разослал? — Босх почел за благо переменить тему.

— Да, всем отделениям и всем правоохранительным агентствам, только это вряд ли поможет. Эль-Папы давно и след простыл. Он теперь отправится куда-нибудь в провинцию, отлежится годик-полтора и начнет все сначала в другом месте. Может быть, в Мишоакане, может, еще южнее.

— А он не мог отправиться на север? — предположил Гарри.

— Нет, — решительно опроверг Корво. — Через нашу границу Зорилло ни за что не полезет, ведь если он попадетсЯ, то

до конца жизни будет рассматривать небо в клеточку. Нет, он подался на юг, это уж точно.

На фабрике к этому времени появилась орава агентов с папками и блокнотами. Они производили обыск, тщательно фиксируя все, что удавалось обнаружить. Один из них неожиданно наткнулся на специальную машину для сверления ножек столов. Образовавшаяся полость позволяла размещать в ней наркотики, после чего ножки комплектовались столешницей и в таком виде переправлялись через границу. Еще одна группа агентов АКН нашла в коровнике второй замаскированный люк и проследовала по тоннелю до самого «Энви́ро брид», не встретив по пути ни мин, ни каких-либо других ловушек. На «Энви́ро брид» не было никого, кроме сторожевых собак. Их агенты пристрелили.

Так или иначе, но в результате операции АКН удалось обезвредить разветвленную и мощную организацию, занимавшуюся контрабандой наркотиков. Несколько агентов уже отправились в Калексико, чтобы арестовать Эли, генерального менеджера «Энви́ро брид». На одном только ранчо милиция задержала четырнадцать человек, но это было далеко не все. Предстояли новые аресты, но Корво это не удовлетворило. Он потерял двух агентов, а Зорилло бежал и находился теперь неизвестно где. Кроме того, специальный уполномоченный агент ошибался, считая, что Босху достаточно Арписа и Дэнса. Гарри тоже был не прочь изловить Эль-Папу; как-никак это по его приказу убили Мура, Портера и других.

В конце концов Босху надоело смотреть, как Корво в отчаянии заламывает руки, и он поднялся, скрипнув стулом. Гарри и сам был разочарован и подавлен неудачей. Агильо, должно быть, тоже переживал, хотя не выказывал этого. Увидев встающего Босха, мексиканец отодвинул табурет и начал прохаживаться между станками и разбросанной мебелью. Им обоим еще предстояло дожидаться милицейского грузовика, который доставил бы их в аэропорт, где Гарри бросил на стоянке «каприс». Корво и прочие агенты АКН должны были переделать еще немало дел, и Гарри подозревал, что они останутся здесь до самого рассвета. Но они с Агильо свои дела закончили.

Наблюдая за товарищем, Босх увидел, что Карлос вернулся в кладовку и приблизился к выходу из тоннеля. Гарри только что рассказал ему о смерти капитана Грены, но Агильо лишь кивнул. Лицо мексиканца не выразило никаких чувств.

Увидев, что Агильо опустился на корточки и рассматривает рассыпанные по полу опилки так, словно это чайные листья*, по которым он надеялся прочесть, где искать Зорилло, Босх подошел к полицейскому.

Не поднимая головы, Агильо сказал:

— У Эль-Папы новые ботинки.

Босх наклонился пониже, и мексиканец указал ему на следы, отчетливо различимые в мелких, влажных опилках. Это не могли быть отпечатки ног Босха или Агильо. Всмотревшись, Гарри узнал удлинненный каблук ковбойского сапога, внутри которого изогнулась буквой «S» стилизованная змейка. Края следа вышли четкими, особенно хорошо отпечатались головка змеи.

Агильо оказался прав — у Папы действительно были новые ботинки.

Глава 31

Всю дорогу к пограничному пункту Босх размышлял о том, как тонко и хитро был составлен план, как встали теперь на свои места все фрагменты, ранее приводившие его в недоумение, и чем все закончилось бы, если бы Агильо не заметил отпечатки ковбойских сапог. Потом он вспомнил коробку из-под обуви марки «Снейк», хранившуюся в стенном шкафу в квартире Мура в Лос-Фелисе. Подсказка была очевидной, но он не обратил на нее внимания. Следовательно, видел только то, что ему хотелось.

Час был еще ранний — на востоке обозначились первые признаки рассвета, и у пограничного пункта не оказалось никакой очереди. Никто не мыл ветровые стекла, не продавал су-

* Гадание по чайным листьям распространено в Китае.

вениры и безделушки, никто не попрошайничал. Здесь вообще никого не было, кроме заспанного офицера пограничного патруля. Едва взглянув на предъявленный значок, он махнул Босху рукой и скрылся в будке.

Гарри нужно было позвонить и взбодриться, и от границы он направился напрямик к городскому Таун-холлу. Там, в автомате при полицейском участке, он купил колу и вышел с ней на улицу. У входа в участок висел на стене платный телефон. Бросив взгляд на часы, Босх подумал, что Тереза наверняка еще дома — проснулась и собирается на работу.

Закурив сигарету, он набрал телефонный номер и оплатил разговор своей кредитной карточкой «Пак-тел». Ожидая соединения, Босх разглядывал расположенный через дорогу сквер. Несмотря на плотный утренний туман, залегший между деревьями и медленно дрейфующий над улицей, он увидел бездомных. Завернувшись в одеяла, они расположились на ночлег на траве парка. Из-за тумана их фигуры казались неясными, призрачными, а вся картина навевала чувство щемящего одиночества.

Тереза сняла трубку после двух гудков. Судя по голосу, она уже встала.

— Привет.

— Гарри? Что случилось?

— Извини, если разбудил.

— Я уже встала. Так в чем дело?

— Ты пойдешь сегодня на похороны Мура?

— Конечно, ну и что? Ты позвонил мне без десяти пять, чтобы спросить...

— Это не Мур.

Последовало долгое, очень долгое молчание. Босх не спешил объясниться и смотрел на другую сторону улицы. Один из бездомных проснулся и теперь стоял под деревом, зябко кутаясь в одеяло, и, в свою очередь, тарасился на Босха. Гарри отвернулся.

— Что ты такое говоришь, Гарри? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Лучше не бывает, только немного устал. А говорю я вот что — Калексико Мур жив. Только сегодня утром мы с ним немного разминулись.

— Ты все еще в Мексике?

— На границе.

— Ничего не понимаю! — в сердцах воскликнула Тереза. — Как это может быть?! Его отпечатки идентифицированы, и зубы тоже, а жена опознала по фотографии татуировку на теле. Чего же еще?

— Все это — чепуха, фальшивка. Он сам это устроил.

— Но почему ты звонишь мне и все это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне, Тереза. Не к Ирвингу же мне идти. Только ты в силах мне помочь, помоги мне и — себе. Если я прав.

— Это очень большое «если», Гарри. — Босх снова посмотрел в парк, но фигуры в одеяле уже не увидел. — Расскажи, как это может быть, — попросила Тереза. — Убеди меня.

Босх собирался с мыслями, как адвокат перед перекрестным допросом. Он прекрасно понимал, что каждое произнесенное им слово должно выдержать испытание здравым смыслом и скепсисом Терезы, иначе не стоит и начинать. В противном случае он потеряет своего единственного союзника.

— Шиэн говорил мне, что, кроме сличения отпечатков и зубов, они провели и почерковедческую экспертизу записки, найденной в его кармане. Они сравнивали ее с карточкой перемены места жительства из личного дела Мура, которую он заполнил несколько месяцев назад, когда расстался с женой и переехал на другую квартиру...

Босх сделал паузу и глубоко затянулся сигаретой, поэтому Тереза решила, что он закончил.

— И все? — спросила она. — Не вижу, что тут такого.

— Одной из уступок, которой несколько лет назад добились Лига защиты прав полицейских, была гарантированная возможность доступа сотрудников к своим личным делам. Копы получили право следить за всеми выговорами, взысканиями и прочими служебными отметками, заносившимися в их досье. Значит, и Мур мог получить свое личное дело на руки. Несколько месяцев назад он пошел в отдел кадров и попросил выдать ему досье, мотивируя это тем, что переехал и хочет заполнить соответствующую форму.

Босх снова ненадолго замолчал, пытаясь привести в порядок мысли.

— Ну?... — поторопила его Тереза.

— В личных делах сотрудников хранятся и их дактилоскопические карточки. Следовательно, Мур имел доступ к тем самым карточкам, которые Ирвинг впоследствии приволок к тебе на вскрытие. Именно по ним ваш техник идентифицировал тело. Понимаешь? Пока досье находилось у Кэла, он мог подменить дактилокарту, подсунуть чьи-то чужие отпечатки, и по этой карточке вы опознали убитого как Мура. Но ведь это было не его тело! Это был другой человек.

— Кто?

— Я почти уверен, что это был один мексиканец по фамилии Зорилло.

— На мой взгляд, это слишком смелое предположение. Я неплохо помню тот день, когда проводила вскрытие. Этот, как его... Шизн... Ему позвонили из спецотдела и сообщили, что отпечатки из номера в мотеле тоже идентифицированы. И они принадлежали Муру! А ведь спецотдел использовал совсем другой комплект отпечатков, чем мы. Это двойное подтверждение, Гарри. Кроме того, есть еще и татуировка — старая выцветшая татуировка. И зубы. Как ты объяснишь все это?

— Выслушай меня, Тереза. Всеу этому у меня есть объяснения. Ты говоришь о зубах, но ведь вы нашли только один пригодный зуб — даже не целый, а фрагмент с запломбированным каналом. Значит, корня у зуба не было, верно? Зуб был мертвый, поэтому определить, давно ли его удалили, вряд ли возможно. Вас интересовало только совпадение с записями дантиста, и это совершенно правильно. Один из ребят Мура как-то сказал мне, что некий тип с Бульвара оказал сопротивление при задержании и выбил Кэлу зуб. Откуда тебе известно, что это не тот зуб?

— Хорошо, допустим. А теперь объясни, почему совпали отпечатки, снятые в комнате мотеля.

— Потому что это действительно были его отпечатки. Арт Донован, эксперт-криминалист из спецотдела, сообщил мне, что пользовался дактилоскопическими отпечатками, хранящимися в компьютере департамента юстиции. Наверняка это подлинные отпечатки Мура, что, в свою очередь, означает одно: Калексико действительно побывал в номере. Но совсем не обязательно, что нашли именно его тело.

Ты же сама знаешь, что в обычных условиях сличение отпечатков пальцев проводится только по образцам, хранящимся в базе данных департамента юстиции, но тут вмешался Ирвинг и все испортил. Он заставил вас воспользоваться карточкой из личного дела, а именно на этом и основывался план Мура. Он был уверен, что Ирвингу или какому-то другому чину из управления это непременно придет в голову, поэтому рассчитывал, что вскрытие, опознание и все прочее проведут в страшной спешке, поскольку дело касается одного из полицейских офицеров. Так бывало прежде, и Мур знал, что для него едва ли сделают исключение.

— Донован не сравнивал наши отпечатки с теми, что он снял в номере?

— Нет, конечно, а зачем? Это же не входит в обычную процедуру. Может быть, со временем он и догадался бы, но в данном случае все происходило слишком быстро.

— Черт! — пробормотала Тереза, и Гарри понял, что почти убедил ее. — А как насчет татуировки?

— Это не просто татуировка, а своеобразный герб баррио, в котором долго жил Мур. Я побывал в тех местах — там полным-полно людей с таким значком. Думаю, что и у Зорилло была такая же картинка.

— А кто такой этот Зорилло?

— Он рос в баррио вместе с Муром. Точно не знаю, но они, возможно, братья по матери. Со временем Зорилло стал некоронованным королем Мехикали, крупнейшим торговцем и производителем наркотиков в этом регионе. Мур же отправился в Лос-Анджелес и поступил на службу в полицию. Получается, что Мур работал на Зорилло, и с этого-то все и началось. Этой ночью АКН устроила налет на ранчо Зорилло под Мехикали, но ему удалось ускользнуть. Впрочем, не думаю, что это был Зорилло. Это был наш Калексико Мур.

— Ты видел его?

— Мне не надо видеть — я знаю.

— Его кто-нибудь ищет?

— АКН дорого бы дала за его голову, но они сосредоточились на внутренних южных районах Мексики. Кроме того, они ищут не Мура, а Зорилло. Возможно, Мур больше никогда не появится на поверхности.

— Все это выглядит... Так ты утверждаешь, что Мур убил этого Зорилло и поменялся с ним местами?

— Да. Каким-то образом он заманил Зорилло в Лос-Анджелес, они встретились в «Убежище», и Мур убил его — вот откуда удар по затылку, следы которого ты обнаружила. Потом он передел труп в свою одежду, надел на него свои ботинки и разнес лицо выстрелом из дробовика. Уходя, он оставил свои отпечатки где только можно, чтобы Донован клюнул на них, и даже подложил записку в задний карман брюк.

По-моему, записка сработала сразу на нескольких уровнях. Во-первых, ее приняли за последнее письмо самоубийцы. Анализ машинописного шрифта совпал с результатами предварительного опознания — это во-вторых. Что касается другого, более высокого уровня, то я склонен предположить, что между Муром и Зорилло — еще со времен баррио — существовали какие-то личные счеты. «Кто ты такой?», «Теперь я знаю, кто я такой» — все это расхожие местные выражения, но рассказывать, откуда что взялось, я сейчас не буду — слишком это долгая история.

Некоторое время и Босх и Тереза молчали, обдумывая сказанное и услышанное. Гарри понимал, что еще не все концы связаны с концами и многое еще остается неясным там, где ложь громоздится на ложь.

— Но почему убили Портера и «Хуана»? — спросила наконец Тереза. — Какое они имели к этому отношение?

Ответов на эти вопросы у Босха пока не было.

— Не знаю, — признался он. — Вероятно, они каким-то образом стояли у него на пути. Зорилло приказал убить Джими Каппса, потому что он был осведомителем, — думаю, об этом ему рассказал сам Мур. Потом нашего «Хуана» — между прочим, его звали Ферналь Гутьерес-Лоса — забили до смерти и привезли сюда. За что и зачем — я не представляю. Затем Мур прикончил Зорилло и занял его место. При чем тут Портер, опять же не известно. Полагаю, Мур боялся, что Лу о чем-нибудь догадается.

— Что ж, все это звучит довольно правдоподобно.

— Да.

— Как же быть? — спросила Тереза. — Ведь они вот-вот похоронят его, наркобарона... со всеми почестями и с салю-

том. Наш мэр уронит скупую слезу над могилой героя, начальник полиции будет стоять навывыжку, словно аршин проглотил, а репортеры...

— А ты будешь знать правду.

Прежде чем задать следующий вопрос, Тереза довольно долго думала.

— Почему он так поступил?

— Трудно сказать. Они были очень разными людьми — полицейский и торговец наркотиками, — но что-то, наверное, их все же объединяло — какая-то невидимая нить, которая тянется еще оттуда, из баррио Святые и Грешники. В конце концов случилось так, что коп перешел границу и стал цепным псом наркодельца на улицах Лос-Анджелеса. Кто знает, что заставило его пойти на такой шаг? Может быть, деньги, а может быть, что-то такое, что он утратил много лет назад, когда еще был ребенком.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока не знаю. Я все еще размышляю над этим.

— Если они были так близки, почему Мур убил его?

— Наверное, об этом нужно спросить у него. Если, конечно, мы когда-нибудь его найдем. Возможно, как ты и сказала, он просто хотел занять место Зорилло и получить все деньги. Не исключено, что его постоянно преследовало чувство вины. Мур зашел слишком далеко, и ему хотелось положить этому хоть какой-то конец... Кэл был слегка повернут на прошлом, по словам его жены. Кто знает, не пытался ли он вернуть хоть что-то из безвозвратно ушедшего, вернуться в свои детские годы... — На линии снова воцарилось молчание. Босх в последний раз затянулся сигаретой, обжег пальцы и отбросил окуроч. — План Мура казался безупречным, — подытожил он. — Кэл подбросил нам «свое» тело в таких обстоятельствах, которые почти полностью исключали серьезное расследование. Он не сомневался, что управление не захочет копаться в этом.

— Но ты захотел, да, Гарри?

— Да, захотел...

«И вот к чему я пришел», — подумал Босх. Внезапно он понял, что будет делать дальше. В парке напротив зашевелились призрачные фигуры людей, просыпавшихся для нового безрадостного дня, полного разочарований и бед.

— Почему ты позвонил мне, Гарри? Что я должна сделать?

— Я позвонил тебе потому, что мне нужно кому-то довериться. Кроме тебя, у меня никого нет.

— Чем тебе помочь?

— Ты можешь получить дактилокарты из компьютера департамента юстиции?

— Конечно. Именно так мы обычно проводим опознание. И впредь будем проводить всегда. Теперь этот Ирвинг у меня в руках, Гарри!

— Карточка, которую он приносил на вскрытие, все еще у тебя?

— Не знаю, но уверена, что техники сделали копию. Хочешь, чтобы я перепроверила?

— Да, сделай проверку. Увидишь, они не совпадут.

— Ты говоришь очень уверенно.

— Да, я уверен, но ты можешь подтвердить это еще раз.

— А что потом?

— Потом увидимся на похоронах. Мне нужно заехать еще в одно место, а оттуда я сразу поеду в Лос-Анджелес.

— В какое место?

— Хочу проверить один замок. Это тоже часть долгой-предолгой истории. Я расскажу тебе потом.

— Ты не попытаешься помешать похоронам?

Босх задумался. Он вспомнил Сильвию Мур, загадочную и до конца не понятую. Потом ему в голову пришла мысль о том, что полиция будет с почестями хоронить наркобарона.

— Нет. А ты?

— Ни в коем случае.

Босх понимал, что причины у Терезы совсем иные, но ему было все равно. Тереза сейчас на пути к вожаемой должности постоянного директора судебно-медицинской лаборатории. Если теперь Ирвинг вдруг встанет у нее на дороге, то очень скоро будет иметь бледный вид — в точности такой, как у других клиентов Терезы. «Что же, — решил Босх, — большому кораблю большое плавание».

— До встречи, — сказал он.

— Будь осторожен, Гарри.

Босх повесил трубку и закурил новую сигарету. Утреннее солнце поднялось высоко и выжгло утренний туман меж дере-

вьями сквера. На улицах появились первые прохожие, и откуда-то донесся веселый женский смех, но именно в эти минуты Гарри почувствовал себя очень одиноким в большом и равнодушном мире.

Глава 32

Босх доехал до конца Койотовой тропы и остановил машину перед самыми воротами. Отсюда ему было хорошо видно, что подъездная дорожка перед Кастильо-де-лос-Охос по-прежнему пуста, однако толстая цепь на воротах, еще вчера удерживавшая тяжелые решетчатые створки, висит теперь свободно, а на конце болтается разомкнутый замок. Значит, Мур здесь...

Гарри оставил машину на дороге, чтобы блокировать выезд, а сам проскользнул в ворота и, низко пригнувшись, зигзагом пересек бурый газон, ни на секунду не забывая о черных окнах на вершине башни, которые следили за окрестностями, словно бессонные глаза великана. Только прижавшись спиной к стене возле парадного входа, Босх перевел дух. Он вспотел, хотя раннее утро было прохладным.

Дверная ручка не поддавалась. Босх долго прислушивался под дверь, но так ничего и не услышал. Пригнувшись еще ниже, он бесшумно проскользнул под окнами первого этажа, свернул за угол и оказался возле четырехместного гаража. Здесь была еще одна дверь, но и она оказалась запертой.

Оглядевшись, Гарри понял, что знает эту часть двора по фотографиям, которые видел в конверте в квартире Мура. Сразу за бассейном в дом вели еще несколько сдвижных дверей, и одна из них была приоткрыта. Легкий сквозняк играл занавеской, и белое полотнище полоскалось на ветру, будто приглашая его войти.

Переступив порог, Гарри попал в просторную гостиную со старинной вычурной мебелью в пыльных, грязно-серых чехлах. Не увидев ничего, кроме мебели, Гарри повернул налево. Миновав кухню, он проник в гараж. Здесь стояли две

машины — легковая, накрытая, как и мебель, серым полотняным чехлом, и бледно-зеленый фургон-пикап с надписью «Мекситек» на борту. Босх потрогал капот, и ему показалось, что мотор еще не совсем остыл. Через окно машины он увидел лежащий на пассажирском сиденье дробовик с отпиленным прикладом. Открыв незапертую дверцу, достал оружие и переломил стволы, стараясь действовать очень тихо. Оба ствола были заряжены патронами с крупной картечью. Босх привел двустволку в боевое положение, а свой револьвер засунул в кобуру.

Потом он перешел ко второй машине, приподнял спереди чехол и узнал «тандерберд» — должно быть, тот самый, что и на фотографии, где Мур был снят с отцом. Глядя на старинную машину, Гарри размышлял о том, как далеко в прошлом скрыты порой причины, объясняющие жизненный выбор человека. Почему Мур пошел этим, а не другим путем? Ответа на этот вопрос Босх не знал, равно как и того, почему сам стал таким, каким стал.

Вернувшись в гостиную, Гарри остановился и прислушался. Ни единый звук не нарушал тишины. Дом казался пустым, он словно замер, мучительно отсчитывая секунды в безнадежном ожидании того, что кто-то не придет и что-то не настанет. В комнатах, полных призраков самой причудливой формы, взгляд Босха перебегал с одного невнятного предмета на другой. Он рассматривал зачехленное кресло-качалку, когда наверху раздался шум — словно на пол упал сброшенный ботинок.

Гарри пошел на звук. Заметив рядом с входными дверями широкую каменную лестницу, он начал медленно подниматься. Звук наверху не повторился.

Дойдя до второго этажа, Босх крадучись двинулся по застланному ковровой дорожкой коридору, заглядывая в спальни и ваннные комнаты, но все они выглядели заброшенными и пустыми.

Не обнаружив никого, Гарри вернулся к лестнице и продолжил подниматься в башню. Единственная дверь на верхней площадке стояла открытой, но изнутри не доносилось ни звука. Босх припал к полу и беззвучно проскользнул внутрь, держа обрез перед собой.

Мур был здесь. Он стоял спиной ко входу и рассматривал себя в зеркале платяного шкафа. Дверца была слегка приоткрыта, так что Босх не отражался в зеркале.

Несколько секунд Гарри смотрел на Мура, оставаясь незамеченным, потом быстро оглядел небольшую комнатку. Посередине стояла широкая кровать, а на ней лежал открытый чемодан. Рядом с чемоданом расположилась спортивная сумка, туго набитая и закрытая на молнию, как будто упакованная в дорогу.

За все это время Мур ни разу не пошевелился; он все так же пристально вглядывался в свое отражение. У него отросла борода, а глаза благодаря контактными линзам стали карими. Мур был в полинявших голубых джинсах, новеньких ковбойских сапогах, черной майке, черной кожаной куртке и таких же перчатках. Издалека он вполне мог сойти за Эль-Папу.

Потом Гарри заметил отделанную хромом рукоятку автоматического пистолета с деревянными щечками, торчавшую из-за ремня Мура.

— Ты долго собираешься смотреть на меня, Гарри? Может, что-нибудь скажешь?

Не двинув ни головой, ни руками, Мур перенес тяжесть своего тела на левую ногу, и они с Босхом уставились друг на друга в зеркале.

— Ботиночки-то сменил? — спросил Босх. — Небось еще перед тем, как уложил Зорилло, верно?

Только теперь Мур повернулся к нему лицом. Он молчал.

— Держи руки так, чтобы я видел их, — приказал Босх.

— Хочешь верь — хочешь нет, но я знал, что если кто-то и придет за мной, то это ты.

— А ты очень хотел, чтобы кто-нибудь пришел, правда?

— Иногда — да. А иногда — нет.

Босх сделал еще один шаг в комнату и сместился в сторону, чтобы быть прямо напротив Мура.

— Новые контактные линзы, борода... Ты выглядишь совсем как Эль-Папа... издалека. Но как ты убедил его лейтенантов, охранников и телохранителей? Как они позволили тебе занять его место?

— Их убедили деньги. Они бы позволили занять место Зорилло даже тебе. Видишь ли, Гарри, обо всем можно договориться, особенно когда у тебя в руках тесемки от кошелька. А

кошелек был у меня. — Мур слегка кивнул в сторону спортивной сумки на кровати. — А как насчет тебя, Гарри? У меня есть деньги, правда, немного — каких-нибудь сто с небольшим тысяч наличными.

— Я так и думал, что ты сбежал со всей кассой.

— Разумеется. Правда, основные средства хранятся в банке, как и положено. Здесь все, что оказалось под рукой — вы с вашим рейдом застали меня не в самый подходящий момент, — но я сумею достать больше.

— Конечно, ведь ты и подпись Зорилло подделываешь так же ловко, как и его внешность. — Мур промолчал. — Кем он тебе приходился?

— Кто?

— Ты знаешь — кто.

— Единоутробный брат. У нас были разные отцы.

— А замок... Это из-за него ты заварил всю кашу, не так ли? Ведь это тот самый замок, в котором ты жил, прежде чем Сесил Мур выгнал тебя вместе с матерью?

— В чем-то ты прав. Я решил купить его, когда... когда отца не стало. Но у меня ничего не вышло — все здесь потихоньку разваливается и приходит в упадок. В наши дни не так-то просто заботиться о том, что любишь. Эта задача не каждому по плечу.

Босх внимательно разглядывал Мура, пытаясь угадать его мысли. Кэл выглядел усталым от всего, что с ним произошло.

— Что случилось на ранчо? — спросил Гарри.

— Ты имеешь в виду тех троих? В известном смысле можно сказать, что там свершилось правосудие. Грена был настоящей пиявкой, он вот уже несколько лет исправно сосал из Зорилло деньги. Арпис убрал его.

— Кто же убрал Арписа и Дэнса?

— Это сделал я, Гарри.

Мур сказал это, ни секунды не колеблясь, и Босх внутренне похолодел. Как коп, Кэл знал основное правило: никогда не признаваться. Нельзя раскалываться, пока рядом с тобой нет пройдохи-адвоката, который подскажет, как правильно заключить сделку о признании вины*.

* Сделка о признании вины — признание в наименее тяжком из вменяемых обвинением преступлении.

Почувствовав, что у него вспотели ладони, Босх поудобнее перехватил обрез, сделал маленький шаг вперед и прислушался. В доме по-прежнему было тихо.

— Я не вернусь, Гарри, — сказал Мур. — Думаю, ты уже догадался.

Он произнес это ровным и спокойным голосом, как бы между прочим; так говорят о чем-то раз и навсегда решенном.

— Как тебе удалось заманить Зорилло в Лос-Анджелес, в этот вонючий мотель? И как ты добыл его отпечатки для личного дела?

— Ты хочешь, чтобы я все рассказал? А что потом? — Мур бросил быстрый взгляд на растопыренную спортивную сумку.

— Потом — ничего. Потом мы поедем в Лос-Анджелес. Я же не сказал тебе: «Все, что вы сейчас скажете, может быть использовано против вас». Нас здесь двое — только ты и я, и все, что ты скажешь, останется между нами.

— С отпечатками было просто. Я делал для него удостоверения личности — у него их было не то три, не то четыре, — чтобы он мог свободно перемещаться через границу. Однажды он попросил меня сделать ему паспорт и полный комплект документов. Тогда-то я и сказал, что мне нужны его отпечатки пальцев. Я сам и снимал их.

— А мотель?

— Как я говорил, он постоянно пересекал границу. Уходил через тоннель, пока АКН сторожила его на ранчо, и ехал куда ему вздумается. Зорилло нравились матчи «Лейкерс», нравилось сидеть в первом ряду — рядом с одной блондинистой актрисой, которая любит появляться на телевидении. В общем, в один из таких приездов я дал знать, что хочу встретиться с ним. Он пришел.

— И ты убил Зорилло и занял его место... А старик рабочий? Что он сделал?

— Просто зашел на запретную территорию. Зорилло сказал, что поденщик почему-то оказался возле люка, когда он собирался в свою последнюю поездку. Чернорабочим запрещен вход в зал, где стоит машина, но этот, возможно, не умел

читать. Словом, Зорилло счел, что рисковать не стоит. Старик мог проболтаться о тоннеле.

— Но почему его бросили на задворках ресторана? Почему не закопать тело там, где его никогда не найдут?

— Да, зарыть его где-нибудь в пустыне — это был бы идеальный вариант. Но это не я привез его в Лос-Анджелес. Неужели ты не понял? Зорилло хотел держать меня в узде, поэтому приказал доставить тело в город и сбросить около мусорных баков. Этим занимался Арпис. Той же ночью Зорилло позвонил мне и предложил встретиться в «Яйце». Он велел мне припарковаться у задней двери. Я так и сделал — и наткнулся на труп. Зорилло полагал, что я не трону эту штуку и сделаю вид, будто ничего не заметил. Тогда у него появился бы еще один рычаг, чтобы давить на меня. Но я обманул его ожидания и заявил о находке. Дело попало к Портеру, и я условился с ним, что он будет тянуть с опознанием как можно дольше. — Босх молчал, пытаюсь уяснить логику событий, о которых рассказывал Мур. — Что-то мне надоело вот так стоять, — заметил Мур. — Что ты намерен предпринять? Наденешь на меня наручники и потащишь в Лос-Анджелес, чтобы прослыть героем?

— Почему ты не мог позабыть? — спросил Босх.

— О чем?

— О замке. Об отце и о том, что случилось. Ты должен был оставить прошлое в покое.

— У меня украли мою жизнь, Босх! Он выгнал нас пинками — меня и мою мать. Как можно забыть такое? Ты ни хрена не понимаешь, Босх. — Гарри начал понимать, что расспросы слишком затянулись и Мур понемногу становится хозяином положения. — Когда я узнал, что он сдох, во мне что-то перевернулось, — продолжал Мур. — Не знаю, что со мной было... Я решил, что замок должен стать моим во что бы то ни стало, и отправился повидаться с братом. Я совершил ошибку. Началось все с малого, но процесс шел слишком быстро. Очень скоро я уже пахал на него по полной программе: прикрывал курьеров, гонял конкурентов и так далее. Мне нужно было освободиться, а я знал только один путь.

— Это был неверный путь, Кэл.

— Не нуди, Босх. Эта песня мне знакома.

Гарри не сомневался, что Мур рассказал эту историю так, как она ему представлялась. Вместе с тем он понимал, что Мур угодил в объятия самого дьявола. Узнал, кто он такой...

— Почему ты выбрал меня? — спросил он.

— Для чего?

— Почему ты оставил досье именно мне? Если бы ты не сделал этого, мы бы сейчас не стояли тут. Я не стоял бы... Ты был бы чист и свободен.

— Ты был моей страховкой, Босх, неужели не ясно? Мне нужно было что-то на тот случай, если бы не сработал спектакль с самоубийством. Получив досье, ты начал бы плясать от него и непременно забил бы тревогу, хотя я и направлял тебя по ложному следу. Убийство — это штука посерьезнее. Правда, я не рассчитывал, что ты зайдешь так далеко. Ирвинг и иже с ним должны были смять тебя, раздавить в лепешку, потому что им совсем неохота разбираться, в чем тут дело. Им захотелось бы, чтобы все тревожащие вопросы умерли вместе со мной.

— И с Портером.

— Да. Портер был слабак, ты же знаешь. В любом случае ему сейчас лучше, чем было.

— А я? Мне тоже было бы лучше, если бы Арпис попал в меня в отеле?

— Ты подобрался слишком близко, Босх. Тебя следовало остановить. — На это Гарри нечего было сказать, да и расспрашивать Мура ему расхотелось. Мур тоже словно почувствовал, что развязка близка, и пытался тянуть время.

— Послушай, Босх, в этой сумке не только деньги — здесь и номера банковских счетов. Они твои.

— Не интересуюсь. Мы поедem в Лос-Анджелес вместе.

Эти слова развеселили бывшего копа.

— Ты что, серьезно думаешь, будто кому-то в Лос-Анджелесе это нужно? — Босх промолчал. — Может, ты имел в виду полицейское управление? — допытывался Мур. — Да им насрать! Ничего такого они не хотят ни видеть, ни слышать, ни знать, поскольку подобные истории, как правило, скверно отражаются на авторитете полиции в целом и на ре-

путации начальников в частности. А ты, Босх... ты даже не в управлении. Ты служишь в полиции, но не принадлежишь к ней. Понимаешь, о чем я? В этом главная твоя беда. Вот увидишь: стоит тебе приволочь меня на аркане, и ты сам станешь такой же бякой, как я, а то и похуже. А все потому, что ты вечно тянешь за собой вагон дерьма, в котором им приходится копаться.

Пожалуй, Босх, ты последний коп, которому еще не все равно. Ей-богу! Так что бери деньги и уходи. Это тоже выход.

— А твоя жена? И ей тоже все равно?

Что-то дрогнуло в лице Мура, и он на несколько секунд замолчал.

— Сильвия... — проговорил наконец Мур. — Не знаю. Мы стали чужими уже давно, и я не знаю, наплевать ей или нет. Мне и самому теперь наплевать. — Босх все смотрел на него. Он хотел знать правду. — Все в прошлом, — вздохнул Мур. — Так что возьми деньги. Позже я достану тебе еще.

— Я не возьму деньги. Думаю, ты и сам понимаешь.

— Да, наверное, понимаю. Но и ты наверняка понимаешь, что я не отправлюсь с тобой. Какой из этого вывод?

Гарри перенес центр тяжести на левую ногу и прижал к бедру отпиленное ложе ружья. Последовала долгая пауза. Гарри думал о себе, о том, что движет им самим. Почему, почему он не приказал Муру вынуть пистолет из-за ремня и бросить на пол?

Неуловимо быстрым, отработанным движением правая рука Мура скользнула к рукоятке оружия и выдернула его из-за пояса. Ствол пистолета прыгнул вверх и нацелился прямо в грудь Босха, когда Гарри нажал на спусковой крючок. В замкнутом пространстве комнаты выстрел дуплетом прозвучал оглушительно. Весь заряд попал Муру в лицо, все вокруг заволочло сизым пороховым дымом, но и сквозь него Босх видел, как бывшего копа подбросило в воздух. Руки взметнулись вверх, словно большие бессильные крылья, потом опустились, и обмякшее тело рухнуло поперек кровати. В последний момент пистолет Мура тоже выстрелил, но это была уже агония и пуля высадила лишь одно из стекол в кружевном переплете стрельчатого окна. Пистолет с тупым стуком упал на пол.

Понемногу кружившиеся в воздухе клочья тлеющего войлока из разорванных пыжей осели в кровавое месиво, прежде бывшее лицом Мура. В комнате сильно пахло пороховой гарью, а на коже Босх ощущал влажную и липкую морось. Это была кровь — Гарри понял это по запаху.

Он стоял неподвижно почти минуту, а подняв голову и увидев свое отражение в зеркале, быстро отвернулся. Шагнул к кровати, Босх расстегнул молнию на сумке и заглянул внутрь. Там действительно лежали пачки денег, в основном стодолларовыми купюрами. Здесь же оказался бумажник с кредитными карточками и паспорт на имя жителя Пасаде-ны, сорокалетнего Генри Мейза. В паспорт были вложены две фотографии.

Одна из них была моментальным снимком, сделанным «Полароидом»; судя по всему, когда-то это фото хранилось в потертом конверте вместе с другими фрагментами прошлой жизни Мура. Снимок запечатлел двадцатилетних Мура и его жену. Они сидели рядом на диване, возможно, на какой-нибудь вечеринке, но Сильвия не смотрела в камеру. Любящий взгляд, устремленный на мужа, делал ее лицо одухотворенным и прекрасным, и Гарри понял, почему из всех фотографий Кэл выбрал именно эту.

Второй снимок, старый, черно-белый, выцветший в середине и неплохо сохранившийся по краям, вероятно, когда-то был вставлен в рамку. В двух изображенных на нем мальчишках Гарри узнал Калексико Мура и Умберто Зорилло; они шутливо боролись, оба были без рубашек, оба задорно смеялись. На здоровой, гладкой, загорелой коже братьев бросались в глаза татуировки на предплечье — Святых и Грешников.

Босх бросил паспорт и бумажник в сумку, а фотографии спрятал в карман куртки. Подойдя к окну с выбитым стеклом, он посмотрел на Койотову тропу и на низину, за которой началась граница. К Кастильо де лос Охос не спешили ни полицейские машины, ни пограничный патруль, ни даже «скорая помощь». Толстые стены башни поглотили выстрелы, оборвавшие здесь человеческую жизнь.

Солнце стояло уже высоко, и Босх почувствовал, как сквозь треугольную дыру в раме ему на лоб легло ласковое тепло.

Глава 33

Босх успокоился и ощутил, что цел, только достигнув дымных окраин Лос-Анджелеса. Плотный, спертый воздух снова окружил его, но сейчас городской смог казался ему целебным.

Объехав по шоссе деловой центр, Гарри направился к себе по Кауэнга-пасс. В полдень дорога была перегружена, и Босх смотрел по сторонам. На холмах он заметил угольно-черный след бушевавшего здесь под Рождество пожара, но это даже утешило его. Босх знал, что семена полевых цветов и трав полопались от жары, и по весне весь склон буйно зазеленеет и зацветет. Следом поднимется по холмам чаппарель, и совсем скоро страшные ожоги на земле зарубцуются.

На часах было половина второго, и Босх понял, что в миссию Сан-Фернандо, на панихиду по Муру, он уже опоздал. Поэтому он повернул к Долине и поехал через нее к кладбищу. Предание земле тела сержанта Мура, погибшего при исполнении служебных обязанностей, должно было состояться близ Четуорта. Почтить память непременно придут мэр, начальник полиции и, конечно, вездесущая пресса. Босх улыбнулся: «Сегодня мы собрались, чтобы попрощаться и почтить память... выдающегося торговца наркотиками и замечательного организатора производства «черного льда»...».

Босх поспел на кладбище еще до прибытия траурного кортежа, но пресса уже столпилась по обеим сторонам подъездной дороги. Несколько мужчин в черных костюмах, с траурными повязками распорядителей на рукавах указали Босху место парковки, и он свернул. Заглушив мотор, Гарри закурил и попытался завязать галстук, глядя на себя в зеркало заднего вида. Он был небрит, одежда измялась, но это его не смущало.

Могила была вырыта неподалеку от небольшой дубовой рощи. Следуя указаниям одного из распорядителей, Босх зашагал туда напрямик. Ветерок ерошил ему волосы.

В рощице Босх прислонился к одному из деревьев на почтительном расстоянии от зеленого навеса, под которым стояли венки и корзины с цветами. Он докуривал вторую сигарету, когда начали прибывать немногочисленные автомо-

били, обогнавшие процессию. Потом Гарри услышал высоко в небе стрекот моторов — вертолетное подразделение полиции кружило над катафалком. За ними появились и вертолеты прессы — эти не улетели, а начали кружить над кладбищем, словно мухи.

Несколько минут спустя в воротах кладбища появились первые мотоциклисты, и Босх наблюдал, как камеры телевизионщиков на пригорке разворачиваются в сторону их длинной вереницы. Гарри прикинул, что в кортеже шли сотни две мотоциклов. Похоже, злопыхатели не преувеличивали: в Лос-Анджелесе полицейские похороны — самый подходящий день, чтобы ездить на красный свет, превышать скорость и разворачиваться в непопозволенном месте. В лавке никого не осталось.

Следом за мотоциклами в ворота въехали катафалк и черный ритуальный лимузин, а после них — все остальные машины. Стоянка быстро заполнялась, и к свежевырытой могиле со всех сторон стекались люди. Босх увидел, как один из распорядителей с повязкой на рукаве помог выйти из лимузина Сильвии Мур. Судя по всему, она ехала в машине одна. Хотя их разделяло расстояние ярдов в пятьдесят, Гарри заметил, что выглядит Сильвия прелестно. Порывистый ветер трепал подол ее черного платья, и тонкая ткань облегла ее изящную фигуру как перчатка. Из-за ветра Сильвия придерживала на голове черный берет; руки ее были в черных митенках, а глаза скрывали солнечные очки. Несмотря на траур, она накрасила губы, и Босх не сводил с нее взгляда.

Распорядитель провел Сильвию к складным стульчикам, выстроившимся под навесом вдоль аккуратно выкопанной ямы. По дороге туда вдова чуть повернула голову, и Гарри показалось, что она смотрит на него, но из-за черных очков он не знал этого наверняка, а лицо Сильвии не выдавало никаких эмоций.

После того как Сильвия села, несколько человек, в том числе Рикард и другие товарищи Мура по БАНГ, сняли с катафалка серебристо-стальную капсулу закрытого гроба.

— Стало быть, ты вернулся, — раздался за спиной у Босха знакомый голос.

Он обернулся и увидел Терезу Коразон.

— Да, только что.

— Тебе не мешало бы побриться.

— Да. И побриться, и еще кое-что. Как дела, Тереза?

— Как нельзя лучше.

— Рад за тебя. Что было сегодня утром после нашего разговора?

— То, что ты и предполагал. Мы запросили отпечатки Мура из картотеки департамента юстиции и сравнили их с теми, что всучил нам Ирвинг. Ни одного совпадения мы не нашли — это отпечатки двух разных людей. Так что там, в цинковой коробке, лежит вовсе не Калексико Мур.

Босх кивнул. Он уже не нуждался в подтверждении своих догадок, ибо добыл неопровержимые доказательства. Одно из них — человек с раздробленным лицом, который все еще лежал на кровати в башне замка Кастильо де лос Охос.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Я уже сделала.

— Что?

— Побеседовала по душам с Ирвингом. Как раз перед заупокойной мессой. Жаль, что ты не видел его лица.

— Но он не отменил похорон.

— Думаю, он трезво оценивает соотношение вероятностей. Все говорит за то, что Мур, если он не спятил, постарается никогда и никому не попадаться на глаза; вот Ирвинг и надеется отделаться рекомендацией на должность начальника медицинской лаборатории. Он сам завел разговор об этом, так что мне не пришлось даже втолковывать ему, в каком он оказался положении.

— Надеюсь, новая работа придется тебе по душе, — проговорил Босх. — Ты добровольно лезешь в пасть ко льву.

— Все будет о'кей, Гарри. И спасибо тебе за звонок.

— А Ирвинг знает, как ты до этого докопалась? Ты рассказывала ему о моем звонке?

— Нет. По-моему, в этом не было необходимости. Он знает.

Скорее всего Тереза не ошибалась. Ирвинг, несомненно, догадался, что Босх каким-то образом оказался в самом центре событий.

Посмотрев на Сильвию, Гарри увидел, что она держится спокойно и не плачет. Кресла по обеим сторонам от нее остались пустыми — никто не сел рядом.

— Пойду туда, — сказала Тереза. — Я условилась с Диком Эбартом встретиться здесь. Он обещал назначить дату заседания Полномочной комиссии таким образом, чтобы собрать полный кворум. — Босх кивнул. Дику Эбарту, председателю окружной Полномочной комиссии с двадцатипятилетним стажем, вот-вот должно было стукнуть семьдесят. Тереза звала его своим неформальным попечителем на пути к заветной должности. — И все-таки, Гарри, — добавила она, — я хочу, чтобы наши отношения и дальше строились чисто на профессиональной основе. Поверь, я очень ценю то, что ты сегодня для меня сделал, но нам лучше сохранять дистанцию. По крайней мере в ближайшее время...

Гарри кивнул и долго смотрел, как Тереза, то и дело проваливаясь высокими каблуками в мягкий чернозем кладбища, пробирается между могилами. На мгновение ему представилась сцена сладострастного соития Терезы с престарелым главой комиссии, на чьих фото в газетах замечательнее всего выходила его морщинистая черепахая шея. Картина эта вызвала у Босха приступ отвращения, и прежде всего — к самому себе. Он постарался отогнать скверные мысли и смотрел, как Тереза, смешавшись с толпой, пожимает руки знакомым и приветливо улыбается. Она буквально на глазах превращалась в политика, ибо отныне ей и предстояло им быть, и Гарри отчего-то стало ее жаль.

До начала церемонии оставалось несколько минут, а люди все прибывали, и Гарри узнал в толпе сверкающую бритую голову Ирвина Ирвинга. Заместитель начальника полиции был в полной парадной форме, при всех регалиях. Шляпу он держал под мышкой. Ирвинг побеседовал с начальником полиции и одним из помощников мэра, поскольку мэр, как всегда, опаздывал, а потом вдруг заметил Босха и, отделившись от толпы, направился к нему. Голову он при этом держал так, словно любовался вершинами далеких гор. На Гарри Ирвинг не смотрел, пока не оказался под деревом рядом с ним.

— Детектив.

— Шеф.

— Когда вы прибыли?

— Только что.

— Не мешало бы вам побриться.

— Да.

— Ну и что нам теперь делать? Что делать?!. — Ирвинг произнес это с такой тоской и растерянностью, что Гарри не знал, отвечать ему или нет. — Знаете, детектив, когда вчера утром вы не явились ко мне в кабинет, несмотря на приказ, я решил наложить на вас взыскание по статье один восемьдесят один.

— Я так и думал, шеф. Я отстранен?

— Пока нет. Я справедливый человек, Босх, и хотел бы предварительно выслушать вас. Как мне стало известно, сегодня утром вы беседовали по телефону с временно исполняющим обязанности начальника лаборатории судебной медицины. Это верно?

Босх не собирался лгать, уверенный в том, что на этот раз у него на руках все козыри.

— Совершенно верно, шеф. Мне хотелось, чтобы она сравнила кое-какие отпечатки пальцев.

— Что же такого случилось в Мексике? Отчего вам пришла в голову эта неожиданная мысль?

— Ничего особенного — такого, о чем стоило бы рассказывать. Убежден, все это будет в сегодняшних новостях.

— Я отнюдь не имею в виду этот убогий рейд, предпринятый АКН; я говорю о Калексико Муре. Мне нужно знать, Босх, должен ли я сейчас пойти туда и остановить церемонию?

Гарри увидел, как на чисто выбритом черепе Ирвинга набухла и запульсировала синяя жилка. Через несколько секунд она исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Ничем не могу помочь, шеф. Не я занимался расследованием обстоятельств его смерти. Кроме того, мы не одни.

Ирвинг обернулся через плечо и посмотрел на собравшуюся у могилы толпу. Лейтенант Харви Паундс, также в полной парадной форме, быстро шагал к ним. Очевидно, ему не терпелось узнать, сколько дел успел раскрыть Босх и как будет выглядеть в конце года его возлюбленная статистика. Ирвинг махнул Паундсу рукой — точь-в-точь как регулировщик на перекрестке, — и лейтенант резко затормозил, потом повернулся кругом и с той же скоростью пошел в обратном направлении.

— Я пытаюсь выяснить с вами только один вопрос, детектив Босх. Похоже, мы вот-вот похороним с почестями мекси-

канского наркобарона, тогда как продажный полицейский останется на свободе. Вы представляете себе, какой разразится скандал, если... Черт возьми, не могу поверить, что мне приходится говорить это вслух. И кому — вам!..

— Не слишком мне доверяете, да, шеф?

— В подобных вопросах я не доверяю никому.

— Тогда вам нечего беспокоиться.

— Я никогда не беспокоюсь ни о тех, кому могу доверять, ни о тех, кому не могу.

— Я имел в виду, чтобы вы не беспокоились насчет торговца наркотиками. Если вам так легче, считайте, что здесь хоронят коррумпированного полицейского сержанта, который решил скрыться от правосудия в могиле.

Ирвинг рассматривал Гарри в упор. Он даже прищурился, словно пытался, глядя ему в глаза, прочесть все его мысли.

— Вы что, шутите? Как это не беспокоиться? Да вы знаете, каким скандалом это пахнет для всего города и для управления в частности? Да одного того, что...

— Послушайте, Ирвинг, забудьте об этом. Понимаете? Просто забудьте, и все! Я же пытаюсь помочь вам.

Ирвинг снова уставился на Гарри. Сам того не замечая, он несколько раз переступил с ноги на ногу, а вена на его голове снова надулась и запульсировала. Гарри знал, что шеф не сможет спать спокойно до тех пор, пока страшный секрет известен такому типу, как детектив Босх. С Терезой Коразон он мог договориться, потому что теперь они играли по одну сторону площадки, но Босх — дело другое. Ситуация доставляла Гарри огромное удовольствие, хотя повисшее в воздухе молчание его тяготило.

— Я запрашивал АKN по поводу рейда и узнал кое-какие подробности их провала. Мне сказали, что Зорилло — а они уверены, что это был он, — удалось бежать. Сейчас его местонахождение им неизвестно.

Это была довольно неуклюжая попытка заставить Гарри разговариваться. То, что уловка не сработала, не удивило, похоже, даже самого Ирвинга.

— Они никогда этого не узнают.

Ирвинг промолчал, а Босх тоже решил не нарушать тишины. Шеф что-то напряженно обдумывал, и Гарри не стал ме-

шать ему, не без злорадства наблюдая за тем, как массивные желваки на скулах Ирвинга собираются в тугие узлы.

— Мне нужно знать немедленно, существует ли на данный момент эта проблема. Пусть даже потенциально. Иначе через три минуты мне придется выйти перед мэром, перед начальником полиции и перед всеми этими телекамерами и заявить, что похороны отменяются.

— А что предпринимает АКН?

— Что она может предпринимать? Контролируются аэропорты, разосланы ориентировки местным властям, опубликованы фотография и описание примет. В данном случае даже АКН не так много может. Преступник скрылся, во всяком случае, так они говорят. А мне нужно знать, надолго ли сохранится подобное положение вещей.

Босх кивнул:

— Они никогда не найдут этого человека, шеф.

— Убедите меня в этом.

— Не могу.

— Почему?

— Доверие может быть только двусторонним. Недоверие, очевидно, тоже.

Над этим Ирвинг задумался. Гарри почудилось, будто он едва заметно кивнул.

— Человек, которого ищут люди из АКН, — Зорилло, как они думают, — действительно скрылся и не вернется. Это все, что вам следует знать.

Говоря это, Гарри вспомнил труп, лежащий на кровати в башне Кастильо де лос Охос. Лица у него уже не было; еще пара недель — и плоть отпадет от костей, а значит, не будет и отпечатков пальцев. И никаких других способов опознать тело, кроме фальшивого паспорта и бумажника с документами на чужое имя. Татуировка еще какое-то время останется вполне различимой, однако в баррио Святые и Грешники такая картинка на коже не редкость. Да и у сбежавшего Зорилло была такая же.

Как дополнительную меру предосторожности Босх оставил на месте и сумку с деньгами. Он надеялся, что в этом случае тот, кто первым наткнется на труп, не известит полицию, а скроется, прихватив деньги.

Носовым платком Гарри стер свои отпечатки с обреза и бросил оружие в доме. Потом тщательно запер замок, обернул ржавую цепь вокруг прутьев ворот и заклинил дужку замка так, чтобы он выглядел надежно запертым. Все поверхности, которых он мог коснуться, Босх тоже тщательно протер. Из замка он сразу же выехал в Лос-Анджелес.

— Что, АКН уже приготовилась подать всю историю в лучшем свете? — поинтересовался Босх.

— Они работают над этим, — ответил Ирвинг. — Мне, во всяком случае, сказали, что ликвидирована разветвленная преступная организация, промышлявшая производством и контрабандой наркотиков. Кроме того, они вроде бы располагают неопровержимыми доказательствами того, что наркотическое вещество под названием «черный лед» производилось на ранчо, потом по подземным тоннелям попадало на ближайшие частные предприятия, а оттуда переправлялось в США вместе с их основной продукцией. Впрочем, смотря по тому, что называть их основной продукцией... Как бы там ни было, но где-то по дороге, вероятнее всего в Калексико, наркотик выгружался, а продукция следовала дальше, к своим адресатам. Деятельность обоих предприятий приостановлена. Самое печальное, что одним из них оказался подрядчик правительства США — лаборатория по выращиванию фруктовых мушек...

— «Энвиرو брид».

— Да. К завтрашнему дню завершат сравнение транспортных накладных, предъявленных водителями на границе, и учетных реестров калифорнийского Института по борьбе с фруктовой мушкой. Мне сказали, что эти документы либо подчищены, либо подделаны. Иными словами, границу пересекало больше запечатанных коробов, чем их получали в институте.

— Где-то у преступников был свой человек.

— Скорее всего. Инспектор министерства сельского хозяйства на заводе подрядчика либо дурак, либо продался. Я уж не знаю, что хуже.

Ирвинг щелчком сшиб с плеча какую-то невидимую пылинку. Это не мог быть волосок или перхоть, поскольку голову он брил наголо и протирал по утрам одеколоном. Отвернув-

шись от Босха, заместитель начальника полиции смотрел на гроб и на толпу офицеров вокруг него. Не оборачиваясь, он слегка расправил плечи и сказал:

— Не знаю, что и думать, Босх. Верить вам или нет... — Гарри не ответил. Над этим вопросом Ирвингу предстояло ломать голову самому. — Только запомните, детектив Босх, что в случае чего вам придется так же плохо, как и управлению. Даже хуже. Полицейское управление, в конце концов, сумеет отмыться, и все вернется на круги своя. Чего — увы! — нельзя сказать об отдельном человеке, на которого ляжет хотя бы тень такого громкого скандала.

Босх печально улыбнулся. Никогда не оставлять вопросы открытыми — в этом был весь Ирвинг. Его выпад был угрозой, означавшей, что если детектив когда-нибудь попытается использовать свои сведения против управления, то пойдет ко дну вместе с ним. За этим заместитель начальника полиции проследит сам.

— Вы боитесь? — спросил Гарри.

— Боюсь чего, детектив?

— Мало ли... Меня. Себя... Того, что все откроется, или того, что я ошибся. Всякое может случиться. Неужели вы не боитесь всего этого, шеф?

— Я боюсь только людей без мозгов. Тех, кто действует, не продумав наперед каждого своего шага. Впрочем, по-моему, вы не из таких.

Босх покачал головой.

— Ближе к делу, детектив. — Ирвинг явно терял терпение. — Мне нужно вернуться к начальнику, а кроме того, только что прибыл мэр. Чего вы хотите? Из того, что в пределах моих полномочий?

— От вас я ничего не приму, — тихо ответил Босх. — Как раз этого-то вы, похоже, никак не поймете.

Ирвинг повернулся к нему.

— Вы правы, Босх, я действительно не понимаю вас. К чему рисковать всем, чтобы не получить ничего? Это заставляет меня постоянно беспокоиться за вас. Вы играете в команде, но не для команды. Вы играете для себя.

Босх пристально поглядел на шефа. Ему хотелось улыбнуться, но он сдержался. Сам того не сознавая, Ирвинг только что сделал ему комплимент.

— Все, что случилось в Мексике, не имеет к управлению никакого отношения, — пояснил он. — Если я что-то и сделал, то не ради «команды», как вы выразились, а ради кого-то или чего-то другого.

Ирвинг обратил на Босха тяжелый взгляд, и желваки на его скулах вздулись и опали, когда он скрипнул зубами. Под сверкающим куполом бритого черепа блуждала на губах кривая улыбка. Именно в этот момент Босх уловил близкое сходство между лицом Ирвинга и татуировкой на руке Мура — дьявольская маска под нимбом святого. Потом глаза шефа понимающе вспыхнули, и он быстро посмотрел туда, где сидела Сильвия Мур.

— Играете в благородство, детектив? Хотите, чтобы вдова получила пенсию? — Босх промолчал. Он пытался понять, известно ли Ирвингу что-нибудь, или это просто догадка; пытался, но не мог. — Откуда вам известно, что она здесь ни при чем? — спросил Ирвинг.

— Я знаю это.

— Откуда у вас такая уверенность? Вероятность...

— Оттуда же, откуда и у вас, шеф. Из письма.

— И что же?..

По пути в Лос-Анджелес Босх размышлял только о Муре. За четыре часа езды по пустому шоссе Гарри успел обдумать все, что оставалось неясным. Теперь ему казалось, что он способен объяснить почти все.

— Это письмо написал Мур, — начал он. — Можно сказать, что Кэл донес сам на себя. У него был отличный план, и письмо послужило началом. Он написал его сам, больше никому. — Он замолчал, чтобы закурить сигарету. Ирвинг не торопил его, терпеливо ожидая продолжения. — По ряду причин, которые, должно быть, уходят корнями в его далекое детство, Мур считал себя неудачником, но надеялся когда-нибудь все поправить. Он перешел черту, как только ему представилась возможность что-то изменить. И лишь оказавшись по другую сторону баррикад, Мур понял, что обратного пути нет. Но он не мог и оставаться тем, кем стал. Ему хотелось выбраться, спастись. Не важно, какой ценой.

План его заключался в том, чтобы заставить ОВР начать расследование. Он и сделал это, написав письмо. В нем Мур

привел такие подробности, чтобы, с одной стороны, уверить Частина в его серьезности, а с другой — не дать ему раскопать что-то по-настоящему серьезное. Письмо должно было бросить тень на имя Мура, возбудить подозрения. Кэл долго поработал в управлении и хорошо представлял себе, как будут развиваться последующие события. Он знал, как работают ОВР и люди, подобные Частину. Своим письмом Мур создал себе соответствующую репутацию, замутил, так сказать, воду, чтобы, когда «его» труп обнаружат, управление, то есть вы, шеф, не пожелало проводить подробное и тщательное расследование. Мур читал вас как открытую книгу, Ирвинг. Он не сомневался: едва до вас дойдут новости, вы сразу же решительно, энергично броситесь защищать честь управления, расследование как таковое заинтересует вас лишь во вторую очередь. И Мур послал письмо. Он использовал вас, шеф. И меня тоже.

Ирвинг повернулся боком к могиле. Церемония должна была вот-вот начаться.

— Продолжайте, детектив, — сухо поторопил он. — И побыстрее, пожалуйста.

— Не спешите, шеф, здесь далеко не все лежит на поверхности. Помните, вы говорили мне, что Мур снял номер в мотеле на месяц? Это была лишь первая линия его обороны. Если бы за все это время тело так и не нашли, разложение зашло бы так далеко, что ни о каких отпечатках пальцев не было бы и речи. В нашем распоряжении оказались бы только отпечатки, оставленные им. В этом случае Мур чувствовал себя в полной безопасности.

— Но его нашли раньше, — заметил Ирвинг.

— Да. Но, как я говорил, Мур умело построил оборону, и мы наткнулись на ее второй эшелон. На вас... Кэл давно был копом и знал, что вы предпримете. Он не сомневался, что вы пойдете в отдел кадров и воспользуетесь дактилокартой из его личного дела.

— Но это весьма маловероятно, Босх. Не мог же он всерьез строить на этом свои расчеты.

— А на мой взгляд, это был беспроегранный вариант. В рождественскую ночь, увидев вас с папкой, я догадался, что это такое, еще до того, как вы открыли рот. Поэтому меня не удивляет, что Мур безошибочно раскусил вас и подменил дак-

тилокарту. Да он и не рассчитывал, что до этого дойдет, хотя и подготовился.

— А вы, Босх? Вы были третьим эшелоном его обороны?

— Да. По крайней мере мне так кажется. Мур воспользовался мной как страховкой, на самый крайний случай, если номер с самоубийством не пройдет. Он хотел, чтобы кто-то отыскал правдоподобную причину для оправдания «убийства». Его выбор пал на меня, и сначала я действовал точно так, как он предполагал. Мур оставил мне подборку материалов, тем самым подтолкнув меня на тот путь, который был нужен ему. Я почти убедил себя в том, что знаю, почему убили Мура, но все это была липа. Мур добивался одного: чтобы никому не пришлось в голову внимательнее заняться трупом, который он оставил в ванной. Ему нужен был выигрыш во времени.

— Но вы пошли дальше, Босх. На это Мур не рассчитывал.

— Наверное, нет...

И Гарри вспомнил их последнюю встречу в замке. Про себя он до сих пор не решил, предвидел ли Мур его появление. Неужели Кэл нарочно медлил, ожидая, пока Гарри придет и убьет его? Но эту последнюю тайну Калексико Мур унес с собой.

— Для чего? — спросил Ирвинг.

— Что? — не понял Босх.

— Я спрашиваю, для чего ему нужен был выигрыш во времени?

— Полагаю, он планировал вернуться в Мексику, занять место Зорилло, а потом бежать со всеми его деньгами. Вряд ли он намеревался оставаться Эль-Папой всю жизнь. Он просто хотел снова поселиться в замке...

— Что?

— Так, ничего... — Они немного помолчали, а потом Гарри подвел итог: — Уверен, шеф, вы все это уже знали.

— Знал?

— Да. Вы догадались после того, как Частин доложил вам, что Мур сам написал письмо.

— А как об этом узнал детектив Частин?

Ирвинг упорно не хотел открыть Босху ни одной подробности, но Гарри не нуждался в этом. Он обнаружил, что, рассказывая шефу всю историю, начинает лучше понимать, как

стыкуются друг с другом отдельные части. Это было то же самое, что рассматривать на просвет одежду в поисках дырок и прорех.

— Когда пришло письмо, Частин решил, что его написала жена. Тогда он направился к ней домой, чтобы допросить, но она все отрицала. Детектив попросил разрешения взглянуть на пишущую машинку, чтобы убедиться, но Сильвия Мур выставила его за дверь. Прежде чем сделать это, она сказала, что у нее вообще нет пишущей машинки. И вот, когда обнаружили «труп» Мура, Частин начал размышлять. Именно тогда он забрал пишущую машинку из рабочей комнаты Мура в участке. Должно быть, он сравнил шрифт машинки со шрифтом письма и понял, что письмо прислал либо сам Мур, либо кто-то из его ребят из БАНГ. Думаю, как раз на этой неделе Частин допросил их по одному и пришел к заключению, что автор письма — сам Мур. — Ирвинг молчал, ничего не подтверждая и не опровергая, но Босх не нуждался в этом. — Отличный план, не так ли, шеф? Мур разыграл все это, как партию в солитер, только он заранее знал все карты, лежавшие на столе, прежде чем их открыли.

— Кроме одной, — поправил Ирвинг. — Кроме вас, Босх. Он не рассчитывал, что вы станете действовать так настойчиво.

Гарри не ответил. Он снова поглядел на Сильвию. Она не виновата, и теперь ей ничто не грозит.

Потом Босх перехватил направленный в ту же сторону взгляд Ирвинга.

— Она ни при чем, — сухо сказал Гарри. — И вы знаете это. Точно так же, как и я. Попробуйте только устроить ей неприятности, и я сделаю так, что вы об этом пожалеете.

Босх не угрожал, хотя прозвучало это как вызов. Это было всего-навсего деловое предложение — он предлагал заключить сделку. Ирвинг немного подумал и кивнул. Договор был подписан.

— Ты говорил с ним, Босх? — вдруг спросил Ирвинг. Гарри понял: он имеет в виду Мура, но знал, что не может ему ответить. — Что ты вообще там делал?

Не дождавшись ответа, Ирвинг повернулся и, прямой как эсэсовец на параде, вернулся к креслам, где расположи-

лись все самые важные городские шишки и командование управления. Там он опустился на стул, который держал для него адъютант, — стул во втором ряду, прямо за спиной Сильвии Мур. На Босха он больше не смотрел.

Глава 34

На траурной церемонии Босх наблюдал за Сильвией, не покидая своей позиции под молодым дубком. Она сидела, почти не поднимая головы, и не взглянула ни на строй курсантов, который дал залп холостыми патронами, ни на ревящие вертолеты, которые прошли низко над кладбищем, выстроившись так, что между головной и третьей машинами зияло пустое пространство, словно навечно сохраненное за безвременно ушедшим товарищем. И все же Босху показалось, что она посмотрела на него, по крайней мере один раз, хотя наверняка он не знал, продолжая думать о ней как об очень сильной женщине. Сильной и прекрасной.

Когда прощание закончилось и гроб опустили в приготовленную могилу, приглашенные начали быстро расходиться, и только Сильвия осталась. Босх увидел, как она отвергла предложение Ирвинга проводить ее до лимузина, после чего заместитель начальника полиции неспешно отошел, несколько растерянно поглаживая жесткий крахмальный воротничок. Наконец, когда пространство возле могилы обезлюдело, Сильвия встала, бросила последний взгляд на незасыпанную яму и, под грохот захлопывающихся дверей машин, пошла к Босху, сняв по пути очки.

— Ты послушался моего совета, — сказала она.

Гарри растерялся. Смущенно оглядев свою измятую одежду, он поднял на нее глаза и в недоумении подумал: «Какого совета?»

Сильвия, угадав его мысли, улыбнулась.

— Помнишь, я рассказывала тебе про черный лед? О том, каким надо быть осторожным, чтобы не попасть в беду на скользкой дороге? Ты здесь — значит, действовал осторожно и осмотрительно.

— Да, я был очень осторожен.

Глядя в глаза Сильвии, чистые и ясные, Босх подумал, что она кажется еще более сильной, чем в день их последней встречи. Эти глаза — он не сомневался — не забудут добра и не простят обмана.

— Я знаю, они сказали мне не все. Может быть, ты когда-нибудь расскажешь остальное?

Босх кивнул, и она — тоже. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, но эта минута тишины не показалась никому из них ни слишком длинной, ни слишком короткой. Мимолетно Босх подумал о том, что настал подходящий момент, но налетел порыв ветра и разрушил колдовские чары. Сильвия отвела назад пряди волос, выбившиеся из-под ее черного берета.

— Мне бы очень хотелось, — добавила она.

— Когда угодно, — ответил Босх. — Может, и ты ответишь на кое-какие мои вопросы.

— Например?

— Например, о фотографии, которая была в рамке. Ты знала, что это за снимок, но ничего мне не сказала.

Сильвия улыбнулась так, словно Босх придавал огромное значение совершенным пустякам.

— На этой фотографии он снялся с каким-то своим дружкой из баррио. В конверте были и другие их фото.

— Но именно этим снимком он особенно дорожил. Ты не сказала мне...

Сильвия опустила глаза и стала смотреть на траву.

— Просто мне не хотелось больше ни думать, ни говорить об этом.

— Но ты все равно думала, правда?

— Конечно. Так всегда бывает — вещи, о которых не хочется вспоминать, возвращаются снова и снова, как их ни гони.

Они опять помолчали.

— Ты ведь знаешь? — вдруг спросил Босх.

— Что это не мой муж лежит в том гробу? Да, пожалуй, я догадывалась. Я чувствовала, что все, кто общался со мной, чего-то недоговаривают. Я не имею в виду тебя, — уточнила она. — Другие...

Босх кивнул, и они опять замолчали, наслаждаясь этой уютной, дружеской тишиной. Потом Сильвия обернулась и броси-

ла взгляд на водителя. Тот в ожидании замер у дверцы лимузина. Больше никого на кладбище не осталось.

— Есть кое-что, о чем мне хотелось бы когда-нибудь узнать. Сейчас или когда ты сможешь. Скажи, он... Может случиться так, что он вернется?

Босх посмотрел на Сильвию и медленно покачал головой. Он искал в ее глазах отражения хоть каких-нибудь чувств, стараясь угадать, как она встретила это известие. Что он ожидал увидеть? Печаль, страх или молчаливое согласие хранить тайну, что сделало бы их соучастниками? Этого Босх не знал, тем более что Сильвия ничем не выдала своих эмоций. Даже ее руки в черных митенках, сложенные впереди, не дрогнули, не шелохнулись.

— Водитель... — сказала Сильвия, но замолчала, лишь вежливо улыбнувшись. Босх в сотый раз подумал, почему же так слеп был Калексико Мур.

Потом Сильвия шагнула вперед и прикоснулась пальцами к его щеке. Ее пальцы были теплыми, и Гарри уловил исходящий от запястья аромат духов. Не аромат даже, а просто намек на него. Что-то очень легкое и свежее...

— Боюсь, мне пора, — вполголоса проговорила Сильвия.

Гарри кивнул, и она сделала шаг назад.

— Спасибо тебе.

Босх опять кивнул. Он не понимал, за что его благодарят, и мог только тупо кивать.

— Ты позвонишь? Может, мы могли бы... Не знаю, я...

— Я позвоню.

Теперь уже Сильвия кивнула ему и, повернувшись, направилась к черному лимузину. Босх, набравшись храбрости, спросил:

— Ты любишь саксофон? В джазе?

Она остановилась и обернулась. Ее глаза смотрели пронзительно; они даже не просили — требовали прикосновения. Это было так очевидно, что Босх почувствовал сладостную боль в груди. Взгляд Сильвии резал как нож, хотя Босх не исключал, что это было лишь отражение его собственного отчаянного желания.

— Особенно соло, — серьезно ответила Сильвия. — Одинокая и печальная музыка... Да, я люблю саксофон.

— Тогда... Завтра вечером — не слишком рано?

— Завтра — канун Нового года.

— Я знаю. Просто я подумал... может, это не совсем подходящее время. Может, в другой раз было бы... Не знаю.

Сильвия шагнула к Босху, положила руки ему на шею и притянула к себе. Гарри с готовностью наклонил голову, и они долго целовались, стоя на холодном ветру. Глаза Босха были закрыты, и даже когда Сильвия отпустила его, он не отвернулся и не посмотрел, видел ли их кто-нибудь.

— Что такое подходящее время?

Босх пожал плечами.

— Я буду ждать тебя.

Он улыбнулся, и она — тоже.

Наконец Сильвия повернулась в последний раз и пошла к машине. Едва она покинула зеленый ковер лужайки и ее каблук звонко зацокали по асфальту, Гарри снова прислонился к дереву и смотрел, как водитель распахнул перед ней дверцу. Потом он закурил. Длинный черный лимузин выехал за ворота, унося Сильвию, а Гарри остался один на один с мертвыми.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Коннелли Майкл

Черный лед

Роман

Редактор И.И. Подольская

Художественный редактор М.В. Седова

Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова

Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14